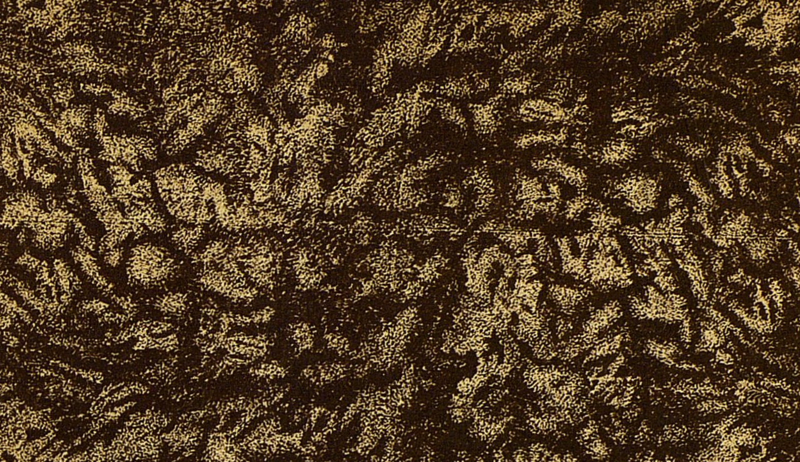
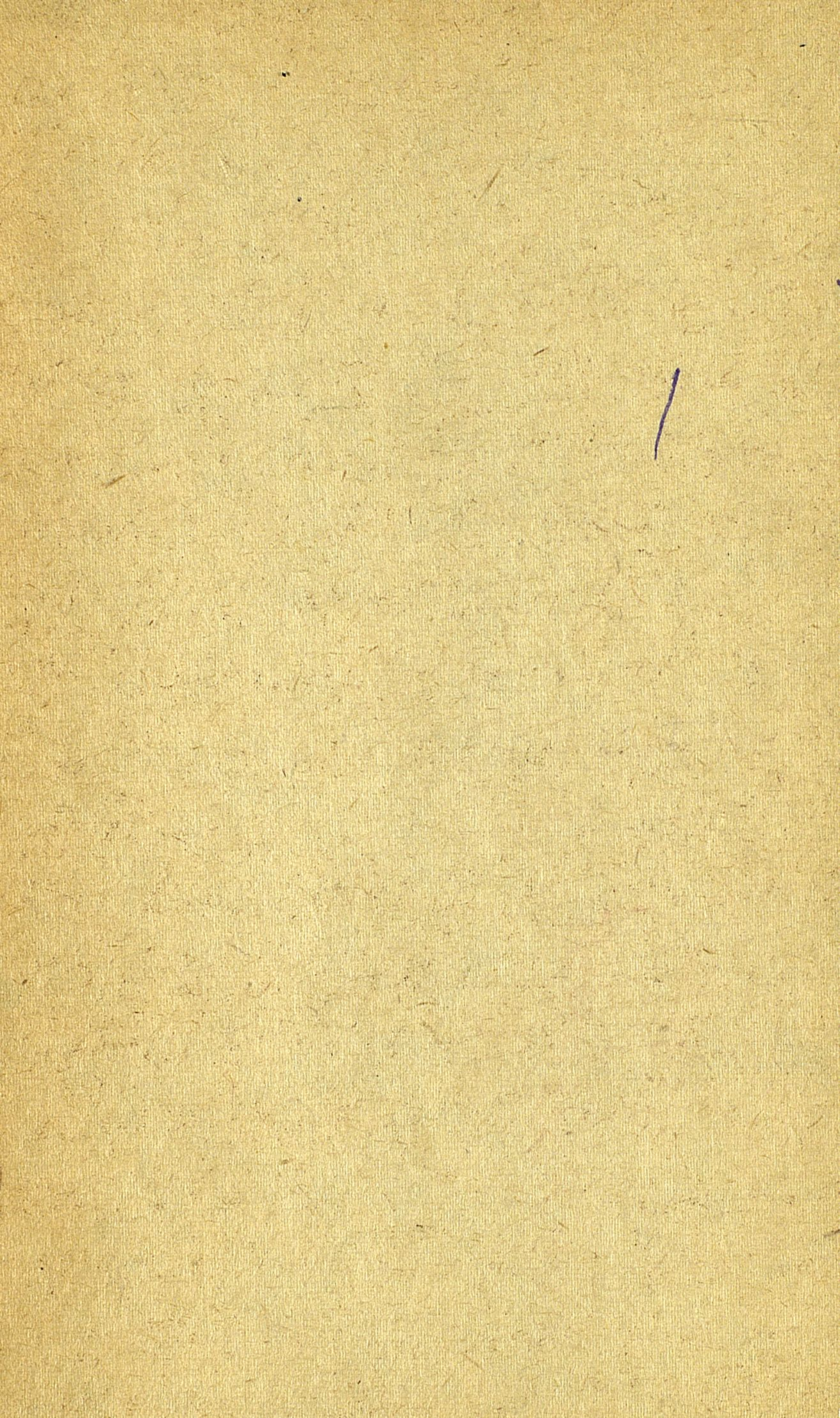




ЭНЕИДА ВЕРГИЛІЯ

ПЕРЕВОДЪ

А. Фета

СО ВВЕДЕНІЕМЪ, ОБЪЯСНЕНІЯМИ И ПРОВѢРКОЮ ТЕКСТА

Д. И. Нагуевскаго,
ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I—VI

2-е ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., М. Морская, 22

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. А. ФЕТА

подъ редакціею Б. В. НИКОЛЬСКАГО,

въ трехъ томахъ, съ 4 портретами и автографомъ А. Фета, съ хронологическимъ и алфавитнымъ указателями, съ предисловіями: „Отъ издателя" и „Отъ редактора" и съ приложеніемъ слѣдующихъ вступительныхъ статей: 1) „А. А. Фетъ", біографическій очеркъ Н. Н. Страхова; 2) „Замѣтки о Фетѣ", Н. Н. Страхова; 3) „Основные элементы лирики Фета", Б. В. Никольскаго.

„Вѣчный, нерукотворный памятникъ воздвигнулъ себѣ Фетъ,—писалъ Н. Н. Страховъ.—По яркости и законченности, онъ явленіе необыкновенное, единственное; мы можемъ гордиться имъ предъ всѣми литературами міра и причислить его къ неумирающимъ образцамъ истинной поэзіи. Его стихи—какъ будто внезапная молнія поэтическаго озаренія дѣйствительности. Какъ чародѣй, который, до чего ни коснется, все обращаетъ въ золото, такъ и нашъ поэтъ преобразуетъ въ чистѣйшую поэзію всевозможныя черты нашей жизни. Каждый стихъ у него съ крыльями, каждый сразу подымаетъ насъ въ область поэзіи. Кто любитъ и понимаетъ Фета, тотъ становится способнымъ чувствовать поэзію, разлитую вокругъ насъ и въ насъ самихъ, т. е. научается видѣть дѣйствительность съ той стороны, съ которой она является красотою, является попыткою воплотить смыслъ и жизнь, осуществить идеалъ. Безцѣнная заслуга поэта, право на величайшую благодарность. Давно знаютъ понимающіе, что онъ въ своемъ родѣ поэтъ единственный, несравненный, дающій намъ самый чистый и настоящій поэтическій восторгъ, истинные брилліанты поэзіи. У понимающихъ дѣло давно сложилась поговорка, что кто восхищается стихами Фета, тотъ дѣйствительно знаетъ толкъ въ поэзіи, а кто не чувствуетъ любви къ этимъ стихамъ, тотъ вообще не знаетъ настоящаго вкуса въ стихахъ, какъ бы онъ ни восторгался другими поэтами. Это вѣрно, какъ нельзя больше, и чѣмъ дальше будетъ идти время, тѣмъ яснѣе будетъ это для всѣхъ, тѣмъ тверже установится мысль, что Фетъ есть истинный пробный камень для способности понимать поэзію".

Трудно что-нибудь прибавить къ этимъ словамъ знаменитаго критика. Издатель можетъ только радоваться, что послѣ продолжительныхъ усилій и благодаря значительнымъ затратамъ имѣетъ возможность предложить русскому обществу **ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ ФЕТА**, **въ которое включено множество неизданныхъ, впервые печатаемыхъ пьесъ, не говоря ужъ о сотнѣ слишкомъ стихотвореній, пропущенныхъ въ прежнихъ изданіяхъ и включенныхъ въ нынѣ выпускаемое. Въ немъ великій лирикъ впервые предстанетъ предъ читателями во весь ростъ своего геніальнаго дарованія.**

Изящное изданіе въ 8 д. л., отпечатанное на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и содержащее въ себѣ: т. I. CXII+496 страницъ, т. II. XVIII+634 стр., т. III.—VIII+486 стр., всего 1754 страницы. СПБ. 1901 г.

Цѣна за 3 тома «Полн. собр. стихотвореній» А. Фета—5 р., съ пересылкою 5 р. 75 к.; въ красивыхъ коленкоровыхъ переплетахъ 6 р. 50 к., съ пересылкою 7 р. 25 к. Цѣна роскошн. изданія на лучшей слоновой бумагѣ—10 руб., съ перес. 11 руб.; въ богатыхъ переплетахъ 13 руб., съ перес.—14 руб.

Имѣются также въ продажѣ слѣдующія сочиненія А. ФЕТА:

Ранніе годы моей жизни. (548+VI стр.). Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкою 3 руб.

Мои воспоминанія. 1848—1889. Части I (VI+452 стр.) и II (402 стр.). Ц. за обѣ части 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Вечерніе огни. Собраніе стихотвореній (224+IV стр.). М. 1883 г. Цѣна 2 руб., съ пересылк. 2 руб. 25 коп.

ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ А. ФЕТА:

Гёте. „Фаустъ". Новое общедоступное изданіе въ 16-ю д. листа, въ 2-хъ частяхъ. Переводъ А. А. Фета. Цѣна за обѣ части (923 страницы) 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 20 к. Цѣна одной первой части—75 коп., съ перес. 1 руб. Вторая часть отдѣльно не продается.

Гёте. „ГЕРМАНЪ И ДОРОТЕЯ". Переводъ въ стихахъ А. А. Фета. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 65 коп.

Артуръ Шопенгауэръ. МІРЪ КАКЪ ВОЛЯ И ПРЕДСТАВЛЕНІЕ. 4-е изданіе, съ портретомъ Шопенгауэра и нѣсколькими рисунками, XXVIII+431 стран. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Артуръ Шопенгауэръ. 1) О четвертомъ корнѣ закона достаточнаго основанія. Философское разсужденіе. Съ литографиров. таблиц. фигуръ. IX+155 стран. 2) О волѣ въ природѣ.—XIX+138 страницъ. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 коп.

Продолженіе см. на слѣдующ. стр. обложки.

ЭНЕИДА ВЕРГИЛІЯ

ПЕРЕВОДЪ

А. Фета

СО ВВЕДЕНІЕМЪ, ОБЪЯСНЕНІЯМИ И ПРОВѢРКОЮ ТЕКСТА

Д. И. Нагуевскаго,
ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. -2

I—VI -XII

2-е ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

Типографія А. Ф. Маркса, СПБ., Измайловскій просп., 29.

Предисловіе.

Приступая къ новому изданію классика въ переводѣ и въ данной типографской формѣ, мы могли бы пройти послѣднюю молчаніемъ, какъ безразличную; но нѣкоторыя обстоятельства вынуждаютъ насъ на объясненія по этому вопросу. Мы одинаково погрѣшили бы противъ истины, заявляя съ одной стороны, что наши переводы имѣютъ рыночный успѣхъ, а съ другой, что они ни въ комъ не возбуждаютъ никакого сочувствія. Правда, сочувственный кругъ пока чрезвычайно тѣсенъ, но зато онъ состоитъ исключительно изъ людей высоко образованныхъ и потому его горячимъ сочувствіемъ мы дорожимъ несравненно болѣе, чѣмъ современнымъ рыночнымъ успѣхомъ.

Мы не разъ имѣли случай выражать нашу искреннюю признательность періодическимъ изданіямъ, благосклонно указавшимъ на посильный трудъ нашъ. Бо́льшаго нельзя ожидать со стороны періодическаго изданія, относиться же критически къ нашимъ трудамъ можно только при добросовѣстномъ изученіи оригинала, прослѣдя самый переводъ изъ строки въ строку, т. е. предпринимая трудъ, почти равносильный нашему и, быть-можетъ, болѣе почтенный, такъ какъ на наши глаза менѣе привлекательный. Подобно тому, какъ у истиннаго, хотя бы и пожилого, охотника сердце радостно и пугливо вздрагиваетъ каждый разъ при взлетѣ птицы,

всегда новомъ и требующемъ особаго пріема при выстрѣлѣ, внушаемаго не правилами, а чутьемъ, приходится и переводчику охотиться за каждымъ возникающимъ словомъ оригинала. Что же сказать у насъ о переводѣ древнихъ классиковъ, гдѣ охотишься въ безлюдной степи, куда нога человѣческая не заходила? Мы нимало не думаемъ защищать достоинства нашихъ переводовъ, но защищать наши убѣжденія считаемъ своимъ полнымъ правомъ. Конечно, не станемъ ратовать противъ совѣтующихъ противопоставлять нашимъ стихотворнымъ переводамъ переводы въ прозѣ. Какъ и что̀ на это возражать? Что такое прозою переведенный поэтъ? Кому можетъ быть нуженъ подобный переводъ? Развѣ школьнику, который не въ состояніи справиться съ оригиналомъ; но, ставши буквальнымъ въ порядкѣ послѣдовательности словъ, такой переводъ станетъ совершенно непонятнымъ. Вотъ почему академическій переводъ Низара въ прозѣ, не взирая на видимое (далеко не всегда точное) знакомство съ дѣломъ, вынужденъ прибѣгать къ перифразамъ, въ которыхъ подчасъ трудно узнать самый оригиналъ. Рядомъ съ упомянутымъ школьникомъ прозаическій переводъ поэта можетъ оказать услугу и самоучкѣ, который, думая развиваться, устыдится своего незнанія, о чемъ идетъ рѣчь у Горація, Овидія или Ювенала. Конечно, при такомъ чтеніи о наслажденіи или эстетическомъ развитіи не можетъ быть и рѣчи, и совѣтъ переводить прозой поэта долженъ быть прямо поставленъ въ одну категорію съ другимъ: обезпечить себя при перевозкѣ мраморной статуи изъ одного музея въ другой, передѣлавъ ее на мѣстѣ отправленія на известку и такимъ образомъ сохранить ее отъ всѣхъ случайностей перевозки.

Надъ каждымъ прозаическимъ буквальнымъ переводомъ можно только написать: «матеріалъ произведенія Горація, Ювенала или Вергилія», но невозможно надписать: «оды, сатиры или Энеида». Весь лирическій, сатирическій или эпическій строй, надъ которымъ недаромъ потрудились поэты, исчезъ безслѣдно, словомъ, если это

и безспорно Цезарь, то мертвый, а не потрясающій землю. До сихъ поръ большинство нашихъ первоклассныхъ поэтовъ глубоко понимало дѣло въ этомъ смыслѣ, какъ это видно изъ переводовъ Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова, причемъ такое стремленіе, помимо ихъ воли, нерѣдко давало читателю Жуковскаго, Пушкина или Лермонтова на чужую тему.

Нашею постоянною задачей было внести въ русскую литературу дѣйствительные переводы того или другого классическаго стихотворенія и приэтомъ, само собою, возникали слѣдующія требованія. Такъ какъ по счастію русскій языкъ владѣетъ гекзаметромъ и пентаметромъ, то обѣ эти формы соотвѣтствующихъ оригиналовъ должны быть безусловно удержаны съ возможнымъ сохраненіемъ каждаго отдѣльнаго стиха на томъ мѣстѣ, на которомъ весь образованный свѣтъ привыкъ видѣть его въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ и вслѣдствіе этого перемѣтилъ всѣ классическіе оригиналы соотвѣтственными каждому стиху цифрами. Нельзя утверждать по переводу, въ которомъ не соблюдены эти условія, что Овидій въ такомъ-то стихѣ говоритъ то, когда въ оригиналѣ онъ говоритъ совсѣмъ другое. Съ величайшимъ удовольствіемъ мы въ послѣднее время замѣчаемъ, что и русскіе филологи спѣшатъ въ свою очередь обогатить классическую критику своими вкладами. Но не странно ли видѣть на русскомъ языкѣ подробный разборъ извѣстнаго классика въ то время, когда русская литература не представляетъ даже перевода этого классика? Было бы неточно сваливать иниціативу нашихъ трудовъ, вызванныхъ личнымъ наслажденіемъ, на литературный патріотизмъ, но мы очень рады, видя, что наши ученые, нуждаясь въ цитатахъ изъ латинскихъ поэтовъ, прямо берутъ наши переводы и приводятъ соотвѣтственное мѣсто. Признаемся, при переводѣ мы постоянно исполнены опасенія, какъ бы внѣшнее совершенство русскаго стиха не отстало отъ его буквальности, хотя въ рѣшительную минуту выбора, не задумавшись, всегда готовы склонить вѣсы на сторону послѣдней.

Но и въ этомъ случаѣ насъ успокоило слѣдующее обстоятельство. Кончая пятую книгу Энеиды, мы вспомнили, что вторая вполнѣ переведена Жуковскимъ подъ именемъ: «Разрушеніе Трои». Признавая наравнѣ со всѣми Жуковскаго за великаго виртуоза благозвучнаго стиха, мы, конечно, тотчасъ же раскрыли его переводъ и къ великому удовольствію нашли, что нашъ съ первыхъ стиховъ почти тождественъ съ его переводомъ, что, впрочемъ, и весьма понятно по случаю близости того и другого къ оригиналу. Но, сличая далѣе по строкамъ оба перевода, мы—увы!—убѣдились, что недаромъ переводъ изданъ безъ нумераціи, такъ какъ съ этой стороны не выдерживаетъ критики. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ два стиха оригинала, какъ напр., стихъ 538, переведены однимъ стихомъ и наоборотъ, одинъ стихъ двумя стихами, какъ напр., ст. 757. Ни Гнѣдичъ въ Иліадѣ, ни тотъ же Жуковскій въ Одиссеѣ, когда имѣлъ цѣлью представить серьезный переводъ, такихъ небрежностей себѣ не позволяли. Поэтому, строго держась вышеприведенныхъ нами правилъ, мы являемся только послѣдователями наилучшихъ образцовъ, а не какими-либо вводителями новизны.

Что касается до самой формы нашего гекзаметра, то, дозволяя себѣ по мѣрѣ надобности замѣнять дактили трохеями, подобно оригиналамъ, мы думали избѣжать этимъ утомительнаго однообразія стиховъ и если, какъ замѣтилъ г. Помяловскій, дозволили себѣ нововведеніе употребленія длинныхъ словъ, вызывающихъ на извѣстномъ мѣстѣ два ударенія, то въ этомъ случаѣ приносимъ только нашу искреннюю признательность знатоку, отъ котораго наше нововведеніе не ускользнуло, и увѣрены, что оно удержится въ нашемъ стихосложеніи, ибо никто, получившій къ тяжелому одиночному возу неожиданно хорошую пристяжную, добровольно отъ нея не откажется. Прислушайтесь къ живой рѣчи. Подчиненный, убѣждающій своего генерала, невольно ударяетъ на Превосходительство, а эскадронъ, отвѣчая на привѣтствія, кричитъ: —ство.

Сказавши главнѣйшее въ защиту основныхъ правилъ нашихъ при переводѣ, обратимся къ самой внѣшней формѣ, въ которой труды наши появляются. Мы не думаемъ возражать многоуважаемому бывшему сотруднику нашему при изданіи Овидіевыхъ Превращеній гр. Ал. В. Олсуфьеву по поводу его идеала изданія классическаго перевода. Согласно такому идеалу переводъ съ самаго совершеннаго въ критическомъ отношеніи текста долженъ быть снабженъ съ одной стороны текстомъ оригинала, а съ другой объясненіями, не отставшими отъ принятыхъ переводчикомъ исправленій текста. Конечно, такую форму изданія можно по справедливости назвать идеальною, но едва ли справедливо требовать такой формы отъ человѣка, который, по разсчету почтеннаго критика «Новаго Времени», долженъ былъ съ величайшимъ напряженіемъ посвятить все свое время однимъ переводамъ тамъ, гдѣ, съ нашей точки зрѣнія, до данной минуты ничего не существовало.

Объяснимъ дѣло по отношенію къ примѣчаніямъ. Предположимъ, что переводчикъ по собственному выбору исправлялъ лежащій передъ нимъ данный текстъ и велъ свой переводъ согласно этимъ исправленіямъ, а такъ какъ подобныя поправки составляютъ не секретъ, а общее достояніе филологіи, то ученый критикъ тотчасъ же узнаетъ авторитетъ, на которомъ основана данная поправка, какъ это доказалъ гр. Ал. В. Олсуфьевъ при разборѣ нашего Ювенала. Такимъ образомъ переводчикъ самымъ своимъ текстомъ избавляется въ глазахъ знатока отъ обязанности приложенія объясненій. Но что же будутъ дѣлать съ подобнымъ переводомъ обыкновенные читатели, которымъ нужны не филологическія тонкости, а самые простые пароли и лозунги, для пропуска въ укрѣпленный лагерь незнакомаго поэта? И вотъ переводчикъ, желающій услужить и этимъ читателямъ, за неимѣніемъ времени беретъ первыя, попавшіяся подъ руку, примѣчанія и подставляетъ ихъ подъ свой текстъ. Ясно, что отъ знатока и въ этомъ случаѣ не скроются противорѣчія, возникающія изъ сопоставленія устарѣлыхъ примѣ-

чаній съ переводомъ, слѣдовавшимъ мѣстами за новѣйшими чтеніями. Что же можетъ въ оправданіе свое сказать переводчикъ, кромѣ пословицы: «даровому коню въ зубы не смотрятъ?» Писать примѣчанія въ разгаръ самаго перевода такъ же невозможно, какъ возить на рынокъ сѣно во время спѣшнаго сѣнокоса, а разыскивать по окончаніи перевода снова всѣ мѣста уклоненій отъ даннаго текста, значитъ предпринимать отдѣльный значительный трудъ, требующій немалаго времени. «Да куда вы торопитесь?» сколько разъ приходилось намъ слышать.—«Воспользоваться минутами до окончательной невозможности продолжать свой трудъ»—было постояннымъ отвѣтомъ нашимъ. Нынѣшнее лѣто заставило насъ убѣдиться въ основательности такого отвѣта. Представивъ посильные переводы замѣчательнѣйшихъ римскихъ поэтовъ, мы не могли безъ сожалѣнія оглядываться на пробѣлъ, оставляемый въ нашихъ трудахъ отсутствіемъ Энеиды. И вотъ тотчасъ же за изданіемъ Овидія мы, съ обычнымъ рвеніемъ, принялись за переводъ Энеиды, начало котораго было одобрительно встрѣчено знатоками. Такъ шло дѣло почти до конца пятой книги. Но затѣмъ усиливающіеся хроническіе недуги и мучительное ослабленіе зрѣнія привели насъ къ убѣжденію, что работа наша или затянется на неопредѣленное время, или остановится на половинѣ пути, но ни въ какомъ случаѣ не поспѣетъ къ зимѣ, т. е. времени, посвящаемому нами на изданіе переводовъ. Самое изданіе при спѣшности въ данномъ случаѣ и при нашихъ условіяхъ печатанія требуетъ для одинокаго издателя большого напряженія силъ, при которомъ тѣмъ не менѣе являются печальные промахи.

Въ такую, можно сказать, плачевную минуту безсилія, говоря выраженіями древнихъ,—музы нежданно послали намъ незамѣнимаго помощника въ лицѣ Вл. Серг. Соловьева, превосходно владѣющаго русскимъ стихомъ, при тонкомъ эстетическомъ чутьѣ и основательномъ знаніи латинскаго языка. Шестую книгу мы переводили съ нимъ общими силами, а затѣмъ, въ видахъ выигрыша

времени, раздѣлили трудъ, и седьмая, девятая и десятая книги вполнѣ переведены имъ. Подобно текстамъ другихъ латинскихъ поэтовъ, Энеида испещрена разночтеніями, сличеніе и критика которыхъ можетъ быть интересною задачею филологіи. Но и въ этомъ случаѣ мы умываемъ руки, заявляя, что переводъ, какъ въ томъ убѣдятся знатоки, веденъ по самому благонадежному тексту Th. Ladewig'a, изданнаго подъ редакціей Carl Shaper'a.

Остается сказать нѣсколько словъ о другой сторонѣ изданія, т. е. о печатаніи исправленнаго текста рядомъ съ переводомъ, какъ это, по настоянію гр. Ал. В. Олсуфьева, было сдѣлано въ изданіи «Превращеній». Опытъ доказалъ, что такая роскошь въ нашей литературѣ, нуждающейся въ самомъ переводѣ, нимало не способствуетъ распространенію послѣдняго между читателями, а скорѣе убыточно и для издателей, и для читателя, и потому мы отъ нея, хотя бы и съ сокрушеннымъ сердцемъ, положительно отказываемся. Равнымъ образомъ, принимая на себя полную отвѣтственность за переводъ текста, отказываемся отъ таковой по отношенію къ безукоризненности примѣчаній, говоримъ мы это о всѣхъ примѣчаніяхъ къ нашимъ переводамъ вообще, но въ данномъ случаѣ всякая оговорка излишня, такъ какъ, по особенно любезному участію къ нашему труду, примѣчанія и самое введеніе къ Энеидѣ написаны рукою спеціалиста, профессора Д. И. Нагуевскаго. Конечно, говорить съ твердой увѣренностью даже о недалекомъ будущемъ нельзя, но едва ли переводъ Энеиды не будетъ послѣднимъ нашимъ трудомъ на этомъ поприщѣ. И что же? Да быть можетъ явятся новые переводчики. Въ добрый часъ! Пора! Давно пора! Чтобы уяснить положеніе дѣла до нашего перевода Энеиды и послѣ него, укажемъ на слѣдующее. Приступая къ переводу, мы запаслись двумя стихотворными переводами нашихъ предшественниковъ и каждый разъ, когда нападали на мѣсто, требовавшее особой уловки или пріема при передачѣ на русскій языкъ, справлялись у нихъ, ожидая тамъ найти этотъ пріемъ готовымъ. Дѣйстви-

тельно было бы странно, томительно отыскивать вещь, давно уже найденную;—но—увы!—каждый разъ мы находили въ обоихъ переводахъ полное отсутствіе интересовавшаго насъ вопроса. Что же касается до будущаго за нами переводчика, то для него справка съ нашимъ переводомъ будетъ даже предъ лицомъ критики обязательною. Ибо онъ не будетъ имѣть никакого оправданія перевести слабѣе и дальше тамъ, гдѣ то же самое, быть-можетъ, переведено сильнѣе и ближе.

Переводчикъ.

Предисловіе.

Слѣдуя лестному предложенію А. А. Фета—принять участіе въ изданіи Энеиды въ русскомъ стихотворномъ переводѣ—я взялъ на себя провѣрку послѣдняго и составленіе введенія съ соотвѣтственными переводу примѣчаніями. При рѣшеніи первой задачи, я, кромѣ чисто научной ея стороны, имѣлъ преимущественно въ виду близость русскаго текста къ оригиналу, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда послѣдній, представляя своеобразные и неподдающіеся рамкѣ русскаго стиха обороты и выраженія, этимъ самымъ могъ вліять на переводъ въ ущербъ его гладкости.—Для перевода избралъ *текстъ* послѣдняго (9-го) изданія *Ладевига* (Берлинъ, 1881), съ немногими отступленіями, заимствованными изъ 3-го изданія *Вагнера* и критическаго изданія *Риббека* (Лейпцигъ, 1859 г. и сл.).—При обработкѣ *примѣчаній*, комментаторъ имѣлъ въ виду не только реальную ихъ сторону, но и разъясненіе смысла, и связи мыслей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, не взирая на точный и ясный переводъ, читатель не спеціалистъ не пойметъ ничего безъ объясненія.—При составленіи примѣчаній и *введенія* о жизни и произведеніяхъ Вергилія я пользовался указанными ниже (стр. 27) изданіями, а также нѣкоторыми, болѣе извѣстными, спеціальными монографіями: *Сентъ-Бэва* Étude sur Virgile (Paris, 1857), *Эйхгоффа*, Études grecques sur Virgile (Paris, 1825), *Патена*,

Études sur la poësie latine (Paris, 1876), далѣе изслѣдованіями *Квичалы* (Прага, 1881) и послѣдними, по времени, разысканіями *Буассье*, Nouvelles promenades archéologiques (Paris, 1886), значительная часть которыхъ (стр. 125—311) посвящена Вергилію и его поэмѣ. При обработкѣ перваго тома я пользовался, съ значительными измѣненіями и дополненіями, *своимъ* комментаріемъ и введеніемъ къ Энеидѣ, ч. I, кн. I—III, изд. 2, Казань, 1886 г.; ч. II, кн. IV—VI, Лейпцигъ, 1885 г.

Профессоръ Д. И. Нагуевскій.

16 сентября,
1887 г.
г. Казань.

Введеніе.

Публій Вергилій Маронъ (P. Vergilius [1]) Maro) родился въ деревнѣ Андѣ (теперь Pietola), близъ Мантуи, 15 октября 70 г. до Р. Хр., въ консульство Помпея и Красса. Онъ нѣсколькими годами былъ старше Августа, Горація и Овидія. Цицерону шелъ тогда 36 годъ, Лукрецію 25, Катуллу 16. Отецъ Вергилія, довольно зажиточный поселянинъ, далъ первоначальное образованіе сыну въ сосѣднемъ городѣ Кремонѣ. По достиженіи совершеннолѣтія, Вергилій, на 16 году жизни, отправился въ Миланъ, въ то время славившійся образованностію во всей сѣверной Италіи. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Неаполь, чтобы слушать тамъ греческаго грамматика и поэта Парѳенія, а въ 47 г. до Р. Хр. переселился въ Римъ, гдѣ занимался изученіемъ философіи, подъ руководствомъ эпикурейца Сирона, друга Цицерона. Но тѣмъ не менѣе, онъ не сдѣлался поборникомъ его секты; идеи, высказываемыя Вергиліемъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій, сближаютъ его отчасти съ ученіемъ Платона, отчасти съ теоріями стоической философіи. Къ этому времени, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, относятся и мелкія стихотворенія Вергилія, напр. *Комаръ* (Culex), *Жаворонокъ* (Ciris), *Трактирщица* (Copa) и другія, принадлежность которыхъ, впрочемъ, знаменитому современнику Августа является весьма сомнительною.

---

[1]) Это древнѣйшая, теперь общепринятая, латинская форма вм. Virgilius, встрѣчающаяся только съ V вѣка по Р. Хр. Въ русскомъ языкѣ форма Вергилій сдѣлалась общеупотребительною

Слабое здоровье не дозволило Вергилію посвятить себя общественной дѣятельности. На 25 году жизни (45 г. до Р. Хр.) онъ возвратился въ родной Андъ и съ особымъ усердіемъ сталъ заниматься изученіемъ греческихъ поэтовъ, особенно Ѳеокрита (ок. 260 г. до Р. Хр.), котораго обыкновенно называютъ отцомъ буколической поэзіи. Къ этому времени относятся нѣкоторыя *несомнѣнныя* произведенія Вергилія, запечатлѣнныя талантомъ, вполнѣ достойнымъ передового пѣвца въ хорѣ поэтовъ золотого вѣка римской литературы.

Транспаданскою Галліею управлялъ въ то время по порученію Антонія Азиній Полліонъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, отличный знатокъ греческой и римской литературы. Полюбивъ Вергилія, онъ побудилъ его къ сочиненію буколическихъ стихотвореній по образцу Ѳеокрита. Но молодому поэту пришлось испытать вскорѣ много тревогъ; его мирныя занятія были прерваны гражданскими междоусобіями, послѣдовавшими за убіеніемъ Юлія Цезаря. При распредѣленіи обѣщанныхъ ветеранамъ Цезаря поземельныхъ участковъ, имѣніе Вергилія, вмѣстѣ съ другими, лежавшими въ области Кремоны и Мантуи, было конфисковано (41 г.). Лишившись средствъ къ жизни, Вергилій, по совѣту Азинія Полліона, отправился въ томъ же году въ Римъ просить Октавіана о возвращеніи ему земли. Просьба была уважена. Возвратившись на родину, обрадованный поэтъ воспѣлъ юнаго цезаря въ той буколикѣ, которая помѣщается первою въ собраніи его произведеній. Радость Вергилія оказалась, однако, преждевременною. Въ 41 году между Антоніемъ и Октавіаномъ возгорѣлась новая война; Азиній Полліонъ, державшій сторону Антонія, былъ смѣненъ, и округъ Мантуи снова былъ преданъ въ руки ветерановъ. Несмотря на всѣ протесты, Вергилій былъ силою изгнанъ изъ имѣнія и едва не погибъ отъ руки центуріона Аррія. Оставивши Андъ, поэтъ во второй разъ убѣжалъ въ Римъ, гдѣ скрывался на мызѣ своего учителя Сирона и писалъ 9 буколику (40 г.), въ которой старался расположить Октавіана къ возвращенію насильственно отнятой земли. И дѣйствительно, при содѣйствіи Мецената, друга Октавіана и покровителя поэтовъ и всѣхъ ученыхъ мужей, Вергилій въ томъ же году получилъ обратно свое имѣніе.

Мирно потекла съ тѣхъ поръ жизнь Вергилія. Поэтъ попере-

мѣнно жилъ въ Андѣ, Тарентѣ, въ Римѣ и Неаполѣ, всецѣло предавшись своей музѣ. Въ 37 г. до Р. Хр. онъ написалъ послѣднюю 10 буколику. Въ то же время, какъ своею любезностью въ обращеніи, такъ особенно своими стихотвореніями, Вергилій пріобрѣлъ не только вѣрныхъ друзей, но и сильныхъ покровителей. Къ послѣднимъ принадлежали: Октавіанъ, Меценатъ, Азиній Полліонъ, къ первымъ: Альфенъ, Варъ (смѣнившіе Азинія Полліона въ Галліи) и поэты: Л. Варій, Плоцій Тукка, Корнелій Галлъ, Проперцій, Тибуллъ, Горацій и др.

Къ этому времени относится новый трудъ Вергилія — «*Поэма о земледѣліи* или *Георгики*» (Georgica), за который, по свидѣтельству древнихъ біографій, поэтъ принялся по просьбѣ Мецената. На обработку этого произведенія, доставившаго громкую славу Вергилію, онъ употребилъ семь лѣтъ (37—30 г.), живя почти безвыѣздно въ Неаполѣ, куда образованные люди стекались во множествѣ, чтобы посвятить себя наукамъ и наслаждаться природою.

Вслѣдъ за окончаніемъ Георгикъ, Вергилій приступилъ къ сочиненію «*Энеиды*» (Aeneis), эпической поэмы изъ 12 книгъ. Онъ употребилъ на этотъ трудъ 10 лѣтъ (29—19 г.), которыя провелъ частью въ Кампаніи, частью въ Сициліи, не кончивъ впрочемъ своего дѣла. Составивъ общій планъ эпопеи, онъ не придерживался его въ хронологическомъ порядкѣ. Восьмая книга была написана послѣ первой, вторая послѣ третьей и четвертой, седьмая—принадлежитъ къ числу послѣднихъ твореній поэта. Въ 19 г. до Р. Хр. поэтъ отправился въ Грецію и Азію, съ тѣмъ чтобы тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ запастись научнымъ матеріаломъ и посѣтить мѣстности, знакомство съ которыми требовалось для окончательной отдѣлки Энеиды. Но возвращавшійся съ Востока Октавіанъ, называвшійся тогда уже Августомъ, встрѣтившись съ Вергиліемъ въ Аѳинахъ, уговорилъ его вернуться въ Италію. Въ разслабленномъ состояніи сѣлъ онъ на корабль; болѣзнь во время переѣзда усиливалась все болѣе и болѣе, и поэтъ, едва успѣвши пристать къ роднымъ берегамъ, мирно скончался въ Брундузіи, 22 сентября 19 г. до Р. Хр., на 51 г. отъ роду.

Тѣло Вергилія, по собственному его желанію, было перевезено въ Неаполь и погребено на 2-ой милѣ отъ города, по Путеоланской дорогѣ (via Puteolana). Еще теперь, при входѣ въ извѣстную

пещеру «Posiliро», показываютъ могилу Вергилія (Tomba di Vergilio), хотя всѣ почти ученые согласны въ томъ, что это не настоящая усыпальница поэта, а только «columbarium» (склепъ съ нишами для урнъ), въ которомъ обыкновенно погребались рабы и отпущенники богатыхъ Римлянъ. На могилѣ Вергилія начертали принадлежащее, по увѣренію біографовъ, ему самому двустишіе:

Mantua me genuit, Calabri rapuere, tenet nunc
Parthenope: cecini pascua, rura, duces. [1]).

Въ своемъ завѣщаніи Вергилій приказалъ сжечь Энеиду, какъ трудъ, не отдѣланный окончательно. Но когда Тукка и Варій напомнили ему, что Августъ этого не дозволитъ, то онъ, говорятъ, передалъ имъ свою поэму съ тѣмъ условіемъ, чтобы ничего не прибавлять и всѣ неполные стихи вычеркнуть: «ne quid adderent, quod a se ditum non esset, et versus etiam imperfectos, si quid erant, relinquerent». Какъ они исполнили это порученіе, съ точностью неизвѣстно; впрочемъ грамматики увѣряютъ, что они не только ничего не прибавили, но даже и многіе неполные стихи (ихъ въ Энеидѣ 58) тщательно сохранили безъ перемѣны.

Древніе писатели единогласно рисуютъ намъ Вергилія человѣкомъ въ высшей степени любезнымъ, добрымъ, незлобивымъ и справедливымъ. Подобно отцу римскаго эпоса Кв. Эннію (239 — 169 до Р. Хр.), Вергилій былъ чуждъ всякаго тщеславія, находя единственное наслажденіе въ занятіяхъ поэзіею. Послѣднее желаніе умирающаго поэта—сжечь свое произведеніе, служитъ явнымъ доказательствомъ его великой скромности. Вергилій былъ далекъ отъ всякой зависти, не унижалъ ни чьей славы и чужому успѣху радовался, какъ бы собственному. Поэтому онъ снискалъ себѣ мно-

---

[1]) «Мантуею порожденъ, Калабрами схваченъ, живу я
Въ Партенопѣ, я пѣлъ пастбища, села, вождей».

Партенопа, древнѣйшее названіе Неаполя. Во 2 ст. намекается на три вида составленныхъ Вергиліемъ произведеній: Буколики, Георгики и Энеиду.—30 ноября 1884 г. Вергилію поставленъ памятникъ вблизи Мантуи, въ мѣстечкѣ Pietola, на такъ называемыхъ холмахъ Вергилія (monticelli di Virgilio).—Во время французскихъ войнъ въ Италіи генералъ Міолли въ 1798 г. одной изъ площадей Мантуи далъ названіе *Forum* Вергилія.

гихъ друзей и пользовался въ кругу ихъ любовью и уваженіемъ. Знаменитый современникъ Вергилія, поэтъ Горацій, отзывается о немъ съ самымъ теплымъ сочувствіемъ, а грамматикъ Донатъ (4 вѣка по Р. Хр.), составившій на основаніи древнихъ источниковъ жизнеописаніе Вергилія (Vita Vergilii), рисуетъ его самыми симпатичными красками. Эти привлекательныя черты Вергиліева характера весьма замѣтно сказываются и въ его произведеніяхъ, надъ которыми вѣетъ дыханіе какой-то особенной мягкости, кротости и добродушія. Сильная любовь къ природѣ, разлитая по всѣмъ произведеніямъ поэта, также отзывается, при чтеніи ихъ, особенною нѣжностью души, располагающею и манящею къ себѣ. Правда, и у Вергилія не было недостатка въ людяхъ, которые старались унизить его добрыя качества и глумились надъ его стихотвореніями. Но эти завистливые порицатели не могли нисколько повредить славѣ Вергилія, котораго народъ признавалъ своимъ величайшимъ поэтомъ. Какимъ всеобщимъ уваженіемъ пользовался Вергилій при жизни, видно изъ свидѣтельства римскаго историка Тацита (ум. ок. 119 г. по Р. Хр.), который передаетъ, что когда народъ услышалъ въ театрѣ нѣсколько стиховъ Вергилія, то вдругъ весь всталъ и воздалъ поэту, случайно присутствовавшему на зрѣлищѣ, ту же честь, какую и Августу.

Въ біографіи Вергилія, принадлежащей Донату, между прочимъ говорится, что Вергилій былъ большого роста, смуглаго цвѣта, лицо имѣлъ мужиковатое, что онъ былъ слабаго здоровья, страдалъ желудкомъ, горломъ, головными болями, былъ подверженъ частымъ кровотеченіямъ, былъ весьма воздержанъ въ пищѣ и въ употребленіи вина. Въ Неаполѣ, вслѣдствіе чрезмѣрной скромности и застѣнчивости поэта, его прозвали «Дѣвой». Онъ не былъ женатъ. Кромѣ наслѣдственнаго имѣнія, Вергилій имѣлъ въ Римѣ домъ, на Эсквилійскомъ холмѣ, возлѣ «садовъ Мецената».

Что касается до внутренняго свойства и достоинства стихотвореній Вергилія, то должно замѣтить, что онъ, какъ и всѣ вообще латинскіе поэты, въ своихъ произведеніяхъ слѣдовалъ греческимъ образцамъ, не только по содержанію ихъ, но и по формѣ; онъ заимствовалъ отъ нихъ большую часть мыслей, и даже цѣлые стихи ихъ переводилъ на латинскій языкъ. Впрочемъ Вергилій не рабски подражалъ Грекамъ, но все заимствованное отъ нихъ приспособ-

лялъ къ римскому характеру и нравамъ. При составленіи рѣчи по греческимъ образцамъ, онъ вѣрно наблюдалъ свойство и духъ латинскаго языка, и простому изяществу Грековъ придавалъ величіе и возвышенность Римлянъ. Такимъ образомъ его стихотворенія еще болѣе, чѣмъ другихъ римскихъ поэтовъ, казались римскими и оригинальными.

Въ буколическихъ стихотвореніяхъ, иначе называемыхъ *«эклогами»* (eclogae) [1], Вергилій слѣдовалъ Ѳеокриту, который первый изобрѣлъ этотъ родъ поэзіи и довелъ до такого совершенства, что считается образцомъ для всѣхъ временъ. Но Вергилій совершенно измѣнилъ характеръ и видъ Ѳеокритовыхъ стихотвореній. Тотъ изображаетъ въ своихъ идилліяхъ дѣйствительную пастушескую жизнь, Вергилій же такъ далеко отступилъ отъ свойства Ѳеокритовой поэзіи, что выводилъ только въ маскѣ пастуховъ лица, которыя прекрасно и краснорѣчиво разсуждаютъ объ общественныхъ дѣлахъ или о частной жизни сочинителя, насколько она ихъ касается. Поэтому онъ много примѣшалъ совершенно чуждаго жизни пастушеской; вслѣдствіе чего его буколическія стихотворенія по характеру приближаются къ эпическимъ. Какъ ни далеки, однако, въ художественномъ отношеніи эклоги Вергилія отъ идиллій Ѳеокрита, въ римской поэзіи онѣ занимаютъ тѣмъ болѣе видное мѣсто, что эта мастерская отдѣлка языка, изящество манеры и гармонія строго выдержаннаго стиха въ первый еще разъ такъ явно выступаютъ въ римской литературѣ, свидѣтельствуя о несомнѣнномъ талантѣ писателя и о наступленіи классическаго періода въ римской поэзіи.

Другой родъ поэтическихъ произведеній Вергилія были *Георгики*, посвященныя Меценату. Онѣ состоятъ изъ четырехъ книгъ, изъ которыхъ въ первой рѣчь идетъ о земледѣліи, во второй о садоводствѣ, въ третьей о скотоводствѣ и въ четвертой о пчеловодствѣ. Несмотря на то, что уже, до появленія произведенія Вергилія, въ римской литературѣ существовало нѣсколько сочиненій, относящихся къ тому же предмету, Вергилій въ своей новой дидактической поэмѣ является несравненно болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ въ Буколикахъ. Изъ греческой и римской литературы онъ

---

[1]) Этимъ греческимъ словомъ назывались у Римлянъ вообще небольшія отдѣльныя поэтическія произведенія, особенно же пастушескаго содержанія.

заимствуетъ только то, что нужно для его цѣли, причемъ эти заимствованія онъ обрабатываетъ самостоятельно, подчиняя ихъ своему творческому таланту. Распредѣленіе матеріала въ поэмѣ отличается большею тщательностью. Дидактическое изложеніе нерѣдко прерывается эпизодами, отличающимися картинностью описаній, придающею свѣжесть и привлекательность прозаическому сюжету произведенія. Кромѣ того, стихотворенія изобилуютъ истинно поэтическими мыслями и необыкновеннымъ изяществомъ и красотою рѣчи. Поэтому неудивительно, что новое произведеніе Вергилія нашло всеобщее одобреніе въ тогдашнемъ обществѣ, особенно когда всѣ патріоты и самъ Августъ были того мнѣнія, что государству, потрясенному гражданскими смутами, главнымъ образомъ должно помочь земледѣліемъ.

Знаменитѣйшимъ произведеніемъ Вергилія была *Энеида*, эпическая поэма, героемъ которой является Троянецъ *Эней*, сынъ Анхиза и Венеры. Лицо это не изобрѣтено Вергиліемъ, подобно тому какъ не изобрѣтены имъ существенные эпизоды и отдѣлы самой эпопеи; оно взято изъ области греко-римской легенды, слѣдуя которой Эней, послѣ паденія Трои, прибылъ въ Италію. Введенная въ Сицилію и южную Италію греческимъ писателемъ VI в. до Р. Хр., Стезихоромъ, она, благодаря стеченію обстоятельствъ, при которыхъ религіозныя вѣрованія, особенно же культъ такъ наз. Энеевой Афродиты (Ἀφροδίτη Αἰνείας) игралъ выдающуюся роль, утвердилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Центромъ ея сталъ городъ сѣверозап. поб. Сициліи—Эгеста, важный пунктъ для торговли съ одной стороны съ Карѳагеномъ, съ другой—съ Лаціумомъ. Съ эпохи Латинской войны, повидимому, наступила ассимиляція культа Эриксовой Венеры (въ Сициліи) съ культомъ нѣкоторыхъ подобозначущихъ божествъ латинскаго побережья. Преданіе подступало ближе и ближе къ колыбели римской жизни. Въ эпоху войны съ Пирромъ, греческій историкъ Тимей придалъ устойчивую форму легендѣ, которая съ тѣхъ поръ вошла въ область безспорныхъ, ненарушимыхъ вѣрованій Римлянъ. Діонизій Галикарнасскій, въ своихъ «Римскихъ Древностяхъ», говоритъ о легендѣ Энея въ духѣ Вергилія. Титъ Ливій излагаетъ болѣе или менѣе историческія или легендарныя данныя о томъ же сюжетѣ. Катонъ, въ своемъ историческомъ сочиненіи «Origines», поселяетъ въ Италіи не только Энея, но и

Анхиза. Поэтъ Нэвій, въ своей метрической хроникѣ, посвященной описанію I пунической войны, упоминалъ о Дидонѣ и сестрѣ ея Аннѣ; Цицеронъ, въ одной изъ рѣчей противъ Верреса, провозглашаетъ Энея родоначальникомъ Римлянъ. Наконецъ сенатъ, въ 282 г. до Р. Хр., признаетъ родственными римскому народу обитателей Иліона. На форумѣ въ Помпеяхъ, въ нишѣ одного памятника, статуя Энея помѣщалась рядомъ съ статуею Ромула; въ надписи подъ изображеніемъ римскаго героя была изложена вся легенда: бѣгство Энея изъ Трои съ пенатами и отцомъ, его прибытіе въ Италію, основаніе Лавиніума, чудесная смерть и апоѳеоза подъ именемъ «Juppiter Indiges». Отсюда видно, что Вергилій избралъ въ лицѣ Энея героя извѣстнаго и принятаго за родоначальника, не только родомъ императора Августа, но и всѣми Римлянами.

По своему содержанію Энеида распадается на *двѣ* части, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ *шести* книгъ. Первая часть изображаетъ странствованія Энея, а вторая—его подвиги въ Италіи. Содержаніе поэмы слѣдующее: Послѣ взятія Трои, Эней, по волѣ боговъ, отправляется съ преданными Троянцами искать убѣжища въ Италію, откуда вышли предки Троянцевъ. Судьба избрала Энея основателемъ царства, которое должно было перейти къ его потомкамъ и покорить себѣ весь міръ. Послѣ семилѣтняго странствованія по морямъ, Энею удается наконецъ высадиться въ Италіи, вблизи устьевъ Тибра, откуда, по преданію, вышелъ одинъ изъ основателей Трои, Дарданъ, и гдѣ, во время прибытія Энея, царствовалъ Латинъ. Предупрежденный оракуломъ, царь *Латинъ* принимаетъ благосклонно Энея и, слѣдуя предсказанію, предлагаетъ ему свою единственную дочь *Лавинію* въ замужество. Но *Турнъ*, царь италійскаго народа Рутуловъ, уже давно добивавшійся руки Лавиніи, выступаетъ соперникомъ Энея. Онъ желаетъ изгнать его силою оружія. Происходятъ сраженія, въ одномъ изъ которыхъ Эней убиваетъ Турна. Вмѣстѣ съ Лавиніею онъ получаетъ и завѣщенное судьбою царство.

Главныя лица поэмы Вергилія, кромѣ Энея, Лавиніи, Турна и Латина, слѣдующія: отецъ Энея *Анхизъ* (кн. II, ст. 299), сопровождавшій въ странствованіяхъ сына и похороненный въ Трапани на о. Сициліи (кн. III, ст. 707—12); сынъ Энея, *Асканій* или *Юлъ*, отъ первой жены Креузы, исчезнувшей во время Трои (II, 736—94);

карѳагенская царица *Дидона*, гостепріимно принявшая Энея, занесеннаго бурею въ Карѳагенъ; ея сестра *Анна*; сицилійскій царь, Троянецъ *Ацестъ*; кормчій Энея *Палинуръ* и оруженосецъ *Ахатъ*; *Амата*, жена царя Латина; Аркадянинъ *Эвандръ*, союзникъ Энея въ Италіи; сынъ Эвандра, *Паллантъ*; куманская *Сивилла*. Боги: *Юпитеръ* и *Меркурій*; *Юнона* и *Венера*, изъ которыхъ первая является непримиримою гонительницею Энея и Троянцевъ, а вторая ихъ защитницею.

Замѣчательнѣйшіе отдѣлы Энеиды слѣдующіе: описаніе бури, постигшей Энея на пути изъ Сициліи въ Италію (I, 34—156); разсказъ Энея о гибели Трои (кн. II); пребываніе Энея на Строфадскихъ островахъ (III, 192—258); свиданіе Энея съ Андромахою и Еленомъ, сыномъ Пріама, получившимъ царство въ Эпирѣ (III, 290—505); эпизодъ о циклопѣ Полиѳемѣ (III, 570—691); любовь Дидоны къ Энею (кн. IV); описаніе игръ, устроенныхъ Энеемъ въ Сициліи, въ память Анхиза (V, 132—602); описаніе пребыванія Энея въ преисподней (VI, 255—901); описаніе щита Энея и прославленіе подвиговъ Августа (VIII, 629—728); описаніе подвиговъ и трогательной дружбы Троянцевъ, Низа и Эвріала (IX, 176—444); пораженіе и смерть Турна (XII, 695—950).

Необыкновенный успѣхъ, которымъ пользовалась Энеида у Римлянъ, обусловливался главнымъ образомъ удачнымъ выборомъ сюжета поэмы. Въ судьбахъ Энея и его спутниковъ Вергилій олицетворилъ не только зачатки римскаго народа, но и начало въ лицѣ Энеева сына Іула, Юліева дома, достигшаго высшей ступени славы и могущества въ особѣ императора Августа. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ герояхъ поэтъ изображаетъ идеалы чисто-римскаго духа, благочестивое отношеніе къ богамъ и беззавѣтную храбрость. Рядомъ съ миѳологическими легендами Вергилій удачно соединилъ и полное развитіе исторіи Рима. Здѣсь нашли себѣ соотвѣтствующее мѣсто важнѣйшіе періоды этой исторіи, ея главные факты, наиболѣе знаменитыя имена и самыя характерныя подробности. Такъ, напр., въ VI книгѣ онъ раскрываетъ предъ нами цѣлую серію царей Альбы и Рима, выводитъ знаменитѣйшихъ дѣятелей республики и первыхъ основателей монархіи, Цезаря и Августа. Въ своемъ разсказѣ онъ не отдѣляетъ Рима отъ Италіи (VIII, 626). Онъ выводитъ цѣлый рядъ древнихъ племенъ, населявшихъ ита-

лійскую землю въ старое время, и описываетъ ихъ одежду, вооруженіе, мѣстныя преданія и знаменитѣйшихъ героевъ (VII, 623 сл. X, 163 сл.). Онъ тщательно записываетъ преданія о древнѣйшихъ предкахъ Италіи, о родоначальникахъ старинныхъ фамилій, для которыхъ твореніе Вергилія является какъ бы завѣтною книгой древнѣйшей генеалогіи. Обнимая собою весь циклъ историческихъ и легендарныхъ преданій Италіи, Энеида является въ то же время какъ бы кодексомъ религіозныхъ вѣрованій, церемоній и установленій Рима. Въ ней представлены разнообразныя фазы римской религіи, съ тѣми разносторонними вліяніями, которымъ она подвергалась, и ея окончательная, установившаяся система въ тотъ моментъ, когда государство, достигнувъ высшей ступени блеска, не осязало еще вполнѣ приступовъ зла и бѣдствій, погубившихъ его впослѣдствіи. Въ то же время Энеида представляетъ картину частной и общественной жизни Римлянъ. Отъ гомерическихъ нравовъ Верг. не рѣдко переходитъ къ обычаямъ и нравамъ своего отечества, отъ дворца Пріама и подражанія образамъ Иліады и Одиссеи къ картинамъ полудикой жизни грубыхъ обитателей Лаціума (IX, 602). Однимъ словомъ, благодаря своему необычайному генію и искусству, онъ создалъ какъ бы новый міръ, относящійся къ эпохѣ героической, къ древней Италіи и къ современному вѣку. Всѣ эти элементы въ общемъ образуютъ одно цѣлое, центромъ котораго сдѣланъ *Римъ*, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ—*Эней*.

Личность главнаго героя Энеиды часто подвергалась нападкамъ; его представляли мало привлекательнымъ, безстрастнымъ, чрезмѣрно поддающимся велѣніямъ боговъ и слишкомъ благочестивымъ для того, чтобы тронуть, возбудить, приковать къ себѣ вниманіе читателя. Другіе оправдывали Энея, указывая, что въ немъ слѣдуетъ видѣть идеалъ мирнаго героя, украшеннаго тѣми добродѣтелями, которыя тогда превозносились въ личности Августа. Если Вергилій, изображая Энея, придалъ ему нѣкоторыя черты, свойственныя Августу, то несомнѣнно онъ поступилъ такъ не изъ лести, но подъ вліяніемъ мимовольнаго удивленія и благодарности къ тому, кто возвратилъ міръ вселенной и кому самъ поэтъ былъ много обязанъ. Если же Эней дѣйствуетъ чаще какъ фламинъ, чѣмъ воинъ, то необходимо имѣть въ виду, что въ лицѣ Энея изображены черты одного изъ древнѣйшихъ боговъ латинскаго племени. Juppiter или

pater Indiges, какъ былъ прозванъ Эней въ римской миѳологіи, является, по преимуществу, божествомъ домашняго очага, жизни серьезной, трезвой, религіозной; это типъ энергичнаго, мужественнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнаго и разсудительнаго Римлянина. Какъ начальникъ культа, личность освященная, на которую возложено свыше спасеніе пенатовъ и основаніе новаго религіознаго центра—онъ является человѣкомъ высоко религіознымъ и глубоко вѣрующимъ: *благочестье* (pietas)—его отличительная черта. Вергилій ничего не измѣнилъ въ изображеніи своего героя; онъ получилъ его цѣликомъ, какъ продуктъ уже установившейся традиціи, и не могъ не называть его постоянно *pater* и *pius*. Онъ не въ состояніи былъ представить его индифферентнымъ къ сновидѣніямъ, къ религіознымъ церемоніямъ, къ мельчайшимъ подробностямъ культа: иначе онъ лишилъ бы его свойственнаго ему національнаго характера. Такимъ образомъ, личность Энея въ сущности явилась тѣмъ, чѣмъ должна была быть на самомъ дѣлѣ.

Зависимость Вергилія отъ Гомера, подражаніе Иліадѣ и Одиссеѣ, сказываются нерѣдко въ Энеидѣ, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ [1]), притомъ въ послѣднихъ шести книгахъ рѣже, чѣмъ въ первыхъ. Но подражаніе это не рабское, не слѣпое. Подобно тому, какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, Вергилій всѣмъ заимствованіямъ изъ Иліады и Одиссеи, включеннымъ въ Энеиду, старался придать національный, римскій колоритъ, приспособляя ихъ къ римскому характеру, нравамъ и понятіямъ. Ассимилируя воспроизводимое, онъ, несмотря на могучее вліяніе своего великаго предшественника, вездѣ отстаивалъ и сохранялъ за своимъ геніемъ свободу поэтическаго полета и изобрѣтательности. Такъ, напримѣръ, заимствуя въ V книгѣ изъ Гомера (Иліада, кн. XXIII и XXIV ст. 257 сл.) описаніе погребальныхъ игръ, поэтъ вставляетъ два совершенно самостоятельныхъ эпизода, которыхъ нѣтъ у его предшественника: гонку судовъ (ст. 104 сл.) и троянскій турниръ (ст. 545 сл.). Другая, наиболѣе характерная особенность Вергилія, это обыкновеніе вводить въ свой разсказъ пророчества о судьбахъ уже совер-

---

[1]) См., наприм., указатель параллельныхъ мѣстъ изъ Энеиды кн. I — VI и Гомера (Иліада и Одиссея) въ моемъ изданіи поэмы ч. I (изд. 2), стр. 127—128; ч. II, стр. 111—113.

шившихся въ его время; этотъ литературный пріемъ, чуждый Гомеру, далъ автору Энеиды возможность исполнить до нѣкоторой степени данное имъ еще въ Георгикахъ (кн. III, ст. 46) Августу обѣщаніе—прославить его имя и подвиги на нескончаемыя лѣта. Такъ въ концѣ VIII книги (ст. 629 сл.) поэтъ описываетъ щитъ Энея, на которомъ были изображены будущіе подвиги Римлянъ и въ особенности Августа, прославленію котораго Вергилій посвящаетъ значительный отрывокъ этой книги (ст. 676—729).

Источникомъ для первой части Энеиды, кромѣ Гомера, служили греческіе трагики и эпики, подробно разработавшіе циклъ сказаній о троянской войнѣ. Въ шести послѣднихъ книгахъ Энеида, по собственнымъ словамъ поэта, достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта.

«Большихъ событій чреда для меня зачинается нынѣ,
Большій подъемлю я трудъ»—

заявляетъ поэтъ (VII, 44). И дѣйствительно, Вергилію несравненно труднѣе было справиться со второю частью поэмы, гдѣ дѣйствіе разсказа переносится на почву Италіи. Здѣсь весь эпическій матеріалъ ограничивался изслѣдованіями археологовъ и небогатыми мѣстными преданіями. Остальное предоставлялось собственному изобрѣтенію и литературному таланту поэта, которому пришлось бороться съ необыкновенными трудностями и который вышелъ изъ нихъ все-таки побѣдителемъ. Въ этомъ отдѣлѣ эпопеи поэтъ является болѣе оригинальнымъ, болѣе свободнымъ отъ вліянія греческихъ образцовъ и источниковъ. Сколь ни удивляемся мы характернымъ особенностямъ шести первыхъ книгъ, въ остальныхъ — находимъ болѣе изобрѣтательности и истиннаго генія. Общая форма сложенія—превосходна. Здѣсь не видно тѣхъ усилій, съ которыми приходилось бороться поэту, чтобы разукрасить сухой матеріалъ фабулы и внести сколько-нибудь живости въ сюжетъ, въ общемъ довольно скучный и однообразный. Въ то время какъ въ первыхъ шести пѣсняхъ разсказъ нерѣдко разбрасывается, а V книга даже могла бы быть пропущена безъ большого ущерба для цѣлостности поэмы—мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго въ послѣдней части произведенія: здѣсь все стройно, послѣдовательно и авторъ идетъ впередъ, не уклоняясь съ своего пути.

Характеры лицъ, выведенныхъ Вергиліемъ, не отличаются выдающимся талантомъ изобрѣтательности. Спутникамъ Энея, этимъ предкамъ великихъ римскихъ родовъ, не достаетъ жизни и силы. Турнъ (VII, 108 сл. XII, 908 сл.), олицетворяющій Рутуловъ, старинныхъ враговъ Латинцевъ, напоминаетъ только въ слабой степени соперника Ахилла въ Иліадѣ, подобно тому какъ Паллантъ (VIII, 101; IX, 140 сл.) является только слабымъ рефлексомъ Патрокла. Зато личности, чисто фантастическія, являющіяся въ эпизодахъ незначительныхъ, сравнительно съ объемомъ творенія, очерчены рельефнѣе и точнѣе, какъ Нисъ и Эвріалъ (V, 294 сл. IX, 176 сл.), Мезенцій и Лавзъ (VIII, 480 сл. X, 689 сл. 790 сл.). Нѣжная душа поэта ярко отражается также въ изображеніи характеровъ женщинъ. Ему удалось новыми, яркими чертами освѣжить въ лицѣ Дидоны страстно влюбленную и ревнивую женщину (кн. IV), этотъ общій типъ, давно олицетворенный въ Медеѣ Эврипида и Аполлонія; онъ придалъ неувядаемую прелесть личности Андромахи (III, 294 сл. 482—491), восполнивъ тѣмъ образъ этой женщины, нарисованный Гомеромъ; онъ, наконецъ, создалъ столь привлекательный и новый характеръ Камиллы (VII, 803 сл. XI, 432 сл.), который, сдѣлавшись какъ бы естественнымъ элементомъ эпической поэмы, вызывалъ неоднократныя подраженія.

Несмотря на то, что преждевременная смерть помѣшала Вергилію придать окончательную отдѣлку Энеидѣ, литературная форма произведенія запечатлѣна высокими достоинствами языка, слога и стихосложенія. Рѣчь Энеиды отличается классическою чистотою и ясностью, стихъ необыкновенною плавностью и благозвучіемъ, постоянно согрѣваемымъ нѣжностью души и теплотою чувства. При бѣдности и, сравнительно, незначительной гибкости языка, онъ обогатилъ его значительнымъ запасомъ новыхъ словъ, выраженій и неизвѣстныхъ до него оборотовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи общеупотребительными, по крайней мѣрѣ, въ средѣ поэтовъ.

Къ недостаткамъ поэмы слѣдуетъ отнести страсть Вергилія къ напускному паѳосу и изысканнымъ риторическимъ оборотамъ и фигурамъ, которыми онъ злоупотребляетъ настолько, что у него нельзя найти десяти стиховъ сряду безъ того, чтобы не встрѣтить образнаго выраженія; притомъ эти фигуры нерѣдко скучены и невсегда естественны. Но искусство, съ которымъ онъ владѣетъ гекзаме-

тромъ, остававшимся шероховатымъ у Лукреція и нерѣдко лишеннымъ гибкости и плавности у Катулла—является его главною заслугою. Трудно представить себѣ, при тѣхъ средствахъ, которыя были въ распоряженіи Вергилія, произведеніе, болѣе исполненное гармоніи, привлекательности и истиннаго таланта.

Указанныя качества сочиненія, независимо отъ величія его содержанія, пріобрѣли Вергилію многихъ почитателей; его имя сдѣлалось синонимомъ поэзіи, а Энеида — образцомъ высоко-художественнаго поэтическаго произведенія, возбуждавшаго живой интересъ въ выдающихся представителяхъ тогдашней эпохи. Намъ извѣстны стихи Проперція (II, 34—65), являющіеся отголоскомъ ожиданій интеллигентнаго класса современниковъ Вергилія:

«Прочь вы, римскіе всѣ писатели, прочь вы и Греки:
Большее нѣчто растетъ и Иліады самой» [1]).

Самъ Августъ, занятый походомъ противъ Кантабровъ, письмами понуждалъ Вергилія ускорить обработку поэмы и доставить ему уже оконченные ея отдѣлы. Преданіе говоритъ, что въ 731 г. отъ основанія Рима онъ слушалъ чтеніе книги II, IV и VI, и къ этому именно времени относится и разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Октавію эпизодомъ о кончинѣ Марцелла (см. IV, 854—885 и примѣч. къ ст. 861 и 883). Уже въ правленіе Августа стихотворенія Вергилія нашли себѣ всеобщее распространеніе и, какъ образецъ высоко-художественной поэзіи, были введены въ школы; тамъ поэтъ пріобрѣлъ вскорѣ такое же значеніе, какое имѣлъ Гомеръ по отношенію къ греческой литературѣ: онъ явился исходнымъ пунктомъ литературнаго образованія. Изъ произведеній великаго эпика риторы стали заимствовать сюжеты для декламаторскихъ упражненій. Система его рѣчи, обогащенная грецизмами, стройная и изящная, сдѣлалась образцомъ для всѣхъ, кто слѣдовалъ и подражалъ ему, особенно для Персія, Валерія Флакка, Силія Италика, Авзонія, Пруденція. Современемъ стихи Вергилія сдѣлались предметомъ житейскаго употребленія: ихъ приводили въ обыкновенномъ

---

1) «Cedite, Romani scriptores, cedite, Graii:
Nescio quid maius nascitur Iliade».

разговорѣ, на предметахъ роскоши и произведеніяхъ искусства; изъ отдѣльныхъ стиховъ, выхваченныхъ изъ разныхъ произведеній поэта, слагались новыя стихотворенія, или такъ называемые «centones». Въ средніе вѣка Вергилій находился въ большомъ почетѣ; его книгу въ сомнительныхъ случаяхъ открывали для гаданій (sortes Vergilianae); самъ поэтъ дѣлается героемъ множества легендъ и въ мечтательномъ настроеніи средневѣкового человѣка является существомъ сверхъ-естественнымъ, волшебникомъ и чародѣемъ. Верха апоѳеозы Вергилій достигъ въ произведеніи знаменитаго итальянскаго поэта Данте (1265—1321), который въ своей поэмѣ «Divina commedia» представилъ его образцомъ человѣческой мудрости и избралъ себѣ руководителемъ въ подземномъ царствѣ.

Изъ дошедшихъ къ намъ *древнихъ комментаріевъ* къ Вергилію первое мѣсто по важности занимаютъ вполнѣ сохранившіеся подробные комментаріи грамматика конца IV вѣка по Р. Хр. *Сервія* (Maurus Servius Honoratus), относящіеся къ Энеидѣ, Буколикамъ и Георгикамъ. Критическое изданіе этихъ комментаріевъ принадлежитъ *Тило* и *Гагену*, 2 тома (Лейпцигъ, 1881—1884).

Изъ сохранившихся многочисленныхъ *списковъ* Вергилія древнѣйшимъ считается *Ватиканскій* (codex Vaticanus), неполный, относящійся къ первымъ тремъ столѣтіямъ нашей эры. Полнѣйшій изъ древнѣйшихъ списковъ Вергилія есть «Медическій» (codex Mediceus), принадлежащій V вѣку по Р. Хр.

Изданій Вергилія—огромное множество. Editio princeps (первое изданіе послѣ изобрѣтенія книгопечатанія) вышло въ Римѣ въ 1469 г.; съ комментаріями Сервія — въ Венеціи въ 1487 г. Изъ позднѣйшихъ изданій наиболѣе замѣчательны: Н. *Гейнзія* (Амстердамъ, 1664 и 1676); *Бурманна* (тамъ же, 1746); *Гейне* (Лейпцигъ 1767—75); 4-ое изд. подъ редакціею *Вагнера* (Лейпцигъ, 1830 сл.), *Форбигера* (Лейпцигъ, 1852); *Дюбнера* (Парижъ, 1858); *Бенуа* (тамъ же, 1872); *Ладевига* и *Риббека* (см. въ предисловіи).

Русскаго изданія произведеній Вергилія нѣтъ до сихъ поръ; нѣтъ даже полнаго изданія Энеиды, такъ какъ жалкая, лишенная всякихъ достоинствъ обработка какого-нибудь Соснецкаго (Москва, 1876) и подобныхъ ему спекуляторовъ—издателей, не заслуживаетъ и упоминанія. Пѣсни I—IV и VI, а также Буколики и Георгики

напечаталъ съ скудными и ошибочными объясненіями *Классовскій* (С.-Петерб., 1875—1880). О *моемъ* изданіи шести первыхъ книгъ Энеиды см. въ концѣ моего предисловія.

Переводы Вергилія появились на всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ; на французскомъ — ихъ болѣе 100. Изъ *русскихъ* переводовъ въ свое время пользовался нѣкоторою извѣстностью переводъ (безъ примѣчаній) Энеиды, размѣромъ подлинника, изданный *Шершеневичемъ* (Варшава, 1868).

ЭНЕИДА

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ ПЕРВОЙ.

На пути въ Италію, между Сициліею и Кареагеномъ, Энея застигаетъ буря. Онъ спасается съ остаткамм кораблей на либійскій берегъ, гдѣ находитъ радушный пріемъ у царицы Дидоны.

Ст. 1—7. Содержаніе всего эпоса. 8—11. Обращеніе къ музамъ. 12—33. Отвѣтъ на обращеніе къ Музѣ. 34—80. Юнона начинаетъ преслѣдовать Энея. Богъ вѣтровъ Эолъ. 81—123. Буря. 124—156. Нептунъ спасаетъ Троянцевъ. 157—179. Флотъ пристаетъ къ берегамъ Африки. 180—222. Охота и обѣдъ спутниковъ Энея. 223—304. Венера уговариваетъ Юпитера побудить Тирійцевъ дружелюбно отнестись къ Троянцамъ. 305—417. Венера является предъ Энеемъ и сообщаетъ ему свѣдѣнія о мѣстности и Кареагенѣ. 418—493. Прибытіе Энея въ Кареагенъ. Движеніе въ городѣ. Храмъ. 494—520. Дидона въ храмѣ. Спутники Энея. 520—578. Дидона оказываетъ радушный пріемъ спутникамъ Энея. 579—612. Появленіе Энея. 613—642. Изумленная и обрадованная Дидона приготовляетъ Энею блистательный пріемъ. 643—696. Эней посылаетъ за Іуломъ. Венера приказываетъ Купидону занять мѣсто Іула, а послѣдняго отправляетъ въ Кипръ. 697—757. Пиръ. Возліянія, молитвы, пѣніе. Разговоръ Дидоны съ Энеемъ.

ЭНЕИДА

П. ВЕРГИЛІЯ МАРОНА

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я, что нѣкогда пѣснь выводилъ на тонкой свирѣли
И, покинувъ лѣса, заставлялъ сосѣднія нивы,
Чтобъ покорялись онѣ земледѣльцу и жадному даже,
Милый сельчанамъ напѣвъ, а нынѣ жестокія Марса *

Битвы и мужа пою, что первый съ прибрежія Трои
Прибылъ къ Лавинскимъ брегамъ въ Италію, рокомъ гонимый.
Много скитаться ему по землѣ и по морю судила
Сила всевышнихъ и гнѣвъ незабывчивый злобной Юноны;
Много и въ браняхъ терпѣлъ, пока, состроивши городъ,
Въ Лацій не внесъ онъ боговъ, откуда и племя Латиновъ
И Албане отцы и стѣны высокаго Рима.

*) Этихъ четырехъ стиховъ нѣтъ ни въ одномъ важнѣйшемъ кодексѣ; принадлежатъ ли они Вергилію, неизвѣстно. По содержанію стихи намекаютъ на первыя произведенія поэта.

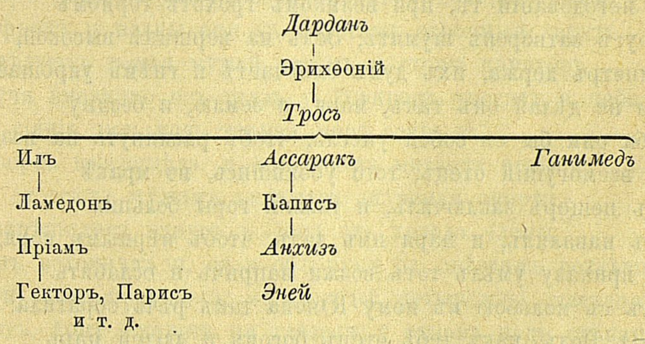
1. Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о морскомъ *прибрежьи*, то слѣдуетъ разумѣть не городъ Трою, который не имѣетъ береговъ, а цѣлую страну.—2. Подъ *лавинскими брегами* разумѣется западный берегъ Италіи, которому поэтъ придалъ его позднѣйшее названіе отъ города Лавинія, основаннаго Энеемъ въ честь жены Лавиніи. Вергилій вообще часто вводитъ въ разсказъ подробности, относящіяся къ позднѣйшему времени. — 4. Объ отношеніяхъ *Юноны* къ Троянцамъ см. введ. § 15. — 5. Энею только послѣ продолжительныхъ препятствій удалось высадиться на берегъ Италіи. — 6. Эней привезъ *боговъ* троянскихъ и собственныхъ пенатовъ.—Римскіе обычаи и явленія позднѣйшаго быта поэтъ нерѣдко соединяетъ съ явленіями героическаго періода и чужестранной жизни. — 7. *Албане отцы* здѣсь вм. Альбы-Лонги, города, основаннаго сыномъ Энея, Асканіемъ.

Муза, причину скажи, какимъ божества оскорбленьемъ
Иль опечалена чѣмъ царица боговъ столько горя
Обрекла претерпѣть благочестьемъ высокаго мужа,
Столько трудовъ воспріять; иль души небесныхъ такъ гнѣвны?
Городъ старинный стоялъ, поселенцами Тирскими занятъ,
Карѳагенъ, вдалекѣ отъ Италіи, противу устьевъ
Тибра, богатый добромъ и твердый въ искусствѣ военномъ.
Былъ, говорятъ, онъ любимъ изъ странъ всѣхъ Юноною болѣ
Даже Самоса: ея тутъ было оружіе, тутъ же
И колесница была; чтобъ былъ онъ владыкой народовъ,
Если дозволятъ судьбы, ужъ тогда домогалась богиня.
Ибо слыхала она, потомство изъ крови Троянской
Произойдетъ, что когда-то низвергнетъ Тирскіе замки,
И оттуда народъ многовластный, войною надменный,
Либію уничтожить придетъ: такъ Парки рѣшили.
Въ страхѣ предъ тѣмъ и войну Сатурнія прежнюю помня,
Что изо всѣхъ повела передъ Троей за милыхъ Аргивцевъ,—
Ибо гнѣва еще причины и злобныя муки
Не истощились въ душѣ; и глубоко въ умѣ затаился

8. Обращеніе къ музѣ, весьма обыкновенное у поэтовъ эпическихъ. — 9. *Царица боговъ*, т. е. Юнона, сестра и жена Юпитера (ст. 47). Желаніе ея состояло въ томъ, чтобы Карѳагенъ всегда оставался могущественнымъ государствомъ. Этой волѣ воспротивилась судьба (fatum), которая избрала Энея основателемъ римскаго государства, враждебнаго Карѳагену. Отсюда злоба Юноны къ Энею, усиленная еще личнымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ соотечественникомъ Энея, Парисомъ, красотѣ богини (ст. 27). — 10. *Благочестіе* отличительная черта характера Энея. — 16. На о. *Самосѣ* былъ древній храмъ *Юноны*. — 21. *Оттуда*, т. е. изъ крови троянцевъ. — 22. *Либія*, собственно сѣв. берегъ Африки, здѣсь область Карѳагена.—*Парки* (Clotho, Lachesis, Atropos), три богини судьбы, изъ которыхъ двѣ первыя пряли жизнь человѣка, а третья прекращала ее. Здѣсь вм. судьбы. — 23—28. Здѣсь указаны двѣ основныя причины, побудившія Юнону преслѣдовать Энея: 1) опасенія насчетъ будущаго; 2) воспоминаніе прошлаго. Первая причина ближе опредѣлена ст. 19—23. Вторая, на которую намекалъ ст. 9, подробнѣе объяснена ст. 25—28 въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) ненависть вообще къ цѣлому народу; 2) ненависть вслѣдствіе приговора Париса; 3) ненависть вслѣдствіе предпочтенія, оказаннаго Юпитеромъ Ганимеду. — 23. *Прежнюю*, т. е. подъ стѣнами Трои.—*Сатурнія*, т. е. Юнона, какъ дочь Сатурна. — 24. *Аргивцевъ*, т. е. Грековъ. Аргосъ былъ извѣстенъ культомъ Юноны.

Судъ Париса и съ нимъ обида красы униженной
И ненавистный тотъ родъ и кража, и честь Ганимеда;
Этимъ сильнѣй воспылавъ, по всему кидаемыхъ морю
Уцѣлѣвшихъ Троянъ отъ Данаевъ и гнѣва Ахилла
Не допускаетъ она въ Лаціумъ, и, многіе годы
Рокомъ гонимы, они кругомъ по морямъ проблуждали.
Такъ-то Римскій народъ тяжело основывать было.
Только изъ виду они земли Сикулійской пустились,
Весело на парусахъ пѣну моря мѣдью взрѣзая,
Какъ Юнона, въ груди храня вѣковѣчную рану,
Молвила такъ про себя: «мнѣ ль отстать побѣжденной отъ цѣли
И не смочь отклонить отъ Италіи Тевкровъ владыку?

27. Парисъ въ извѣстномъ спорѣ о красотѣ между Юноною, Минервою и Венерою преимущество отдалъ послѣдней. — 28. *Ненавистный родъ*, т. е. Троянцевъ, изъ-за предка ихъ Дардана, ненавистнаго Юнонѣ. Для большей наглядности приводимъ, по Гомеру (Иліада, кн. 20, ст. 215 сл.), слѣдующую родовую таблицу:



Юпитеръ похитилъ сына царя Троса, красавца Ганимеда, и сдѣлалъ его своимъ виночерпіемъ, вслѣдствіе чего устранена была дочь Юноны Геба, дотолѣ занимавшая эту почетную должность при Юпитерѣ. — 30. *Данаевъ*, т. е. Грековъ, отъ Даная, выселившагося изъ Египта въ Грецію. — 34. Вергилій начинаетъ свой разсказъ съ отъѣзда Энея изъ Сициліи; предшествующія тому обстоятельства Эней разсказываетъ во 2 и 3 кн. На пути въ Италію, Эней, достигнувъ С. З. оконечности Сициліи, былъ опрокинутъ бурею на Ю., къ Карѳагену. — 35. *Мѣдью*, т. е. переднею частью корабля, обитою мѣдью. — 38. Первымъ троянскимъ царемъ былъ *Тевкръ*, прибывшій, по преданію, изъ Крита. Вторымъ родоначальникомъ считается *Дарданъ*, который прибылъ въ Трою изъ Италіи и женился на дочери Тевкра. Отъ его сына Троса народъ получилъ названіе Троянцевъ.

Вѣрно судьбы на меня. Спалить могла же Паллада
У Аргивцевъ и флотъ и самихъ потопить ихъ въ пучинѣ,
Ради вины и безумствъ Оилеева только Аякса?
Быстрый Зевесовъ огонь сама она съ тучъ устремила,
Разбросала суда и вѣтрами море разверзла
И изъ пронзенной груди его, выдыхавшаго пламя,
Вихремъ схвативши, она на острякъ скалы насадила;
Я же, хотя и хожу, какъ царица боговъ, и Зевеса
Я и сестра, и жена, съ однимъ столько лѣтъ все народомъ
Войны веду; и теперь кто жъ станетъ святыню Юноны
Въ будущемъ чтить, иль, склонясь, на алтарь возлагать приношенья?»
Это богиня съ собой обсуждая въ пылающемъ сердцѣ,
Къ родинѣ бури пришла, въ Эолію, къ мѣсту, что злобныхъ
Полно вѣтровъ. Тутъ царь Эолъ въ пространной пещерѣ
Воющіе вѣтры и громогласныя бури
Властью своею гнететъ и въ цѣпяхъ, и въ тюрьмѣ заключаетъ.
Въ негодованіи тѣ, при великомъ грохотѣ горномъ
Вкругъ затворовъ шумятъ; Эолъ на вершинѣ высокой,
Скипетръ держа, ихъ духъ смягчаетъ и гнѣвъ укрощаетъ;
Ибо не дѣлай онъ такъ, моря, и землю, и бездну
Неба они бы съ собой унесли, чтобъ раскинуть на воздухъ.
Но всемогущій отецъ, того убоявшись, во мракѣ
Ихъ пещеръ заключилъ, и тяжкія горы большія
Имъ навалилъ, и царя имъ далъ, чтобъ вѣрнымъ порядкомъ
По приказу умѣлъ тотъ возжи напрячь и ослабить.
Вотъ съ мольбою къ нему Юнона такъ рѣчь обратила:
«О, Эолъ, какъ тебѣ отецъ боговъ и людей царь
Волны власть даровалъ и смирять, и вздымать ихъ вѣтрами,
Родъ непріязненный мнѣ плыветъ по Тирренскому морю,

39. *Паллада* (иначе Аѳина, Минерва) у древнѣйшихъ поэтовъ богиня войны, у позднѣйшихъ богиня мудрости. — 41. *Аяксъ*, царь Локровъ, сынъ *Оилея*, нанесъ оскорбленіе Кассандрѣ, дочери Пріама (см. Эн. II, 403—405). — 45. *Острякъ скалы*, т. е. мысъ Кафарій, составляющій юго-восточную оконечность Эвбеи. — 52. Эолія, одинъ изъ Липарскихъ острововъ, лежащихъ къ сѣверо-востоку отъ Сициліи. — 55. *Въ негодованіи*, вслѣдствіе того, что *Эолъ, богъ вѣтровъ*, держитъ ихъ запертыми внутри горы. — 67. *Тирренское море*, часть Средиземнаго моря у западн. берега Италіи, отъ Лигуріи до Сициліи.

Чтобы въ Италію внесть Иліонъ и сраженныхъ пенатовъ:
Силу вложи ты вѣтрамъ, потопи корабли и сокрой ихъ,
Или же ихъ разгони и раскинь ты по̀ морю трупы.
Есть четырнадцать Нимфъ у меня, прекраснѣйшихъ тѣломъ,
Изъ которыхъ собой красивѣе всѣхъ Дейопею
Прочнымъ я бракомъ свяжу и тебѣ отдамъ во владѣнье,
Чтобы всѣ годы она съ тобой за такія заслуги
Прожила, и отцомъ тебя сдѣлала дѣтямъ прекраснымъ».
Ей отвѣтилъ Эолъ: «твоя, о царица, забота
Вѣдать, чего пожелать, я долженъ ловить повелѣнья.
Ты утверждаешь за мной это царство, и скиптръ, и Зевеса,
Ты за трапезой боговъ даешь возлегать мнѣ возможность
И надъ дождями меня и надъ бурями дѣлаешь властнымъ».
Это сказавши, пропшибъ копьемъ обращеннымъ пустую
Гору онъ въ бокъ: и, какъ бы толпою собравшися, вѣтры
Въ дверь, что раскрыта, бѣгутъ и вихрями дышатъ на землю.
Море они облегли и все до самой пучины
Эвръ и Нотъ заодно возмущаютъ и полный грозою
Африкъ и волны они къ берегамъ огромныя катятъ.
Слѣдуютъ вопли мужей затѣмъ и стоны канатовъ.
Тучи внезапно изъ глазъ у Тевкровъ уносятъ и небо,
И сіяніе дня; ночь темная море сокрыла.
Твердь возгремѣла, и весь эѳиръ мигаетъ огнями,
И отовсюду мужамъ являются знаменья смерти.
Разрѣшилися вдругъ у Энея отъ холода члены;
Онъ вздохнулъ и, свои обѣ руки къ звѣздамъ воздѣвши,
Эти слова произнесъ: «о трижды, четырежды счастливъ
Тотъ, кому умереть на глазахъ у отцовъ подъ стѣнами
Трои великой пришлось! О, въ сонмѣ Данайцевъ храбрѣйшій
Ты, Тидидъ! Неужель я не могъ на поляхъ Иліонскихъ

77. Эолъ предоставляетъ Юнонѣ разсудить, до какой степени законно или незаконно то, чего она отъ него требуетъ. — 78. *Зевеса*, т. е. его расположеніе. — 85—86. *Эвръ* восточный вѣтеръ, *Нотъ*—южный (также *Австръ*), *Африкъ*—юго-западный, *Зефиръ* — западный, *Борей* и *Аквилонъ* — сѣверные вѣтры. — 92. *Разрѣшилися*: ослабѣли отъ озноба, производимаго ужасомъ. — 97. *Тидидъ*. Отъ руки Діомеда, сына Тидея, Эней спасся только при помощи Венеры (Ил. V, 239 сл.).

Пасть, и десница твоя вотъ эту душу исхитить
Тамъ, гдѣ грозный лежитъ отъ копья Эакидова Гекторъ?
Гдѣ герой Сарпедонъ, гдѣ въ волнахъ Симоисъ, захвативши
Столько шеломовъ, щитовъ и тѣлъ могучихъ уноситъ!»
Какъ онъ плакался такъ, Аквилономъ шумящая буря
Парусъ предъ нимъ сорвала и волны вскинула къ звѣздамъ.
Весла сломились; тутъ носъ корабля завернуло и волнамъ
Выставленъ бокъ, принеслась крутая гора водяная.
Тѣ на вершинѣ висятъ волны; тѣмъ валъ, разверзаясь,
Землю вскрываетъ межъ волнъ, на пескахъ свирѣпствуетъ буря.
Нотъ, три судна схвативъ, на скрытые бросилъ утесы—
Италійцы зовутъ тѣ камни въ волнахъ—Алтарями,
На морской высотѣ огромный хребетъ,—три вгоняетъ
Съ моря Эвръ въ тѣсноту и сырты, какъ горестно видѣть,
Въ щепки на отмеляхъ бьетъ и обноситъ ихъ валомъ песчанымъ.
На одномъ же, что везъ съ Оронтомъ вѣрнымъ Ликійцевъ,
Передъ глазами его огромнѣйшимъ водоворотомъ
Море бьетъ по кормѣ, и вышибленъ катится кормчій
Внизъ головой, а корабль насильно три раза кружитъ
Хлябь на мѣстѣ одномъ, и бездна глотаетъ морская.
Рѣдкіе видны пловцы среди обширной пучины,
Вооруженье мужей, и лѣсъ, и пожитки изъ Трои.
Иліонея уже огромный корабль и Ахата
Храбраго и, что повезъ Абаса, что старца Алета,
Вихрь покорилъ; всѣ они съ боковъ ослабѣвшихъ на скрѣпахъ
Воспринимаютъ волну враждебную, щели разинувъ.
Между тѣмъ ощутилъ Нептунъ, что съ шумомъ великимъ
Море въ волненье пришло, и спущена буря, и токи

99. *Эакидова*, Ахиллеса, внука Эака. — 100. Сарпедонъ, предводитель Ликійцевъ и союзникъ Троянцевъ, былъ убитъ Патрокломъ. — 100. *Симоисъ*, притокъ Скамандра въ Троадѣ. — 107. Прибой и отбой волнъ достигаютъ даже песчанаго дна. — 109. *Алтарями*. Это небольшіе скалистые острова противъ Карѳагена. — 110. При спокойномъ состояніи моря о-ва уподобляются *огромному хребту*; во время бури превращаются въ подводныя скалы (ст. 108). — 111. *Сырты*, т. е. песчаныя отмели. — 124. *Нептунъ*, богъ моря, Посейдонъ Грековъ.

Съ самаго отлили дна, и вотъ, тяжело потрясенный
На поверхность взглянуть онъ мирную голову вынесъ.
По морю видитъ всему раскинутый флотъ онъ Энея
И Троянъ, залитыхъ волной и паденіемъ неба.
Козни Юноны и гнѣвъ ея не скрылись отъ брата.
Эвра къ себѣ онъ зоветъ и Зефира и такъ имъ вѣщаетъ:
«Или въ породу свою такой полны вы надеждой?
Ужъ безъ воли моей вы, вѣтры, и небо, и землю
Смѣете вмѣстѣ мѣшать и вздымать такія громады?
Вотъ я васъ! Но смирить возмущенное лучше волненье.
Впредь проступка такой у меня вы не смоете карой.
Убѣгайте скорѣй и царю своему такъ скажите:
Не ему вручены власть въ морѣ и грозный трезубецъ
Были судьбою, а мнѣ; у него огромныя скалы,
Ваши убѣжища, Эвръ, и чванится въ этихъ чертогахъ
Пусть Эолъ и, тюрьму запирая, пусть правитъ вѣтрами».
Такъ сказалъ онъ, и словъ быстрѣй усмиряетъ пучину,
Тучи сгоняетъ, собравъ, и солнце снова выводитъ.
Цимотоя и съ ней, натужась, Тритонъ—содвигаютъ
Съ острыхъ скалъ корабли, онъ самъ ихъ подъемлетъ трезубцемъ
И раскрываетъ сырты широко и море смиряетъ,
И по вершинамъ волны скользитъ на легкихъ колесахъ.
И какъ въ народѣ большомъ, когда возникаетъ порою
Бунтъ, и низкая чернь придетъ въ озлобленіе духа;
Факелы вотъ ужъ летятъ и камни; дастъ ярость доспѣхи;
Тутъ, коль случайно они благочестьемъ извѣстнаго мужа
И заслугой узрятъ, замолкнутъ и уши настроютъ;
Тотъ направляетъ ихъ духъ словами и груди смягчаетъ:
Такъ весь шумъ морской приникнулъ, когда, озирая

126. Даже неподвижно стоячія въ глубинѣ моря воды отхлынули на поверхность вслѣдствіе сильнаго волненія. — 132. Вѣтры у древнихъ признавались божественными существами, сыновьями титана Астрея и Авроры. — 135. *Вотъ я васъ!* Это извѣстное *quos ego*! вошедшее въ пословицу. — 136. Нептунъ довольствуется только строгимъ выговоромъ. — 139. При раздѣлѣ господства, Зевсъ получилъ сушу, Посейдонъ море, Гадесъ преисподнюю. — 144. *Цимотоя*, Нереида, второстепенное морское божество подобно Тритону. — 146. *Сырты*, см. ст. 111.

Море, проѣздомъ отецъ, подъ небомъ открытымъ, конями
Править началъ, летя въ колесницѣ, и возжи ослабилъ.
Энеады, уставъ, прибрежья ближайшаго ищутъ
Въ бѣгѣ достигнуть своемъ и къ берегу Либіи правятъ.
Въ длинной впадинѣ есть тамъ мѣсто: въ портъ обращаетъ
Островъ его, бока подставляя, въ которые съ моря
Всѣ дробятся валы, разрѣзаясь все въ меньшія волны.
Здѣсь, равно какъ и тамъ, просторныя скалы и въ небо
Два утеса встаютъ, подъ вершинами коихъ широко
Воды охраны молчатъ: лѣсовъ тутъ сверкающихъ сцена
Сверху, и страшную тѣнь наводящая черная роща.
Подъ навѣсами скалъ, какъ разъ предъ глазами, пещера,
Въ ней живые ключи и сидѣнья изъ дикаго камня,
Нимфъ это домъ. Кораблей усталыхъ тутъ никакая
Привязь не держитъ, кривымъ не впивается якорь укусомъ.
Семь кораблей тутъ Эней изъ всего числа пособравши,
Входитъ сюда; и съ большимъ къ землѣ влеченьемъ Троянцы
Вылѣзаютъ и тутъ, до песковъ желанныхъ добравшись,
Влажные солью морской опускаютъ члены на берегъ.
И, во-первыхъ Ахатъ, изъ кремня какъ вырубилъ искру,
Принялъ листвою огонь и сухаго отвсюду питанья
Подложилъ, а потомъ и пламени вызвалъ изъ трута.
Тутъ зерно, что въ волнахъ попортилось, съ утварью хлѣбной
Достаютъ истомленные, и спасенныя зерна
И готовятъ сушить на огнѣ и молоть жерновами.
Между тѣмъ на скалу Эней выходитъ и море
Все озираетъ кругомъ широко, не видать ли Антея,
Вѣтромъ гонимаго гдѣ, иль двухвесельныхъ Фригіекъ,

157. *Энеады*, спутники Энея. — 160—161. Предъ бухтою лежитъ островъ, о берега котораго разбивается вода, устремляющаяся съ открытаго моря; бухта такимъ образомъ является защищенною отъ напора волнъ, которыя раздѣляются и мелкою зыбью вливаются въ бухту. — 162. *Здѣсь и тамъ*, т. е. по обѣ стороны у входа въ бухту. — 164—166. Подвигаясь въ глубь бухты, представляется какъ бы театральная стѣна, съ мелькающимъ наверху лѣсомъ, окутывающимъ земною тѣнью бухту. Прямо въ противоположной сторонѣ, внизу, виднѣется пещера, образовавшаяся изъ нависнувшихъ скалъ. — 175. *Сухаго питанья*, т. е. сухихъ листьевъ и вѣтвей. — 181. *Антея*. Это имя начальника корабля, вм. самаго корабля, какъ въ ст. 183 *Капія*.

Или Капія, или на кормѣ оружья Каика.
Нѣтъ на виду корабля; по берегу трехъ же оленей
Видитъ бродящими онъ; за ними все слѣдуетъ стадо,
Длинный строй позади пасется вдоль по долинѣ.
Установился онъ тутъ и лукъ, и проворныя стрѣлы
Въ руку схватилъ,—доспѣхи, носимые вѣрнымъ Ахатомъ,
И сначала самихъ вожаковъ, что головы гордо
Въ развѣтленныхъ рогахъ подымали, простеръ; тутъ все стадо
Перемѣшалъ онъ, гоня оружьемъ по рощѣ тѣнистой,
И не раньше отсталъ, какъ семь онъ тѣлъ преогромныхъ
На земь въ побѣдѣ повергъ и числомъ сравнялъ съ кораблями.
Тутъ отправился въ портъ и товарищей всѣхъ надѣлилъ онъ.
Самое то онъ вино, которое налилъ въ сосуды
На берегу Тринакрійскомъ добрый Ацесть и снабдилъ имъ
Отходящихъ, роздалъ, и горести унялъ словами.
«О, товарищи—вѣдь и раньше знакомы намъ бѣды—
О, претерпѣвшіе худшее, богъ дастъ конецъ вотъ и этимъ.
Вы же и къ Сциллѣ лихой, и къ скаламъ, въ серединѣ звучащимъ,
Приближалися, вамъ и утесы Циклопа знакомы:
Вновь призовите свой духъ и страхъ печальный оставьте.
Можетъ-быть, вспомнить о томъ со временемъ будетъ отрадно,
Средь случайностей всѣхъ и столькихъ опасностей крайнихъ
Правимъ мы въ Лаціумъ, гдѣ судьбы покойныя кажутъ
Намъ мѣста: надлежитъ тамъ царству Трои воскреснуть.
Сами себя вы, крѣпясь, для дней сохраните счастливыхъ».
Это онъ вслухъ говоритъ и, мучимъ ужасной заботой,
Кажетъ надежду лицомъ, унимая страданіе въ сердцѣ.
Тѣ къ добычѣ затѣмъ приступаютъ и къ будущимъ яствамъ:
Кожу съ реберъ дерутъ и обнажаютъ утробы.
Часть разрубаютъ въ куски и дрожащими нижутъ на вертелъ;

183. Вооруженія, прикрѣпленныя къ кормѣ, служили отличительнымъ знакомъ кораблей (Эн. X, 80). — 196. *Тринакрійскій берегъ*, отъ стариннаго названія Сициліи Тринакрія. *Ацестъ*—сынъ воднаго бога рѣки Кримиза и Троянки Сегесты, прибылъ послѣ паденія Трои въ Сицилію, гдѣ основалъ городъ Сегесту, на С. З. оконечности о-ва. — 200. *Сцилла*, водоворотъ, который съ трудомъ удалось пройти Троянцамъ; см. III, 682—708. — 201. *Утесы Циклопа*, скалистый берегъ Сициліи, вблизи Этны, населенный Циклопами; см. III, 569, 70, 675.— 211. *Обнажаютъ* не только внутренности, но вообще мясныя части (VI, 253).

На берегъ ставятъ котлы, а другіе пламя разводятъ.
Силы ѣдою затѣмъ подкрѣпляютъ и, легши на траву,
Старымъ Вакхомъ себя наполняютъ и жирной дичиной.
Яствами голодъ унявъ и устранивши трапезу,
Долгою рѣчью они друзей поминаютъ пропавшихъ,
И межъ надеждой и страхомъ считаютъ, что тѣ или живы,
Или конца дождались и уже не слышатъ зовущихъ.
Благочестивый Эней о судьбѣ наипаче вздыхаетъ
То Оронта борца, то Амика, о долѣ жестокой
Лика, о храбромъ груститъ Гіасѣ и храбромъ Клоантѣ.
　И ужъ дошло до конца, какъ съ выси эѳира Юпитеръ,
На парусами покрытое море взглянувъ и на земли,
На берега и на ширь народовъ, привсталъ на вершинѣ
Неба, и взоры свои вперилъ въ Либійское царство.
И когда онъ въ груди вращалъ такія заботы,
Больше грустна и въ глазахъ блестящихъ слезы являя,
Съ рѣчью Венера пришла: «о, ты, что правишь дѣлами
И людей, и боговъ вѣковѣчно и молніей страшенъ,
Что мой Эней предъ тобой такого содѣлать былъ въ силахъ,
Что и Троянцы могли, что имъ, столько гибели зрѣвшимъ,
Кругъ запирается весь земной, Италіи ради?
Твердо ты обѣщалъ, что Римляне выйдутъ оттуда
Нѣкогда, да и вожди, изъ крови возникшіе Тевкра,
Тѣ, что море держать и землю будутъ подъ полной
Властью: какое тебя измѣнило рѣшенье, родитель?
Этимъ въ паденіи Трои и въ развалинахъ грустныхъ
Я утѣшалась, судьбу возмѣщая обратной судьбою.
Нынѣ подобный же рокъ мужей, претерпѣвшихъ такъ много,
Гонитъ. Гдѣ ставишь конецъ трудамъ ты, великій владыка?
Антеноръ, убѣжавъ изъ средины Ахеянъ, проникнуть

226. *Либійское царство*, см. ст. 22. — 227. Юпитеръ былъ озабоченъ тѣмъ, что представилось его глазамъ въ то время, когда онъ устремилъ взоры на море и берегъ Либійскій. — 233. *Италіи ради*, т. е. изъ-за того, чтобъ не пустить ихъ въ Италію. — 234. *Оттуда*, т. е. изъ рода Троянцевъ. — 235. *Тевкра*, см. ст. 38. — 242. *Антеноръ*, свойякъ троянскаго царя Пріама, высадился, послѣ разрушенія Трои, на С.-З. берегъ Адріатическаго моря, гдѣ и основалъ городъ *Патавій* (ст. 247), теперь Падуа.

Смогъ въ Иллирійскій заливъ и самое царство Либурновъ
Безопасно, затѣмъ миновать и источникъ Тимава,
Что оттуда, шумя ужасно съ горы, въ девять устьевъ
Въ море прорваться спѣшитъ и звучно поля заливаетъ.
Тамъ онъ межъ тѣмъ основалъ Патавія городъ съ жилищемъ
Тевкровъ и имя тамъ далъ народу и Трои доспѣхи
Водворя, погребенъ нынѣ въ мирномъ покоѣ почіетъ:
Мы же, потомки твои, коимъ замокъ небесъ обѣщаешь,
Корабли потерявъ, о ужасъ! мы гнѣву единой
Переданы, устранены далеко отъ бреговъ Италійскихъ.
То-ль благочестью почетъ? Такъ скипетръ ли намъ возвращаешь?»
Ей улыбнувшись, отецъ людей и безсмертныхъ со взоромъ,
Коимъ онъ небеса и погоду свѣтло озаряетъ,
Началъ дочь цѣловать и за этимъ такое промолвилъ:
«Страхъ, Цитерея, оставь, судьбы твоихъ остаются
Неизмѣнны тебѣ; и градъ, и Лавинія стѣны
По обѣщанью узришь и на звѣздное небо подымешь
Великодушнаго ты Энея: я словъ не мѣняю.
Онъ у тебя—возвѣщу, вѣдь томишься ты этой заботой,
И, развивая судебъ дальнѣйшія тайны, открою —
Страшной войною пойдетъ по Италіи, грозныхъ народовъ
Усмиритъ, и стѣнамъ, и нравамъ мужей дастъ основу,
Какъ въ Лаціумѣ его державнымъ годъ третій увидитъ,
И пройдутъ три зимы съ покоренія Рутуловъ тоже.
Мальчикъ Асканій межъ тѣмъ, которому имя Іула
Дастся теперь,—былъ онъ Илъ, пока Иліонъ продержался —
Тридцать великихъ круговъ въ теченіе лунныхъ вращаній
Властью наполнитъ своей и царство съ Лавинской столицы

243—244. Либурнійцы, обитатели Иллиріи. — *Тимавъ*, небольшая, въ одну милю, судоходная береговая рѣчка, между Тріестомъ и древнею Аквилеею. — 247. Несмотря на всѣ трудности, съ которыми Антенору приходилось бороться, ему все-таки удалось основать «тамъ» (т. е. въ верхней Италіи), городъ Падуу. — 250. *Мы же*, т. е. Венера и ея сынъ Эней. — 251. *Единой*, т. е. Юноны. — 253. *Скипетръ*: владѣніе Италіею. — 257. *Цитерея*, отъ о-ва Цитера (нынѣ Чериго, къ югу отъ Пелопонеза), куда вышла Венера, родившаяся изъ морской пѣны. — 267. *Асканій*, сынъ Энея и Креузы.

Перенесе̄тъ, и сильнѣй укрѣпитъ онъ Долгую Альбу.
Цѣлыхъ тамъ триста ужъ лѣтъ владычество будетъ за̀ родомъ
Гектора до тѣхъ поръ, покуда Илія жрица
Царственная не родитъ, отъ Марса беременна, двойню.
Тутъ волчицы кормилицы желтымъ покровомъ довольный,
Ромулъ восприметъ свой родъ и Марсовы стѣны воздвигнетъ,
И по имени тутъ своему назоветъ онъ и Римлянъ.
Этихъ власти уже ни границъ, ни временъ я не ставлю;
Царство имъ далъ безъ конца. Суровая даже Юнона,
Страхомъ что нынѣ томитъ и море, и землю, и небо,
Къ лучшему думы склонитъ и со мною станетъ лелѣять
Римлянъ, вселенной владыкъ и народъ, одѣянный тогой.
Такъ рѣшилъ я. Придетъ съ годами текущими время.
Что и Фтію тогда, и Микены будетъ подъ рабствомъ
Домъ Ассарака держать и владѣть покореннымъ Аргосомъ.
Изъ прекраснаго рода Троянскаго Цезарь родится,
Что ограничитъ власть—Океаномъ, а славу—звѣздами,
Юлій, въ наслѣдство пріявъ великаго имя Іула.
Обремененнаго ты восточной добычей воспримешь
Нѣкогда въ небѣ его; и его призовутъ на молитвахъ.
Тутъ съ устраненіемъ войнъ времена укротятся крутыя;
Вѣрность сѣдая, и Веста, и Ремъ при братѣ Квиринѣ

273. Указывается на власть царей троянской династіи; Гекторъ, знаменитѣйшій герой Троянцевъ, является здѣсь ихъ представителемъ.—*Жрица Илія* или Рея Сильвія, весталка, дочь Нумитора. — 275. Древніе герои охотно наряжались въ шкуры дикихъ звѣрей. (V, 36). — 276—277. Ромулъ продолжитъ въ Римѣ родъ Энея, прекратившійся въ Альбѣ-Лонгѣ со смертью Нумитора и Амулія. — 282. *Тога* была національною одеждою Римлянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ одеждою мира. Здѣсь Вергилій характеризуетъ Римлянъ, какъ побѣдителей на войнѣ и покровителей мира. — 284—285. Наказаніе, предназначенное судьбою, заключается въ томъ, что Юліевъ родъ долженъ покорить Грецію подъ власть Римлянъ. Вмѣсто цѣлаго въ эпическомъ разсказѣ приводятся только выдающіяся части: *Фтія,* мѣсторожденіе Ахилла, *Микены* резиденція Агамемнона, *Аргосъ* родина Діомеда. *Ассаракъ*, троянскій предокъ, дѣдъ Анхиза (см. ст. 28). — 286. *Цезарь*, т. е. Августъ. — 289. Рѣчь идетъ о покореніи Египта и о побѣдѣ надъ Парѳянскимъ царемъ Фраатомъ, который принужденъ былъ возвратить добычу, отнятую у Красса. — 292. Сѣдая, старинная *Честность*, Вѣрность, которой въ Римѣ былъ особый храмъ (templum Fidei). —*Веста* считалась покровительницею Троянцевъ; вмѣстѣ съ дру-

Будутъ законы давать; желѣзомъ затворовъ запрутся
Грозныя двери Войны; внутри нещадная Ярость,
Злобно сидя поверхъ оружья и сотнею мѣдныхъ
Скручена сзади узловъ, кровавымъ ртомъ заскрежещетъ».
Такъ онъ сказалъ и съ высотъ послалъ рожденнаго Маей,
Чтобы страна и чтобы Карѳагена новые замки
Тевкрамъ открыли пріютъ, судьбы чтобъ не зная, Дидона
Ихъ не гнала отъ границъ. Летитъ онъ, махая крылами,
Черезъ пространный эфиръ и въ Либіи, быстрый, явился.
И ужъ исполнилъ приказъ, Пунійцы смиряютъ по волѣ
Бога суровость сердецъ; всѣхъ прежде пріемлетъ царица
Къ Тевкрамъ незлобивый духъ и благосклонныя мысли.
Благочестивый Эней же, за ночь размысливъ о многомъ,
Только появится свѣтъ дорогой, пойти и извѣдать
Новыя вздумалъ мѣста, до какихъ береговъ онъ добрался
Съ вѣтромъ, и кто тутъ живетъ, ибо все невоздѣланнымъ видитъ,
Люди ли, звѣри ль,—узнавъ сообщить онъ товарищамъ хочетъ.
Флотъ, подъ сводомъ скалы углубленной и отовсюду
Скрытый древами лѣсовъ и ихъ суровою тѣнью,
Онъ пріютилъ; самъ идетъ, провожаемый только Ахатомъ,
Потрясая рукой два дрота съ широкимъ желѣзомъ.
Мать навстрѣчу ему въ серединѣ лѣса предстала,
Дѣвы лицо воспріявъ и одежду, и дѣвы Спартанской
Вооруженье, иль какъ коней утомляетъ Ѳракійка
Гарпалика и Гебръ побѣждаетъ стремительный въ бѣгѣ.

гими пенатами она была привезена Энеемъ въ Италію (II, 297). У Римлянъ она считалась богинею домашняго очага и вмѣстѣ съ пенатами (ст. 527) покровительницею дома (V, 744). — Слѣдуя лѣтописцамъ, Вергилій называетъ Ромула и Рема основателями Рима. Сказаніе объ убіеніи Ромуломъ Рема не нашло еще въ вѣкѣ Вергилія всеобщаго распространенія (Овид. Фаст. IV, 841—852). — 293. *Желѣзомъ затворовъ*, т. е. желѣзными затворами. — 294. *Война*, *Ярость*, здѣсь употреблены, какъ олицетворенія. — 297. *Мая*, дочь Атланта, родила Меркурія, вѣстника боговъ. — 299. Опасаясь преслѣдованій Пигмаліона, Дидона оцѣпила берегъ стражею (ст. 564). Поэтому Юпитеръ посылаетъ Меркурія изъ опасенія, что царица, не зная предназначенія Энея, можетъ задержать его, какъ всякаго чужестранца. — 317. *Гарпалика*, знаменитая охотница во Ѳракіи, странѣ охотниковъ.—*Гебръ*, нынѣ Марица.

Ибо какъ должно она охотницѣ свѣсила ловкій
Лукъ за плечомъ и дала разбросать свои волосы вѣтрамъ,
И, колѣни открывъ, завязала узлами подборы.
Тотчасъ вскричала она: «Эй, юноши, вы мнѣ скажите,
Не встрѣчали ль какой сестры вы моей, тутъ бродящей
При колчанѣ и кожею рыси пятнистой одѣтой,
Иль кабана опѣненнаго съ крикомъ слѣдящей за бѣгомъ?»
Такъ Венера ему; и сынъ такъ отвѣтилъ Венерѣ:
«Я никакой не слыхалъ твоей сестры и не видѣлъ,
О,—какъ тебя назову я, дѣва? Ибо не смертный
Ликъ у тебя, не людской и голосъ; ты вѣрно богиня;
Ты не Феба ль сестра? Не изъ крови ли Нимфъ ты какая?
Счастье даруй ты и, кто бъ ни была, облегчи наше горе,
И научи, подъ какимъ это небомъ, въ какихъ насъ предѣлахъ
Носитъ земныхъ; ни людей, ни мѣстъ мы, не зная, блуждаемъ,
Загнаны вѣтромъ сюда и волнъ громаднымъ стремленьемъ.
Множество жертвъ предъ твоимъ алтаремъ поразимъ мы десницей».
Тутъ Венера въ отвѣтъ: «не считаю себя я достойной
Чести подобной: ходить дѣвы Тира съ колчаномъ привычны,
И оплетать высоко̀ котурномъ пурпурнымъ икры.
Царство Пунійское зришь Тирійцевъ и градъ Агенора;
Но Либійскій тутъ край и народъ, въ войнѣ непокорный.
Тутъ Дидона царитъ, что изъ Тирскаго города вышла,
Чтобы отъ брата бѣжать. Обидъ такъ много и много
Околичностей; я жъ прослѣжу только главныя вещи.
Былъ супругомъ ея Сихей, богатѣйшій полями
Средь Финикіянъ, и былъ любимъ несчастной безмѣрно;
Непорочной ее отецъ ему сдалъ, сочетавши
Первымъ бракомъ. Но братъ ея Тирскою правилъ страною—
Пигмаліонъ; изо всѣхъ преступленьями онъ выдавался.
Злоба возникла межъ нихъ, и онъ, нечестивецъ, Сихея

323. *Кожею одѣтой*, см. ст. 275. — 337. *Котурнъ*, высокій, до средины ноги достающій, охотничій сапогъ (впослѣдствіи обувь трагическихъ актеровъ). — 338. *Царство пунійское*. Поэтъ влагаетъ въ уста богини названіе, употребляемое Римлянами только впослѣдствіи. *Агеноръ*, родоначальникъ Финикійцевъ. — 341. *Обидъ*, со стороны брата. — 345. *Отцомъ* Дидоны былъ Белъ.

Тайно предъ алтаремъ, ослѣпленный и къ золоту страстью,
Не ожидавшаго свергъ желѣзомъ, о сестриной страсти
Не помышляя. Скрывалъ онъ долго поступокъ и злобный
Множествомъ лживыхъ надеждъ влюбленную велъ къ заблужденью.
Но во снѣ самого непогребеннаго призракъ
Ей супруга предсталъ; приподнявъ изумительно блѣдный
Ликъ, онъ жестокій алтарь обнажилъ и грудь, что желѣзомъ
Пронзена, и раскрылъ домашнее онъ преступленье.
Бѣгство совѣтуетъ онъ ускорить, покинувъ отчизну,
И въ подспорье пути старинный въ землѣ открываетъ
Кладъ, неизвѣстную ей серебра и золота груду.
Бѣгства, подвигнута тѣмъ, и товарищей ищетъ Дидона.
Собрались, у кого иль ненависть къ злому тиранну,
Или томительный страхъ; корабль, случайно готовый,
Захвативши, грузятъ они золотомъ. По морю мчатся
Пигмаліона скупца богатства; всѣмъ женщина правитъ.
Прибыли къ мѣсту они, гдѣ нынѣ высокія видишь
Стѣны и замокъ средь нихъ Карѳагена новаго вставшій.
И купили земли, по событію съ именемъ Бирзы,
Сколько они смогли обвести бычачьею кожей.—
Вы жъ кто такіе, или изъ какихъ изошли вы предѣловъ?
Держите путь вы куда?» Вопрошающей такъ, воздыхая
И извлекая слова со дна онъ груди, отвѣтилъ:
«О, богиня, коль мнѣ разсказывать спервоначала,
И досугъ былъ тебѣ бы слушать про наши напасти,
Прежде закончилъ бы день, Олимпъ запирающій, Весперъ.
Насъ изъ Трои старинной, если случайно до слуха

355. *Жестокій алтарь.* Свойство поступка переносится на мѣсто, гдѣ это свойство обнаружилось. По сказанію, Сихей былъ убитъ у алтаря. — 365. Въ разстояніи приблизительно 1 нѣм. мили Эней замѣчаетъ городъ съ холма, называемаго теперь «холмомъ катакомбъ» (Dschebel Khawi). Пройдя слѣдующій затѣмъ холмъ (Sidi Bosaid), онъ различаетъ и отдѣльныя части города (ст. 418 — 422). — 367. Финикійское слово Bosra, укрѣпленное мѣсто, замокъ, перешло въ греческ. Βύρσα; βύρσα означаетъ также снятую шкуру, что и послужило поводомъ къ приведенному ниже сказанію объ основаніи Карѳагена. — 374. Западныя ворота Олимпа (т. е. неба) запирались тогда, когда въ нихъ въѣзжалъ Фебъ.

Имя Трои дошло твоего, проѣхавшихъ много
Разныхъ морей, къ берегамъ Либійскимъ закинула буря.
Благочестивый Эней я, везу на флотѣ пенатовъ,
Выхватя ихъ у враговъ, и славой извѣстенъ до неба.
Я родимой ищу Италіи съ родомъ отъ Зевса.
На двадцати корабляхъ я вступилъ во Фригійское море,
Какъ за судьбою мнѣ путь казала матерь богиня;
Семь уцѣлѣло едва, избитыхъ волною и Эвромъ.
Самъ я безвѣстенъ, въ нуждѣ по пустынѣ Либійской блуждаю,
Изгнанъ Европой и Азіей». Не дозволивъ дальнѣйшихъ
Жалобъ, Венера затѣмъ прервала его горе словами:
«Кто ты ни будь, не сочту, чтобы ты ненавистенъ небеснымъ,
Жизненный воздухъ вдыхалъ, если къ Тирскому городу прибылъ.
Лишь продолжай и отсель уходи къ порогу царицы.
Ибо товарищей я возвращенье тебѣ предвѣщаю
И прибытье судовъ, когда Аквилонъ завернется,
Если гаданью меня не напрасно учили родные.
Видишь, дважды тутъ шесть лебедей вереницей веселой,
Коихъ, съ эѳирныхъ равнинъ свергаясь, пернатый Зевеса
Въ чистыхъ смутилъ небесахъ; вотъ видно, какъ длинной чредою
Иль они ищутъ земли, иль найдя, подъ собой ее видятъ:
Какъ возвращаяся тѣ крылами шумятъ и играютъ
И сообща небосклонъ облетаютъ съ порывистымъ пѣньемъ,
Точно такъ и твои корабли, а съ ними и людъ твой
Или въ портѣ, иль къ устью подходятъ подъ парусомъ полнымъ.
Только ступай и шаги направляй, какъ путь твой укажетъ»

378—379. Этими словами Вергилій хотѣлъ, какъ кажется, сообщить своему герою колоритъ наивности, свойственный безыскусственному эпосу (подъ который онъ поддѣлывался). Такъ говоритъ о себѣ и Улиссъ, представляясь Алкиною (Одисс. кн. IX, 19—20). — 380. *Съ родомъ отъ Зевса,* см. примѣч. къ ст. 28 и 38. — 383. *Эвромъ,* см. ст. 85. — 393. *Дважды шесть.* Поэты часто, вм. числит. количеств. употребляютъ формулы умноженія. — 394. *Пернатый Зевеса*, т. е. орелъ. — 396. Живое изображеніе стаи лебедей, спускающихся длинною вереницей. Одни изъ нихъ какъ будто избираютъ, высматриваютъ мѣсто, другіе, намѣтивъ мѣсто, пристально, вытянувъ шеи, смотрятъ туда съ полета. — 397—398. Отпугнутые орломъ возвращаются къ летящей стаѣ, съ намѣреніемъ вмѣстѣ спуститься. — 400. *Устье*, здѣсь «входъ въ гавань», какъ Y, 281.

Молвила и обратясь возсіяла розовой шеей,
Амброзіальные волосы божескимъ благоуханьемъ
Задышали съ чела; до ногъ развернулась одежда;
И богиню вполнѣ проявила походка. Тотъ матерь
Только призналъ, обратилъ такія слова къ уходящей:
«Что такъ часто и ты, жестокая, въ лживыхъ видѣньяхъ
Сына вводишь въ обманъ? Отчего не дано, сочетавши
Руку съ рукой, говорить и слушать правдивыя рѣчи?»
Такъ обвиняя ее, къ стѣнамъ направляетъ онъ путь свой.
Но Венера овѣяла воздухомъ темнымъ идущихъ
И туманный покровъ вокругъ разлила ихъ богиня,
Чтобы никто увидать, никто ихъ тронуть не могъ бы,
Иль замедлять, или ихъ вопрошать о причинѣ прихода.
Возносяся сама отбыла на Пафосъ и съ весельемъ
Свой увидала пріютъ, гдѣ храмъ ея, гдѣ сто Сабейскій
Ладанъ палятъ алтарей и свѣжими дышатъ вѣнками.
Въ путь поспѣшаютъ они межъ тѣмъ, что тропа указуетъ.
Ужъ восходятъ на холмъ, который, надъ городомъ высясь,
На противулежащіе замки сверху взираетъ.
Тутъ дивится Эней громадѣ на мѣстѣ лачужекъ;
Онъ дивится вратамъ, мостовымъ и на улицахъ шуму.
Въ пылкомъ Тиряне трудѣ: часть стѣнъ старается вывесть,
Чтобы крѣпость возвесть и руками ворочать каменья,
Часть чтобъ мѣста сыскать для жилья и обвесть бороздою;
Узаконенья, судей и священный сенатъ избираютъ;
Роютъ иные тутъ портъ; иные высокій фундаментъ
Для театра кладутъ; иные изъ скалъ вырубаютъ
Мѣры огромной столпы и убранство для будущей сцены.
Какъ по цвѣтущимъ полямъ въ началѣ лѣта подъ солнцемъ
Пчелы труду преданы, когда подросшій выводятъ
Роя приплодъ, иль когда накопляютъ текучаго меда
И ячейки притомъ расширяютъ нектаромъ сладкимъ,

403. Боги намазывались *амброзіею*. — 407. Поэтъ еще только одинъ разъ выводитъ Венеру, но въ ея настоящемъ видѣ (II, 589). — 415. *Пафосъ*, городъ на Кипрѣ съ знаменитымъ храмомъ Венеры. — 416. Страна Сабеевъ (теперь Іеменъ, въ Ю.-З. части Аравіи) славилась благовонною смолою. — 426. Стихъ этотъ большинство издателей считаетъ вставочнымъ.

Иль прибывающихъ вновь пріемлютъ тягость, иль строемъ
Гонятъ трутней онѣ, лѣнивую тварь отъ корыта;
Дѣло горитъ и тминомъ соты душистые пахнутъ.
«О счастливцы, у коихъ уже возникаютъ и стѣны!»
Восклицаетъ Эней и на крыши градскія взираетъ.
Входитъ, туманомъ увитъ—предивно сказать—въ середину
Онъ замѣшавшись людей и все никому онъ не видѣнъ.
Въ городѣ роща была посреди, отрадная тѣнью,
Гдѣ впервой претерпѣвъ и волны, и бурю, Пунійцы
Вырыли тутъ же и знакъ, который царица Юнона
Имъ указала, коня отважнаго голову; такъ то
Мощнымъ въ войнѣ надлежитъ и побѣднымъ въ вѣкахъ быть народу.
Тутъ Дидона Сидонская храмъ огромный Юнонѣ
Строила, полный даровъ и мощью богини великій;
Мѣдные на ступеняхъ косяки тутъ возникли и въ мѣдныхъ
Притолокахъ крюки скрипѣли на мѣдныхъ растворахъ.
Тутъ только въ рощѣ впервой съ явленіемъ новымъ смягчился
Страхъ, впервые Эней осмѣлился тутъ на спасенье
Уповать и въ дѣлахъ печальныхъ ждать улучшенья.
Ибо, пока онъ глядитъ на подробности въ храмѣ огромномъ,
Поджидая царицу, покуда судьбѣ онъ дивится
Города, также рукамъ мастеровъ, торопящихся взапускъ,
И созданьямъ трудовъ, Иліонскія рядомъ всѣ битвы
Видитъ и войны, по всей землѣ разглашенныя славой,
И Атридовъ съ Пріамомъ и грозу обоимъ Ахилла.
Сталъ онъ и плача сказалъ: «какое, Ахатъ, уже мѣсто,
Царство какое земли не наполнено нашимъ злосчастьемъ?
Вотъ онъ Пріамъ. Вотъ и здѣсь достоинству тоже награда;
Слезы о бѣдствіяхъ есть, и трогаютъ сердце напасти.
Страхъ ты оставь; эта слава тебѣ дастъ частью спасенье».

444. Голова лошади изображена на карѳагенскихъ монетахъ. — 454. О прибытіи царицы Эней могъ узнать изъ разговоровъ работавшихъ надъ постройкою храма, еще не вполнѣ оконченнаго (ст. 447). Поэтому здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія съ 389 ст. — 458. *Обоимъ,* т. е. Агамемнону, изъ-за отнятой Бризеиды, и Пріаму, царю непріятелей. — 462. *Слезы о бѣдствіяхъ есть,* т. е. и здѣсь есть люди, отплакивающіе несчастье. — 463. *Частью,* такъ какъ совершенное *спасеніе* можетъ быть только въ Италіи.

Такъ онъ сказалъ и душу отвелъ на безмолвныхъ картинахъ,
Часто вздыхалъ и лицо орошалъ онъ широкимъ потокомъ.
Ибо видѣлъ онъ, что, вокругъ Пергама сражаясь,
Греки бѣжали вотъ тутъ, тѣснила Троянская юность.
Тутъ Фригійцы, катитъ напирая Ахиллъ гребненосный.
Не вдалекѣ онъ въ слезахъ узнаетъ съ бѣлоснѣжной холстиной
Реза шатры, что Тидидъ, какъ первымъ сномъ они были
Преданы, опустошилъ избіеньемъ великимъ, кровавый,
И горячихъ коней обратилъ въ свой лагерь онъ, прежде
Чѣмъ они тронули кормъ изъ Трои и Ксанѳа напились.
Въ мѣстѣ другомъ, потерявъ доспѣхи, Троилъ убѣгаетъ,
Мальчикъ несчастный, притомъ въ бою Ахиллесу неравный,
Кони несутъ и въ пустой колесницѣ повиснулъ онъ навзничь,
Возжи однакожъ держа; по землѣ влачится затылокъ
И волоса, и копье по пыли чертитъ, обернувшись.
Шли ко храму межъ тѣмъ неблагосклонной Паллады
Иліонки, власы распустя, и несли ей одежду,
Грустны въ молитвахъ своихъ и въ грудь ударяя руками;
Отвращаясь, глаза устремляла въ землю богиня.
Трижды Гектора мчалъ Ахиллесъ вкругъ стѣнъ Иліонскихъ
И за золото онъ продавалъ бездыханное тѣло.
Тутъ однакоже вздохъ испустилъ онъ глубокій изъ груди,
Какъ колесницу, добычу, какъ самое тѣло онъ друга

464. Въ героическій періодъ искусство живописи не было извѣстно; см. прим. къ 6 ст. — 466—478. Въ этихъ стихахъ картины размѣщены попарно: 1) побѣда Гектора, побѣда Ахилла; 2) смерть Реза, смерть Троила; 3) умоляющія Троянки, умоляющій Пріамъ; 4) битва Мемнона, битва Амазонокъ.—*Пергамъ* родъ Кремля въ Троѣ, гдѣ, кромѣ храма Аѳины, находились дворцы Пріама, Гектора и Париса. — 470. *Резъ*, ѳракійскій царь, прибылъ на помощь Троѣ въ послѣдній годъ ея осады. Оракулъ предсказалъ, что если его лошади поѣдятъ и напьются хоть одинъ разъ въ осажденномъ городѣ, послѣдній не будетъ взятъ греками (Иліад. X, 433 зд.). Поэтому Діомедъ и Одиссей проникли въ его лагерь и увели лошадей.—*Шатры*, по римскимъ обычаямъ въ эпоху осады Трои палатки состояли изъ шалашей и землянокъ. — 472—473. Пояснительное замѣчаніе поэта относительно того, чего нѣтъ на картинѣ. *Ксанѳъ*, иначе Скамандръ, рѣка въ Троадѣ. — 474. *Троилъ*, сынъ Пріама. — 480. *Власы распустя*, въ знакъ печали. Троянки подносятъ Минервѣ въ подарокъ ея отличительный костюмъ такъ называемое «*peplum*» верхнюю одежду, богато вышитую цвѣтами.

И Пріама узрѣлъ, что простеръ безоружныя руки.
И себя распозналь посреди вождей онъ Ахейскихъ,
И съ востока полки, и Мемнона чернаго броню.
Въ бой Амазонокъ ряды съ ихъ малымъ щитомъ луновиднымъ
Пентезилея ведетъ, горячась, и средь тысячъ пылаетъ,
Золотой подвязавъ повязкой раскрытыя груди,
Храбрая, смѣетъ она сражаться съ мужчинами, дѣва.
Тутъ какъ Дарданскому все Энею то кажется дивнымъ,
Какъ изумляется онъ, къ единому взгляду прикованъ,
Въ храмъ царица идетъ, красивая видомъ Дидона,
Юношей окружена великой и тѣсной толпою.
Какъ на Эврота брегахъ иль высяхъ Цинта Діана,
Что хороводы ведетъ и тысячи слѣдомъ за нею
И оттоль, и отсель Ореадъ соберутся; она же,
Вздѣвъ колчанъ на плечо, идетъ, всѣхъ богинь превышая;
Радость безмолвная грудь переполняетъ Латоны;
Такъ то Дидона была, она съ такимъ же весельемъ
Шла между всѣми, къ трудамъ побуждая надъ будущимъ царствомъ.
У дверей тутъ она богини подъ куполомъ храма,
Стражею окружена, на высокомъ престолѣ возсѣла.
Судъ изрекала мужамъ, и законы, и трудъ по работамъ
Вѣрно дѣлила она по частямъ иль жребій бросала:
Какъ внезапно Эней приближавшихся въ сильномъ стеченьи
И Антея съ Сергестомъ, и храбраго видитъ Клоанта,

489. *Мемнонъ*, сынъ Тиѳона и Авроры, прибылъ съ Эѳіопійцами на помощь Троянцамъ. — 490—492. По сказаніямъ, подъ стѣнами Трои сражались на сторонѣ Троянцевъ Амазонки, подъ предводительствомъ своей царицы Пентезилеи, убитой Ахилломъ. Онѣ происходили изъ Скиѳіи, въ сраженіи являлись большею частію верхомъ, вооруженныя копьемъ, бердышемъ и небольшимъ полукруглымъ щитомъ; на портупеѣ висѣлъ лукъ, колчанъ и мечъ. — 498—499. *Цинтъ*, гора на Делосѣ. Какъ у Гомера (Одисс. VI, 102—110) Навзикая, такъ здѣсь Дидона сравнивается съ Діаною. — 500. *Ореады*, нимфы горъ. — 501. *Богини*, т. е. нимфы. — 502. *Латона*, мать Аполлона и Діаны. — 505. Изъ ст. 520 видно, что аудіенція пословъ происходила въ самомъ храмѣ. Обычай Римлянъ, у которыхъ засѣданія сената и разбирательства судебныхъ дѣлъ нерѣдко совершались въ храмѣ, связанъ здѣсь съ баснословною эпохою Карѳагена; см. прим. къ 6 ст. — 510. *Сергестъ*, предокъ Сергіева рода; см. V, 121.

И изъ Тевкровъ другихъ, которыхъ на морѣ черный
Вихрь разогналъ и къ чужимъ умчалъ берегамъ ихъ далеко.
Самъ онъ былъ пораженъ, равно потрясли и Ахата
Радость и страхъ заодно; имъ страстно хотѣлося руки
Соединить, но ихъ духъ смущаетъ нежданное дѣло.
Воздержались они, наблюдаютъ, за облакомъ скрыты,
Что за жребій мужей, гдѣ флотъ ихъ оставленъ на брегѣ,
И пришли для чего; со всѣхъ кораблей вѣдь стеклися
Избранные, чтобъ просить милосердья и съ крикомъ во храмъ шли.
  Какъ вступили они и дозволили имъ говорить съ ней,
Старшій Иліоней со спокойнымъ сердцемъ такъ началъ:
«О царица, которой создать новый городъ Юпитеръ
Даровалъ и смирить правотою гордыню народовъ,
Мы, Троянцы, тебя, несчастные, бурей гонимы,
Молимъ: отъ кораблей устрани огонь злополучный,
Благочестивый народъ пощади и вглядись въ наше дѣло.
Не истреблять мы мечомъ идемъ Либійскихъ пенатовъ,
Или съ награбленною къ берегамъ возвращаться добычей;
Дерзости нѣтъ той въ душѣ и такой въ побѣжденныхъ гордыни.
Мѣсто есть, что зовутъ Гесперіи именемъ Греки,
Древняя это земля, плодородьемъ сильна и оружьемъ,
Мужи пахали ее Энотрскіе, нынѣ же слышно,
Что прозвали ее Италіей новые люди,
Именемъ ихъ вождя, туда мы путь направляли.
Какъ поднявшійся вдругъ на зыбяхъ Оріонъ дожденосный
Въ скрытыя отмели насъ принесъ и злыми вѣтрами
По всепобѣднымъ волнамъ, по безпроѣзднымъ каменьямъ
Разогналъ; приплыло насъ къ вашему берегу мало.
Что за порода людей; какая отчизна столь дикій

527. *Пенаты*, боги покровители человѣка и его труда; каждое государство, городъ, деревня, семья, имѣли своихъ пенатовъ; см. прим. къ кн. IV, ст. 21. — 530. *Гесперія*, греч. названіе, употребляется поэтами эпохи Августа вм. Италіи. — 532—534. *Вождя*, Итала, царя Энотровъ, древняго народа южн. Италіи. Стихи 530—533 повторяются еще III, 163—166. — 535. *Оріонъ*, великанъ-охотникъ, превращенный въ созвѣздіе, при восхожденіи и захожденіи котораго поднималось волненіе на моряхъ. Это одно изъ самыхъ яркихъ созвѣздій къ югу отъ Медвѣдицы; лѣтомъ оно восходитъ, зимою заходитъ. — 538. О другихъ спасенныхъ корабляхъ онъ ничего не знаетъ; см. ст. 170 сл.

Нравъ допускаетъ? искать не даютъ на пескѣ намъ пріюта;
Идутъ войной и на край становиться земли запрещаютъ.
Коль презираете родъ вы людской и оружіе смертныхъ,
Вспомните хоть про боговъ, что добра, какъ и зла не забудутъ.
Царь у насъ былъ Эней, котораго не былъ ни правдой,
Ни благочестьемъ никто, ни въ войнѣ, ни оружіемъ выше.
Если судьбой этотъ мужъ сохраненъ, если дышитъ надземнымъ
Воздухомъ онъ и еще у суровыхъ тѣней не почіетъ,
То не страшись; не придется жалѣть состязанья въ услугѣ
Первой тебѣ. Города тоже есть въ странѣ Сикулійской,
И оружье, и славный Ацестъ изъ крови Троянской.
Только пустили бы флотъ, вѣтрами истерзанный, вздвинуть,
Балокъ приладить въ лѣсахъ, да обтесать себѣ веселъ.
Если въ Италію плыть, и царя и товарищей встрѣтить
Намъ суждено, чтобъ прибыть въ Лаціумъ Итальянскій въ весельи;
Если жъ спасенья не ждать и ты уже въ морѣ Либійскомъ,
Доблестный Тевкровъ отецъ, и нѣтъ ужъ надеждъ для Іула,
То хоть къ заливамъ Сиканіи и готовымъ жилищамъ
Тѣмъ, отъ которыхъ плывемъ, и къ царю возвратимся Ацесту».
Молвилъ такъ Иліоней; и въ голосъ одинъ зашумѣли
Всѣ Дарданцы.
  Кратко Дидона затѣмъ, глаза опуская, сказала:
«Въ сердцѣ уймите вы страхъ, о Тевкры, оставьте заботы.
Злая судьба съ новизной державы меня принуждаютъ
Такъ поступать и хранить широко окраины стражей.
Рода кто жъ Энеадъ, кто города Трои не знаетъ,
Доблестей всѣхъ и мужей иль войны подобной пожарищъ?
Не до того мы сердца притупленныя носимъ, Пунійцы,
Солнце, не столь отвратясь, проѣзжаетъ надъ городомъ Тирскимъ.

546. *Надземнымъ*, горнимъ воздухомъ, т. е. на поверхности земли, въ противоположность преисподней. — 550. Иліоней указываетъ на то, что Эней можетъ расположить въ пользу Дидоны сосѣдняго царя Ацеста (см. ст. 196). — 557. *Сиканіи*, Сициліи. — 559. *Зашумѣли*, въ знакъ одобренія. — 567. Мы не безучастны къ геройскимъ подвигамъ и къ несчастью другихъ; мы живемъ среди людей и имѣемъ теплое, чувствительное сердце.

Хоть къ Гесперіи вы великой и къ нивамъ Сатурна,
Хоть къ Эрика землѣ и царю Ацесту стремитесь,
Съ помощью васъ отпущу безъ вреда и выдамъ пособье.
Если хотите со мной равно основаться здѣсь въ царствѣ,
Городъ, что я создаю,—онъ вашъ; корабли возводите;
Тевкръ и Тиріецъ пусть мнѣ безъ различія всякаго будутъ.
О, когда бы самъ царь, все тѣмъ же вѣтромъ гонимый,
Прибылъ Эней! Къ берегамъ непремѣнно людей я надежныхъ
Вышлю и прикажу развѣдать въ Либійскихъ предѣлахъ,
Не блуждаетъ ли гдѣ онъ въ лѣсахъ, въ городахъ ли, закинутъ».
Въ духѣ возбуждены и храбрый Ахатъ этой рѣчью,
И родитель Эней прорвать ужъ давно возгорались
Облако. Первый Ахатъ обратился со словомъ къ Энею:
«Сынъ богини, какой возникаетъ въ душѣ твоей замыслъ?
Видишь сохраннымъ ты все, корабли и товарищи цѣлы.
Нѣтъ одного, что во глубь утонувшимъ пучины мы сами
Видѣли; все же затѣмъ соотвѣтствуетъ матери слову».
Еле онъ это сказалъ, какъ облако, вкругъ разлитое,
Быстро разорвалось и эѳиръ расчистило ясный.
Сталъ тутъ Эней, возблиставъ въ сіяніи свѣтломъ, и ликомъ
И плечами на бога похожъ, потому что сама же
Сыну прекрасные мать волоса и пурпурный отблескъ
Юношескій придала и очамъ веселую прелесть:
Какъ украшаетъ рука слоновую кость или желтымъ
Золотомъ обведено серебро или мраморъ Паросскій.
Тутъ къ царицѣ онъ такъ обратился и быстро, нежданно
Передъ всѣми сказалъ: «кого вы ищете, вотъ я
Здѣсь, Троянецъ Эней изъ волнъ Либійскихъ исторгнутъ.
О! состраданье одна оказавшая горестямъ Трои,
Ты, что насъ, остальныхъ отъ Данаевъ, исчерпавшихъ бѣды
Всѣ по землѣ и морямъ, да и во всемъ обнищавшихъ,

569. *Сатурнъ* считался древнимъ національнымъ богомъ Италіи. — 570. *Эрикъ*, по Сервію, былъ сынъ Венеры. Онъ былъ убитъ Геркулесомъ и погребенъ на горѣ, получившей отъ этого названія Эрикса (теперь monte San-Juliano). Она находится на сѣв. западн. оконечности Сициліи; вершина горы увѣнчена небольшою крѣпостью, окруженною старинными стѣнами.

Въ городъ пріемлешь и въ домъ, достойно воздать благодарность
Силы, Дидона, въ насъ нѣтъ и ни въ комъ, кто бъ ни былъ и гдѣ бы
Изъ Дарданской семьи, разсѣянной въ мірѣ великомъ.
Боги, коль точно они благочестіе цѣнятъ, коль все же
Правосудіе есть и мысль, сознающая правду,
Пусть тебѣ воздадутъ. Какимъ создана ты блаженнымъ
Вѣкомъ? Такой отъ какихъ родителей ты зародилась?
Рѣки покуда текутъ въ моря, покуда блуждаютъ
Тѣни надъ высями горъ и звѣзды пасутся по небу,
Вѣчная слава твоя и имя съ хвалою пребудутъ,
Хоть какія бъ меня ни призвали земли». Такъ молвя,
Иліонею жметъ руку онъ правой, а лѣвой—Сересту,
Послѣ—другимъ, храбрецу Гіасу и также Клоанту.
Изумилась сперва при видѣ Сидонка Дидона
Далѣе мужа судьбѣ подобной, и такъ отвѣчала:
«Что за жребій тебя, сынъ богини, преслѣдуетъ въ столькихъ
Бѣдствіяхъ? Силой какой ты гонимъ къ берегамъ, столь свирѣпымъ?
Ты не Эней ли, кого отъ Дарданійца Анхиза
Въ Фригіи мать родила Венера у волнъ Симоиса?
Помню и Тевкра я тожъ, когда къ намъ въ Сидонъ, онъ явился,
Выгнанъ изъ отчей страны, чтобы при помощи Бела
Новаго царства искать; отецъ мой, Белъ, плодородный
Кипръ тогда разорилъ и побѣдивши владѣлъ имъ.
Ужъ съ тѣхъ поръ мнѣ судьба извѣстна города Трои

584. *Нѣтъ одного*; см. ст. 113—117. — 585. *Матери слову*, ст. 390 сл. — 602. Эней оставилъ нѣсколько спутниковъ на о. Критѣ (III, 190) и зналъ, что Троянцы поселились въ Сициліи (ст. 549—550) и въ Эпирѣ (III, 294 сл.). — 603—604. Если гдѣ-нибудь существуютъ божества, обращающія вниманіе на благочестивыхъ людей; если справедливость значитъ что-нибудь. — 608. По ученію эпикурейцевъ, огонь раздѣленъ въ небесномъ пространствѣ на множество частицъ, откуда *звѣзды* заимствуютъ себѣ питаніе, т. е. свѣтъ. — 618. *Симоиса*; см. ст. 100. — 619—622. *Тевкръ*, сынъ царя Теламона изъ Саламина и братъ Аякса. Будучи изгнанъ, по возвращеніи изъ троянской войны, отцомъ, за то что не отомстилъ Улиссу за своего брата, онъ былъ благосклонно принятъ царемъ Сидона Беломъ, и, завладѣвъ, при его помощи Кипромъ, основалъ тамъ городъ, назвавъ его именемъ родного города Саламиномъ.

Стала и имя твое, равно и цари у Пелазговъ.
Превозносилъ самый врагъ хвалою высокою Тевкровъ
И рожденьемъ отъ древняго корня Тевкровъ онъ хвасталъ.
Такъ, о мужи, скорѣй вы въ наши входите жилища.
И меня вѣдь судьба такая жъ, помыкавъ по многимъ
Бѣдствіямъ, утвердить наконецъ тутъ въ странѣ захотѣла.
Бѣды сама испытавъ, помогать научаюсь несчастнымъ».
Такъ говоритъ, и притомъ Энея вводитъ въ чертоги
Царскіе, также почетъ назначаетъ божескимъ храмамъ.
Тою порой между тѣмъ къ берегамъ для спутниковъ двадцать
Посылаетъ быковъ и сотню огромныхъ въ щетинѣ
Тушей свиныхъ и сто съ матерями ихъ тучными ярокъ,
Приношенія и отраду дня.
А внутри-то чертогъ убирается царской блестящей
Роскошью, и посреди жилища готовятъ трапезу:
Дивной работы ковры красуются пурпуромъ пышнымъ,
Полны столы серебра и въ золотомъ тутъ чеканѣ
Подвиги храбрыхъ отцовъ, длиннѣйшій порядокъ событій,
Столькихъ дѣянья мужей съ начала стариннаго рода.
Но Энею—не дала любовь отцовская сердцу
Быть покойнымъ—послалъ къ кораблямъ подвижнаго Ахата,
Чтобы Асканію все передать и привесть его въ городъ.
Объ Асканіи все заботится нѣжный родитель.
Кромѣ того, онъ дары, что изъ падшаго спасъ Иліона,
Повелѣваетъ принесть, въ узорѣ и въ златѣ накидку
И покрывало, кругомъ окаймленное желтымъ аканѳомъ;
То Елены уборъ Аргивской, что изъ Микены,
Какъ отправлялась она въ Пергамъ къ запрещенному браку,
То съ собой привезла, даръ дивный матери Леды;

624. *Пелазговъ*, Грековъ. — 626. По сказанію, мать *Тевкра*, Гезіона, была дочерью троянскаго царя Лаомедонта. — 632. *Почетъ храмамъ*, по римск. обычаямъ, такъ какъ въ героическій періодъ съ прибытіемъ гостя жертву приносили въ самомъ домѣ (см. прим. къ 6 ст.). *Почетъ*, т. е. жертвоприношенія. — 650. *Елены Аргивской*, изъ гомер. 'Αργείη Ἑλένη. Въ Троѣ было обыкновеніе называть чужестранцевъ по мѣсту ихъ рожденія (Аргосъ вмѣсто Эллады). — 651. *Пергамъ*; см. ст. 466. — 652. *Леда*, жена спартанскаго царя Тиндарея, мать Кастора, Поллукса и Елены.

Скипетръ, кромѣ того, что носила давно Иліона,
Старшая изъ дочерей Пріама, и съ шеи монисто
Изъ жемчуговъ и двойной вѣнецъ золотой и въ каменьяхъ.
Съ симъ поспѣшая, Ахатъ свой путь къ кораблямъ направляетъ.
Но Цитерея въ груди вращаетъ новыя козни,
Новые замыслы, чтобъ, измѣнивши лицо и наружность,
Какъ Асканій пришелъ Купидонъ и дарами царицу
Въ страсть приведя, распалилъ и кости огнемъ ей наполнилъ.
Страшенъ коварный ей домъ и двуязычье Тирійцевъ;
Злая Юнона томитъ и къ ночи снова забота.
Вотъ обращаетъ она къ Амуру крылатому рѣчи:
«Сынъ мой, ты сила моя, великая власть, ты единый,
Ты у владыки отца презирающій стрѣлы Тифея,
Я прибѣгаю къ тебѣ и, склонясь, божество умоляю.
Что вкругъ всѣхъ береговъ твой братъ Эней среди моря
Носится, злобой гонимъ несправедливой Юноны,
Вѣдаешь ты, и не разъ о моей сокрушался печали.
Нынѣ Дидона его Финикійка любезною рѣчью
Замедляетъ, и я боюсь, какъ направитъ Юнона
Гостепріимство; она не пропуститъ столь важной минуты.
Хитростью раньше затѣмъ и огнемъ окружить я царицу
Думаю, какъ бы она не измѣнилась чьей властью,
А привязалась со мной великой любовью къ Энею.
Какъ это сдѣлать тебѣ, мои ты выслушай мысли:
Царственный мальчикъ, предметъ моей величайшей заботы,
Въ городъ Сидонскій идти собрался по отцовскому зову,
Несть дары, что въ волнахъ и Троянскихъ огняхъ уцѣлѣли.

653. *Скипетръ* часто упоминается какъ отличіе всѣхъ членовъ царскаго дома. *Иліона*, жена Ѳракійскаго царя Палиместора, см. III, 49 сл. — 655. *Вѣнецъ* состоялъ изъ двухъ веществъ, изъ драгоцѣнныхъ камней и золота. — 657. *Цитерея;* см. ст. 257. — 660. *Огнемъ*, любви. — 661. *Коварный домъ*, по отношенію къ вѣроломству Пигмаліона. *Двуязычье*, коварство, вѣроломство; *fides punica*, для обозначенія коварства, вошла у Римлянъ въ пословицу. — 662. Венера не довѣряетъ *Юнонѣ*, несмотря на увѣренія Юпитера (ст. 254 сл.). — 665. *Стрѣлы Тифея*, молнія, которою Юпитеръ поразилъ великана Тифея. Чтобы изобразить все могущество бога любви, нерѣдко на памятникахъ представляли Амура ломающимъ громовыя стрѣлы Юпитера.

Я погруженнаго въ сонъ его на вершинѣ Цитеры
Или въ священный пріютъ на вершинѣ Идалія скрою,
Чтобы, уловки не знавъ, не могъ онъ явиться помѣхой.
Ты его образъ прими на единую ночь и не больше
И въ знакомый ты ликъ облекися мальчика, мальчикъ,
Чтобы, какъ приметъ тебя на колѣни въ восторгѣ Дидона,
Между царственныхъ блюдъ за столомъ и влагой Ліея,
Какъ начнетъ обнимать и нѣжные класть поцѣлуи,
Тайно огонь ей вдохнулъ и обманулъ ты отравой».
Матери милой словамъ покоренъ Амуръ и снимаетъ
Крылья и весело онъ выступаетъ походкой Іула.
А Венера покой Асканію мирный вливаетъ
Въ члены и, на груди лелѣя, богиня возноситъ
Въ лѣсъ на Идалій его, гдѣ маіоранъ его нѣжный
И цвѣтами и сладко дышащею тѣнью объемлетъ.
Шелъ ужъ покоренъ словамъ Купидонъ и несъ приношенья
Царскія, веселясь, предводимый Ахатомъ, къ Тирійцамъ.
Какъ пришелъ онъ, уже на коврахъ драгоцѣнныхъ царица
Подъ навѣсомъ златымъ посерединѣ возсѣла,
И отецъ ужъ Эней, и молодежь ужъ изъ Трои
Собрались и кругомъ на разостланный пурпуръ склонились.
Слуги воды подаютъ для рукъ и Цереры въ корзинкахъ
И несутъ ручниковъ съ коротко пристриженной тканью.
Пятьдесятъ тамъ въ жильѣ служанокъ, которыхъ забота
Яствъ длинный рядъ устроять и огни возжигать для пенатовъ.
Сто другихъ и столько же слугъ, лѣтами имъ равныхъ,
Яствами обременять столы и ставить бокалы.
Да и Тирійцевъ сошлось чрезъ порогъ торжественный много,
Приглашенныхъ возлечь на подстилкахъ узорныхъ. Дивятся
И Энея дарамъ, дивятся также Іулу,

680. *Цитеры*; см. ст. 257. — 681. *Идалій*, гора и городъ на Кипрѣ съ храмомъ Венеры. — 686. *Ліей* (латинское Liber), греческое прозваніе Вакха, какъ освободителя отъ заботъ и печалей. — 693. Кипръ славился душистымъ *маіораномъ*. — 698. Дидона, какъ царица, занимаетъ почетное мѣсто. По одной сторонѣ ея размѣстились Троянцы, по другой, какъ видно изъ 708 ст., Карѳагеняне. — 712. *Будущей злобѣ*, т. е. будущей гибельной любви къ Энею (IV, 90).

Пылкаго бога лицу съ его поддѣльною рѣчью
И накидкѣ, равно покрывалу съ желтымъ аканѳомъ.
Бѣдная, пуще всего обреченная будущей злобѣ,
Сердца не можетъ унять и заглядѣвшись пылаетъ
Финикіянка, ей и дары, и мальчикъ—волненье.
Онъ, когда повисѣлъ на рукахъ и на шеѣ Энея
И любви утолилъ родителя мнимаго пылкость,
Тутъ къ царицѣ пошелъ; та взоромъ, та цѣлой душою
Льнетъ и на лонѣ его ласкаетъ; не знаетъ Дидона,
Что за богъ къ ней приникъ, бѣдняжкѣ. А онъ, вспоминая
Мать Ацидалію, сталъ устранять понемногу Сихея,
И старается онъ привлечь живою любовью
Духъ, что спокоенъ давно уже былъ и отвычное сердце.
  Только за пиромъ покой наступилъ и столы поубрали,
Чаши ставятъ затѣмъ большія и вина вѣнчаютъ.
Шумъ въ покояхъ возникъ и говоръ въ преддверьи обширномъ
Раздается; свѣтильники, внизъ съ потолковъ золоченыхъ
Опускаясь, горятъ и ночь побѣждаютъ свѣчами.
Тутъ спросила царица золотомъ съ камнями вѣскій
Кубокъ и налила виномъ. Служилъ онъ у Бела,
Да и за Беломъ у всѣхъ; тутъ стало безмолвно въ чертогѣ:
«О Юпитеръ, вѣдь ты, говорятъ, защищаешь пришельцевъ.
Если бъ Троянцамъ сей день и изъ Трои исшедшимъ на радость
Ты восхотѣлъ даровать и нашимъ потомкамъ на память.
Будь веселья отецъ съ нами Вакхъ и благая Юнона;
Вы жъ, о Тирійцы, въ любви отпразднуйте сборище наше».
Молвила и отлила на столъ освятительной влаги
И, отливъ, краемъ устъ сперва до нея прикоснулась,
Битію тутъ подала, вызывая. Тотъ выпилъ усердно
Пѣнистый кубокъ и весь золотой въ себя опрокинулъ;
Дальше и прочая знать. На цитрѣ гремитъ золоченой
Долговолосый Іопъ, наученъ великимъ Атлантомъ.

720. *Ацидалія*, прозваніе Венеры, отъ соименнаго источника въ Бэотіи. — 724. *Вѣнчаютъ*. По римскимъ обычаямъ наполненные виномъ бокалы украшены вѣнками (III, 525). — 731. Обращеніе это относится къ Юпитеру, покровителю гостепріимства (Juppiter hospitalis). — 741. *Долговолосый* по обычаю пѣвцовъ.—*Атлантъ*, сынъ Титана Япета и Климены, морской великанъ, под-

Тотъ блужданья луны воспѣваетъ и солнца усилья,
Родъ откуда людской, и скоты, и огни, и ненастья,
И за Арктуромъ Гіадъ съ дождемъ и обоихъ Тріоновъ;
Изъ-за чего въ океанъ спѣшитъ погрузиться такъ солнце
Зимнее, или ночамъ лѣнивымъ какая задержка.
Рукоплещутъ не разъ Тирійцы и слѣдомъ Трояне,
Да и рѣчами различными бѣдная тоже Дидона
Ночь проводила и медленною упивалась любовью,
Много пытаясь узнать о Пріамѣ, о Гекторѣ много;
То съ оружьемъ какимъ Авроринъ сынъ появлялся,
То каковъ былъ Ахиллъ, то о коняхъ Діомеда.
«Впрочемъ, молвила, гость, разскажи намъ прямо, сначала
Козни Данаевъ ты всѣ и приключенія вашихъ,
И блужданья свои; потому седьмое ужъ лѣто
Въ странствіяхъ носитъ тебя по всѣмъ землямъ и пучинамъ».

держивающій столбы, подпирающіе небо. По позднѣйшимъ сказаніямъ, онъ держитъ на своихъ плечахъ цѣлое небо и отожествляется съ горою Атласомъ. Его представляли также въ образѣ мудреца, который изобрѣлъ небесный глобусъ (поэтому и собраніе географич. картъ наз. атласомъ) и первый указалъ на теченіе звѣздъ и перемѣну погоды. Слѣдуя этому послѣднему сказанію, Вергилій и назвалъ Атланта учителемъ Іопа (ст. 741—746). — 744. *Арктуръ*, звѣзда первой величины въ созвѣздіи Челнока, которой приписывали большое вліяніе на состояніе погоды. — *Гіады*, семь звѣздъ, находящихся на головѣ Вола, которыхъ восхожденіе и захожденіе, по наблюденіямъ древнихъ, сопровождается дождями и бурями. *Тріоны*, большая и малая Медвѣдица, составляющія семизвѣздіе (*septem Triones*). — 746. По представленію древнихъ, ночь, достигнувъ назначеннаго предѣла на берегахъ Гесперіи, погружается въ волны океана, уступая мѣсто дневному свѣту (см. Овид. Превращ. 2, 142). — 751. *Авроринъ сынъ*, Мемнонъ (см. ст. 489). — 755. *Седьмой* годъ по разрушеніи Трои начинается плаваніемъ, во время котораго буря заноситъ Энея къ берегамъ Либіи. См. прим. къ V, 626.

ЭНЕИДА

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ ВТОРОЙ.

Разсказъ Энея о разрушеніи Трои. Ст. 1—12. Слѣдуя приглашенію Дидоны (I, 753), Эней, несмотря на глубокую печаль, возбужденную въ его душѣ воспоминаніями о паденіи родного города, рѣшается разсказать роковую судьбу Трои. 13—56. Деревянный конь. 57—198. Грекъ Синонъ, предавшись добровольно въ руки Троянцевъ, обманываетъ ихъ ложными разсказами о конѣ. 190—233. Смерть Лаокоонта и его сыновей. 234—249. Троянцы влекутъ коня въ городъ. 250—267. Греки овладѣваютъ городомъ. 268—297. Тѣнь Гектора является во снѣ Энею и побуждаетъ его къ бѣгству. 298—317. Эней, пробудившись и увидѣвъ все въ пламени, стремится въ послѣдній бой. 318—335. Эней, встрѣтившись съ убѣгавшимъ Пантомъ, узнаетъ отъ него о положеніи дѣлъ. 336—369. Эней вмѣстѣ съ товарищами устремляется въ бой. 370—401. Встрѣча съ Грекомъ Андрогеемъ. Троянцы убиваютъ его и его товарищей и надѣваютъ доспѣхи Грековъ. 402—437. Греки влекутъ плѣнную Кассандру. Товарищи Энея падаютъ въ борьбѣ за ея освобожденіе. 438—505. Бой у дворца Пріама. 506—558. Пирръ убиваетъ Пріама у алтаря. 559—566. При видѣ убитаго Пріама, Эней вспоминаетъ своихъ. 567—587. Встрѣча съ Еленою (стиховъ этихъ нѣтъ въ лучшихъ спискахъ). 588—623. Венера является Энею; указавъ на всеобщее разрушеніе Трои, она увѣщеваетъ его бѣжать со своими. 624—670. Видя всеобщее разрушеніе, Эней спѣшитъ къ отцовскому дому. Анхизъ отказывается бѣжать. 671—704. Въ то время какъ Креуза удерживаетъ Энея, готоваго вторично устемиться въ бой, является чудесное знаменіе, побуждающее Анхиза бѣжать. 705—729. Эней убѣгаетъ со своими. 730—795. Исчезновеніе Креузы. 796—804. Съ собравшимися бѣглецами Эней отправляется на гору Иду.

ЭНЕИДА

П. ВЕРГИЛІЯ МАРОНА

КНИГА ВТОРАЯ.

Всѣ замолкли и взоръ со вниманьемъ къ нему обратили.
Съ ложа высокаго тутъ отецъ Эней такъ промолвилъ:
«Несказанную скорбь обновлять мнѣ велишь ты, царица,
Какъ богатства Троянъ и слезъ достойное царство
Свергли Данаи во прахъ, что самъ я печальное видѣлъ,
Много участвуя въ немъ. Кто бъ могъ при разсказѣ объ этомъ,
Изъ Мирмидоновъ, иль Долоповъ, иль изъ ратныхъ Улисса
Воздержаться отъ слезъ? Ужъ влажная ночь поспѣшаетъ
Съ неба сойти, и ко сну зовутъ заходящія звѣзды.
Если жъ такъ силенъ порывъ узнать приключенія наши
И коротко услыхать о послѣднихъ бѣдствіяхъ Трои,
Хоть содрогается духъ вспоминать, отступаяся съ плачемъ,
То начну.
Сокрушась на войнѣ и отбиты судьбами,
Ужъ Данаевъ вожди, какъ столько лѣтъ миновало,
Словно бы гору, коня, съ небеснымъ искусствомъ Паллады,
Создаютъ и изъ ели обтесанной ребра вставляютъ;

1. *Къ нему*, т. е. къ Энею. — 2. *Съ ложа*; см. I, 708. — 5. *Данаи*: см. I, 30. — 7. *Мирмидоны* и *Долопы*, народы Θессаліи, приведенные подъ Трою Ахилломъ и его сыномъ Пирромъ. — 9. Изъ I, 748 видно, что одна часть *ночи* уже прошла. — 15. *Съ небеснымъ искусствомъ Паллады.* Греки строятъ при помощи искусства Паллады, т. е. Палладѣ они обязаны планомъ и указаніями при производствѣ работы.

Будто свершаютъ обѣтъ о возвратѣ; молва такъ гласила.
Тутъ отборныхъ людей въ него по жребію тайно
Заключаютъ они во внутренній мракъ и въ пещеры,
Воиновъ насажавъ вооруженныхъ въ утробу.
Прямо въ виду Тенедосъ, извѣстный славою островъ:
Былъ онъ богатымъ, пока Пріамово царство держалось;
Нынѣ одинъ онъ заливъ, кораблямъ ненадежная пристань;
Вотъ къ нему-то приплывъ, на пустомъ берегу они скрылись.
Мы же сочли, что они ушли и отплыли въ Микены.
Ради этого плачъ свой оставила Тевкрія долгій.
Растворились врата, любо выйти въ лагерь Дорійскій,
И опустѣвшія зрѣть мѣста, и покинутый берегъ.
Здѣсь былъ Долоповъ строй, здѣсь грознаго лагерь Ахилла,
Флота мѣсто вотъ здѣсь; здѣсь строемъ обычно сражались.
Часть дивится на даръ губительный дѣвы Минервы
И громадѣ коня изумляется: первый Тимэтъ ихъ
Въ стѣны его ввести убѣждаетъ и въ замкѣ поставить,
Изъ предательства ли, иль Трои судьбы такъ хотѣли.
Только Капій, да тѣ, что умомъ понимали получше,
Или въ море обманъ Данаевъ, въ злокозненномъ дарѣ,
Свергнуть велятъ, или сжечь его, огня подложивши,
Иль провертѣть пустоту живота и извѣдать, что скрыто.
Раздѣлился народъ, колеблемъ желаніемъ рознымъ.
Первымъ у всѣхъ впереди, большою толпой окруженный,
Лаокоонтъ, воспылавъ, сбѣгаетъ съ высокаго замка,
Издали клича: «несчастные граждане, что за безумство!
Вѣрите ль вы, что враги отплыли? Сочли ль, что Данаевъ
Даръ хоть одинъ безо лжи? Вы такъ-то узнали Улисса?
Иль въ этомъ деревѣ вотъ заключенные скрыты Ахейцы,

18. *Тутъ*, т. е. въ чрево коня. — 21. *Тенедосъ*, о-въ, знаменитый храмомъ Аполлона, находится *въ виду* троянскаго берега. — 26. *Тевкрія*; см. I, 38. — 31. *Дѣвы Минервы*, разумѣется 'Αθήνη παρθένος, храмъ которой (Парѳенонъ) находился на аѳинскомъ Акрополисѣ. Эней называетъ *даръ губительнымъ*, по позднѣйшему опыту. — 34. *Изъ предательства*. Намекъ на возможность измѣны со стороны *Тимэта*, жена и сынъ котораго, по свидѣтельству Сервія, были убиты по приказанію Пріама. — 41. *Лаокоонтъ*, по преданію, братъ Анхиза, жрецъ Нептуна (ст. 201), онъ воспылалъ гнѣвомъ, видя нерѣшительность толпы и козни Грековъ.

Или же этотъ снарядъ противу стѣнъ нашихъ созданъ,
Чтобы смотрѣть на дома и сверху спуститься на городъ,
Или иной въ немъ обманъ, коню вы, Тевкры, не вѣрьте.
Что тамъ ни будь, я боюсь Данаевъ и даръ приносящихъ».
Такъ сказавши, копье огромное съ силой большою
Чудищу въ бокъ и ему въ пазы кривые на чревѣ
Онъ устремилъ. То стало дрожа и съ ударомъ въ утробѣ
Загудѣло пустой и застонали пещеры.
И если бъ божьи судьбы, если бъ разумъ въ насъ не былъ превратенъ,
Онъ бы увлекъ насъ разбить желѣзомъ притонъ Арголійскій,
Троя стояла бъ теперь, уцѣлѣлъ бы ты, замокъ Пріама.
Вотъ между тѣмъ пастухи Дорійскіе съ крикомъ великимъ
Юношу, руки ему связавъ за спиною, тащили
Прямо къ царю; онъ самъ невѣдомый шедшимъ навстрѣчу
Предалъ себя, чтобы ковъ устроить этотъ и Трою
Для Ахеянъ открыть отважно готовъ на любое,
Или обманъ провести, иль вѣрной подвергнуться смерти.
Изъ за желанья взглянуть, молодежь отовсюду изъ Трои
Обступая шумитъ, въ перебой издѣваясь надъ плѣннымъ.
Слушай про хитрость теперь Данаевъ и по проступку
Ты одного всѣхъ познай.
Ибо когда на виду среди всѣхъ онъ смущенъ—безоружный
Сталъ и глазами вокругъ увидалъ Фригійскіе строи,
«Горе! какая теперь, воскликнулъ, земля и какое
Море воспримутъ меня? Что жъ, бѣдному, мнѣ остается,
Для котораго нѣтъ у Данаевъ мѣста и даже
Сами Дарданцы его наказанія алчутъ и крови?»
Этотъ стонъ всѣ умы превратилъ, и порывъ весь затихнулъ.
Увѣщеваемъ сказать, изъ какой онъ крови родился,
Съ чѣмъ идетъ; объявить—на что онъ надѣется, плѣнный.

46. *Снарядъ*, наподобіе римскихъ осадныхъ башенъ, изъ которыхъ Римляне спрыгивали на стѣны. — 49. *Я боюсь Данаевъ и даръ приносящихъ* соотвѣтствуетъ вошедшему въ пословицу полустишію: «*Timeo Danaos et dona ferentes*». — 66. *Всѣхъ*, т. е. Грековъ. — 68. *Фригійскіе*, троянскіе. — 75. Стихъ этотъ составляетъ отвѣтъ на слова плѣнника (ст. 71, 72), умолявшаго Троянцевъ о спасеніи. Толпа надѣется, что Синонъ, добровольно предавшійся въ ея

(Тотъ; наконецъ, отложилъ свой страхъ и вымолвилъ это):
«Всю я правду, о царь, тебѣ, чтобъ затѣмъ ни случилось,
Сообщу, онъ сказалъ; и, что я Арголіецъ, не скрою.
Это во-первыхъ; пускай, коль Фортуна Синона несчастнымъ
Сдѣлала, злобная, пусть не сдѣлаетъ лживымъ, коварнымъ.
Если дошло до ушей твоихъ случайно въ разсказахъ
Паламедово имя Белида съ разнесшейся громкой
Славой, котораго, какъ за предательство, ложно Пелазги
Зло по доносу, безвиннаго, ибо войну воспрещалъ онъ,
Предали смерти, теперь же грустятъ о сошедшемъ со свѣта.
Вотъ ему-то въ товарищи, близкаго даже по крови,
Бѣдный отецъ на войну меня выслалъ въ юности первой.
Невредимо пока онъ властвовалъ и на совѣтѣ
Царскомъ былъ въ силѣ, и я отчасти значенье и имя
Сохранялъ. Но когда клеветою лукавца Улисса—
Не о невѣдомомъ я говорю—исчезъ онъ со свѣта,
Жизнь я во мракѣ влачилъ, предаваясь печали и плачу,
И возмущался въ душѣ судьбой неповиннаго друга.
Не молчалъ я, безумецъ, и, коль судьба въ томъ поможетъ,
Коли съ побѣдой когда я въ родимый Аргосъ возвращуся,
То отомстить обѣщалъ и воздвигъ злую ненависть рѣчью;
Въ этомъ всѣхъ бѣдствій истокъ, съ тѣхъ поръ Улиссъ постоянно
Новыми сталъ угрожать извѣтами, сѣять въ народѣ
Темные слухи и, чуя вину, искалъ лишь оружья.

руки (ст. 59), откроетъ важныя тайны, долженствующія спасти его отъ неминуемой смерти. — 76. Стихъ этотъ не существуетъ въ лучшихъ рукописяхъ; безъ сомнѣнія, онъ заимствованъ позднѣйшею рукою изъ III, 612. — 77—80. Чистосердечною откровенностью Синонъ старается расположить къ себѣ умы Троянцевъ. — 82. *Паламедъ*, сынъ эвбейскаго царя Навплія и потомокъ египетскаго царя Бела, принудилъ Улисса принять участіе въ Троянской войнѣ. Завидуя его славѣ, Улиссъ во время войны обвинилъ Паламеда въ измѣнѣ и послѣдній былъ убитъ войскомъ каменьями. — 84. Поводомъ къ обвиненію Паламеда въ измѣнѣ послужило подложно составленное Улисомъ письмо Пріама къ Паламеду и найденныя въ палаткѣ Паламеда деньги, тайно зарытыя тамъ по приказанію Улисса. *Воспрещалъ*, т. е. отговаривалъ въ совѣтѣ греческихъ вождей. — 99. Подъ *оружіемъ* разумѣются средства, употребленныя Улиссомъ, съ цѣлью погубить Синона.

Такъ и уняться не могъ, пока при услугѣ Калхаса—
Но къ чему это я непріятное тутъ вспоминаю,
Медлю зачѣмъ? Коль для васъ Ахеяне всѣ безразличны,
Слышать довольно о томъ, наказанье теперь исполняйте:
Ждетъ Итакіецъ его и за дорого купятъ Атриды».
Тутъ возгорѣлися мы узнать и развѣдать событья,
Не смекнувъ о такихъ злодѣйскихъ уловкахъ Пелазга.
Онъ, трепеща и обманъ въ груди затая, продолжаетъ.
«Часто Данаи начать, покинувши Трою, желали
Бѣгство и отступить, измучены долгой войною.
О, если бъ сдѣлали такъ! Имъ часто жестокая буря
Путь преграждала морской и Австеръ пугалъ отходящихъ.
Пуще всего же, когда ужъ состроенъ изъ бревенъ кленовыхъ
Всталъ этотъ конь, по всему загудѣли воздуху бури.
Смущены мы, спросить посылаемъ къ оракулу Феба
Эврипила, и тотъ намъ печальныя рѣчи приноситъ:
«Вѣтры кровію вы смирили и смертію дѣвы,
Какъ, Данаи, сперва вы шли къ берегамъ Иліонскимъ;
Кровью возврата искать надлежитъ и пожертвовать жизнью
Арголійца». Лишь вѣсть достигла до слуха народа,
Всѣ ужаснулись сердца и холодная дрожь охватила
Кости, кто избранъ судьбой, кого Аполлонъ назначаетъ.
Тутъ Итакіецъ, шумя ужасно, пророка Калхаса
На средину влечетъ, и въ чемъ тутъ божія воля,
Вопрошаетъ. И мнѣ уже многіе злую сулили
Гибель отъ хитреца и глядѣли молча, что будетъ.
Десять дней тотъ молчитъ и укрываясь не хочетъ
Выдать словами кого, или же къ смерти назначить.
Скоро межъ тѣмъ побужденъ Итакійца крикомъ великимъ

100. *Пока при услугѣ Калхаса*, фигура умолчанія, какъ I, 135 (подраз. не достигъ своего). *Калхасъ* знаменитый греч. прорицатель, бывшій въ греческомъ станѣ въ троянскую войну. — 104. *Итакіецъ*, т. е. Улиссъ. — 107. Возбудивъ любопытство Троянцевъ, Синонъ до конца выдерживаетъ свою роль обманщика. — 111. *Австеръ*, см. I, 85. — 112. *Кленовыхъ*. Отдѣльныя части коня сдѣланы изъ разнаго дерева, см. ст. 16 и 258. — 116. Греки *смирили вѣтры*, принесеніемъ въ жертву Ифигеніи въ Авлидѣ (Овид. Превращ. XII, 27—38). — 121. *Аполлонъ назначаетъ*, чрезъ Калхаса, какъ богъ прорицаній — 123. *Въ чемъ тутъ божія воля*, т. е. на кого указываютъ боги.—125. *Хитреца*, Улисса.

Общникъ молчанье прервалъ и меня на алтарь онъ назначилъ.
Всѣ одобряютъ и то, чего всякъ для себя опасался,
Обратить одному несчастному въ гибель согласны.
День уже страшный насталъ, для моей приготовили жертвы
И соленой муки, и вокругъ висковъ мнѣ повязокъ.
Вырвался тутъ, сознаюсь, я у смерти, расторгнувъ оковы,
И у болотной воды всю ночь въ камышахъ, незамѣтный,
Крылся, пока паруса, если пустятся плыть, приподымутъ.
Ужъ никакой у меня надежды увидѣть отчизну
Древнюю, милыхъ дѣтей, да и отца дорогаго.
Можетъ быть требовать тѣхъ наказанья они за побѣгъ мой
Станутъ, и эту вину искупятъ смертью несчастныхъ.
Вотъ я богами тебя, и властью ихъ, знающей правду,
Той, когда она есть, коль у смертныхъ понынѣ осталась,
Честью сохранной молю, надъ столькими бѣдами сжалься,
Сжалься ты надъ душой, выносящей все это безвинно».
Этимъ жизнь мы слезамъ даровали и сжалились сами.
Наручни первый велитъ Пріамъ снять съ мужа и цѣпи
Тѣсныя и говоритъ такія слова дружелюбно:
«Кто бы ты ни былъ, забудь ужъ отнынѣ утраченныхъ Грековъ;
Станешь нашимъ; и мнѣ на вопросъ ты выскажи правду:
Эту громаду коня къ чему возводили? Кто строилъ?
Что въ ней за цѣль? Обѣтъ ли какой? Снарядъ ли военный?»
Такъ онъ сказалъ. Тотъ хитростей полнъ и уловокъ Пелазговъ,
Къ звѣздамъ поднялъ свои, отъ узъ свободныя руки.
«Вѣчные свѣточи, васъ я и нерушимую вашу
Силу зову, онъ сказалъ, и васъ алтари и ножи тѣ
Страшные, коихъ бѣжалъ, и повязки, что несъ я, какъ жертва:

131. Предсказаніе поразило сначала всѣхъ, но когда Калхасъ указалъ на Синона, то всѣ охотно согласились съ его мнѣніемъ. — 133. *Соленой муки*, т. е. муки смѣшанной съ солью. Этою мукой посыпали голову жертвы, жертвенный огонь и ножи. *Повязки* составляли принадлежность жрецовъ, жертвъ и изображеній боговъ. — 136. Синонъ навѣрно не зналъ, отплывутъ ли Греки, не принеся жертвы. — 146. *Наручни*, которыя пастухи наложили на Синона (ст. 57). — 154—155. Синонъ приноситъ ложную клятву. Небесныя свѣтила не были свидѣтелями оскорбленія, причиненнаго ему Греками: поэтому онъ вовсе не имѣетъ права отказываться отъ своихъ обязанностей къ соотечественникамъ. — 156. *Повязки*, см. ст. 133.

Слѣдъ мнѣ теперь разорвать священныя съ Греками узы,
Слѣдъ ненавидѣть мужей и тайны ихъ всѣ обнаружить,
Ни отчизною я, ни законами больше не связанъ.
Только ты слово сдержи и, спасенная Троя, храни ты
Вѣрность, коль правду скажу, коль великой воздамъ я услугой.
Вся надежда и все на войну упованье Данаевъ
Опирались всегда на помощь Паллады. Съ тѣхъ поръ же,
Какъ нечестивый Тидидъ и Улиссъ, преступленья зачинщикъ,
Изъ священнаго храма рѣшились исторгнуть Палладій
Роковой, перебивъ сторожей высокаго замка,
Ликъ схватили святой и, окровавивши руки,
Тронуть дѣвственныя повязки богини дерзнули:
Тутъ разлилась и назадъ потекла надежда Данаевъ,
Сокрушилась ихъ мощь, отвратилось и сердце богини.
И несомнѣнныхъ чудесъ Тритонія знаки давала.
Только въ лагерѣ ликъ поставили: вспыхнуло пламя
Съ дрожью въ подъятыхъ очахъ и потъ соленый по членамъ
Проступилъ, и сама она трижды—и вымолвить чудно—
Подпрыгнула съ земли со щитомъ и дрожащею пикой.
Тотчасъ Калхасъ возгласилъ, что должно бѣжать черезъ море,
Что не можетъ Пергамъ Арголійскимъ быть сверженъ оружьемъ.
Если вѣщаній опять не испросятъ въ Аргосѣ и лика,
Что по волнамъ на кривыхъ корабляхъ увезли, не воротятъ.
И, если нынѣ они въ родныя отплыли Микены,
Такъ ублажаютъ боговъ и оружье готовятъ и моремъ
Будутъ нежданно назадъ. Такъ вывелъ Калхасъ предсказанье.

164. *Тидидъ*, см. I, 97. Греки полагали всю надежду на покровительство Паллады. Но эта надежда исчезла съ тѣхъ поръ, какъ Діомедъ оскорбилъ богиню, похитивъ ея изображеніе. — 165. *Палладій*, статуя Паллады со щитомъ и впередъ выставленнымъ копьемъ. Такъ какъ отъ присутствія этого изображенія зависѣла, по преданію, судьба Трои (поэтому *роковой*, ст. 166), то Діомедъ и Улиссъ тайно похитили Палладій. — 171. *Тритонія*, эпитетъ Минервы, родившейся, по одному сказанію, возлѣ либійскаго озера Тритона, по другому—у бэотійскаго ручья Тритонъ. — 178. По римскому обычаю, соединенному здѣсь Вергиліемъ съ героическимъ временемъ (см. I, 6), полководцы Римлянъ, въ случаѣ неудачныхъ военныхъ дѣйствій или неблагопріятныхъ предзнаменованій, возвращались въ Римъ за новыми ауспиціями.—*Аргосъ*, родина главнаго предводителя Грековъ, Агамемнона.—*Лика*, т. е. изображенія Паллады.

Такъ про Палладій узнавъ за оскорбленье святыни
Это подобье поставили, чтобъ искупило нечестье.
Эту громаду межъ тѣмъ Калхасъ на тесаныхъ брусьяхъ
Приподнять приказалъ и возвесть подъ самое небо,
Чтобы входить въ ворота не могла или въ стѣны вводиться,
Ни народъ защитить опять старинной святыней.
Ибо, коль ваша рука сей даръ нарушитъ Минервѣ,
То большая напасть—на него бъ предсказаніе боги
Обратили сперва!—на Пріама сойдетъ и Фригійцевъ.
Если же въ городъ онъ вашъ, да вашими вступитъ руками,
То въ грядущемъ войной великой къ стѣнамъ Пелопейскимъ
Азія тоже пойдетъ, и судьба нашихъ внуковъ такая жъ».
  Въ силу уловокъ такихъ, при коварномъ искусствѣ Синона,
Дѣлу вѣрятъ, въ обманъ насъ поймали притворныя слёзы,
Хоть не могли надломить ни Тидидъ, ни Ахиллъ Ларисейскій,
Ни десятокъ годовъ, ни судовъ вся тысяча даже.
  Тутъ другое еще и бóльшее бѣднымъ предстало
И страшнѣе еще, и сердца нежданно смутило.
Лаокоонтъ, жрецомъ Нептуна по жребію избранъ,
Предъ алтаремъ приносилъ быка огромнаго въ жертву.
Вотъ съ Тенедоса межъ тѣмъ по влагѣ спокойной—мнѣ страшно
Сказывать—двѣ змѣи, свиваясь большими кругами,
На пучину легли и къ берегу обѣ стремятся,
Груди ихъ средь воды поднялись и кровавые гребни

183. *Про Палладій,* который увезли Греки. — *Оскорбленье святыни*, выразившееся въ похищеніи Паллады. — 188. По разсказу Синона, конь былъ построенъ въ честь Минервы, подобно тому какъ и Палладій. Поэтому Греки опасались, чтобы конь не оказывалъ Троѣ покровительства въ томъ случаѣ, если бы Троянцы вовлекли его въ городъ и стали молиться ему, какъ Палладію. — 189. *Минервѣ;* см. ст. 31. — 193—194. Рѣчь идетъ о наступательной войнѣ, которою потомки Троянцевъ съ родныхъ береговъ Азіи пойдутъ на Грековъ. *Стѣны Пелопейскія,* отъ Пелопса, сына Тантала, пришедшаго изъ Фригіи въ Пелопонезъ. Здѣсь разумѣются Аргосъ и Микены. — 197. *Тидидъ и Ахиллъ* упоминаются здѣсь, какъ храбрѣйшіе. — *Ларисейскій*, отъ Лариссы, города, находившагося вмѣстѣ съ царствомъ Ахилла (Фтія) въ Ѳессаліи. — 198. *Тысяча* у поэтовъ, часто приводится какъ круглое число. По Гомеру (Иліад. II, 194 см.) число кораблей=1186. — 204. *Двѣ змѣи* столь дружно и равномѣрно идутъ на Лаокоонта, что представляютъ какъ бы одну нераздѣльную пару. Это еще болѣе наводитъ ужасъ.

Надъ волнами встаютъ, позади же часть остальная
Море чертитъ и хребты огромной дугой извиваетъ.
Шумъ средь пѣны морской раздается, ужъ къ полю приплыли
И, глазами блестя, огнемъ залитыми и кровью,
Стали шипящіе рты лизать, языками мелькая.
Мы разбѣжались, блѣдны, при видѣ. Тѣ вѣрной дорогой
На Лаокоонта идутъ; и сразу тѣла небольшія
Двухъ дѣтей охватя, ихъ обѣ змѣи обвиваютъ
И поѣдаютъ у нихъ, кусая, несчастные члены;
А затѣмъ самого, какъ съ оружьемъ идетъ онъ на помощь,
Ухвативши, онѣ въ громаднѣйшихъ вяжутъ извивахъ;
Дважды обвивъ посреди, ужъ дважды гребнистой спиною
Обняли шею онѣ, и встаютъ головой и затылкомъ.
Онъ и узлы норовитъ оторвать своими руками,
А повязки на немъ слюною и ядомъ облиты,
И одновременно вопль до звѣздъ подымаетъ ужасный:
Ревъ такой у быка, когда пораженный бѣжитъ онъ
Отъ алтаря и топоръ невѣрный трясетъ изъ затылка.
Оба жъ дракона, скользя, убѣгаютъ къ высокому храму,
И поспѣшаютъ достичь жестокой Тритоніи замка,
Чтобы за круглымъ щитомъ у ногъ богини укрыться.
Тутъ еще новый испугъ у всѣхъ въ дрожащія груди
Забрался: говорятъ, что искупилъ преступленье
Лаокоонтъ потому, что дротомъ священное древо
Оскорбилъ и копье преступное въ спину направилъ.
Въ храмъ подобаетъ везти этотъ ликъ и святыню богини

213—222. Изображенная Вергиліемъ смерть Лаокоонта и его сыновей представлена съ незначительными отступленіями въ знаменитой мраморной «Группѣ Лаокоонта», произведеніи родосской школы въ періодъ ея разцвѣта (323—146 до Р. Хр.). Творцами ея были ваятели: Агезандръ, Полидоръ, Аѳенодоръ. Группа была найдена въ 1506 г. въ Римѣ и теперь хранится въ знаменитомъ Ватиканскомъ Музеѣ (Museo-Pio-Clementino). Группа считается «чудомъ искусства». Она мастерски описана Лессингомъ, а также извѣстнымъ знатокомъ античнаго искусства Винкельманомъ. — 227. Упоминаемое здѣсь изображеніе богини не слѣдуетъ смѣшивать съ похищеннымъ Палладіумомъ. Щитъ ея опирается на оконечности ногъ и поддерживается рукою. — 228. Первый *испугъ* возникаетъ вслѣдствіе появленія змѣй, новый, усиленный—подъ впечатлѣніемъ того, что змѣи скрылись за изображеніемъ богини. — 232. *Въ храмъ*, Минервы.

Умолять,—вопіютъ.
Стѣну пошли разбирать и градскія мы ломимъ пристройки.
Всѣ за дѣло взялись и поддвигаютъ колеса
Подъ ноги, чтобы катить и тянутъ шею веревки
Изъ пеньки. Роковой снарядъ подымается въ стѣны,
Полонъ оружіемъ. Мальчики и незамужнія дѣвы
Гимны поютъ и рукой до каната дотронуться рады.
Такъ все идетъ и, грозя, въ середину города входитъ.
О отчизна, о домъ ты боговъ, Иліонъ, и войною
Славныя стѣны Дарданъ! Четырежды онъ на порогѣ
Становился и звонъ издавало оружье въ утробѣ.
Мы же стоимъ на своемъ, все забывъ, ослѣпленные рвеньемъ,
И чудовище грозное въ замкѣ становимъ священномъ.
Тутъ и Кассандра уста, возвѣстить о грядущемъ, раскрыла,
Волею бога, хоть ей никогда не вѣрили Тевкры.
Мы же храмы боговъ, несчастливцы, коихъ послѣдній
Это былъ день, съ торжествомъ по городу въ зелень убрали.
  Небо вертится межъ тѣмъ и ночь съ океана несется,
Тѣнью великой своей укрывая и землю, и полюсъ,
И Мирмидоновъ обманъ; въ стѣнахъ разошедшися, Тевкры
Пріумолкнули; сонъ утомленные члены объемлетъ.
Вотъ ужъ Аргивская рать, снарядивъ корабли, выходила
Отъ Тенедоса, въ тиши привѣтной луны молчаливой,
Къ нашимъ стремясь берегамъ: когда надъ царской кормою
Пламя возникло, боговъ защищенный враждебнымъ рѣшеньемъ,
Отворяетъ Синонъ Данаевъ, скрытыхъ во чревѣ,
Снявши сосновый засовъ. Наружу ихъ растворенный
Выпустилъ конь. Веселы изъ древа пустаго выходятъ

235—36. Привязавъ веревку къ шеѣ коня, они тащутъ его. — 243. Коснуться ногою дверей или порога считалось у древнихъ худымъ предзнаменованіемъ. — 246. *Кассандра*, дочь Пріама и Гекубы. Аполлонъ даровалъ ей предвидѣніе будущаго, но, чтобы наказать ее за неисполненіе одного ея обѣщанія, онъ внушилъ всѣмъ невѣріе къ ея предсказаніямъ. — 247. *Волею бога*, Аполлона. — 250. Древніе представляли небо въ видѣ вертящагося свода. — 251. *Полюсъ*, см. I, 90. — 252. *Мирмидоны*, Ѳессалійскій отрядъ Ахилла (ст. 7), здѣсь вообще Греки. — 255. *Отъ Тенедоса*, ст. 21. — 257. *Пламя*, какъ сигналъ для Синона; онъ былъ поданъ раньше, чѣмъ Синонъ рѣшился выпустить товарищей изъ чрева коня. — 259. *Сосновый засовъ*, см. ст. 112.

И Тессандръ и Стенелъ—вожди, и Улиссъ непреклонный,
Внизъ по канату спустясь, и Акамантъ за Тоантомъ,
Неоптолемъ тутъ Пелидъ, и прежде прочихъ Махаонъ;
И Менелай, да и самъ Эпей, устроитель обмана.
Вторгнулись въ городъ они, и въ сонъ, и въ вино погруженный,
Перебитъ караулъ, ворота раскрывши, пріемлютъ
Сотоварищей всѣхъ, съ соучастной сливаясь толпою.
Было то время, когда измученныхъ смертныхъ объемлетъ
Первый покой, и боговъ благостыней вливается сладко:
Вотъ во снѣ у меня въ глазахъ съ печальнѣйшимъ Гекторъ
Видомъ предсталъ, и слезъ обильные лилъ онъ потоки,
Парой коней уносимъ какъ нѣкогда, черенъ въ кровавомъ
Прахѣ, со вдернутыми въ опухшія ноги ремнями.
Горе, каковъ то онъ былъ! Какъ противъ того измѣнился
Гектора, что приходилъ одѣтый въ доспѣхи Ахилла,
Или кидалъ въ корабли Данаевъ Фригійское пламя.
Съ грязной онъ былъ бородой, волоса слипались отъ крови;
Ранами тѣла покрытъ, которыхъ онъ множество принялъ
Вкругъ отеческихъ стѣнъ. Казалось, что самъ я, невольно
Плачася, мужа зову, издавая голосъ печальный.
«О, Дарданіи свѣтъ, надежда вѣрнѣйшая Тевкровъ,
Что за помѣхи тебя удержали? Съ какихъ береговъ ты,
Гекторъ желанный, идешь? Какъ послѣ погибели многихъ
Изъ твоихъ, послѣ бѣдъ людей и города разныхъ,
Видимъ, уставши, тебя! Какой недостойной причиной
Ликъ у тебя искаженъ? Иль зачѣмъ эти раны я вижу»!
Тотъ ничего, на моемъ онъ напрасномъ вопросѣ не медлитъ,

261. *Стенелъ*, вождь Аргивянъ, товарищъ Діомеда. — 262. *Акамантъ*, сынъ Тезея. *Тоантъ*, предводитель Троянцевъ. — 263. *Махаонъ*. Сервій называетъ его «знаменитѣйшимъ медикомъ». — 264. *Эпея* и Гомеръ признаетъ *устроителемъ обмана*, т. е. коня (Одисс. VIII, 492). — 275. Когда Ахиллъ, обиженный Агамемнономъ, отказался принимать участіе въ бою, то Троянцы стали тѣснить Грековъ и Гекторъ зажегъ ихъ корабли (ст. 276). Тогда Ахиллъ, предоставивъ свое вооруженіе Патроклу, дозволилъ ему снова вступить въ бой. Но Гекторъ убилъ Патрокла и съ вооруженіемъ Ахилла торжественно возвратился въ Трою. Подробнѣе объ этомъ у Гомера (Иліад. кн. XVI и XVII). — 276. При высадкѣ корма корабля втаскивалась на берегъ. — 281. *Дарданія*, городъ на горѣ Идѣ, основанный раньше Трои Дарданомъ.

А тяжелый лишь воздухъ со дна груди испуская,
«О, сынъ богини, бѣги, онъ сказалъ, отъ огней тутъ спасайся.
Врагъ—владыкою стѣнъ: съ высоты низвергается Троя.
Вдоволь отчизнѣ дано и Пріаму: когда бы десницей
Можно Пергамъ защитить, вотъ и эта бъ его защитила.
Троя святыню тебѣ и своихъ поручаетъ пенатовъ;
Въ спутники ихъ забери ты судебъ, имъ стѣны сыщи ты,
Что наконецъ, проблуждавъ по морямъ, ты поставишь высоко».
Такъ онъ сказалъ и въ рукахъ принесъ и повязки, и Весту
Мощную, и изъ святынь храмовыхъ огонь вѣковѣчный.
Разнообразно межъ тѣмъ мѣшаются въ городѣ стоны
Больше да больше, хотя стоявшій отъ прочихъ отдѣльно
Домъ Анхиза отца отступалъ, деревьями скрытый,
Ясенъ становится звонъ и ужасъ подходитъ оружья.
Пробуждаюсь отъ сна и на крышу, до самаго верха
Подымаясь, всхожу и стою, насторожившп уши:
Какъ при злобныхъ вѣтрахъ бросается пламя на жатву,
Или проворный потокъ, разливаяся съ горъ, повергаетъ
Нивы, валяетъ посѣвъ веселый и трудъ весь воловій
И уноситъ лѣса, опрокинувъ; дивится въ незнаньи,
Шумъ услыхавши, пастухъ, стоя на вершинѣ утеса.
Истина стала ясна наконецъ, объявились Данаевъ
Козни. Уже, побѣжденъ Волканомъ, весь развалился
Домъ Деифоба большой, уже сосѣдній пылаетъ
Укалегонъ; далеко свѣтятъ пламенемъ воды Сигея.
Возникаетъ и крикъ мужей, и трубъ завыванье.
Взялъ я оружье, шальной; но мало въ оружіи толку:
Только бы кучку собрать для битвы и къ замку сбѣжаться

293. *Пенатовъ*, см. I, 527. — 296. *Повязки;* см. ст. 133. — *Весту*, богиню домашняго очага. Какъ покровительница римскаго общежитія, она имѣла святыню, въ которой шесть весталокъ поддерживали неугасаемый огонь; см. I, 292. — 300. Домъ находился въ сторонѣ отъ той части города, гдѣ Греки все предавали разрушенію. — 308. Подобно тому какъ пастухъ, взирая на объятыя огнемъ поля, не хочетъ вѣрить тому, что видитъ, такъ и Эней, взирая на пылающій городъ, сначала недоумѣваетъ, и затѣмъ только догадывается о козняхъ Данайцевъ (ст. 309). — 309. *Истина стала ясна:* видѣннаго во снѣ Энеемъ, ст. 289 сл. — 311. *Деифобъ*, сынъ Пріама. — 312. *Укалегонъ*, т. е. его домъ.—*Воды Сигея*, бухта у мыса, образующаго входъ въ Геллеспонтъ.

Вмѣстѣ—пылаетъ душа; и злоба, и гнѣвъ подбиваютъ
Духъ, и является мысль: умереть прекрасно въ доспѣхахъ.
Вотъ тѣмъ временемъ Пантъ, отъ копій Ахеянъ бѣжавшій,
Пантъ Отріадъ, онъ жрецомъ былъ въ замкѣ и также у Феба,
Дланью священной боговъ побѣжденныхъ и малаго внука
Самъ влечетъ и побѣгъ, обезумѣвъ, направилъ къ порогу.
«Пантъ! Какія дѣла? Какой заберемъ же мы замокъ?»
Только я это сказалъ, онъ мнѣ со вздохомъ отвѣтилъ:
«День послѣдній пришелъ, неотразимое время
Для Дарданіи. Мы, Троянцы, ужъ были, великій
Былъ Иліонъ,—честь Тевкровъ; въ Аргосъ жестокій Юпитеръ
Все перенесъ; и царятъ Данаи въ пылающемъ градѣ.
Конь громадный, стоя въ серединѣ стѣнъ, испускаетъ
Вооруженныхъ, а самъ побѣдитель Синонъ, насмѣхаясь,
Сѣетъ пожаръ. Тѣ стоятъ въ двустворчатыхъ настежь ворòтахъ,
Сколько тысячъ когда изъ великихъ Микенъ ни пришло ихъ;
Копья уставя впередъ, тѣсноту захватили другіе
Улицъ. Желѣза ряды стоятъ, сверкая клинками
Наголо, и грозятъ убійствомъ; едва лишь дерутся
Первыя стражи воротъ, съ отвагой слѣпою противясь».
Отріада такой я рѣчью и властью небесныхъ
Въ пламя и въ битву взманенъ; куда Эринія мрачно,
Шумъ куда призывалъ и до неба встающіе крики.
Прибываютъ ко мнѣ Рипей, какъ товарищъ, и сильный
Въ брани Эпитъ, при лунѣ сойдясь, и Гипанъ также съ Димомъ,
О бокъ со мной становясь, и Коребъ Мигдонидъ, еще юный.
Въ Трою случаемъ онъ явился тѣми же днями,

322. Видя, что Пантъ бѣжитъ съ изображеніемъ Аполлона, храмъ котораго находился въ укрѣпленной части города, Эней заключаетъ, что въ рукахъ непріятелей находится не только городъ, но и самая крѣпость. Его вопросы къ Панту имѣютъ отрицательный смыслъ: мы не можемъ защищать ни города, ни крѣпости: все потеряно. — 335. Стража, поставленная у воротъ, первая подверглась нападенію Грековъ, освобожденныхъ Синономъ изъ чрева коня. Пантъ въ своемъ краткомъ разсказѣ дошелъ до того мѣста, котораго коснулся уже Эней (ст. 266). — 337. *Эриніи*, первоначально считались богинями проклятій и карательницами преступниковъ. У Римлянъ онѣ наз. Furiae (dirae deae). Въ дальнѣйшемъ значеніи онѣ являются какъ богини, внушающія людямъ страсть къ убійствамъ. — 341. *Мигдонидъ*, сынъ фригійскаго царя Мигдона.

Воспламененный своей безумной любовью къ Кассандрѣ,
И, какъ зять, приносилъ Пріаму съ Фригійцами помощь,
Бѣдный, что слушать не сталъ невѣсты своей вдохновенной
Наставленій.
Какъ я собравшихся ихъ и алкающихъ битвы увидѣлъ,
То прибавляю къ тому: «О юноши, храбрые тщетно
Сердцемъ, ежели въ васъ, за идущимъ на крайность, стремиться
Воля тверда, каково положеніе дѣла, вамъ видно.
Вонъ изъ храмовъ ужъ всѣхъ ушли, алтари покидая,
Боги, которыхъ была тутъ держава; пылающій городъ
Вы бѣжите спасать: умремъ и ринемся въ битву.
Побѣжденнымъ одно спасенье—не ждать ужъ спасенья».
Придано ярости такъ духу юношей. Тутъ словно волки
Хищные въ темной ночи, которыхъ нещадная алчность
Брюха стремитъ ослѣпя, и съ пастью изсохшей щенята
Ждутъ оставшись, такъ мы идемъ чрезъ враговъ, чрезъ оружье
На несомнѣнную смерть, и прямо свой путь направляемъ
Къ городу; черная ночь объемлетъ насъ тѣнью густою.
Кто словами бы могъ той ночи убійства и трупы
Пересказать, иль пролить тѣмъ бѣдствіямъ равныя слезы?
Городъ стариннѣйшій палъ, владычный многіе годы;
Много простертыхъ лежитъ по улицамъ тѣлъ безоружныхъ
Порознь и по домамъ, и по священнымъ порогамъ
Храмовъ. Но не одни наказаны кровію Тевкры;
И къ побѣжденнымъ въ сердца порой возвращается храбрость,
И побѣдителямъ смерть Данаямъ. Повсюду жестокій
Плачъ, повсюду испугъ и смерти различные виды.
Первый, большою толпой окруженный Данаевъ, навстрѣчу
Намъ идетъ Андрогей и въ незнаньи, считая насъ строемъ
Свойскихъ, издали самъ насъ привѣтствуетъ дружескимъ словомъ:

343. *Безумной,* потому что онъ не обращалъ вниманія на увѣщеванія Кассандры, ст. 345. — 348. Смыслъ: Друзья, сражаться безполезно; но я все-таки рѣшаюсь испытать послѣднее средство; если вы желаете слѣдовать за мною, то умремъ вмѣстѣ, такъ какъ спасенія я не вижу. — 351—352. По вѣрованію древнихъ, боги удалялись изъ города тогда, когда послѣдній долженъ былъ перейти въ руки враговъ. — 360. Слова: «*черная ночь объемлетъ насъ тѣнью густою*», находящіяся въ противорѣчіи со ст. 255, вставлены, по мнѣнію нѣкоторыхъ, позднѣйшею рукою.

«Поспѣшайте, друзья, какая жъ васъ медленность поздно
Держитъ? Другіе Пергамъ пылающій, грабя, разносятъ,
Вы же впервые еще съ кораблей высокихъ идете»?
Молвилъ и тотчасъ затѣмъ, что отвѣтовъ, достаточно ясныхъ,
Не дали, онъ увидалъ, что въ срединѣ враговъ очутился.
Остолбенѣлъ и ногой отступилъ, подавивъ восклицанья.
Какъ если кто невзначай змѣю въ терновникѣ колкомъ
Къ земи придавитъ ступя, и трепетный быстро отскочитъ
Отъ выражающей гнѣвъ и сизое горло раздувшей,—
Точно же такъ Андрогей уходилъ, задрожавши при видѣ.
Бросились мы и, стѣсня оружіе, ихъ обступаемъ
И не знающихъ мѣстъ и охваченныхъ страхомъ мы порознь
Низвергаемъ. Трудамъ помогла Фортуна сначала.
И Коребъ, восхищенъ такимъ успѣхомъ и духомъ:
«О, товарищи, тѣмъ, воскликнулъ, путемъ, что сначала
Кажетъ Фортуна и гдѣ благосклонность являетъ, пойдемте;
Перемѣнимъ щиты у Данаевъ и сами надѣнемъ
Ихъ доспѣхи. Обманъ на врага или доблесть, кто спроситъ?
Сами доспѣховъ дадутъ». Такъ молвилъ и шлемъ онъ гривастый
Андрогея и щитъ возлагаетъ, блестящій красою,
И Аргивскій мечъ къ своему прицѣпляетъ онъ боку.
Также Рипей; такъ самый и Димъ поступаютъ, и рада
Вся поступить молодежь; всякъ въ забранныхъ новыхъ доспѣхахъ.
Замѣшавшись промежъ Данаевъ, идемъ на несчастье
И, въ ночной темнотѣ сходясь, вступаемъ мы часто
Въ битвы и многихъ въ Оркъ Данаевъ мы низвергаемъ.
Разбѣжались одни къ кораблямъ и вѣрнаго въ бѣгствѣ
Берега ищутъ; а часть въ постыдномъ страхѣ въ громаду
Снова взлѣзаютъ коня, въ знакомой сокрыться утробѣ.
Ахъ! не слѣдъ никому вопреки богамъ быть въ надеждѣ!
Вотъ съ распущенной косой Кассандру, Пріамову дѣву,
Отъ святыни влекутъ и самаго храма Минервы;
Къ небу напрасно она возводитъ горящія очи,
Очи,—вѣдь связаны ей оковами нѣжныя руки.

392. Древніе, подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ, любили украшать щиты выпуклыми изображеніями. Такъ Гомеръ описываетъ щитъ Ахилла, Вергилій— Энея. — 398. Въ *Оркъ,* въ преисподнюю.

Этого вида не снесъ Коребъ, разъяренный душою,
И въ средину толпы онъ вторгнулся самъ на погибель.
Всѣ мы слѣдомъ за нимъ и, сплотивши оружье, несемся.
Тутъ сперва съ высоты вершины храма стрѣлами
Нашихъ осыпаны мы, и жалкое вышло убійство
Изъ за оружья на видъ и ошибки по греческимъ гребнямъ.
Тамъ Данаи на вопль и въ гнѣвѣ, что дѣву отбили,
Стекшись отвсюду, идутъ, Аяксъ жесточайшій и оба
Вмѣстѣ Атрида и все за ними Долоповъ войско;
Такъ при вихрѣ, порой возникшемъ, противные вѣтры
Спорятъ и Нотъ, и Зефиръ и, радуясь конямъ восточнымъ,
Эвръ; расшумятся лѣса, неистово мечетъ трезубцемъ
Въ пѣнѣ Нерей и со дна глубокаго бездну колышетъ.
Тоже и тѣ, коль кого мы разсѣяли темною ночью
Хитростью нашей во мракъ и гнали по городу всюду,
Вышли, всѣхъ прежде они щиты и подложность доспѣховъ
Признаютъ и въ устахъ на звуки несходные кажутъ.
Тотчасъ насъ давитъ число, и первый Коребъ опрокинутъ
Былъ Пенелея десной къ оруженосной богини
Алтарю; палъ тожъ и Рипей, справедливѣйшій самый,
Бывшій средь Тевкровъ одинъ и надежнѣйшій правды блюститель
(Боги судили не такъ); и Гипанъ, и Димъ погибаютъ;
Ихъ пронзили свои, и тебя, какъ ты, Пантъ, зашатался,
Ни благочестье укрыть не могло, ни Феба повязка.
Иліонскій ты прахъ и послѣднее пламя мнѣ близкихъ
Будьте свидѣтели, что при паденіи вашемъ ни копій,
Ни опасностей я не бѣжалъ и, будь суждено лишь,
Пасть отъ Данаевъ руки заслужилъ я. Оттуда спаслись мы

410—413. Двоякая опасность угрожаетъ имъ: сперва со стороны Троянцевъ, затѣмъ со стороны Грековъ. — 411. *Жалкое*, такъ какъ свои убиваютъ своихъ. — 414. *Аяксъ*, см. I, 41 сл. — 415. *Долоповъ*, см. II, 7. — 417—418. *Нотъ, Зефиръ, Эвръ*, см. I, 85. — *Конямъ*. У древнихъ вѣтры нерѣдко представлялись ѣдущими на коняхъ. — *Восточнымъ*, такъ какъ Эвръ дуетъ съ востока. — 419. *Нерей*, морской богъ, старшій сынъ Понта, является здѣсь съ аттрибутомъ Нептуна (см. I, 145). — 422. *Всѣхъ прежде*. Здѣсь разумѣются тѣ, которыхъ раньше прогнали Троянцы, одѣтые въ греческіе доспѣхи, см. ст. 399 сл. — 423. Они по произношенію, по акценту (и тѣ и другіе говорятъ по-гречески) узнаютъ, что мы не Греки. — 425. *Богини*, Минервы, ст. 404.

Вмѣстѣ съ Ифитомъ и Пеліемъ, изъ которыхъ годами
Древенъ Ифитъ былъ, а Пелій отъ раны Улиссовой медленъ;
Тотчасъ воплями насъ позвало къ чертогамъ Пріама.
Здѣсь же ужасный мы бой увидали, какъ будто бы прочихъ
Не было битвъ и нигдѣ не мерли въ городѣ цѣломъ,
Такъ необузданный бой и Данаевъ, стремящихся къ кровлѣ,
Видимъ, и также порогъ, осаждаемый подъ черепахой.
Лѣстницы льнутъ ко стѣнамъ внизу отъ притолокъ самыхъ,
На ступенькахъ стоя, щиты, отъ стрѣлъ закрываясь,
Кверху подъемлютъ десной, а лѣвой хватаютъ за крышу.
А Дарданиды въ отпоръ и съ башни, и съ крыши домовой
Валятъ верхи, оружьемъ такимъ, послѣднее видя,
Ужъ себя защищать отъ смерти ближайшей готовы.
Въ золотѣ брусья они, украшенья высокія предковъ,
Сверху валятъ; а тѣ мечи наголо заступаютъ
Двери; ихъ-то они охраняютъ стѣснившимся строемъ.
Возобновился въ нихъ духъ на защиту царскаго дома
Въ помощь явиться мужамъ и силу придать побѣжденнымъ.
  Былъ съ потайными дверьми порогъ и велось сообщенье
Между Пріама домовъ, и сзади оставлены были
Тамъ косяки, черезъ нихъ все время, что царство стояло,
Андромаха одна несчастная часто ходила
Къ тестю и къ дѣду водила мальчика Астіанакса.
Я на высшій острякъ пробираюся кровли, откуда
Бѣдные Тевкры рукой напрасныя копья кидали.
Башню, надъ краемъ стоящую и возведенную верхней
Крышею къ самымъ звѣздамъ, откуда видѣть всю Трою
И Данаевъ суда привыкли и лагерь Ахейскій,
Мы обступили кругомъ съ желѣзомъ, гдѣ въ ярусахъ верхнихъ

441. *Подъ черепахой.* Тѣсно сомкнутые солдаты, прикрываясь щитами, которыхъ вся масса образовала у нихъ надъ головами какъ бы хребетъ «черепахи», безопасно подвигались впередъ. — 442. Нападеніе было произведено на переднюю часть дома и потому Эней могъ взобраться на крышу указаннымъ въ 453 ст. и сл. путемъ. — 453—455. Чтобы взобраться на крышу, Эней воспользовался «*потайными дверьми*», находившимися въ задней части дворца. Двери эти вели въ коридоръ, по которому можно было проникнуть во всѣ части дворца.—456. *Андромаха*, жена Гектора, мать *Астіанакса*.

Шаткіе-были пазы, оторвавъ отъ высокаго мѣста,
Мы налегли на нее. Она, сорвавшись мгновенно,
Валится съ грохотомъ внизъ, и на строи Данаевъ широко
Упадаетъ. Но вотъ заступаютъ другіе, ни камни,
Ни инаго оружія родъ не скудѣетъ.
Передъ притворомъ какъ разъ на первомъ порогѣ ярится
Пирръ, оружьемъ своимъ и отблескомъ мѣднымъ сіяя;
Какъ при свѣтѣ змѣя, вскормленная травами злыми,
Та, что холодной зимой, подъ землею раздувшись, скрывалась,
Нынѣ же, кожу спустивъ, обновленная юности блескомъ,
Скользкую спину свою, подъемля грудь, извиваетъ
Прямо на солнцѣ, тройнымъ языкомъ изъ пасти мелькая.
Мощный съ нимъ Перифантъ и коней Ахилла правитель,—
Спутникъ Автомедонтъ и вся молодежь изъ Скироса
Подступаютъ къ жилью и пламя кидаютъ на крышу.
Самъ между первыми онъ, топоръ ухвативши двуострый,
Рубитъ пороги и рветъ съ крюковъ ихъ мѣдныя стойки.
Ужъ, бревно прорубивъ, прошибъ онъ дубовыя двери
И широкою въ нихъ продѣлалъ пастью окошко.
Видно жилище внутри и длинные вскрылись покои,
Виденъ Пріама пріютъ и древнихъ царей помѣщенья,
Вооруженныхъ они на порогѣ стоящихъ тутъ видятъ.
А въ серединѣ дворецъ толкотнею несчастной и воплемъ
Замѣшался и вглубь просторныя комнаты стонутъ
Женскимъ воплемъ; до звѣздъ золотыхъ возносятся крики.
Тутъ въ покояхъ большихъ пугливыя матери бродятъ,
Обнимаютъ столпы и къ нимъ приникаютъ съ лобзаньемъ.

469. *На первомъ порогѣ.* Здѣсь разумѣется высшая ступень лѣстницы, ведущей съ улицы къ притвору, который соотвѣтствовалъ римскому vestibulum, свободному мѣсту предъ дверьми, на которомъ ожидали пришедшіе, пока имъ отворятъ двери. — 477. *Молодежь изъ Скироса*, рать Пирра. Послѣ смерти Ахилла Одиссей привезъ изъ Скироса (одинъ изъ оо. Спорадскихъ) сына Ахилла подъ Трою. — 480. Онъ разламываетъ сѣкирою порогъ, дѣлаетъ отверстіе въ томъ его мѣстѣ, гдѣ дверной крюкъ входитъ въ порогъ. Вслѣдствіе этого онъ отрываетъ дверь отъ крюка, на который она опиралась. Двери древнихъ прикрѣплялись не къ боковымъ косякамъ, но вращались на вставленныхъ въ углубленіе верхняго и нижняго порога столбикахъ. — 490. *Обнимаютъ столпы*, какъ будто желая сказать послѣднее прости.

Съ силой отцовскою Пирръ напираетъ; затворы и стража
Больше не въ силахъ сдержать; расшатана тяжкимъ тараномъ
Дверь, и, сорвавшись съ крюковъ, валятся и самыя стойки.
Силой вскрывается путь; ломаютъ притворъ и, ворвавшись,
Первыхъ Данаи разятъ и мѣста наполняютъ всѣ войскомъ.
Не несется рѣка тамъ въ пѣнѣ, прорвавши плотину,
Какъ пучиной своей побѣдитъ громады задержекъ,
Бѣшено мчится горой по лугамъ и разноситъ по нивамъ
Вмѣстѣ со стойлами скотъ. Самъ видѣлъ я яраго въ битвѣ
Неоптолема и съ нимъ на порогѣ обоихъ Атридовъ;
Видѣлъ Гекубу и сто невѣстокъ и кровью пятнавшимъ
На алтарѣ тотъ огонь Пріама, что самъ освятилъ онъ.
Спаленъ его пятьдесятъ, надежда такая на внуковъ,
Варварскимъ златомъ столпы надменные, какъ и добычей,
Пали. Данаи все то, что огонь пощадилъ, захватили.
Можетъ быть хочешь узнать, каковъ былъ жребій Пріама.
Города плѣннаго лишь погибель и разрушенье,
Двери дворца и врага посрединѣ комнатъ увидѣлъ,
То покрываетъ старикъ давно отвычнымъ оружьемъ
Тщетно плечи, отъ лѣтъ дрожащія, и, прицѣпивши
Мечъ безполезный, на смерть во враговъ сплоченныхъ несется.
Посерединѣ дворца, подъ открытымъ сводомъ небеснымъ,
Былъ огромный алтарь и лавръ стариннѣйшій подлѣ,
Наклонясь къ алтарю, набрасывалъ тѣнь на пенатовъ.
Тщетно тутъ вкругъ алтаря съ дочерьми Гекуба сидѣла,
Словно слетѣвшія внизъ отъ черной бури голубки,
Жались вмѣстѣ онѣ и лики боговъ обнимали.

491. *Затворы,* обитыхъ мѣдью дверей, которыя, хотя и разрушены въ своемъ основаніи (ст. 480–82), все-таки поддерживались внутренними засовами. — 501. *Гекуба,* жена Пріама. *Невѣстокъ,* здѣсь разумѣются дочери и невѣстки, которыхъ, по позднѣйшему сказанію, было 50. — 503. *Пятьдесятъ,* здѣсь по Гомеру, который упоминаетъ о 50 сыновьяхъ и 12 дочеряхъ Пріама (Ил. VI, 243 сл.). — 504. *Варварскимъ,* иностраннымъ, добытымъ въ непріятельскихъ земляхъ. — 512. *Посрединѣ дворца,* относится къ мѣсту позади римск. атріума, гдѣ въ четыреугольный бассейнъ (impluvium) собиралась дождевая вода. Въ срединѣ атріумъ не имѣлъ кровли, поэтому *подъ открытымъ сводомъ небеснымъ.* Возлѣ impluvium находился алтарь въ честь пенатовъ; см. пр. къ I, 6.

Въ юношескомъ самого оружьи завидя Пріама,
«Что за жестокая мысль, воскликнула, бѣдный супругъ мой,
Это оружье надѣть у тебя? Куда ты стремишься?
Помощи намъ не такой, не такихъ и защитниковъ нужно
Къ этому времени; нѣтъ, будь самъ на-лицо тутъ мой Гекторъ.
Отступи же сюда; всѣмъ будетъ алтарь тутъ защитой,
Или же вмѣстѣ умремъ». Такъ молвя, она притянула
Старца къ себѣ и его усадила на мѣстѣ священномъ.
Вотъ однако Политъ, отъ Пирровой рѣчи урвавшись,
Изъ Пріамовыхъ тожъ сыновей, чрезъ враговъ, чрезъ оружье
Вдоль переходовъ спѣшитъ, по пустымъ пробираясь покоямъ,
Раненый. Слѣдомъ за нимъ пылающій Пирръ, угрожая
Язвой, вотъ вотъ ухватилъ рукой и копьемъ поражаетъ.
Тотъ, какъ уже добѣжалъ до родительскихъ глазъ и до взоровъ,
Палъ, и въ обильной крови свою и душу излилъ онъ.
Тутъ и Пріамъ, хоть уже въ половину во власти былъ смерти,
Не воздержался межъ тѣмъ, ни словъ не жалѣя, ни гнѣва.
«Пусть за злодѣйство тебя, онъ вскричалъ, за твое дерзновенье
Боги, коль жалость тамъ есть въ небесахъ, что печется объ этомъ,
Воздадутъ по дѣламъ и тебѣ по заслугамъ заплатятъ,
Что ты заставилъ меня воочію видѣть кончину
Сына и запятналъ отцовскіе взоры убійствомъ.
Но не таковъ Ахиллесъ, отъ котораго, лжешь, что родился,
Былъ для Пріама врага; а почтилъ и права, и надежды
Умолявшаго и бездыханное выдалъ мнѣ тѣло
Гектора для похоронъ и меня отпустилъ въ мое царство».
Это сказавши, старикъ копьемъ невоинственнымъ кинулъ
Безъ размаха: оно сейчасъ же глухою отбито
Мѣдью, посверху щита на горбинѣ безвредно повисло.
Пирръ ему: «вотъ передашь родителю это Пелиду;
Вѣстникомъ ты и пойдешь; разсказать о дѣлахъ моихъ грустныхъ
И о выродкѣ ты Неоптолемѣ припомни.

539. По понятію древнихъ, видъ трупа дѣйствовалъ на присутствующихъ осквернительно; здѣсь поступокъ Пирра тѣмъ безчеловѣчнѣе, что онъ принудилъ отца взирать на смерть сына.

Нынѣ умри». Такъ сказавъ, дрожащаго тутъ и въ сыновней
Крови скользившаго все, подъ самый алтарь притащилъ онъ,
И закрутя волоса ему лѣвою, выхватилъ правой
Мечъ и въ пахъ погрузилъ по рукоятку блестящій.
Вотъ Пріамовъ конецъ. Исходомъ судебъ унесенъ онъ,
Зрящій Трои пожаръ и разрушенье Пергама,
Онъ, народовъ числомъ и странъ когда-то столь гордый,
Азіи всей властелинъ. Лежитъ на прибрежьи огромный
Трупъ съ оторванной съ плечъ головой и безъ имени тѣло.
А меня тутъ впервой охватило страхомъ ужаснымъ.
Остолбенѣлъ я. Предсталъ мнѣ родителя милаго образъ,
Какъ увидалъ я царя тѣхъ же лѣтъ, отъ раны жестокой
Испускающимъ жизнь; представилась сирой Креуза
И разграбленный домъ и судьба младенца Іула.
Я озираясь смотрю, что кругомъ меня за подмога.
Всѣ разошлись истомясь, и, срываясь, тѣла пороняли
На земь или въ огонь, изнемогши попадали сами.
Я ужъ остался одинъ, какъ вдругъ на порогѣ у Весты
Молчаливую и сокрытую въ мѣстѣ укромномъ
Тиндариду узрѣлъ. Пожаръ озарялъ меня свѣтомъ,
Какъ повсюду бродилъ и глаза на все обращалъ я.
Та, враждебныхъ себѣ за Пергамъ разрушенный Тевкровъ
И наказаній страшась отъ Данаевъ и гнѣва супруга,
Что покинутъ, Эринія, общая Троѣ съ отчизной,
Спряталась за алтаремъ и тамъ незримо сидѣла.
Вспыхнуло пламя въ душѣ и гнѣвъ поднялся за отчизну
Гибнущую отомстить и преступную кару исполнить.
«Значитъ и Спарту она узритъ и родныя Микены,
Не пострадавъ, и пойдетъ, возбудивши тріумфъ какъ царица,
Мужа, и домъ, и отцевъ, и дѣтей родимыхъ увидитъ,

557. *Азіи,* Малой Азіи; см. III, 1. — 562. *Креуза,* дочь Пріама и Гекубы (введ. § 15). — 569. *Тиндариду,* Елену, дочь спартанскаго царя Тиндара, сестру Кастора и Поллукса. — 570. Эней блуждалъ среди развалинъ, пробираясь къ своему дому. — 573. *Эринія;* см. ст. 337. — 576. Такъ какъ Елена, по словамъ Венеры (ст. 600 сл.), не сама виновна въ погибели Трои, то кара ея была бы въ самомъ дѣлѣ «преступною». — 577. *Родныя Микены,* см. I, 650. — 579. Здѣсь заключается перечисленіе радостей, сопряженныхъ съ

Иліонокъ толпу уводя и слугъ изъ Фригійцевъ?
Сгибнуть Пріама мечемъ? Сгорѣть отъ пламени Троѣ?
Кровію столько ли разъ берегамъ насыщаться Дарданскимъ?
Нѣтъ, тому не бывать. Никакой хоть для имени славы
Женщинъ наказывать нѣтъ и побѣда хвалы не заслужитъ,
Все же похвалятъ, что я уничтожилъ зло и виновной
Наказанья достигъ, и отрадно мнѣ будетъ наполнить
Сердце отмщенья огнемъ и пепелъ мнѣ близкихъ насытить».
Такъ-то обдумывалъ я и свирѣпымъ умомъ возбуждался,
Какъ воочію мнѣ съ небывалою ясностью прежде
Милая матерь представъ въ ночи свѣтло возсіяла.
И богиню такой явила, какой ее видятъ
Небожители и какой она есть, и, рукою
Взявъ, удержала меня и изъ розовыхъ устъ такъ сказала:
«Сынъ мой, какая же скорбь неудержно твой гнѣвъ возбуждаетъ?
Чѣмъ ты взбѣшенъ и куда объ насъ отложилъ ты заботу?
Не поглядишь ли сперва, гдѣ, дряхлаго вѣкомъ, Анхиза
Ты покинулъ отца? Да жива ли супруга Креуза
И Асканій твой сынъ? Ихъ всѣхъ, окружая отвсюду,
Грековъ объемлютъ толпы и, моя не препятствуй забота,
Ихъ унесъ бы огонь, и мечъ поразилъ бы враждебный.
Не Тиндариды тебѣ лицо, ненавистной Лаконки,
Иль обвиненный Парисъ, а божьи немилости, божьи
Силу разрушили тутъ и Трою низвергли съ вершины.
Ты погляди—ибо все, что теперь наведенное, взоръ твой
Смертный мутитъ и кругомъ омрачаетъ влагой своею,
Облако я совлеку; никакихъ материнскихъ не бойся
Ты повелѣній и внять наставленьямъ ея не противься—
Тамъ, гдѣ груды вразбросъ ты видишь и сбитые съ камней
Камни и вѣющій дымъ, что вмѣстѣ мѣшается съ пылью,

возвращеніемъ на родину послѣ долгаго отсутствія. Конечно, Елена не могла разсчитывать на торжественное возвращеніе домой; ее долженъ былъ смутить видъ отца Тиндара (матери ея не было уже въ живыхъ), сына Никострата и дочери Герміоны. Но не слѣдуетъ забывать, что слова эти говоритъ смертельный ея врагъ Эней, который справедливо предугадываетъ, что Елена, возвратившись, вступитъ въ прежнія отношенія къ роднымъ. — *Отцовъ*, множеств. вм. единств. числа, какъ часто у поэтовъ. — 601. *Лаконки*, Елены, см. ст. 569.

Стѣны могучимъ своимъ трезубцемъ Нептунъ потрясаетъ
И, основанья взломавъ, весь городъ съ мѣста воротитъ.
Тутъ Юнона грознѣйшая первая въ Скейскихъ воротахъ
Стала, и яро зоветъ съ кораблей союзныя рати,
Препоясавъ себя мечемъ.
Ужъ на замкѣ вверху Тритонія, глянь-ка, Паллада
Сѣла, каймою блестя и своею жестокой горгоной.
Самъ отецъ поддаетъ Данаямъ и духу, и силы,
Противъ оружья Дарданъ онъ самыхъ боговъ возбуждаетъ.
Въ бѣгство ударься, мой сынъ, и мукамъ конецъ положи ты.
Я не покину тебя и поставлю къ родному порогу».
Молвила и въ темноту сгустившейся ночи сокрылась.
Появляются мнѣ суровые лики и мощныхъ
Троѣ враждебныхъ боговъ существа.
Тутъ я впрямь увидалъ Иліонъ, весь въ огняхъ погруженный,
И перерытую всю со дна Нептунову Трою.
Какъ на высокой горѣ, когда, поражая желѣзомъ,
Ясень старинный спѣшатъ вперебой топорами, собравшись,
Дружно сельчане свалить; а онъ все еще угрожаетъ
И, дрожа и листвой потрясая, качаетъ вершиной
Мало по малу, пока, побѣжденный изъяномъ, въ послѣдній
Онъ не вздохнетъ и, съ хребта срываясь, разомъ не рухнетъ.
Я схожу и, ведомъ божествомъ, пробираюсь чрезъ пламя

612. *Скейскихъ воротъ*, которыя вели въ лагерь Грековъ. — 615—616. Дѣло уже дошло до того, что, бывшая нѣкогда защитницею Трои, Минерва, теперь грозно возсѣдаетъ на высокой вершинѣ замка. *Тритонія*, см. ст. 171. *Горгона*, общее наименованіе трехъ змѣеволосыхъ дочерей Форка: Сѳенон, Эвріалы и Медузы; своимъ ужаснымъ взглядомъ онѣ превращали смотрѣвшихъ на нихъ въ камень (см. VI, 289). Медуза обыкновенно называется Горгоною по преимуществу; голова ея была изображена на щитѣ Паллады. — 617. *Самъ отецъ*, т. е. Юпитеръ, который не только поддерживаетъ бодрость въ рядахъ Данайцевъ, но и придаетъ имъ силъ для окончательнаго разрушенія Трои. — 622—623. *Мощныхъ боговъ*: Юпитера, Юноны, Минервы. — 625. *Нептунову Трою*. Посейдонъ и Аполлонъ помогали царю Лаомедонту въ возведеніи стѣнъ Трои. Когда послѣдній отказалъ имъ въ выдачѣ условленной награды, то Посейдонъ послалъ морское чудовище опустошать городъ. Гераклъ освободилъ городъ отъ чудовища, подъ условіемъ, что Лаомедонтъ выдастъ за него свою дочь Гезіону. Когда Лаомедонтъ не исполнилъ и этого условія, то Гераклъ овладѣлъ городомъ и убилъ царя вмѣстѣ съ его сыновьями. — 632. *Схожу*,

И враговъ; раздаются мечи и огни отступаютъ.
Но когда уже я къ порогу отцова жилища,
Къ старому дому пришелъ, родитель, котораго прямо
Въ горы желалъ я унесть и отыскать бы во-первыхъ,
Жизнь отказался влачить по разрушеніи Трои
И изгнанье сносить. «Вы, коихъ вѣкъ не ослабилъ
Крови, сказалъ онъ, и всѣ въ могуществѣ держатся силы,
Вы собирайтесь бѣжать.
Мнѣ же, когда бы продлить небожители жизнь захотѣли,
То сохранили бы мнѣ это мѣсто. Довольно съ избыткомъ
Видѣлъ однажды погромъ и города плѣнъ пережилъ я.
Такъ, о такъ-то, простясь тутъ съ трупомъ лежащимъ, уйдите.
Самъ я смерть обрѣту отъ руки; разжалобясь, врагъ мой
Лишь доспѣхи возьметъ. Мнѣ утрата легка погребенья.
Я давно ужъ богамъ ненавистный и безполезный
Годы влачу, съ той поры, что безсмертныхъ отецъ и людей царь
Молніей дунулъ въ меня и огнемъ до меня прикоснулся».
  Все онъ на этомъ стоялъ и недвижимъ оставался.
Мы жъ разливались въ слезахъ, и также супруга Креуза,
И Асканій, и весь нашъ домъ, чтобъ отецъ не рѣшался
Все съ собой погубить, судьбѣ помогая грозящей.
Онъ отвергаетъ и, какъ порѣшилъ, остается на мѣстѣ.
Снова, я въ битву иду и, несчастнѣйшій, смерти желаю.
Ибо какой же совѣтъ, иль какой ужъ тутъ жребій остался?
«Иль уповалъ ты, отецъ, что уйду я, тебя покидая?

въ городъ. — 636. *Унесть*, такъ какъ Анхизъ былъ разбитъ ударомъ молніи, ст. 648—49. — 643. *Однажды погромъ*, совершенный Геркулесомъ, ст. 625. — 644. Анхизъ смотритъ на свое теперешнее положеніе, какъ на могилу и желаетъ только отъ своихъ близкихъ послѣдняго «прости». — 645. *Самъ я смерть обрѣту*, т. е. я и безъ тебя самъ найду смерть, такъ какъ мнѣ придется во всякомъ случаѣ умереть, если и за тобой послѣдую. — 646. *Мнѣ утрата легка погребенья.* Слова эти говоритъ Анхизъ подъ вліяніемъ сильнѣйшаго отчаянія: они противорѣчатъ вѣрованію древнихъ, у которыхъ «лишеніе погребенія» обрекало душу умершаго на безконечное скитальчество (см. VI, 365 сл.). — 647. *Ненавистный богамъ*: Анхизъ былъ пораженъ Юпитеромъ молніею, за несохраненіе тайны о сношеніяхъ съ Венерою. — 649. *Молніей дунулъ.* По ученію нѣкоторыхъ философовъ молнія состояла изъ огненнаго вѣтра.

И уронили уста отца такую обиду?
Если угодно богамъ ничего не оставить тутъ цѣлымъ,
Въ городѣ, и у тебя на умѣ къ погибающей Троѣ
И себя и своихъ пріобщить: дверь настежь для смерти,
Скоро ужъ явится Пирръ отъ крови обильной Пріама,
Сына убивъ при отцѣ, у святынь онъ отца заколаетъ.
Съ тѣмъ ли ты, милая мать, вырываешь меня изъ доспѣховъ,
Изъ огней, чтобы мнѣ врага посрединѣ жилища,
Чтобы Асканія мнѣ и отца своего, и Креузу
Увидать одного въ крови пораженнымъ другаго?
Дайте оружье, друзья; послѣдній день кличетъ сраженныхъ.
Дайте къ Данаямъ вернусь, чтобъ мнѣ обновленныя видѣть
Битвы. Сегодня никакъ мы всѣ не умремъ безъ отмщенья».
Тутъ я снова мечемъ препоясался и, приспособивъ,
Лѣвую въ щитъ я вложилъ и изъ дому выдти собрался.
Вотъ на порогѣ межъ тѣмъ, обнявши мнѣ ноги, супруга
Льнетъ и тутъ же къ отцу простираетъ младенца Іула.
«Если на гибель идешь, то на все забирай насъ съ собою;
Если жъ по опыту ты возложилъ на оружье надежду,
Прежде нашъ домъ защити. На кого ты младенца Іула,
На кого ты съ отцемъ ту, что звали супругой, оставишь?»
Такъ восклицая, она стенаньемъ весь домъ наполняла,
Какъ появилося вдругъ—и разсказывать дивное чудо—
Ибо внезапно межъ рукъ и лицъ родителей грустныхъ
Видимо легкій огонь съ макушки самой Іула
Началъ свѣтъ проливать и безвредный на ощупь касаться
Пламенемъ мягкихъ волосъ и, виски окружая, рѣзвиться.
Мы испугавшись дрожимъ отъ страха и волосъ горящій
Отрясаемъ, и огнь священный водой заливаемъ.
Но родитель Анхизъ къ звѣздамъ веселые взоры
Поднялъ и руки воздѣлъ къ небесамъ съ такими словами:
«Мощный Юпитеръ, когда на мольбы ты какія сдаешься,
То воззри лишь на насъ; и когда благочестьемъ мы стоимъ,
Дай предвѣщанье, отецъ, и признакомъ все подтверди ты».

658. *Такую обиду* непозволительная мысль, т. е. мысль покинуть дряхлаго отца. — 678. Креуза опасается участи плѣнницы, постигшей, напр. Гекубу, Овид. Превращ. XIII, 422 сл.

Старецъ лишь это сказалъ, какъ слѣва грянуло съ трескомъ
И по мраку небесъ скатилась звѣзда, увлекая
Ясный свѣтъ за собой, и промчалась съ великимъ сіяньемъ.
Мы надъ вершиной ее, скользящую, крыши высокой
Видимъ, что скрылась она въ лѣсу Идейскомъ въ сіяньи
И обозначила путь. Бразда тутъ длинной дорогой
Свѣтитъ и сѣрой мѣста вокругъ далеко дымятся.
Тутъ наконецъ побѣжденъ родитель кверху поднялся
И обратился къ богамъ и къ звѣздѣ священной взмолился:
«Вотъ и задержекъ ужъ нѣтъ: пойду я, куда поведете.
Отчіе боги, вы домъ храните, храните вы внука;
То предвѣщанье отъ васъ и Троя подъ вашей охраной;
Я уступаю, мой сынъ, и идти за тобой не противлюсь».
Такъ онъ сказалъ; и уже свѣтлѣе огонь за стѣнами
Сталъ замѣтенъ и зной пожара клубится ужъ ближе.
«Нутко, отецъ дорогой, ко мнѣ ты садися на шею;
Самъ я и плечи склоню, трудъ этотъ не будетъ мнѣ тяжкимъ;
Какъ тамъ ни выйдутъ дѣла, намъ общая будетъ опасность,
Да и спасенье вдвоемъ. Малютка Іулъ мнѣ пусть будетъ
Спутникомъ, и вдалекѣ супруга пусть слѣдъ охраняетъ.
Вы же, слуги, въ своихъ ушахъ, что скажу я, храните.
Есть, по выходѣ за городъ, холмъ и ветхій Цереринъ
Храмъ, что нынѣ забытъ; кипарисъ недалеко тамъ старый,
Богопочтеньемъ отцевъ сохраняемый многіе годы.
Къ этому мѣсту мы всѣ съ различныхъ путей соберемся.
Ты, родитель, бери святыни и отчихъ пенатовъ;
Мнѣ изъ битвы такой и убійствъ исшедшему свѣжихъ
Къ нимъ прикасаться не слѣдъ, пока въ бѣгущемъ потокѣ

692. *Грянуло.* Громъ съ лѣвой стороны считался у Римлянъ хорошимъ предзнаменованіемъ. — 696. *Въ лѣсу Идейскомъ*: на горѣ Идѣ, вблизи Трои; см. ст. 801; III, 112. — 703. Такъ какъ Троя находится подъ *вашей охраной*, то вы позаботитесь о возобновленіи ея въ другомъ мѣстѣ. — 711. *Вдалекѣ*, для того, чтобъ совмѣстное бѣгство не возбудило вниманія непріятелей. Поэтому и слугамъ Эней велѣлъ отправиться съ *различныхъ путей* (ст. 716) къ храму Цереры, находившемуся за городомъ въ пустынной мѣстности. — 717. *Пенатовъ*; см. I, 527. — 719. Ко всѣмъ священнымъ предметамъ дозволено было *прикасаться* только чистыми руками. Отсюда символическое омовеніе рукъ передъ жертвоприношеніемъ. Для этого употребляли проточную воду.

Я не омоюсь».
Это сказавши, плеча широкія съ шеей склоненной
Я одеждой покрылъ и львиною желтою шкурой
И подъ тяжесть подшелъ; схватился за правую руку
Мальчикъ Іулъ и идетъ за отцомъ, не равняясь шагами;
Сзади супруга идетъ. По мѣстамъ пробираемся темнымъ:
И меня, что дотоль никакое бросанье оружья
Не смущало, ни строй впереди столпившихся грековъ,
Каждый страшитъ вѣтерокъ и всякій звукъ возбуждаетъ,
И въ смущеньи боюсь я за спутника, какъ и за ношу.
И уже къ воротамъ приближаться я сталъ и, казалось,
Всю дорогу прошелъ, какъ вдругъ до ушей моихъ частый
Шумъ коснулся шаговъ, и во мракъ глядящій родитель
Кликнулъ: «сынъ мой, сынъ, убѣгай; они настигаютъ.
Я сіянье щитовъ и мѣди блистаніе вижу».
Тутъ у меня божество въ непріязни, не знаю какое,
Смутный похитило умъ. Ибо, какъ я бросился въ бѣгѣ
На распутье и прочь сошелъ съ извѣстной дороги,—
Горе! похищена ли судьбою супруга Креуза
У бѣдняка, иль путемъ ошиблась, иль сѣла уставши?—
Неизвѣстно; позднѣй на глаза она къ намъ не вернулась.
На пропавшую я оглянулся не раньше и въ мысляхъ
Не хватился ея, чѣмъ дошли до холма и до мѣста
Древней Цереры святынь; здѣсь въ общемъ сборѣ одной лишь
Не было; сына она и друзей обманула и мужа.
Изъ людей и боговъ кого ни винилъ я, безумный,
Или что въ городѣ я разрушенномъ горшее видѣлъ?
И Анхиза отца, и Асканія тутъ, и пенатовъ
Я поручаю друзьямъ и скрываю въ ущельи долины;
Самъ же въ городъ спѣшу, опоясанъ блестящимъ оружьемъ.
Всѣ опасности я рѣшилъ обновить, возвратиться
Чрезъ всю Трою и вновь подвергнуть голову бѣдамъ.
Снова, во-первыхъ, къ стѣнамъ и вратамъ съ ихъ темнымъ порогомъ,

738—739. Эней не зналъ, лишился ли онъ Креузы по опредѣленію судьбы или случайно. — 740. Тѣнь Креузы Эней увидѣлъ позднѣй, ст. 773. — 743. *Древней Цереры*, см. ст. 714. — 749. *Опоясанъ*, такъ какъ прійдя къ храму, Эней

Изъ которыхъ я шелъ, возвращаюсь и слѣдомъ обратно,
Озираясь, иду въ ночи и глазами ищу я.
Всюду страхъ на душѣ, и само молчанье пугаетъ.
А оттуда и въ домъ—не зашла ль,—заходила быть можетъ,
Я иду. Ворвались Данаи и заняли домъ весь.
Тотчасъ ѣдкій огонь подгоняется вѣтромъ къ высокой
Кровлѣ, и пламя встаетъ, и пылъ бушуетъ на воздухъ.
Я прохожу и гляжу на жилище Пріама и замокъ.
И въ опустѣвшихъ уже переходахъ пріюта Юноны
Выбраны стражами быть Улиссъ свирѣпый и Фениксъ,
Всю добычу блюдутъ. Сюда сокровища Трои
Изъ зажженныхъ святынь, и столы предъ богами и чаши
Золотыя вполнѣ съ награбленной также одеждой
Сносятся. Мальчики и пугливыя матери рядомъ
Длиннымъ стоятъ тутъ кругомъ.
Я, осмѣлившись тожъ въ темнотѣ возвысить свой голосъ,
Крикомъ наполнилъ пути и, опечаленъ, Креузу,
Тщетно вздыхая, къ себѣ призывалъ я снова и снова.
Ищущему и въ домахъ безконечно бродящему въ злобѣ
Блѣдный призракъ и тѣнь самой мнѣ Креузы явилась
Передъ глазами, и былъ рослѣе обычнаго образъ.
Я обомлѣлъ, волоса поднялись, голосъ замеръ въ гортани.
Тутъ взговорила она и сняла такъ словами заботы:
«Что за польза такой предаваться безумной печали,
О супругъ дорогой? Не безъ воли боговъ происходитъ
Это; тебѣ не судьба увести отсюда Креузу
Въ путь, иль не хочетъ того высокій правитель Олимпа.
Долго тебѣ проблуждать, бороздя широкое море.
Въ землю Гесперскую ты придешь, гдѣ тихимъ стремленьемъ
Тибръ Лидійскій течетъ по тучнымъ полямъ у народа:

снялъ оружіе. — 761. *Пріюта Юноны.* Храмъ Юноны находился въ замкѣ. Въ немъ, какъ и во многихъ другихъ, скрывавшіеся отъ чьихъ либо преслѣдованій становились безопасными. — 762. *Фениксъ,* спутникъ Ахилла, предводитель отряда Мирмидоновъ. — 773. *Рослѣе.* Умершіе являются въ увеличенномъ образѣ. — 781. *Гесперскую;* см. I, 530. — 782. *Лидійскій.* Этруски, въ странѣ которыхъ беретъ начало Тибръ, произошли, по преданію, отъ Лидійцевъ Малой Азіи.

Тамъ отрадный пріютъ и царство съ супругой царевной
Будутъ готовы тебѣ; не плачь о любимой Креузѣ.
Я не увижу жилищъ Мирмидоновъ, иль Долоповъ гордыхъ,
И въ услуженіе я не пойду у греческихъ женщинъ,
Дарданида, къ тому жъ и богини Венеры невѣстка;
А великая мать боговъ меня держитъ въ семъ мѣстѣ.
Вотъ и прощай, и любовь сохраняй ты къ общему сыну».
Вымолвя это, она, отъ рыдавшаго и говорить ей
Мнившаго много, ушла и въ воздухѣ тонкомъ исчезла.
Трижды силился тутъ охватить я шею руками;
Трижды образъ, вотще объятый, отъ рукъ ускользаетъ,
Легкій словно бы вѣтръ и снамъ окрыленнымъ подобно.
Такъ-то ночь проведя, наконецъ я къ друзьямъ воротился.
  Тутъ къ изумленію я нахожу, что спутниковъ новыхъ
Пребольшое число притекло, мужчинъ да и женщинъ;
Къ бѣгству собравшаяся молодежь, толпа несчастливцевъ.
Отовсюду сошлись, собравши и духъ, и пожитки,
Чтобъ я ихъ по морю велъ въ какія задумаю земли.
Люциферъ ужъ восходилъ на Идѣ, надъ самой вершиной,
День приводя, и засѣвъ занимали Данаи пороги
Во вратахъ, и надеждъ никакихъ не являлось на помощь:
Я отступилъ и, подъявъ отца, отправился въ горы.

---

785. *Мирмидоновъ,* ст. 7. — 788. *Великая мать боговъ,* т. е. Цибела избравшая своею спутницею Креузу въ той мѣстности, гдѣ преимущественно почитали богиню. — 792—94. Стихи эти повторены VI, 700—702. — 801. *Люциферъ,* утренняя звѣзда, денница. *Ида,* небольшая горная цѣпь возлѣ Пропонтиды (нынѣ Кашъ дагъ); см. III, 6. — 804. Въ ожиданіи удаленія Грековъ, Эней со спутниками отправляется дальше въ горы (ст. 636—801); затѣмъ на берегу приступаетъ къ постройкѣ кораблей (III, 6).

ЭНЕИДА

КНИГА ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ.

Эней разсказываетъ свои странствованія до прибытія въ царство Дидоны. Мѣста странствованій: Ѳракія, Делосъ, Критъ, Строфадскіе о—ва, Акцій, Эпиръ; вост. побережье Сициліи и городъ Дрепанъ, Трапани (Drepanum) въ зап. части того же о—ва.—Въ концѣ книги упоминается о смерти Анхиза.—Странствованія, до прибытія въ Карѳагенъ, продолжались съ небольшимъ 6 лѣтъ. Ст. 1—12, 1-й годъ.—Эней со своими оставляетъ отечество. 13—68. 2-й годъ. Эней основываетъ во Ѳракіи городъ, но вслѣдствіе зловѣщаго предзнаменованія на могилѣ Полидора оставляетъ страну. 69—191. 3-й и 4-й годъ. 69—83. Эней плыветъ въ Делосъ и находитъ радушный пріемъ у царя Аніа. 84—121. Оракулъ совѣтуетъ Энею направиться въ Критъ. 121—191. Моровая язва заставляетъ Энея покинуть Критъ и направиться въ Италію. 192—505. 5-й годъ. 192—258. Буря загоняетъ Троянцевъ къ Строфадскимъ о-вамъ.—Гарпіи и ихъ предсказанія. 259—293. Эней посѣщаетъ Акціумъ и пристаетъ къ берегамъ Эпира. 294—355. Встрѣча Энея съ Андромахою и Еленомъ въ Бутротѣ. 356—462. Предсказанія Елена. 463—505. Эней и спутники, одаренные Еленомъ, отправляются въ дальнѣйшій путь. 506—714. 6-й годъ. 506—567. Троянцы достигаютъ Италіи и плывутъ вдоль берега до самой Этны. 568—587 Этна. 588—654. Ахеменидъ сообщаетъ Троянцамъ о Циклопахъ и проситъ принять его на корабль. 655—691. Троянцы спасаются отъ нападенія Циклоповъ. 692—718. Троянцы благополучно достигаютъ Drepanum, гдѣ Анхизъ умираетъ.

ЭНЕИДА

П. ВЕРГИЛІЯ МАРОНА

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Послѣ того, какъ богамъ восхотѣлось Азіи силу
И Пріамовъ народъ безъ вины погубить и высокій
Палъ Иліонъ и въ пыли дымится Нептунова Троя,
Къ разнымъ странствіямъ мы и пустынныхъ земель разысканью
Изреченьемъ боговъ побуждаемся и подъ Антандромъ
У Фригійской горы мы Иды флотъ созидаемъ,
Сами не зная, куда насъ кинетъ, гдѣ дастся намъ мѣсто,
И созываемъ мужей. Едва весна наступила
И вѣтрила поднять повелѣлъ Анхизъ намъ родитель,
Какъ со слезами родной покидаю я берегъ и пристань
И равнины, гдѣ Троя была. Мчусь въ море—изгнанникъ,
Съ сыномъ, съ друзьями, съ пенатами, мощными силой богами.

1. *Азіи*, собственно той части Малой Азіи, въ которой находилось царство Пріама, состоявшее изъ Фригіи до Геллеспонта и Лесбоса. — 3. *Нептунова Троя*, см. II, 625. — 4. Эней представляетъ себѣ новыя мѣста поселенія *пустынными*, въ противоположность многолюдному Иліону. — 5. *Изреченьемъ*; см. II, 695, 780. — 6. Городъ *Антандръ* у подошвы Иды былъ построенъ только впослѣдствіи. Поэтъ въ этой книгѣ весьма часто употребляетъ современныя ему названія мѣстностей. — 7. Слова, *сами не зная*, указываютъ на то, что Эней не понялъ предсказанія Креузы, указавшей ему Гесперію, какъ конечную цѣль странствованія. — 12. *Пенаты* (I, 527), подъ покровительствомъ которыхъ возрасло римское государство, почитались Римлянами какъ *мощные силой боги* (magni di).

Марса страна вдалекѣ занимаетъ широкія нивы,
Пашутъ Ѳракійцы ее, Ликургъ тамъ нѣкогда правилъ.
Съ Троей тамъ дружба велась встарину при союзныхъ пенатахъ,
Счастіе длилось пока. Туда приплываю и стѣны
Первыя я на кривомъ берегу слагаю не къ часу
И во имя свое даю Энеады имъ имя.
Жертву я приносилъ Діонейской матери, также
И богамъ—покровителямъ дѣлъ начатыхъ, и владыкѣ
Небожителей я заколаю быка на прибрежьи.
Подлѣ случайно былъ холмъ, на коемъ дерновый кустарникъ
Подымался, и миртъ, торчащій въ частыхъ побѣгахъ.
Я подошелъ и хотѣлъ изъ земли зеленую поросль
Вырвать, чтобы алтарь покрыть густыми вѣтвями,
И—предивно сказать—я вижу ужасное чудо
Ибо изъ поросли той, что первою вырвана съ корнемъ
Изъ земли, такъ изъ той кровь черная каплями льется,
Землю пятная собой. Мнѣ ужасъ холодный колотитъ
Члены и кровь у меня застываетъ, свернувшись отъ страха.
Далѣе и на другой я гибкую вырвать лозину
Силюсь, и скрытую въ ней въ серединѣ извѣдать причину:
Но опять-таки кровь изъ коры и другой истекаетъ.
Сильно размысля въ душѣ, я сельскихъ Нимфъ умоляю
И Градива отца, полей покровителя Гетскихъ,
Благословить этотъ видъ и облегчить предвѣщанье.

13. *Марса страна*, Ѳракія, покровителемъ которой былъ Марсъ. Между Ѳракіею и Троею издавна существовали дружественныя отношенія (ст. 15). — 14. *Ликургъ*, древній царь Ѳракіи, былъ наказанъ богами за противодѣйствіе обрядамъ въ честь Вакха (Иліад. VI, 130 сл.). — 18. *Энеады*. Вергилій разумѣетъ городъ Aenus (Эносъ), при устьи Гебра (Марицы). — 19. *Діонейской матери*, Венерѣ. Diona—мать Венеры. — 22—23. Изъ миртоваго и дерноваго дерева выдѣлывались копья. Копья, которыми былъ убитъ Полидоръ, пустили корни и торчали вверхъ *побѣгами* (ст. 45 и 46). — 25. *Алтарь покрыть густыми вѣтвями*, по существовавшему при жертвоприношеніяхъ обряду. II, 248. — 34—35. Эней, полагая, что своимъ поступкомъ онъ въ невѣдѣніи оскорбляетъ извѣстное божество, обращается съ молитвою къ богамъ-покровителямъ поросшаго кустарникомъ холма и къ защитнику страны, Марсу. *Полей Гетскихъ*, т. е. Ѳракіи. Геты обитали на лѣвомъ берегу Дуная, Ѳракійцы—на правомъ. — 36. Эней умоляетъ, чтобы Нимфы и Марсъ облегчили мрачное предчувствіе, гнетущую тягость предзнаменованія, т. е. повели бы къ добру это явленіе.

Но когда подхожу я къ третьему пруту съ напоромъ
Болѣе сильнымъ, песокъ надавивши колѣнями крѣпко—
Вымолвить иль промолчать?—печальный вздохъ раздается
Изъ середины холма, и голосъ доносится въ уши:
«Что ты несчастнаго рвешь, Эней? Пощади хоть могилу;
Благочестивыхъ ты рукъ не пятнай. Не чуждымъ тебѣ я
Троею былъ порожденъ, и течетъ эта кровь не изъ прута.
Горе! бѣги ты страны жестокой и берега алчныхъ.
Ибо я Полидоръ. Пронзеннаго копій желѣзныхъ
Весь посѣвъ меня скрылъ и острыми дротами выросъ».
Тутъ-то сердце мое двойнымъ сдавило испугомъ,
Я обомлѣлъ, волоса поднялись, голосъ замеръ въ гортани.
Полидора того съ огромной казной золотою
Тайно когда-то Пріамъ несчастный послалъ въ воспитанье
Во Ѳракію къ царю, когда ужъ не вѣрилъ въ оружье
Онъ Дарданъ и кругомъ въ осадѣ городъ увидѣлъ.
Тотъ же, какъ Тевкровъ мощь сокрушилась и убыло счастья,
Къ Агамемнонову дѣлу присталъ и къ побѣднымъ доспѣхамъ,
И права всѣ расторгъ, Полидора убилъ онъ и силой
Золотомъ всѣмъ завладѣлъ. Къ чему ни принудишь ты смертныхъ,
Къ злату проклятая страсть! Лишь страхъ мои кости покинулъ,
Избраннымъ изъ народа вождямъ и во-первыхъ отцу я
Чудо боговъ сообщилъ и спросилъ, каково ихъ рѣшенье.
Мнѣніе то же у всѣхъ изъ преступной земли удалиться,
Гостепріимства позоръ оставить и съ флотомъ умчаться.
Вотъ погребеніе мы Полидору свершаемъ и валимъ
Землю огромнымъ холмомъ; алтари становятся манамъ,
Въ темныхъ повязкахъ скорбя и кипарисомъ чернѣя,
И Иліады кругомъ, какъ слѣдъ, волоса распустивши;

45. *Полидоръ*, младшій сынъ Пріама. Во время осады Трои онъ былъ отданъ отцомъ на воспитаніе Ѳракійскому царю Полиместору, мужу дочери Пріама Иліоны (I, 653). — О судьбѣ Полидора см. ниже, ст. 49—55. — 51. *Къ царю*, ст. 45. — 52. *Дарданъ*, I, 38; II, 281. — 62—63. Полидоръ былъ погребенъ только подъ тучею стрѣлъ (ст. 45—46); теперь Эней предаетъ его останки надлежащему погребенію и съ этою цѣлью сносятъ для могилы много земли.— Тѣнямъ умершихъ иногда воздвигали *два алтаря* (ст. 305). — 64. *Темнаго цвѣта повязки* придаютъ алтарямъ мрачный, траурный видъ; темный *кипарисъ* довершаетъ картину траура.

Теплаго мы молока выливаемъ изъ чаръ опѣненныхъ,
Крови священной изъ чашъ, и предаемъ погребенью
Душу, и напослѣдъ прощаемся голосомъ громкимъ.
Тутъ, лишь повѣрили мы пучинѣ и вѣтры смирили
Воды, и Австеръ, слегка шелестя, призывать сталъ на море,
Спутники наши свели корабли и наполнили берегъ.
Мы изъ порта плывемъ, города отступаютъ и земли.
Есть средь моря земля святая, любимая много
Матерію Нереидъ да и Нептуномъ Эгейскимъ,
Лукодержецъ ее благодарный, блуждавшую прежде
Вдоль береговъ, прикрѣпилъ къ Миконскимъ горамъ и Гіару,
И съ неподвижностью ей даровалъ презрѣніе къ вѣтрамъ.
Переношусь я туда; тамъ мирная пристань пріемлетъ
Утомленныхъ. Сойдя Аполлоновъ почтили мы городъ.
Аній царь, былъ царемъ онъ людей и священникомъ Феба,
На вискахъ осѣненъ повязкой и лавромъ священнымъ,
Выбѣжалъ къ намъ; онъ призналъ Анхиза, стараго друга.
Правыя руки подавъ, какъ друзья, мы входимъ въ жилища.
Храмъ я бога почтилъ, возведенный изъ древняго камня:
«Собственный даруй, Тимбрей, мнѣ домъ; дай стѣны усталымъ,
Родъ и городъ продли навсегда; сохрани ты для Трои
Новый Пергамъ, остальной отъ Данаевъ и гнѣва Ахилла.

66. При совершеніи погребальныхъ обрядовъ, на могилу умершаго *выливали* молоко, медъ, кровь жертвенныхъ животныхъ и чистое вино. Сравн. описаніе жертвоприношенія въ V кн., ст. 77—79. — 68. Только послѣ погребенія, совершеннаго надлежащимъ образомъ (rite), душа умершаго находила успокоеніе. *Прощаемся*, см. II, 644. — 71. *Свели*, такъ какъ при высадкѣ корма втаскивалась на берегъ. — 73. *Земля святая*, о—въ Делосъ, ст. 74. — 74. *Матерію Нереидъ*, Доридою, женою Нерея—*Эгейскимъ*, такъ какъ Эгейское море считалось мѣстопребываніемъ Нептуна. — 75. По сказанію, Делосъ, до рожденія Аполлона *(лукодержца)* и Діаны, былъ плавающимъ островомъ. — 76. *Къ Миконскимъ горамъ и Гіару*, т. е. къ небольшимъ сосѣднимъ островамъ, между которыми былъ задержанъ Делосъ. — 79. *Аполлоновъ городъ*, такъ какъ на Делосѣ преимущественно чтили Аполлона. — 81. *Повязкой*, см. II, 133. — *Лавръ* былъ посвященъ Аполлону. — 82—83. Анхизъ и Аній съ давнихъ поръ были соединены узами дружбы и гостепріимства (Овид. Превращ. XIII, 631 сл.). — 85. *Тимбрей*, троянскій эпитетъ Аполлона, отъ Тимбры, троянской мѣстности, орошаемой рѣкой Тимбріемъ. Здѣсь находился храмъ Аполлона. — 87. *Пергамъ*, I, 466.—*Данаевъ*, I, 30.

Съ кѣмъ намъ идти и куда повелишь? гдѣ устроить жилища?
Дай указанье, отецъ, и въ души ты наши вселися».
Только я это сказалъ, какъ видимо вдругъ задрожало
Все, и порогъ божества, и лавръ, и кругомъ зашаталась
Вся гора, и взгудѣлъ треножникъ въ разверстой святынѣ.
Мы припадаемъ къ землѣ и голосъ несется намъ въ уши:
«О Дарданиды суровые, та же земля, что впервые
Васъ отъ корня дѣдовъ породила, она же на лоно
Приметъ вернувшихся васъ. Вы древнюю мать отыщите.
Тамъ Энеевъ и домъ овладѣетъ всѣми странами
И сыновья сыновей и тѣ, что отъ нихъ народятся».
Такъ то Фебъ возвѣстилъ; и, съ шумомъ смѣшавшись, возникла
Радость большая и всѣ вопрошаютъ, какія тѣ стѣны,
Къ коимъ Фебъ насъ зоветъ и бродящимъ велитъ воротиться.
Тутъ родитель, смекнувъ мужей старинныхъ преданья,
Рекъ: «внимайте, вожди, вы свои познайте надежды:
Критъ средь моря лежитъ, Зевеса великаго островъ;
Тамъ у Идейской горы колыбель и нашего рода.
Сто городовъ населяютъ они, плодоносныя царства;
Прародитель оттоль, если вѣрно я помню, что̀ слышалъ,
Тевкръ къ Ретейскимъ сперва приплылъ берегамъ и для царства
Мѣсто избралъ. Иліонъ тогда и замки Пергама
Не стояли еще; по низинамъ долинъ проживали.
Мать жилица Цибелы оттоль и мѣдь Корибантовъ

89. Такъ какъ 3 книга была сочинена раньше 2-й, то Энею здѣсь неизвѣстно предсказаніе Креузы, II, 781—82. — 92. *Гора*, Цинтъ. Открытіе священнаго подземелья совершается при чудесныхъ предзнаменованіяхъ. — 94. *Дарданиды*, I, 38. — 97. *Энеевъ домъ*, позднѣйшій Юліевъ родъ. — 104. *Критъ Зевеса.* Не безъ умысла такъ говоритъ Анхизъ по отношенію къ преданіямъ троянской старины. Изъ Крита вышелъ первый царь Троп Тевкръ. Сами Троянцы вели свое происхожденіе отъ Юпитера, такъ какъ родоначальникъ ихъ Дарданъ былъ сыномъ Юпитера (см. I, 38). — 105. *Идейской горы*, на Критѣ, мѣсторожденіе Юпитера. — 108. *Ретейскимъ берегамъ*, отъ Rhoeteum, мыса въ Троадѣ. — 111. *Оттоль*, т. е. изъ Крита, откуда былъ перенесенъ во Фригію культъ Цибелы-*матери* (II, 788).—*Жилица Цибелы:* обитательница горы *Цибелы* во Фригіи.—*Мѣдь*, т. е. мѣдные кимвалы, въ которые Корибанты, жрецы Цибелы, ударяли во время празднествъ въ честь богини. Празднества эти вообще отличались шумнымъ характеромъ.

Съ рощей Идейской; оттоль и честное молчанье при жертвахъ,
И въ колесницу владычицы львы, впряженные парой.
Вотъ и пойдемте, куда повелѣнье боговъ насъ уводитъ;
Вѣтры мы ублажимъ и отправимся въ Гносское царство.
И невеликъ переѣздъ; помогъ бы только Юпитеръ,
Третій день уже флотъ нашъ къ берегу Крита доставитъ».
Такъ сказавъ, алтарямъ соразмѣрно онъ жертвы приноситъ,
И Нептуну быка, Аполлону красавцу быка же,
Черную ярку Грозѣ и бѣлую—кроткимъ Зефирамъ.
Вѣсть пронеслася, что вождь Идоменей, какъ изгнанникъ,
Царство покинулъ отцевъ, что Крита брега опустѣли,
Пусты дома безъ врага, и брошены стали жилища.
Портъ Ортигіи мы покидаемъ и по морю мчимся
Мимо Вакхическихъ горъ Наксоса, зеленой Донизы,
Олеара, Пароса бѣлѣйшаго и разнесенныхъ
Въ море Цикладъ и плывемъ между частыхъ земель по волненью.
У корабельщиковъ крикъ подымается въ спорахъ различныхъ,
Увѣщеваютъ товарищи въ Критъ и ко прадѣдамъ ѣхать.
Вѣтеръ, возникши съ кормы, препровождаетъ плывущихъ,
И къ берегамъ наконецъ пристаемъ мы стариннымъ Куретовъ.
Вотъ ретиво кладу я желаннаго города стѣны,
Ихъ называю Пергаміей и, довольный прозваньемъ,

112. *Рощей Идейской*, лѣсистая вершина Иды (ст. 6 и II, 801), какъ и на соименной горѣ Крита (ст. 105).—Во время мистерій Цибелы, участники клятвою были обязаны соблюдать строгую тайну объ обрядахъ культа. — 113. Цибелу изображали на колесницѣ, запряженной львами.—*Владычицы*. Слово это употреблялось какъ атрибутъ богинь (III, 438). — 115. *Гносское царство*, отъ важнѣйшаго города Крита Гноза, мѣстопребыванія Миноса. — 121—122. По возвращеніи изъ Троянской войны, *Идоменей*, царь Крита, былъ изгнанъ жителями острова. — 123. Отсутствіе вражескаго царя, предводителя Грековъ, облегчало Энею возможность утвердиться на островѣ. — 124. *Ортигія*, древнѣйшее названіе Делоса. — 125. *Вакхическихъ горъ Наксоса*, извѣстнаго культомъ Вакха; празднества въ честь его происходили на горахъ.—*Донuза*, теп. Стеноза, къ востоку отъ Наксоса. — 126. *Олеаръ*, теперь Антипаросъ, къ востоку отъ Пароса, названнаго «*бѣлѣйшимъ*» отъ добываемаго на немъ мрамора. — 128—129. Затруднительное плаваніе среди Цикладскихъ о-овъ было окончено. Взорамъ моряковъ представляется открытое море. Громко восклицаютъ они и дружно принимаются за работу. — 131. *Куреты*, первые, по сказанію, обитатели Крита.

Людъ прошу полюбить алтари и выстроить замокъ.
Ужъ корабли на сухой почти были встянуты берегъ;
Къ свадьбамъ да къ новымъ полямъ молодежь обратила заботы;
Судъ творя, раздавалъ я дома. Вдругъ съ хворыхъ предѣловъ
Неба зараза сошла истомой печальной на члены,
На дерева и хлѣба, и годъ насталъ смертоносный.
Всѣ тутъ сладкую жизнь покидали или влачили
Хворую плоть; тутъ поля безплодныя Сиріусъ выжегъ;
Сохли травы, больной посѣвъ отказывалъ въ пищѣ.
Снова отецъ увѣщалъ къ оракулу, море преплывши,
Отправляться въ Ортигію, милости спрашивать Феба:
Что за конецъ приведетъ онъ мученьямъ; откуда велитъ онъ
Помощи въ бѣдствіяхъ ждать, куда по пути обратиться.
Ночь стояла, и сонъ на землѣ обнималъ все живое:
Лики священные я боговъ и Фригійскихъ пенатовъ
Тѣхъ, что изъ Трои съ собой и изъ самыхъ огней захватилъ я
Городскихъ, увидалъ представшими передъ глазами
Погруженнаго въ сонъ, въ несомнительно яркомъ сіяньи,
Что, округлившись, луна проливала въ отверстія оконъ;
Тутъ промолвили такъ и заботы они облегчили:
«Что изрекъ бы тебѣ Аполлонъ, хоть въ Ортигію съѣздишь,
Здѣсь онъ гласитъ, и послалъ насъ самъ къ твоему онъ порогу.
Мы, что, покинувъ пожаръ Дарданіи, шли за тобою
И за оружьемъ твоимъ и бурное море преплыли
Съ флотомъ, также къ звѣздамъ вознесемъ и будущихъ внуковъ,
И господство дадимъ мы городу. Мощныя стѣны
Ты для мощныхъ готовь: не чуждайся ты долгаго бѣгства.
Надо пріютъ измѣнить. Не этотъ указывалъ берегъ
Делій тебѣ Аполлонъ, не на Критѣ велѣлъ поселиться.

135. Слово *почти* указываетъ на то, что корабли не были раньше вполнѣ вытащены на берегъ. Прибывъ въ Критъ, Троянцы заняты были сначала выборомъ мѣстности, возведеніемъ необходимыхъ построекъ и т. д. (ст. 123 — 134). О корабляхъ они позаботились въ болѣе удобное время. — 141. *Сиріусъ*, звѣзда въ созвѣздіи «Собаки»; съ появленіемъ этой звѣзды въ іюлѣ мѣсяцѣ начинаются сильныя жары.—Описаніе моровой язвы см. также у Овид. Превращ. VII, 720 сл. — 148. *Пенатовъ* I, 148. — 158. *Внуковъ*, потомковъ: Юл. Цезаря и Октавіана. — 159. *Городу*, Риму.

Мѣсто есть, что зовутъ Гесперіи именемъ Греки.
Древняя это земля, плодородьемъ сильна и оружьемъ.
Мужи пахали ее Энотрскіе, нынѣ же слышно,
Что прозвали ее Италіей новые люди
Именемъ ихъ вождя. Вотъ истыя наши жилища.
Вышелъ оттуда Дарданъ и Іазій, отъ коего родъ нашъ.
Встань и въ весельи спѣши отцу многолѣтнему эти
Вѣрныя рѣчи снести. Корита пусть ищетъ въ Авзонской
Онъ землѣ. Не даетъ Диктейскихъ полей вамъ Юпитеръ».
Устрашенный такимъ видѣньемъ и божескимъ гласомъ—
Это не сонъ былъ, а я призналъ воочію лики
И повязки волосъ и присущія лица увидѣлъ;
Тѣло все тою порой обливалося пòтомъ холоднымъ—
Я съ постели вскочилъ и, руки воздѣвши съ мольбою,
Къ небесамъ приношу безъ примѣси я возліянье
На очагъ. Совершивъ приношеніе, веселъ, Анхизу
Сообщаю и все излагаю дѣло порядкомъ.
Двойственный родъ онъ призналъ и двоихъ прародителей также,
И что ошибся онъ вновь, обозначивши древнее мѣсто.
Тутъ помянулъ онъ: «О сынъ, къ судьбамъ Иліона привычный,
Только Кассандра одна про эти дѣла мнѣ вѣщала.
Нынѣ я помню, она это нашему роду сулила,
Часто твердя про Гесперію, часто про царство Итала.
Но кто вѣрить бы сталъ, что Тевкры въ Гесперію придутъ?
Или кто могъ бы тогда быть тронутъ вѣщей Кассандрой?
Феба послушаемъ мы и послѣдуемъ лучшимъ совѣтамъ».
Такъ онъ сказалъ, и словамъ мы всѣ покорились воскликнувъ.
Мы и эту страну покидаемъ, оставя немногихъ,

163—167. Стихи эти, до словъ: *Вотъ истыя* и т. д. взяты изъ I, 530—533. — 167—170. Дарданъ оставилъ вмѣстѣ съ братомъ Язіемъ свою родину Corythus (впослѣдствіи Кортона въ Этруріи) и отправился въ мѣста позднѣйшей Трои, гдѣ теперь царь Тевкръ, на дочери котораго онъ женился, уступилъ ему часть области, названную сначала Дарданіею, а затѣмъ Троею, по имени внука Дардана, Троса. — 170. *Авзонской*, отъ Авзоновъ, древнѣйшаго названія народовъ, жившихъ между Тибромъ и Вультурномъ. Имя это означаетъ также вообще Италійцевъ и Римлянъ. — 171. *Диктейскихъ*, отъ Дикты, горы на Критѣ. — 174. *Повязки*, II, 168, 269. — 177. *Безъ примѣси.* Для жертвоприношеній употребляли только чистое вино (ст. 66), «vinum merum». — 180. *Двойственный*

И, поднявъ паруса, пробѣгаемъ килёмъ чрезъ пучину.
Только что вышли суда на просторъ, земель никакихъ ужъ
Не появлялось, отвсюду лишь небо, да море отвсюду.
Тутъ надъ моей головой возстала темная туча,
Ночь и бурю неся, и мракомъ волна содрогнулась.
Вѣтры море крутятъ непрестанно, и страшныя волны
Возникаютъ; въ разбросъ насъ мечетъ въ широкой пучинѣ;
Бури окутали день, и ночь дождливая скрыла
Небо; прорвавъ облака, удвоялись молніи вспышки.
Насъ сбиваетъ съ пути, и слѣпо въ волнахъ мы блуждаемъ.
Самъ Палинуръ сознаетъ, что отъ ночи онъ дня не умѣетъ
На небесахъ отличить и средь волнъ пути не припомнитъ.
Три невѣрныхъ тутъ дня въ слѣпомъ проблуждали мы мракѣ
По морю, да и ночей беззвѣздныхъ ровно же столько.
На четвертый лишь день земля показалась вставая,
Горы открылись вдали, и дымъ изъ нихъ извивался.
Падаютъ всѣ паруса, напираемъ на весла; вотъ дружно
Пѣну вздымаютъ склонясь и синеву разгребаютъ.
Какъ я спасся изъ волнъ, берега Строфадъ воспріяли
Первымъ меня, стоятъ по прозванію грековъ Строфады,
На Іонійскихъ водахъ острова, гдѣ злая Целено
И другія живутъ всѣ Гарпіи, послѣ того что

родъ, Троянцевъ отъ Дардана и Тевкра, *двоихъ прародителей.* — 181. Первая ошибка Анхиза состояла въ то́мъ, что онъ согласился поселиться во Ѳракіи (ст. 9); вторая—что, упустя изъ вида Италію, онъ все отно́силъ къ Криту. — 183. *Кассандра*, II, 246. — 190. *Немногихъ* спутниковъ *оставилъ* Эней въ новооснованномъ г. Пергамѣ (ст. 133), существовавшемъ еще во времена Вергилія. — 201. *Палинуръ*, кормчій Энея.—*Не умѣетъ.* Темнота была столь велика, что трудно было различить, былъ ли день или ночь. — 209. *Берега Строфадъ.* Финей (см. 212), слѣпой ѳракійскій прорицатель, по повелѣнію боговъ былъ преслѣдуемъ Гарпіями (Целено, ст. 211, Окипета, Аэлло) за то, что ослѣпилъ своихъ сыновей отъ перваго брака. Какъ только Финей собирался кушать, прилетали Гарпіи, расхищали и оскверняли кушанія. При возвращеніи Аргонавтовъ Гарпіи подверглись преслѣдованіямъ сыновей Борея, Зета и Калаиса, которые гнали ихъ до Строфадскихъ о-вовъ, откуда, по приказанію Юпитера, Бореады должны были «повернуть назадъ»; отсюда и названіе острое острововъ (στρέφειν). — Строфады (теп. Стривали) лежатъ въ Іонич. морѣ (ст. 211), къ ю. отъ Закинѳа (ст. 270). — 212. *Гарпіи* (отъ ἁρπάζω) считались богинями охватывающей бури. По Сервію, онѣ дочери Понта или Посей-

Домъ имъ Финея закрытъ и столы онѣ кинули въ страхѣ.
Нѣтъ чудовищъ страшнѣй, не злѣй никакая зараза
И изъ Стигійской волны возникшая божія кара.
Дѣвичьи лица у птицъ, изверженье гнуснѣйшее чрева,
Руки съ когтями крючкомъ и лица отъ голода вѣчно
Блѣдныя.
Только сюда снесены, вошли мы въ портъ, какъ внезапно
Порознь бродящихъ въ поляхъ быковъ увидали веселыхъ,
Также и козьи стада по травѣ безъ всякаго стража.
Мы вторгаемся въ нихъ съ мечемъ и боговъ призываемъ
Вмѣстѣ съ Юпитеромъ въ часть добычи; тутъ ложа готовимъ
Мы на кривыхъ берегахъ и тучную пищу пріемлемъ.
Только съ налетомъ вдругъ ужаснымъ съ горъ появились
Гарпіи и, заплескавъ громозвучно своими крылами,
Вырываютъ у насъ ѣду и все оскверняютъ
Прикосновеньемъ: тутъ гамъ поднялся съ противнымъ зловоньемъ.
Вновь въ отдаленьи большомъ подъ углубленной скалою
(Скрыты древами кругомъ и ихъ суровою тѣнью)
Мы устрояемъ столы и алтарный огонь обновляемъ;
Снова съ другой стороны небесъ и изъ темныхъ убѣжищъ
Шумно, съ ногами когтистыми, мчится толпа на добычу;
Яства устами скверннтъ. Тутъ спутникамъ я за оружье
Браться велю и вступить въ сраженіе съ гнусной породой.
Тѣ, какъ сказано имъ, поступаютъ и скрытые въ траву
Разлагаютъ мечи и щиты припрятавъ скрываютъ.
Вотъ, какъ свергаясь, онѣ по кривымъ берегамъ загудѣли,
Знакъ Мизенъ подаетъ съ холма высокаго полой

дона, по другимъ, дочери Тавманта (сына Понта) и океаниды Электры. Здѣсь онѣ служатъ представительницами все похищающаго голода, крылатыми чудовищами съ дѣвичьими лицами. — 213. *Въ страхѣ*, предъ аргонавтами, ст. 209. — 215. Все вредное и страшное для людей происходитъ изъ преисподней. *Стигійская волна,* отъ рѣки подземнаго царства Стикса. — 221. Скотъ принадлежалъ Гарпіямъ и пасся безъ пастуха, какъ вообще всѣ стада, посвященныя божествамъ. — 223. *Часть добычи*. По Сервію, Римляне, собираясь вести войну, «обѣщали богамъ часть добычи». — 230. Стихъ вставленъ изъ I, 311. — 231. *Огонь обновляемъ*, сравн. ст. 223. — 239. *Мизенъ*, извѣстный трубачъ Энея (VI, 164), сынъ Эола (I, 55).

Мѣдью. Накинулись спутники, вновь затѣвая сраженье,
Чтобъ омерзительныхъ птицъ морскихъ истерзать имъ желѣзомъ.
Но ни увѣчья онѣ на перьяхъ, ни ранъ на затылкѣ
Не принимаютъ, а, въ бѣгъ проворно пускаясь подъ звѣзды,
Недоѣдки добычи и гнусный слѣдъ оставляютъ;
Только Целено одна на скалѣ высочайшей усѣлась,
Провозвѣстница бѣдъ, и изъ груди слова испустила:
«Иль войну за убой быковъ и тельцовъ пораженныхъ,
Лаомедонта сыны, войну вносить вы готовы
И изъ царства отцовскаго Гарпій невинныхъ повыгнать?
Такъ примите жъ въ сердца мои рѣчи и въ нихъ начертайте
Тѣ, что Фебу отецъ всемогущій, а Фебъ Аполлонъ—мнѣ
Предсказалъ, а, главнѣйшая Фурія, вамъ я раскрою.
Вы къ Италіи путь направляйте и, вѣтры призвавши,
Быть въ Италіи вамъ и въ портъ войти будетъ можно;
Но не раньше стѣной обнесете вы данный вамъ городъ,
Чѣмъ васъ голодъ лихой и неправда надъ нами убійства
Челюстями сокрушить и съѣдать столовъ не принудитъ».
Молвила и, на крылахъ поднявшися, въ лѣсъ улетѣла,
А у товарищей кровь отъ внезапнаго страха застыла
Льдомъ, опустился въ нихъ духъ и уже не оружіемъ болѣ,
А мольбами велятъ и просьбой испрашивать мира,
Будь то богини, иль будь свирѣпыя гнусныя птицы.
И родитель Анхизъ, простерши съ берега руки,
Молитъ великихъ боговъ и велитъ ублажить ихъ, какъ должно.
«Боги, уймите грозу, такую напасть отведите
И оградите вы насъ, милосердые, благочестивыхъ».
Снять тутъ канатъ онъ велитъ и ослабить спущенныя снасти.

240. *Мѣдью*, метонимія, вм. трубою, которая, впрочемъ, въ героическій періодъ не была извѣстна (см. VI, 165. 167). — 241. *Гарпіи* названы *морскими птицами*, какъ внучки Понта (ст. 212) или какъ обитательницы острова. — 248. *Лаомедонта сыны*, II, 625. — 249. *Отцовскаго* ст. 212. — 252. *Фурія*. Въ позднѣйшихъ сказаніяхъ Гарпіи отожествлялись съ фуріями. — 255. *Данный*, дополни «судьбою». — 257. Предсказаніе это сбылось въ томъ смыслѣ, что, послѣ прибытія въ Лаціумъ, Эней съ спутниками однажды кушалъ плоды, положенные, за неимѣніемъ столовъ, на ржаныя лепешки, съѣденныя вслѣдъ затѣмъ проголодавшимися Троянцами (VII, 112—29). — 267. Анхизъ приказываетъ развязать и распустить канаты, которые служили для прикрѣпленія парусовъ и

Вѣтеръ надулъ паруса; мы бѣжимъ по волнамъ опѣненнымъ
Въ путь, по которому насъ призывалъ и вѣтеръ, и кормчій.
Ужъ и лѣсистый Закинѳъ предсталъ посрединѣ пучины,
И Дулихій, и Сама, и также Неритъ каменистый.
Отъ Итаки ушли мы скалистой, Лаэртова царства,
Злаго Улисса мы тутъ вскормившую прокляли землю.
Скоро Левкатской горы туманомъ покрытыя выси
И Аполлонъ, что пловцамъ боязнь внушаетъ, открылись.
Ѣдемъ сюда утомясь и въ маленькій городъ вступаемъ;
Якорь бросаютъ впередъ, кормы выступаютъ на берегъ.
Неожиданной такъ наконецъ овладѣвши землею,
Зевсу приносимъ дары, алтари возжигая для жертвы,
И Акціумскій мы брегъ Иліонскими играми славимъ.
Предаются борьбы родимой, покрыты елеемъ,
Спутники всѣ обнажась; отрадно, что столькихъ бѣжали
Арголійскихъ они городовъ и чрезъ вражіе строи.
Солнце вращаетъ межъ тѣмъ свой годъ великій и, стужу
Распространяя, зима Аквилонами волны вздымаетъ;
Мѣдный выгнутый щитъ, Абанта великаго ношу,
Я прибиваю къ вратамъ и дѣло стихомъ означаю:

свертывались во время стоянки. — 270. *Закинѳъ*, островъ Іонійскаго моря, теперь *Занте*. — 270—73. *Дулихій* (теперь Неохари) одинъ изъ Эхинадскихъ островoвъ у берега Акарнаніи; противъ него *Сама* (позднѣе Кефалонія). *Неритъ*, гора на островѣ Итакѣ (теперь Ѳеаки). *Лаэртъ* отецъ Улисса. *Прокляли*, мимо плывя. — 274. *Левкатской горы*, мыса на островѣ Левкатѣ (теперь Santa Maura). — 275—276. *Аполлонъ*, т. е. храмъ Аполлона, который находился на опасномъ для мореплавателей мысѣ Акціи (ст. 280), гдѣ былъ и небольшой городъ того же имени. Уже въ древнее время вокругъ храма, каждые три года, происходили игры. Послѣ побѣды надъ Антоніемъ, Октавіанъ возобновилъ игры каждыя пять лѣтъ. — 278. *Неожиданной*, вслѣдствіе трудностей, съ которыми соединено было ея достиженіе (ст. 282—283). — 279. Играмъ должна была предшествовать очистительная жертва, такъ какъ Троянцы согрѣшили, преслѣдуя Гарпій.—*Алтари возжигая*, т. е. огонь на алтаряхъ. — 280. *Иліонскими играми*, намекъ на возобновленіе Октавіаномъ игръ (ст. 275), учрежденныхъ его древнѣйшими предками. — 281. *Елеемъ*. Бойцы намазывались масломъ, чтобы движенія сдѣлать болѣе гибкими и затруднить противнику возможность плотно обнять тѣло. — 284. *Годъ* близится къ концу (пятый со времени разрушенія Трои).—286. *Абанта*. Намекъ на какого-то греческаго героя, убитаго Энеемъ подъ Троею. — 287. *Къ вратамъ*, у входа въ храмъ Аполлона. Римляне имѣли обык-

«Это Эней посвятилъ всепобѣдныхъ Данаевъ оружье».
Тутъ покинуть я портъ повелѣлъ и садиться у веселъ;
Спутники взапуски бьютъ по волнамъ и влагу взметаютъ.
Скоро воздушные мы покидаемъ замки Феаковъ,
Вдоль Эпирскихъ бѣжимъ береговъ и, войдя въ Хаонійскій
Портъ, въ возвышенный мы вступаемъ городъ Бутрота.
  Невѣроятныхъ вещей тутъ слава доходитъ до слуха,
Что Еленъ Пріамидъ городами Грековъ владѣетъ,
Что забралъ онъ жену Эакида Пирра и скипетръ
И туземному вновь Андромаха досталася мужу.
Я изумился и грудь возгорѣлася дивнымъ стремленьемъ,
Съ мужемъ вступить въ разговоръ и узнать о такихъ приключеньяхъ.
Я изъ порта иду, и флотъ покидая и берегъ,
Какъ случайно и столъ по обряду съ печальною тризной
Передъ городомъ въ рощѣ у водъ Симоиса чужаго
Андромаха на прахъ приносила и манъ призывала
Къ Гекторову холму, который, хоть пустъ онъ, зеленымъ
Дерномъ, на поводъ слезамъ, и двумя алтарями почтила.
Какъ взглянула она, что иду, и въ смущеньи доспѣхи
Увидала кругомъ Троянъ, перепугана чудомъ,
Остолбенѣла взглянувъ, теплота покинула члены;
Зашаталась и, лишь промедливши, еле сказала:
«Точно твое ли лицо и вѣстникомъ впрямь ли приходишь,
Сынъ богини? Ты живъ ли? Иль ежели свѣтъ ужъ сокрылся,

новеніе вѣшать у дверей храма добытые доспѣхи съ обозначеніемъ имени побѣдителя и побѣжденнаго.—*Стихомъ*, т. е. надпись въ формѣ стиха 288-го. — 291. *Воздушные*, т. е. высокіе.—*Замки Феаковъ*, горы на островѣ Корцирѣ. — 292. *Хаонійскій*, отъ Хаоніи, прибрежной мѣстности СЗ. Эпира. — 393. *Бутротъ* въ Хаоніи, противъ Корциры (теперь Butrinto).— 295—97. *Еленъ*, сынъ Пріама, знаменитый прорицатель (ст. 359), былъ взятъ въ плѣнъ Пирромъ, сыномъ Ахилла, и уведенъ въ Эпиръ. Когда Пирръ, основавшій въ Эпирѣ царство, былъ убитъ Орестомъ, то, вмѣстѣ съ *скипетромъ*, Еленъ получилъ и супругу Гектора, Андромаху, тоже уведенную въ плѣнъ Пирромъ. — 302. *Чужаго*. Новыя поселенія назывались именами покинутаго отечества, ст. 133, 335, 349, 497. *Симоиса* I, 100. — 303. *На прахъ*, Гектора. — 305. *Двумя алтарями*, см. ст. 63.—310. Представшь ли ты, какъ истинное явленіе, вѣрный обликъ самого себя, или какъ пустая тѣнь.

Гекторъ-то гдѣ жъ»? Изрекла и въ слезахъ потонула и крикомъ
Мѣсто наполнила все. Едва лишь малость безумной
Я отвѣчаю и, самъ смутясь, говорю съ перерывомъ:
«Живъ я точно и жизнь влачу по всякимъ невзгодамъ:
Не сомнѣвайся, ты истину зришь.
Горе! какой ты судьбѣ, потерявши такого супруга,
Предана, иль какой посѣтилъ тебя жребій достойный?
Гекторова Андромаха, ты бракъ сохраняешь ли съ Пирромъ?»
Взоръ преклонила она и голосомъ тихимъ сказала:
«О, одна изо всѣхъ блаженна Пріамова дѣва;
Ей на вражьемъ холмѣ, подъ высокими Трои стѣнами,
Сказана смерть; никакихъ не пришлось ей жребіевъ вынесть
И не коснулась въ плѣну она побѣдителя ложа!
Мнѣ жъ, какъ отчизну сожгли, по морямъ проѣхавши разнымъ,
Гордость Ахилла семьи и надменнаго юношу вынесть
Въ рабствѣ родившей пришлось; за Лединою Герміоной
И за бракомъ уйдя Лаконскимъ, меня онъ, рабыню,
Во владѣнье рабу Елену передалъ снова.
Но Орестъ, воспылавъ къ похищенной супругѣ любовью,
И за проступки терпя гоненья отъ Фурій, нежданно
Наскочивъ на того, къ алтарямъ его свергнулъ отцовскимъ.

312. *Гекторъ-то гдѣ жъ*? Смыслъ: если ты принадлежишь подземному царству, то скажи мнѣ, гдѣ же Гекторъ? Если появленіе Энея призракъ, являющійся къ заупокойной трапезѣ (ст. 301), то почему не является Гекторъ, въ память котораго совершается печальный обрядъ? — 319. *Гекторова Андромаха*. Это обращеніе имѣетъ непосредственную связь съ предшествовавшимъ вопросомъ: Нашла ли ты себѣ достойную судьбу, ты, супруга великаго Гектора? *Ты бракъ сохраняешь ли съ Пирромъ?* Такъ какъ Эней не былъ увѣренъ въ истинѣ слышаннаго (ст. 295. 96), то онъ и обратился съ этимъ вопросомъ къ Андромахѣ, считая ея сожительство съ Пирромъ постыднымъ для жены Гектора. — 321—323. *Пріамова дѣва*, Поликсена, дочь Пріама, принесенная послѣ взятія Трои Греками въ жертву на могилѣ Ахилла (Овид. Превр. XIII, 439 — 480). *Жребіевъ вынесть* такъ какъ побѣдители раздѣляли между собою плѣнныхъ женщинъ по жребію. — 326. *Ахилла семьи*, т. е. Пирра (см. II, 469). — 327. Андромаха родила Пирру сына Молосса. — *Герміона*, дочь Менелая и Елены, внучка Леды, была помолвлена съ Орестомъ. Но когда она сдѣлалась женою Пирра, то послѣдній былъ убитъ Орестомъ у алтаря Ахилла, воздвигнутаго Пирромъ въ Дельфахъ (ст. 331—332). — 331. Проступокъ заключался въ томъ, что Орестъ, мстя за смерть отца, убилъ свою мать Клитемнестру.

Послѣ смерти уже Неоптолема, часть царства
Пала Елену въ удѣлъ, что прозванье полямъ хаонійскимъ
И Хаоніи всей даровалъ по троянцу Хаону
И Пергамъ на горахъ съ Иліонскимъ онъ замкомъ прибавилъ.
Что же за вѣтры тебѣ, за судьбы указали дорогу?
Богъ ли какой къ берегамъ пригналъ неожиданно нашимъ?
Что Асканій, твой сынъ? Уцѣлѣлъ ли и дышитъ ли жизнью?
(Та, что ужъ въ Троѣ тебѣ)...
Есть ли у мальчика скорбь порою, что мать онъ утратилъ?
Не возбуждаетъ ли въ немъ старинной отваги и духа
Также родитель Эней, равно какъ и дядя самъ Гекторъ?»
Такъ изливалась она со слезами и долго напрасно
Вопль испускала, когда отъ стѣнъ герой показался,
Сынъ Пріама Еленъ, съ большою толпой провожатыхъ,
И, узнавши своихъ, повелъ ихъ радушно къ воротамъ
И межъ отдѣльныхъ рѣчей проливалъ обильныя слезы.
Я проходя узнаю и малую Трою и снимокъ
Съ мощныхъ Пергама твердынь и рѣченку съ прозваніемъ Ксанѳа,
И у Скейскихъ воротъ я вереи ихъ обнимаю.
Наслаждаются тожъ союзнымъ городомъ Тевкры,
Царь и ихъ принималъ въ пространныхъ своихъ переходахъ;
Посерединѣ двора возліяли изъ чашъ они Вакха,
Къ явствамъ, на блюдахъ златыхъ поставленнымъ, кубки держали.
Вотъ уже минулъ и день, и другой день, и зазываетъ

334. *Хаонійскимъ*—ст. 335. — *Хаонъ*, по Сервію, другъ или братъ Елена. Когда послѣдній убилъ Хаона по неосторожности на охотѣ, то въ честь его назвалъ часть Эпира Хаоніею. — 336. *Пергамъ*, ст. 302. — 337. *Дорогу*, подраз. сюда. — 340. Полустишіе это, очевидно, только набросано Вергиліемъ. Слово *та*, быть-можетъ, указываетъ на Креузу, судьба которой могла интересовать Андромаху. — 341. *Мать*, Креузу (II, 651 слѣд.), о смерти которой Андромаха могла узнать въ Троѣ отъ плѣнницъ. — 343. *Дядя*, Креуза была сестра Гектора. — 349—350. *Снимокъ Пергама*, ст. 302. — 351. *Скейскихъ воротъ*, II, 612.—*Вереи обнимаю.* У древнихъ былъ обычай цѣловать порогъ покидаемаго (II, 490) или снова увидѣннаго отеческаго дома. Здѣсь Эней, увидя *снимокъ Пергама* (ст. 349), считаетъ себя какъ бы возвратившимся въ отечество. — 354. *Вакха*, вм. вина.

Вѣтерокъ паруса, и холстина напучилась съ юга;
Къ вѣщему я подхожу, вопрошая такими словами:
«Трои сынъ, ты боговъ толкователь, что Феба велѣнья,
Что и треножникъ, и лавръ Клароса, и звѣзды постигнулъ,
И пернатыхъ языкъ, и знаменья крыльевъ проворныхъ,
Вотъ ты скажи—ибо весь мнѣ путь предсказалъ благосклонный
Гласъ алтарей, и всѣ мнѣ боги внушали велѣнья,
Чтобъ я въ Италію плылъ и искалъ земель отдаленныхъ.
Только Гарпія мнѣ Целено вѣщаетъ о новомъ
Чудѣ, не слѣдъ называть, и божій мнѣ гнѣвъ объявляетъ,
Голосъ гнуснѣйшій,—какой избѣгать мнѣ опасности первой?
Или держаться чего, чтобъ съ такою мнѣ сладить напастью?»
Тутъ Еленъ, заколовъ сначала быковъ по обряду,
Молитъ о мирѣ боговъ и совлекаетъ повязки
Со священной главы, и во храмъ твой, Фебъ, онъ рукою
Самъ проводитъ меня, потрясеннаго близостью бога,
И напослѣдокъ, какъ жрецъ, изъ божественныхъ устъ возглашаетъ:
«Сынъ богини, что ты плывешь по морямъ подъ высокимъ
Предвѣщаньемъ, вполнѣ очевидно:—судьбы такъ боговъ царь
Опредѣлилъ, ихъ череду вращая; тотъ кругъ и вертится—
Малость изъ многаго лишь, чтобъ ты на чуждое море
Съ большею вѣрой взиралъ и къ Авзонскому прибылъ бы порту,

360—361. *Треножникъ*, метафора вм. предсказанія Аполлона Дельфійскаго.— *Кларосъ*, городъ Іоніи, извѣстный въ древнее время священною *лавровою* рощею (ст. 81), храмомъ и прорицалищемъ Аполлона. —*И звѣзды—и языкъ—и знаменья*. Еленъ предсказывалъ будущее: 1) по непосредственному вдохновенію, внушенію божества (Аполлона Дельфійскаго и Кларійскаго); 2) по внѣшнимъ признакамъ (по движенію небесныхъ свѣтилъ, по пѣнію и полету птицъ). — 363. *Гласъ алтарей*, т. е. оракулы. — 370. *Совлекаетъ повязки*. Какъ жрецъ, онъ былъ украшенъ повязками, какъ прорицатель, онъ отвязываетъ ихъ, чтобы духъ его могъ вознестись свободно. — 376. *Тотъ кругъ и вертится*, т. е. таковъ въ обращеніи находится, т. е. существуетъ (непреложный) порядокъ вещей. — 377. По опредѣленію свыше, Эней долженъ достигнуть Италіи. Но ему предстоитъ еще не мало препятствій (ст. 381 сл.). Чтобы тѣмъ вѣрнѣе, съ меньшимъ для себя рискомъ онъ могъ ихъ преодолѣть, Еленъ дѣлаетъ нѣсколько указаній. — 378—380. *Авзонскому*, см. ст. 385. — *Парки*, I, 22.—*Сатурніи* I, 23. — 383. Эней долженъ былъ обогнуть населенное Греками вост. побережье Италіи.

Я тебѣ разскажу, ибо прочаго Парки Елену
Знать не даютъ, запретъ отъ Юноны Сатурніи слову.
Во-первыхъ, ту Италію, что считаешь ужъ близкой,
И войти собрался, по незнанью, въ сосѣдніе порты,
Долгій по дальнимъ землямъ затруднительный путь отдѣляетъ.
Прежде и гнуться веслу предстоитъ въ волнахъ Тринакрійскихъ
Да повидать кораблямъ и Авзонскаго моря равнину
И озера подъ землей и Ээйскій островъ Цирцеи,
Чѣмъ на спокойной землѣ ты могъ бы выстроить городъ.
Признакъ тебѣ укажу; храни его въ памяти прочно:
Какъ, озабоченный, ты, у волнъ рѣки отдаленной,
На берегу обрѣтешь свиную громаду подъ дубомъ,
Какъ она, тридцать головъ пометавъ поросятъ, разлеглася
Бѣлая вдоль по землѣ и съ подсосками бѣлыми тоже,
Городу мѣсто тутъ быть и вѣрный тутъ отдыхъ усильямъ.
Также и будущаго укушенья столовъ не пугайся:
Путь откроютъ судьбы, Аполлонъ по молитвѣ поможетъ.
Этой однако земли и этихъ бреговъ Италійскихъ,
Что поближе морскимъ орошаются нашимъ прибоемъ,
Ты убѣгай; тутъ всѣ города злыми Греками полны.
Стѣны построили тутъ и Нариційскіе Локры,
И Саллентиновъ поля захватилъ подъ войско Ликтіецъ
Идоменей; и тутъ же затѣмъ вождемъ Мелибейскимъ
Филоктетомъ стѣной Петелія малая скрыта.

384. *Тринакрійскихъ*, I, 196.—*Гнуться веслу*, т. е. поработать веслами. — 385. *Авзонскаго моря равнину*, море у зап. берега Италіи. Авзоны считались древнѣйшими обитателями Италіи, преимущественно же зап. ея половины. — 386. *Озера подъ землей*, Лукринское и Аверпское, между которыми, по Сервію, находилась пещера, считавшаяся входомъ въ преисподнюю.—*Ээйскій*, отъ *Эа*, города Колхиды, откуда волшебница Цирцея пришла въ Италію. Островъ, на которомъ она поселилась, названный тоже Эа, впослѣдствіи соединился съ материкомъ; н. Монте-Чирчелло въ римской Кампаніи (VII, 10). — 388. *Признакъ тебѣ укажу*, подраз., гдѣ ты могъ бы выстроить городъ (ст. 387). — 389. *У волнъ рѣки отдаленной*: на отдаленномъ побережьи Тибра. — 394. *Укушенья столовъ*, III, 257. — 395. *Путь откроютъ судьбы*, т. е. исполнится предсказаніе оракула. — 397. *Нашимъ прибоемъ:* Іонійскаго моря.—399. *Нариційскіе Локры*. Городъ Локры въ Бруціи былъ, по преданію, основанъ опунтскими Локрійцами изъ Нарикса. — 400--402. *Саллентиновъ поля*, въ Кампаніи. — *Ликтіецъ*, изъ города *Ликта*, на Критѣ. — *Идоменей*, ст. 121.—*Филоктетъ*,

Вотъ, когда уже флотъ остановится, море преплывши,
И, сложивъ алтари, исполнять уже станешь обѣты
На берегу, волоса ты увѣй покрываломъ пурпурнымъ,
Чтобъ средь священныхъ огней въ честь боговъ какой не напался
Ликъ враждебный тебѣ и тебѣ не смутилъ предсказаній.
Спутники этотъ обрядъ да хранятъ при жертвахъ и самъ ты;
Съ богослуженьемъ такимъ пребываютъ пусть чистыми внуки;
Но когда отплывешь и тебя къ берегамъ Сикулійскимъ
Вѣтръ принесетъ, и проходъ раскроется узкій Пелора,
Влѣво ступай вдоль земли и влѣво далекимъ объѣздомъ
По морю; справа равно избѣгай береговъ ты и моря.
Силою эти мѣста когда-то разбиты погромомъ,—
Такъ-то властна измѣнять вѣковъ долголѣтняя древность —
Какъ говорятъ, разошлись, тогда какъ обѣ тутъ земли
Были одной; ворвалось въ середину море и силой
Волнъ отъ Сициліи бокъ Гесперійскій отторгло, и нивы
И города разводя, проникла въ нихъ узкимъ прибоемъ.
Сцилла правый тутъ бокъ, а лѣвый злая Харибда
Заняла и до дна пучины могучія волны
Трижды глотаетъ впрямикъ и вновь вперемежку выноситъ
Ихъ на верхъ, и волной ударяетъ въ самыя звѣзды.
Сциллу же въ темныхъ своихъ закоулкахъ скрываетъ пещера,
Какъ она, выставя ликъ, корабли увлекаетъ въ каменья.
Сверху людское лицо и съ прекрасною грудію дѣва

изгнанный, вслѣдствіе возстанія, изъ родного города Мелибеи въ Ѳессаліи, удалился въ нижнюю Италію, въ страну Бруціевъ, гдѣ и окружилъ городъ Петелію (н. Strongoli) стѣною. — 405. *Пурпуровый* цвѣтъ, по вѣрованію древнихъ, предохранялъ отъ дурного глаза. — 406—407. По римскимъ вѣрованіямъ, появленіе посторонняго лица нарушало жертвоприношеніе. — 410. *Отплывешь*, отъ береговъ Италіи. — 411. *Проходъ Пелора.* Мессинскій проливъ съ с. замыкается сицилійскимъ мысомъ Pelorus (н. Капо ди Фаро). Если къ проливу приближаться съ Іоническаго моря, то издали кажется, что проливъ прегражденъ мысомъ; съ приближеніемъ же берега послѣдняго какъ-будто начинаютъ раскрываться, рѣдѣть, и вскорѣ взорамъ плывущихъ представляется свободное, открытое море. — 420. *Сцилла*, *Харибда*, теперь двѣ скалы—Scigliо, у берега Италіи и Galofaro *(Харибда)*, къ сторонѣ Сициліи—съ незначительнымъ водоворотомъ, вообще неопаснымъ для мореплавателей.

По поясъ, сзади она всѣмъ тѣломъ ужаснѣйшимъ рыба;
Хвостъ дельфина покрытъ волками, приросшими брюхомъ.
Лучше объѣхать предѣлъ Тринакрійскаго будетъ Пахина
Медленно и прокружить, въ переѣздъ пускаяся долгій,
Чѣмъ хоть разъ увидать ужасную въ мрачной пещерѣ
Сциллу и черныхъ собакъ сотрясенные лаемъ утесы.
Кромѣ того, если есть у Елена мудрость и стоитъ
Вѣры пророкъ, коль его Аполлонъ правотой наполняетъ,
Только одно я тебѣ, сынъ богини, одно всего пуще
Предскажу и опять и опять накажу повторяя:
Прежде мольбою почти божество великой Юноны;
Ты Юнонѣ твори по охотѣ обѣты, мольбами
И дарами склони владычицу мощную: такъ лишь,
Кинувъ Тринакрію, ты въ Италію вступишь съ побѣдой.
Тутъ когда проплывешь и въ Кумейскій вступишь ты городъ,
На озера божества и Авернъ, шумящій лѣсами,
Ярую вѣщую ты узришь, что судьбы изрекаетъ
Подъ скалой и кладетъ имена и знаки на листья.
Всѣ изреченія, что на листьяхъ дѣва напишетъ,
По порядку сложивъ, оставляетъ заперши въ пещерѣ.
Тѣ неподвижно лежатъ на мѣстѣ, порядка не руша.
Но лишь только крюки повернутся, и вѣтеръ чуть слышный
Станетъ ихъ гнать, и дверь взволнуетъ нѣжные листья,
То никогда ужъ она ухватить летучихъ въ пещерѣ,
Иль разобрать ихъ опять, иль рѣчи связать не захочетъ.
Кто безъ отвѣта уйдетъ, ненавидитъ жилище Сивиллы.
Тутъ задержка тебѣ не должна казаться столь важной,

429. *Пахинъ* (Passaro), южн. оконечность Сициліи. — 441. *Кумейскій городъ*, Кумы, приморскій г. возлѣ Неаполя. — 442. *Озера божества*, ст. 386. V, 732. — 443. *Вѣщую* кумейскую Сивиллу (ст. 452) «Деифобу», жрицу Аполлона; см. примѣч. VI, 36. 71 сл. — *Ярую*, восторженную. — 444. Сивилла свои предсказанія обозначаетъ на листьяхъ. — 446. Исписавъ извѣстное число листьевъ, Сивилла оставляетъ пещеру съ тѣмъ, чтобы открыть ее снова желающему узнать будущее. При входѣ Сивиллы, вѣтеръ, врываясь въ спертыя двери, смѣшиваетъ листья (ст. 448. 449). — 452. *Безъ отвѣта*. Такъ какъ дуновеніе вѣтра разсѣяло листья, то и отвѣты Сивиллы, даваемые на основаніи перваго попавшагося ей листка, не соотвѣтствовали, въ большинствѣ случаевъ, вопросамъ совѣтовавшихся. — 453. Смыслъ: Не придавай осо-

Хоть бы и стали роптать товарищи, да и отправка
Въ море звала паруса, и вздуть ихъ ты могъ бы на счастье,
Чтобы ты къ вѣщей не шелъ и у ней не молилъ предсказаній.
Пусть охотой она возвѣститъ и уста разверзаетъ.
Та о народахъ тебѣ Италійскихъ и будущихъ войнахъ
И какимъ ты путемъ всякій трудъ устранишь иль осилишь,
Выскажетъ и за почетъ одаритъ счастливой дорогой.
Вотъ все то, въ чемъ тебя наставить вправѣ мой голосъ.
Въ путь—и дѣлами до звѣздъ вознеси великую Трою».
Какъ изъ дружескихъ устъ прорицатель все вымолвилъ это,
То засимъ повелѣлъ дары изъ тяжкаго злата
И изъ кости рѣзной, слоновой къ судамъ несть, наполня
Грудами ихъ серебра, принося котлы изъ Додоны,
Панцырь изъ проволоки тройной, повязанной въ кольца,
И остріе шишака чудеснаго съ гривой косматой,
Неоптолема уборъ. Дары и родителю были.
Онъ прибавилъ коней и прибавилъ возничихъ;
Добавляетъ гребцовъ и товарищамъ также оружья.
Между тѣмъ паруса Анхизъ на флотѣ приладить
Повелѣлъ, чтобы какъ не промѣшкать при вѣтрѣ попутномъ.
Феба глашатай ему съ великимъ почтеніемъ молвилъ:
«О Анхизъ, возвеличенный бракомъ высокимъ съ Венерой,
Милый богамъ, и спасенъ изъ Пергамскихъ дважды развалинъ,
Вотъ предъ тобою земля Авзоніи: къ ней устремляйся;
А между тѣмъ миновать ее, моремъ плывя, неизбѣжно;
Та Авзоніи часть далека, что Фебъ отверзаетъ.
Отправляйся, онъ рекъ, о счастливый сыновней любовью.
Что жъ мнѣ еще говорить и задерживать вѣтеръ встающій?»
И Андромаха равно, грустя о послѣдней разлукѣ,
Подаетъ съ золотымъ утокомъ узорное платье

баго значенія проволочкѣ, необходимой для совѣщанія съ оракуломъ, т. е. тебѣ необходимо посвятить извѣстное время для совѣщанія съ оракуломъ. — 457. *Уста разверзаетъ.* Сама она должна открыть свои пророческія уста, но не основываться на листьяхъ оракула; см. VI, 74—76. — 466. Додона принадлежала къ владѣніямъ Елена. — 467. Кольца панцыря состояли изъ сученой въ три нитки золотой проволоки. — 476. *Дважды*, см. II, 642. — 478. *Ее*, т. е. ближайшую часть вост. побережья Апеннинскаго полуострова.

И Фригійскій покровъ для Асканія, также почетомъ
Не отстаетъ и, даря ему тканей, слова произноситъ:
«Это ты тоже прими, пусть памятью рукъ моихъ будетъ,
Мальчикъ, вотъ это тебѣ, заявляя любовь Андромахи,
Гектора бывшей жены; своихъ даръ послѣдній прими ты,
О, моего лишь одинъ ты образъ мнѣ Астіанакса.
Вотъ таковъ же и съ глазъ, и съ рукъ, и съ лица онъ, бывало,
И теперь бы съ тобой по возрасту лѣтъ онъ равнялся».
Къ нимъ, собираясь уйти, я, слезы лія, обратился:
«Въ счастьи живите, кого судьба уже вся завершилась;
Мы же лишь изъ одной призываемся доли въ другія,
Вамъ уготованъ покой; не взрывать никакого вамъ моря,
И Авзоніи нивъ, отступающихъ вѣчно, не нужно
Вамъ искать. Вамъ глядѣть на подобіе Ксанѳа и Трои,
Вашихъ созданія рукъ; желалъ бы, при знаменьяхъ лучшихъ,
Да чтобы меньше они на пути находились у Грековъ:
Ежели Тибра когда и сосѣднихъ съ Тибромъ достигну
Нивъ, и стѣны узрю, моему обреченныя роду,
Родственные города и близкіе впредь мы народы,
Какъ въ Эпирѣ, равно и въ Гесперіи, коихъ прапрадѣдъ
Тотъ же Дарданъ и та жъ ихъ судьба, въ единую Трою
Въ духѣ мы превратимъ; пусть о томъ же заботятся внуки».
Мы по влагѣ плывемъ, отъ сосѣдней Керавніи близко,
Путь откуда идетъ ближайшій въ Италію моремъ;
Солнце сади сı межъ тѣмъ, и меркнутъ стемнѣвшія горы,
Къ лону склоняемся мы желанной земли у прибоя,
Жребіемъ выбравъ гребцовъ, на сухомъ берегу разметавшись,
Нѣжимъ свои мы тѣла; сонъ льется въ усталые члены.
Ночь подъ водительствомъ Горъ полкруга еще не свершила:

484—485. *Также почетомъ не отстаетъ:* она соревнуетъ съ мужемъ въ выказываніи знаковъ уваженія (ст. 474) отъѣзжающимъ. — 488. Чрезъ Гектора она приходится сродни Асканію, сравн. пр. къ ст. 343. — 489. *Астіанакса*, II, 457. — 504. *Дарданъ*, I, 28. — 506. *Керавнія*, прибрежная цѣпь горъ въ Эпирѣ (н. Киміароли). — 507. Направляясь далѣе, они достигаютъ м. Акракеравніи, сѣвернѣе котораго впослѣдствіи возникъ г. Эпидамнъ (Dyrrhachium), удобнѣйшее мѣсто переправы въ Италію. — 510. *Жребіемъ выбравъ гребцовъ:* выбравъ по жребію тѣхъ, кому оставаться у веселъ (между тѣмъ, какъ другіе выйдутъ на берегъ). — 512. *Полкруга*, небеснаго свода. Горы, здѣсь въ зна-

А не лѣнивый встаетъ Палинуръ съ постели и каждый
Вѣтеръ пытаетъ и всѣ дуновенія ловитъ ушами;
Всѣ движенія звѣздъ замѣчаетъ по тихому небу,
И дождливыхъ Гіадъ, и Арктура, и двойню Тріоновъ,
И озираетъ въ его бронѣ золотой Оріона.
Какъ увидѣлъ, что все на ясномъ небѣ въ порядкѣ,
Звонкій знакъ онъ съ кормы подаетъ; мы лагерь снимаемъ,
Собираемся въ путь и вѣтрилъ распускаемъ мы крылья.
Ужъ Аврора, совсѣмъ прогнавшая звѣзды, краснѣла,
Какъ неясно вдали мы холмы и Италіи плоскость
Увидали. Ахатъ возглашаетъ Италію первый,
Спутники шлютъ свой привѣтъ Италіи радостнымъ крикомъ.
Тутъ родитель Анхизъ, увѣнчавъ, огромную чашу
Всю наполнилъ виномъ, и къ богамъ обратился онъ, стоя
На высокой кормѣ:
«Боги, властители вы и морей, и земли, и погоды,
Дайте по вѣтру намъ плыть легко и дохните на счастье».
Вѣтръ вожделѣнный возросъ и, портъ передъ нами открылся,
И ближайшій ужъ храмъ появился на Замкѣ Минервы.
Спутники, снявъ паруса, корабли обращаютъ на берегъ.
Портъ прибоями волнъ съ востока изогнутъ дугою;
Скалы, что стали впередъ, соленой обрызганы пѣной;
Самъ онъ закрытъ; а скалы, громоздяся двойною стѣною,
Руки простерли впередъ, и отъ берега храмъ убѣгаетъ.
Здѣсь четырехъ я коней, какъ первое знаменье, видѣлъ,

ченіи богинь, придающихъ движеніе времени. — 513. *Палинуръ*, ст. 202. — 514—515. Такъ какъ Энею, слѣдуя предсказаніямъ Елена (ст. 477), необходимо коснуться берега Италіи, то Палинуръ обращаетъ особенное вниманіе на *вѣтеръ* и *движеніе звѣздъ*, имѣя въ виду переѣздъ по открытому морю. — 516. *Арктуръ*, *Гіады*, *Тріоны*, см. I, 744. — 517. Созвѣздіе *Оріона* (см. I, 535) сіяетъ звѣздами первыми первой величины. — 518. *Что все въ порядкѣ*: что все предвѣщаетъ хорошую, продолжительную погоду. — 527. *На кормѣ* находилось изображеніе бога, охранявшаго корабль. — 530. *Портъ*, Венеры въ Калабріи (н. porto Badisco) къ ю. отъ Отранта. — 531. *Замокъ Минервы*, древній Arx или *Castum Minervae,* теперь *Castro* въ Калабріи. — 536. *Убѣгаетъ*. Такъ какъ храмъ находился на горѣ (ст. 531), то издали онъ казался стоящимъ у самаго берега; съ приближеніемъ же, онъ все больше и больше удалялся отъ послѣдняго. — 537. *Первое знаменье:* Римляне, высаживаясь на

Что паслись широко по травѣ въ бѣлоснѣжномъ сіяньи.
И родитель Анхизъ промолвилъ: «войну обѣщаешь,
Гостепріимства земля; коней для войны припасаютъ.
Грозенъ войною табунъ; обыкши возить колесницу,
Четвероногіе тожъ и съ ярмомъ удила переносятъ.
Есть и надежда на миръ». Тутъ стали молить мы святыню
Звонкой оружьемъ своимъ Паллады, какъ первой пріявшей
Клики, и предъ алтаремъ мы покрылись фригійскимъ покровомъ,
Да, какъ наставилъ Еленъ, считавшій это главнѣйшимъ,
По указанью почетъ воздали Юнонѣ Аргивской.
Безъ промедленія всѣ обѣты сверша по порядку,
Мы повернули назадъ съ парусами рогатыя реи,
Грековъ покинувъ дома и подозрительный берегъ.
Геркулесова, коль преданіе вѣрно, Тарента
Видѣнъ отсюда заливъ, святыня Лациніи, противъ
Замокъ Кавлонъ и затѣмъ Сцилацей, кораблей сокрушитель.
Тутъ въ отдаленьи изъ водъ Тринакрійская видима Этна,
И ужаснѣйшій гулъ морской и удары каменьевъ
Слышимъ издали мы и у берега звуки съ отрывомъ;
Отмели вдругъ возстаютъ, и мѣшаются всплески съ песками.
И отецъ намъ Анхизъ: «навѣрное это Харибда;
Вотъ про эти скалы Еленъ и про камни вѣщалъ намъ.
Выручайте, друзья, и разомъ налягте на весла».
Точно, какъ сказано имъ, они исполняютъ, и первый
Къ лѣвымъ волнамъ Палинуръ скрипящій корабль обращаетъ;
Вся толпа налегла и вѣтромъ и веслами влѣво.

берегъ, всегда обращали вниманіе на первое явленіе, какъ на предзнаменованіе хорошее или дурное; см. I, 6. — 544. Жертва приносится Палладѣ *(Минервѣ)*, такъ какъ Троянцы въ первый разъ достигли берега Италіи у ея храма (ст. 531); притомъ и первое *знаменье* предвѣщало войну (ст. 537). — 545. *Покрылись покровомъ*, ст. 405. — 546. *Наставилъ* ст. 435 сл. — 547. *Аргивской*, почитаемой въ г. *Аргосѣ*. — 549. Желая отплыть, они поворачиваютъ концы рей къ морю. — 551. *Геркулесова Тарента*. По другому преданію, Тарентъ основанъ Тарантомъ, сыномъ Нептуна. — 552. *Святыня Лациніи*, храмъ Iuno Lacinia, на м. Lacinium (capo delle Colonne), при входѣ въ Тарентскій заливъ. *Противъ*, т. е. Тарента. — 553. *Кавлонъ* (Castel vetere) и *Сцилацей* (Squilace) прибрежные города въ области Бруціевъ. — 554. *Тутъ*, т. е. миновавъ *Сцилацей*, направляясь съ востока.

Къ небу возносимся мы пучиной крутою и такъ же,
Какъ ускользаетъ волна, къ исподнимъ спускаемся манамъ.
Трижды шумъ издаютъ между полыми камнями скалы;
Трижды пѣны мы всплескъ и звѣзды въ росѣ увидали.
Солнце и вѣтеръ межъ тѣмъ покинули насъ, утомленныхъ,
И, не зная пути, къ берегамъ подошли мы Циклоповъ.
Самъ-то огромнѣйшій портъ для напора вѣтровъ недоступенъ.
Но ужаснымъ вблизи разрушеніемъ Этна грохочетъ
И порою въ эѳиръ прорывается черною тучей,
Вихремъ дыма какъ смоль и раскаленной золою;
Мечетъ каменья она и лижетъ небесные своды;
Иногда же скалы, что оторваны въ горной утробѣ,
Изрыгаетъ и въ воздухѣ растопленные камни
Накопляетъ стеня и отъ самаго дна закипаетъ.
Есть преданіе, что обожженное молніей тѣло
Энцелада гнететъ эта груда, и, взвалена сверху,
Этна громада огни выдыхаетъ изъ прорванныхъ горновъ.
И лишь только онъ бокъ повернетъ усталый, трепещетъ
Съ громомъ Тринакрія вся, и небо покроется дымомъ.
Въ эту ночь, подъ закрытьемъ лѣсовъ, мы ужасное чудо
Выносили и, что причиняетъ тотъ звукъ, не видали.
Ибо ни звѣздныхъ огней не являлось, ни полюса въ яркомъ
Свѣтѣ созвѣздій своихъ, а въ небѣ лишь тучи темнѣли,
И за дымкой луну ненастная ночь укрывала.
Новый ужъ день возникалъ при первомъ сіяньи востока,
И росистую тѣнь съ небесъ прогоняла Аврора:

569. *Циклоповъ.* Они въ сущности обозначали естественную силу молніи. Ихъ считали одноглазыми гигантами, выковывавшими молнію для Зевса. Гомеръ (Одисс. IX, 106 сл.) смѣшиваетъ ихъ съ племенемъ гигантовъ-людоѣдовъ, занимавшихся скотоводствомъ и населявшихъ берега Сициліи. — 570 — 571. Гавань сама по себѣ безопасна и обширна и только близость Этны дѣлаетъ стоянку непріятною. — 576. *Растопленные камни*, лава. — 578 — 581. *Энцелада*, гиганта, котораго придавилъ Юпитеръ брошенною на него Этною. Отъ усилій Энцелада спастись изъ-подъ нея происходятъ, по преданію древнихъ, землетрясенія и изверженія Этны. Другое преданіе объ Этнѣ у Овид. Превращ. V, 346 сл. — 583. *Ужасное чудо*, т. е. гулъ, причиняемый изверженіемъ Этны. — 584. *Не видали,* такъ какъ лѣсъ скрывалъ отъ нихъ гору.

Какъ вдругъ изъ лѣсу ликъ, худобой истощенный безмѣрно,
Мужа безвѣстнаго намъ показался въ плачевой одеждѣ,
И къ прибрежью простеръ онъ руки свои умоляя.
Мы взглянули: жестокая грязь, борода безъ призора,
Спицами сколанъ на немъ хитонъ; по прочему Грекъ онъ
И съ оружьемъ роднымъ когда-то былъ посланъ подъ Трою.
Какъ онъ дарданскій нарядъ и оружье изъ Трои завидѣлъ
Издали, то, устрашенъ при видѣ, немного замялся
И шаги задержалъ; но въ скорости къ берегу съ плачемъ
И мольбой побѣжалъ: «звѣздами я васъ заклинаю,
Божествами и симъ живительнымъ неба сіяньемъ,
Тевкры, умчите меня; на землю любую свезите,
Этого будетъ съ меня. Одинъ я изъ флота Данаевъ
И, сознаюсь, шелъ войной я на Иліонскихъ пенатовъ.
Вотъ, если такъ велика неправда въ нашемъ злодѣйствѣ,
Киньте въ воду меня, потопите въ морѣ широкомъ.
Коль пропаду, буду радъ отъ рукъ человѣческихъ сгибнуть».
Такъ онъ сказалъ и, обнявъ колѣни, прильнулъ, на колѣняхъ
Ползая. Кто онъ таковъ, отъ какой онъ крови родился,
Мы велимъ разсказать, и въ судьбѣ настоящей признаться.
Самъ родитель Анхизъ, недолго промедливши, руку
Юношѣ подалъ и духъ залогомъ вниманья въ немъ поднялъ.
Тотъ, наконецъ, отложилъ свой страхъ и вымолвилъ это:
«Я въ Итакѣ рожденъ и несчастнаго спутникъ Улисса,
Именемъ Ахеменидъ, и, какъ былъ Адамантъ, мой родитель,
Бѣденъ, — пусть былъ бы таковъ мой жребій! — отправился въ Трою.
Тутъ вотъ, когда второпяхъ жестокій порогъ покидали,

585. *Полюса* I, 608. — 594. *По прочему Грекъ*, т. е. по внѣшности можно было узнать въ немъ Грека. — 595. Ахеменидъ (ст. 614) только ниже (ст. 605—6) говоритъ Троянцамъ, что онъ былъ ихъ врагомъ. Эней, однако, счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ здѣсь, чтобы слушателямъ были понятнѣе изображенныя ниже (ст. 596—602) отношенія Ахеменида. О немъ повѣствуетъ и Овидій, Превр. XIV, 158 сл. — 602. *Этого будетъ съ меня*, т. е. что я ускользнулъ отъ Циклоповъ. — 611. Въ этой книгѣ Анхизъ вездѣ выступаетъ въ роли патріарха начальника. — 612. Стихъ этотъ повторенъ изъ II кн. ст. 76. — 616. Спутники Улисса, ослѣпивъ Полифема (ст. 635), въ испугѣ убѣжали.

Позабывши, свои меня въ пещерѣ Циклопа
Бросили. Сукровицей и кровавою пищею полный
Домъ, громадный внутри и темный. Самъ ростомъ хватаетъ
Онъ до звѣздъ—боги, ужасъ такой отъ земли отвратите!
Никому ни на взглядъ, ни рѣчь съ нимъ вести—нестерпимъ онъ.
Кровію черной онъ сытъ и потрохами несчастныхъ.
Самъ я видѣлъ, какъ двухъ изъ нашихъ мужей онъ, огромной
Взявши рукой и самъ развалясь посрединѣ пещеры,
Размозжилъ о скалу, и кровь поплыла разлитая
По земи; видѣлъ, какъ части, текущія черною кровью,
Жралъ онъ, и на зубахъ хрустѣли дрожащіе члены.
Не безнаказанно все жъ; Улиссъ такого не вынесъ,
И при подобной бѣдѣ себя не забылъ Итакіецъ.
Ибо, какъ, полонъ ѣдой и въ винѣ погребенный, сложилъ онъ
Шею свою изогнувъ, и легъ вдоль пещеры, громадный,
Изрыгая во снѣ и кровь, и куски въ перемѣшку
Съ окровавленнымъ виномъ,—великимъ богамъ помолившись,
Бросили жребіи мы и накинулись разомъ отвсюду
Вкругъ и глазъ у него просверлили орудіемъ острымъ,
Тотъ громадный, что скрытъ подо лбомъ суровымъ одинъ былъ,
Съ Арголійскимъ щитомъ, иль Фебовымъ свѣточемъ сходный;
И, веселясь наконецъ, мы за тѣни своихъ отомстили.
Но бѣгите, несчастные, прочь бѣгите и рвите
Съ берега свой вы канатъ.
Ибо каковъ Полифемъ ни будь по душѣ и по росту,
Что руноносныхъ овецъ запираетъ и вымя доитъ ихъ,
Сто ужасныхъ другихъ еще проживаютъ Циклоповъ
Здѣсь по кривымъ берегамъ и въ горахъ высокихъ блуждаютъ.
Ужъ у третьей Луны рога восполняются свѣтомъ,
Какъ я жизнь средь лѣсовъ влачу по пустымъ логовищамъ
И жилищамъ звѣрей и вижу громадныхъ Циклоповъ
Со скалы и при топотѣ ногъ и рѣчахъ содрогаюсь.
Пищей несчастною мнѣ лишь ягодъ, да дикаго терну
Вѣтви даютъ, да, нарвавъ кореньевъ, питаюсь травами.

619. сл. Характеристику Полифема см. и у Овид. Превр. XIII, 821 сл. XIV, 188. — 637. Круглый аргол. щитъ покрывалъ все тѣло. — *Фебовъ свѣточъ*, т. е. солнце.

Все озирая, впервой увидалъ этотъ флотъ я, идущій
Къ берегу. Вотъ и ему себя, каковъ бы онъ ни былъ,
Я обрекъ: лишь бы мнѣ избѣжать ужаснаго люда.
Лучше вы душу мою исхитьте смертью любою».
Только онъ это сказалъ, увидали мы, какъ среди стада
Самъ съ высокой горы громадою движется мощной
Пастырь овецъ Полифемъ, идя на берегъ знакомый,
Страшное чудо, уродъ громадный и зрѣнья лишенный.
Стволъ сосновый въ рукѣ направляетъ дорогу и прочитъ;
Руноносныя съ нимъ и овцы; одна его радость
И утѣшенье въ бѣдѣ.
Какъ до глубокихъ онъ волнъ подошелъ и къ самому морю,
Кровь омылъ на глазу, что изъ вырваннаго изливалась,
И вздохнувъ и притомъ скрежеща зубами, пошелъ онъ
Въ самое море, а все жъ до чреслъ волна не хватала.
Мы ускоряемъ, дрожа, свой бѣгъ, принявъ по заслугѣ
Умолявшаго, и канатъ обрѣзаемъ безмолвно,
И, наклоняясь, волну мы взапуски веслами роемъ.
Тотъ услыхалъ и на шумъ раздающійся слѣдъ направляетъ.
Но когда не далась схватить рукою возможность,
И сравняться не могъ съ Іонійской волной онъ погоней,
Поднялъ безмѣрный онъ крикъ, отъ котораго дрогнуло море,
И всѣ волны, и сквозь земля Италійская въ страхѣ,
И взревѣла въ своихъ пещерахъ извилистыхъ Этна.
А Циклоповъ народъ, по лѣсамъ и по горнымъ вершинамъ
Пробужденъ, поспѣшилъ къ заливу и берегъ наполнилъ.
Видимъ мы, собрались понапрасну со взоромъ свирѣпымъ
Братья Этнейцы, свои воздымая головы къ небу,
Страшное сборище ихъ; таковы съ высокой макушкой

651. Съ тѣхъ поръ, какъ Ахеменидъ былъ оставленъ Улиссомъ, онъ въ первый разъ увидѣлъ приставшій къ берегу флотъ. — 662. *Къ самому морю*: къ открытому морю. — 670. Полифемъ дѣлаетъ напрасныя усилія *схватить* судно быстро уходившихъ Троянцевъ. Приливъ волнъ изъ Іонійскаго моря (ст. 211) быстрѣе уноситъ Троянцевъ, чѣмъ Циклопъ въ состояніи слѣдовать за ними въ водѣ. — 677. *Понапрасну*, такъ какъ они не въ состояніи вредить Троянцамъ. — 678. *Братья*, какъ одинаково жестокіе и похожіе другъ на друга. — *Этнейцы*, какъ жившіе въ окрестностяхъ Этны.

Дубъ воздушный, или кипарисъ, остріемъ вознесенный,
Рослый Юпитера лѣсъ, или же роща Діаны.
Торопящихся страхъ возбуждаетъ куда ни попало
Только канаты собрать и по вѣтру раскинуть вѣтрила.
Но Еленъ запретилъ между Сциллой и между Харибдой
Плыть, гдѣ оба пути отъ гибели рознятся мало,
Если не прямо держать: порѣшили поплыть мы обратно.
Вотъ Борей между тѣмъ, изъ тѣснины направленъ Пелора,
Прибылъ. Я мимо плыву Пантагіи каменныхъ устьевъ,
Минулъ Мегары заливъ и Тапсъ, лежащій низиной.
Всѣ берега намъ, назадъ свои повторяя скитанья,
Ахеменидъ указалъ, несчастнаго спутникъ Улисса.
Противъ Племира лежитъ сыраго въ Сиканскомъ заливѣ
Островъ, растянутый вдоль: Ортигіей онъ назывался
У стариковъ. Говорятъ, что Алфей, рѣка изъ Элиды,
Путь сюда отыскалъ подъ моремъ; истокомъ твоимъ онъ,

680. *Дубъ* былъ посвященъ Юпитеру. — 681. *Роща Діаны.* Діана здѣсь, какъ богиня луны, отождествляется съ Гекатою или Персефоною, которой былъ посвященъ кипарисъ. — 683. *Канаты собрать*, ст. 267. — 684—687. Смыслъ. Устрашенные Циклопами, Троянцы, распустивъ паруса, быстро плыли въ открытое море (ст. 682—683). Но вѣтеръ съ Іонич. моря (ст. 671) гналъ ихъ къ сѣверу, прямо къ Сциллѣ и Харибдѣ. Здѣсь они вспомнили Елена (ст. 681), который говорилъ (ст. 412 сл.), что между Сциллой и Харибдой, съ той или другой стороны пути, неминуема гибель для флота. Но дѣлать нечего! Опасность со стороны Циклоповъ принуждаетъ *поплыть обратно.* И только неожиданно подувшій съ сѣвера вѣтеръ помогъ Троянцамъ благополучно войти въ Іонійское море, оставивъ въ сторонѣ Циклоповъ и пучину Мессинскаго пролива. — 686. *Если не прямо держать.* Прямая дорога Троянцевъ въ Италію была чрезъ Мессинскій проливъ, но въ виду Сциллы и Харибды Еленъ совѣтовалъ держаться не ближайшаго прямого пути, но плыть «*далекимъ объѣздомъ*» (ст. 412), сдѣлать кругъ, т. е. обогнуть Сицилію. — 687. *Борей*, I, 85.—*Пелора*, ст. 411. — 688. *Пантагія*, (н. Fiume di Porcari) береговая рѣчка на В. Сициліи, ниже города Leontini. — 689. *Мегара*, городъ возлѣ Сиракузъ. — *Тапсъ* (н. Баньоли), полуостровъ, ограничивающій Мегарійскій зал. съ востока. (Другой Тапсъ, извѣстный побѣдою Ю. Цезаря въ 46 г. находится въ сѣв. Африкѣ). — 690—691. Ахеменидъ плылъ уже однажды съ Улиссомъ мимо этихъ береговъ, на пути отъ Лотофаговъ къ о. Циклоповъ. — 692—696. *Сиканскій* вм. Сиракузскій зал. Названіе Сиканіи получила Сицилія отъ Сикановъ, выселившихся туда изъ Иберіи.—Гавань и зал. Сиракузскій ограничены съ Ю. мысомъ *Племиріемъ* (Пунта ди Джиганте), съ С. о—вомъ

Аретуза, теперь съ Сикулійскими смѣшанъ волнами.
Мѣстныхъ великихъ боговъ, какъ велѣно, мы ублажаемъ;
Тучную землю оттоль объѣзжаю болотъ я Гелора.
Мимо высокихъ камней и встрѣчныхъ утесовъ Пахина
Мы идемъ, и вдали Камерина, которой движенья
Не разрѣшили судьбы, появились и нивы Гелои,
Да и Гела, рѣки безпокойной пріявшая имя.
Тутъ съ высоты Акрагантъ выставляетъ высокія стѣны
Издали, нѣкогда былъ благородныхъ коней онъ разсадникъ;
И тебя, Селинунтъ пальмоносный, я съ вѣтромъ покинулъ
И плыву по бродамъ и по скрытымъ скаламъ Лилибея.
Портъ Дрепана оттоль меня на нерадостный берегъ
Принялъ. Тутъ столькими я бросаемый бурями моря,
Горе, отца своего, Анхиза, отраду всѣхъ бѣдствій
И судебъ, утерялъ. Здѣсь усталаго, добрый отецъ, ты
Кинулъ, увы мнѣ! вотще спасенный изъ столькихъ напастей!
Ни прорицатель Еленъ, вѣщавшій о многомъ ужасномъ,
Не предсказалъ этихъ слезъ, ни жестокая даже Целено.

Ортигія.—По мнѣнію древнихъ, р. Алфей продолжала свое теченіе подъ моремъ до Сициліи и соединялась съ источникомъ *Аретуза*, вблизи Сиракузъ. Миѳъ объ этомъ у Овид. Превращ. V, 494—641. Источникъ этотъ и теперь существуетъ въ Сиракузахъ. — 697. *Какъ велѣно*, вѣроятно Анхизомъ (см. пр. къ ст. 611). — 698—699. *Гелоръ* (н. Антелари), сѣвернѣе м. *Пахина* (ст. 429); выступая изъ береговъ, онъ, подобно Нилу, покрывалъ плодоноснымъ иломъ сосѣднія окрестности. — 700—702. *Камерина*, городъ на Ю. Сициліи. По древнему преданію, оракулъ запретилъ трогать камеринскія болота (μὴ κίνει Καμάριναν, ἀκίνητος γάρ ἀμείνων), но жители не послушались и осушили мѣстность, проложивъ такимъ образомъ путь непріятелямъ къ городу (теперь впрочемъ существуетъ еще Lago di Camarana).—*Нивы Гелои*, равнины быстрой, неудержимой въ своемъ теченіи рѣки Gelas. Названіе города *Гела*. — 703—704. *Акрагантъ*, гора, на которой находился большой и богатый городъ Agrigentum (Джирдженти), славившійся плодородіемъ и *благородныхъ коней разсадникомъ*, часто одерживавшихъ побѣды на Олимп. играхъ.—Остатки *высокихъ стѣнъ* Агригента сохранились и теперь вмѣстѣ съ развалинами древнихъ храмовъ.— 705. *Селинунтъ*, на С. З. берегу Сициліи (н. развалины возлѣ Castelvetrano); мѣстность теперь еще изобилуетъ пальмами. — 706. *Лилибей.* Мысъ и городъ на южномъ берегу Сициліи (capo di Boco). — 707. *Дрепанъ* (Trapani) на С. З. оконечности Сициліи, къ С. отъ м. Лилибея.– *Нерадостный*, вслѣдствіе угрюмаго, пустыннаго характера мѣстности и смерти отца (ст. 710). — 711. *Вотще*, такъ какъ ему не удалось достигнуть Лаціума. По другому свидѣтельству, со-

Это послѣдній былъ трудъ и предѣлъ это странствій далекихъ.
Какъ я оттуда ушелъ, меня богъ къ вамъ на берегъ вынесъ».
Такъ родитель Эней, при общемъ вниманьи, о божьихъ
Передавалъ судьбахъ и свои излагалъ похожденья.
Подъ конецъ онъ замолкъ и, закончивъ, предался покою.

храненному Сервіемъ въ комментаріяхъ къ Энеидѣ (I, 570), Анхизъ прибылъ къ берегамъ Италіи. — 714. *Послѣдній трудъ.* Бурю, которая застигла Троянцевъ между Сициліею и Карѳагеномъ (см. сод. I кн.), Эней не считаетъ за трудъ; напротивъ, свое прибытіе въ царство Дидоны онъ признаетъ счастливымъ предопредѣленіемъ боговъ (ст. 715). — 718. *Предался покою*, принялъ спокойную позу, окончивъ столь продолжительный и одушевленный разсказъ.

ЭНЕИДА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ ЧЕТВЕРТОЙ.

Любовь и смерть Дидоны.

Ст. 1—30: Дидона открывается сестрѣ въ своей любви къ Энею. 31—89. Дидона, подчиняясь совѣтамъ Анны, предается надеждѣ на бракъ съ Энеемъ. 90—128. Юнона, желая удалить Энея отъ Италіи, уговаривается съ Венерой насчетъ его брака съ Дидоной, обѣщая привести свой планъ въ исполненіе. 129—172. Охота и буря. 173—197. Молва. 198—218. Іарба молитъ Зевса наказать Дидону. 219—237. Юпитеръ отправляетъ къ Энею Меркурія. 238—278. Меркурій сообщаетъ Энею волю Юпитера. 279—295. Эней тайно готовится бѣжать. 296—330. Дидона, узнавъ о намѣреніяхъ Энея, дѣлаетъ ему упреки. 331—361. Объясненія Энея. 362—392. Дидона не принимаетъ объясненій Энея. 393—407. Троянцы собираются къ отъѣзду. 408—436. Дидона дѣлаетъ послѣднюю попытку удержать Энея. 437—449. Эней остается непоколебимымъ. 450—473. Дидона узнаетъ предзнаменованія близкой кончины. 474—553. Дидона готовится къ смерти. 554—583. Эней, побуждаемый Меркуріемъ, оставляетъ Карѳагенъ. 584—629. Дидона, видя уходящимъ флотъ, проклинаетъ Энея. 630—705. Смерть Дидоны.

ЭНЕИДА

П. ВЕРГИЛІЯ МАРОНА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Но царица, давно ужъ затронута сильной кручиной,
Рану питаетъ внутри и огнемъ снѣдаема тайнымъ.
Доблесть мужа у ней и рода великая слава
Все возникаетъ въ душѣ; въ груди его врѣзались взоры
И слова, и тоска не даетъ ея членамъ покоя.
Свѣточемъ Феба опять озаряла землю Аврора
И росистую тѣнь отъ полюса прочь отгоняла,
Какъ безумная такъ къ любимой сестрѣ обратилась:
«Анна сестра, что за сны меня въ раздумьи пугаютъ!
Что за невѣдомый гость здѣсь къ нашимъ прибылъ жилищамъ,
Что за видъ у него, какъ онъ мощенъ плечами и грудью!
Думаю, не ошибусь, что онъ отъ боговъ происходитъ.
Низкія души вѣдь страхъ обличаетъ,—увы!—по какимъ онъ
Ни былъ кидаемъ судьбамъ! про какія разсказывалъ битвы!
Если бъ въ душѣ у меня не стояло незыблемо твердо,

1. *Царица,* Дидона. — 6. *Свѣточемъ Феба,* солнцемъ (III, 637). — 7. *Отъ полюса,* т. е. съ неба. Собств. *полюсъ* оконечность оси небесной или всемірной, I, 90. — 9. *Анна* выведена В. только въ этой книгѣ. Судьбу ея, послѣ смерти Дидоны изобразилъ Овидій въ своихъ «Фастахъ». Послѣ смерти сестры она переселилась въ Италію, гдѣ уже правилъ Эней. Преслѣдуемая ревностью жены Энея, Лавиніи, она бросилась въ рѣку Нумицій и была почитаема Римлянами подъ именемъ Anna Perenna.—*Въ раздумьи пугаютъ.* Дидону одинаково мучитъ воспоминаніе о первомъ супругѣ (ст. 20—28—29) и любовь къ Энею; она лишилась *покоя* (ст. 5), *сны* устрашаютъ ее.

Что ни съ кѣмъ не хочу я въ супружескихъ узахъ сближаться
Послѣ того, какъ любовь меня смертью впервой обманула;
Если бы не были мнѣ ненавистны и спальня и факелъ,
То быть можетъ одной этой слабости я бы подверглась.
Анна, сознаюсь уже, по смерти супруга Сихея
Бѣднаго, какъ залиты были братскою кровью пенаты,
Этотъ одинъ обратилъ мои чувства, и шаткую душу
Возбудилъ. Узнаю я пламени слѣдъ первобытный.
Но пускай бы скорѣй земля подо мною разверзлась,
Иль всемогущій Отецъ къ тѣнямъ меня молніей свергнулъ,
Къ блѣднымъ Эреба тѣнямъ и въ Ночь глубокую, чѣмъ я,
Стыдъ, тебя оскорблю, иль твои разрушу законы.
Тотъ мою же любовь, кто первый со мной сочетался,
И унесъ; пусть ее соблюдетъ и хранитъ онъ въ могилѣ».
Такъ говорила она и грудь залила всю слезами.
  Анна на это: «о ты, что сестрѣ и свѣта милѣе,
Или же въ грусти одна проведешь безбрачную юность,
И ни дѣтей дорогихъ, ни Венеры отрадъ не познаешь?
Иль полагаешь, что прахъ погребенныхъ тревожится этимъ?
Пусть: тоскующую никогда женихи не склоняли
Ни изъ Либіи, ни сначала изъ Тира; презрѣла
За Іарбой иныхъ ты вождей, что въ землѣ африканской,
Полной побѣдъ, рождены: иль съ желанной поспоришь любовью?

17. *Смертью*, мужа Сихея, I, 343 сл. — 18. *Факелъ*, свадебный, при свѣтѣ котораго новобрачную Римлянку провожали изъ дома родителей въ домъ мужа (см. I, 6). — 21. *Залиты*, такъ какъ Сихей былъ убитъ братомъ Пигмаліономъ у жертвенника, I, 349. *Пенаты* хорошіе боги, покровители человѣка, его труда, пекущіеся обо всемъ, что имѣло отношеніе къ человѣку; потому каждое государство, городъ, деревня, семья имѣли своихъ пенатовъ. Всѣ важныя семейныя событія поручались ихъ попеченіямъ. Очагъ считался святынею и жертвенникомъ ихъ, на немъ стояли ихъ деревянныя изображенія; уходъ за ними лежалъ на обязанности хозяйки. Стихъ этотъ признается нѣкоторыми вставочнымъ. — 26. *Эребъ* и *Ночь* дѣти Хаоса: у поэтовъ часто вм. подземнаго царства, ада. — 28. Мысль: вся моя любовь, всѣ мои привязанности, схоронены вмѣстѣ съ супругомъ.— 33. *Венеры отрадъ*, радостей супружеской жизни. — 34. Мысль: разъ усопшіе погребены подобающимъ образомъ, имъ нѣтъ нужды заботиться о поступкахъ живущихъ. — 37. *Іарба*, царь Либіи, добивавшійся руки Дидоны, см. ст. 196— 198. — 38. *Полной побѣдъ*. Населенная воинственными племенами (см. ст. 40— 42), Африка была часто театромъ внутреннихъ войнъ.

Не приходитъ ли въ умъ, у кого ты въ поляхъ тутъ засѣла?
Гетуловъ здѣсь города; народъ въ войнѣ непреклонный;
Злые Нумиды кругомъ и непріязные Сирты;
Жажды пустынной отсель предѣлъ и всюду Баркейцы
Ярые. Что я скажу о войнахъ, въ Тирѣ встающихъ,
И о братниныхъ тожъ угрозахъ?
Божескимъ, думаю я, и Юноны благой изволеньемъ
Съ вѣтромъ путь корабли Иліонскіе сей отыскали.
Что ты за городъ, сестра, тутъ увидишь возникшимъ и царство
При замужествѣ такомъ! При охранѣ оружія Тевкровъ
Мощью какою должна вознестись Пунійская слава!
Милости только проси у боговъ и, отправивши жертвы,
Гостепріимствомъ займись и запутай въ причинахъ задержки,
Злобствуетъ буря пока на морѣ въ дождяхъ Оріона,
И разбиты суда, пока еще небо не мирно».
Этою рѣчью зажгла она душу, что тлѣла любовью,
И даровала уму надежду и стыдъ разрѣшила.
Въ храмы сначала идутъ и милосердія просятъ
У алтарей; по обряду отборныхъ овецъ заколаютъ
Давшей законы Церерѣ, отцу Лією и Фебу,

40. *Гетулы* жили на востокѣ, у океана. — 41. *Нумиды* жители нынѣшняго Алжира. *Сирты*—малый, на сѣверо-зап. (теперь Cabes) и большой (теперь Sidra)—заливы сѣв. побережья Африки. Они были негостепріимны вслѣдствіе отмелей и нападеній прибрежныхъ жителей. — 42. *Жажды пустынной отсель предѣлъ*, такъ называемый Ксеролибія (Africa sicca), между Пентаполемъ и Триполи.—*Баркейцы*, жители Барки, города въ Киринейкѣ, основаннаго значительно позже пребыванія Энея въ Кареагенѣ. Вергилій вообще часто вводитъ въ разсказъ подробности, относящіяся къ позднѣйшему времени. См. прим. къ 1, 2. — 44. *Братниныхъ*, Пигмаліона, I, 381 сл. — 45. *Юноны*. Она упомянута здѣсь не только какъ богиня, покровительствующая Кареагену (см. I, 15), но и какъ сваха, распорядительница брака, Iuno pronuba, ст. 166. — 48. *Тевкровъ* см. I, 38. — 52. *Оріонъ*, см. I, 535. — 54—55. Мысль: увѣщанія сестры окончательно воспламенили душу, уже загорѣвшуюся любовью; они уничтожили послѣдніе упреки стыда, съ которымъ Дидона помышляла о новомъ бракѣ (ст. 27). — 58. *Давшей законы Церерѣ*. Она способствовала просвѣщенію человѣчества введеніемъ брачной жизни и начатковъ культуры. — *Лією*. Лієй—прозваніе Вакха (I, 686), котораго вмѣстѣ съ Церерою признавали преимущественно богомъ растительности. — *Фебу*, какъ богу, который все знаетъ и все видитъ.

Но Юнонѣ впервыхъ, что о брачныхъ заботится узахъ.
Правою чашу сама подъявъ, вся прелесть Дидона
Выливаетъ ее межъ роговъ бѣлоснѣжной коровы,
Иль мимо ликовъ боговъ къ алтарямъ направляется тучнымъ,
День дарами святитъ и у животныхъ разверстыхъ
Присмотрѣвшися въ грудь, вопрошаетъ все дышащій потрохъ.
О незнанье въ умахъ у вѣщихъ! Безумнымъ обѣты,
Храмы чѣмъ могутъ помочь? Межъ тѣмъ все жъ пламя таится
Въ слабыхъ костяхъ, и въ груди живетъ безмолвная рана.
Бѣдная пышетъ огнемъ Дидона и въ городѣ цѣломъ
Мчится въ безумствѣ она, какъ лань съ попавшей стрѣлою,
Что среди Критскихъ лѣсовъ нежд авшую ранилъ оружьемъ,
Гнавшись за нею, пастухъ, и, не зная, съ летучимъ желѣзомъ
Бросилъ; она по лѣсамъ и доламъ Диктейскимъ въ побѣгѣ
Мчится; въ паху у нея засѣлъ тростникъ смертоносный.
Та теперь среди стѣнъ съ собою водитъ Энея.
Кажетъ богатства ему Сидонскія, также и городъ;
Только начнетъ говорить и всрединѣ рѣчи запнется;
Вдругъ съ захожденіемъ дня того же требуетъ пира,
Проситъ, безумная, вновь услыхать о трудахъ Иліонскихъ
И приникаетъ затѣмъ къ устамъ разсказчика снова.
Послѣ, когда разошлись, когда уменьшала сіянье
Снова луна, и ко сну заходящія звѣзды склоняли,
Въ домѣ пустынномъ одна грустя она къ ложу склонялась,
Что онъ покинулъ. Его и заочнаго видитъ и слышитъ,
Иль на колѣни беретъ Асканія, въ образъ отцовскій
Вдавшись, какъ будто любовь обмануть ей безмѣрную можно.
Не прибавляются ни начатыя башни, ни юность
Не готовится въ бой, ни порта, ни вѣрной защиты
Не созидаетъ для воинъ; работы всѣ прерваны стали,

59. *Юнонѣ*, ст. 45. — 65. *О незнанье въ умахъ у вѣщихъ.* Смыслъ: Несвѣдущіе прорицатели возвѣстили Дидонѣ успѣхъ предзнаменованія, не оправданный однако послѣдующимъ ходомъ событій. — 72. *Диктейскимъ* III, 171. — 74. *Среди стѣнъ*, т. е. среди городскихъ строеній. — 75. *Богатства сидонскія*, т. е. великолѣпіе новаго города, основаннаго выходцами изъ Сидона. См. I, 338—613. — 77. *Пира*, подобно устроенному наканунѣ, I, 697 сл. — 82. *Къ ложу*, на которомъ во время пира возлежали Эней и Дидона (I, 698—708). — 84. *Асканія*, сына Энея.

Грозныхъ стѣнъ высоты и подмостки, встающіе къ небу.
Только подмѣтила лишь дорогая супруга Зевеса,
Какъ та попала въ бѣду и молвы не страшится въ безумствѣ,
Съ рѣчью такой подошла Сатурнія прямо къ Венерѣ:
«Славу великую впрямь стяжаете съ полной добычей
Ты и твой сынъ, божество великое, полное славы,
Если два бога одну побѣдили женщину ловко.
Не ошибаюсь межъ тѣмъ, что стѣнъ ты нашихъ боишься,
Подозрѣвая всегда Карѳагена высокаго зданья.
Гдѣ же будетъ предѣлъ? И куда нынѣ съ распрей подобной?
Что жъ не устроить скорѣй намъ вѣчнаго мира и мирной
Свадьбы? Все у тебя, чего всей душой ты желала:
Страстью Дидона горитъ, до костей проникаясь безумствомъ.
Общимъ будетъ затѣмъ народомъ править при равной
Власти; пускай ужъ она Фригійскому служитъ супругу
И Тирійцевъ отдастъ тебѣ, какъ приданое, въ руки».
Той—ибо чудилось ей, что та говоритъ притворяясь,
Какъ бы Италіи власть повернуть ей къ Либійскимъ предѣламъ,—
Такъ Венера въ отвѣтъ: «какой безумецъ отвергнетъ
Это, или съ тобой предпочтетъ состязаться войною?
Лишь бы за дѣломъ, что ты поминаешь, слѣдило и счастье.
Но не ввѣряюсь судьбамъ, захочетъ ли городъ Юпитеръ
Дать Тирійцамъ одинъ и изъ Трои исшедшимъ, рѣшитъ ли,
Чтобы народы слились межъ собой иль союзъ заключили?
Ты супруга, тебѣ попытать его должно мольбою.
Ты начни, вслѣдъ и я». Въ отвѣтъ ей царица Юнона:
«Пусть это будетъ мой трудъ. Теперь какимъ образомъ дѣло
Совершиться могло бъ, внемли, научу тебя кратко.
На охоту Эней и несчастная тоже Дидона
Въ рощу идти собрались, какъ только при первомъ восходѣ

90. *Супруга Зевеса*, Юнона. — 91. Ослѣпленная страстью Дидона не обращаетъ вниманія на людскую *молву*. — 92. *Сатурнія*, I, 23. — 94. *Сынъ*, Купидонъ I, 658, 663, 684. — 98. *Предѣлъ* подраз. враждѣ. — 99. Мысль: почему бы намъ не помириться и не окончить всѣ споры бракомъ.—104. Въ этомъ ст. и въ предыдущемъ ясно сказывается неудовольствіе и презрительная снисходительность Юноны, которая только по необходимости соглашается на бракъ Дидоны съ Энеемъ.

Утренній встанетъ Титанъ и землю лучами освѣтитъ.
Ихъ-то я темнымъ дождемъ, перемѣшаннымъ съ градомъ, въ то время,
Какъ по крыламъ зашумятъ, тенетами рощу обступятъ,
Съ высоты оболью и все небо подвигну громами.
Спутники врознь побѣгутъ и покроются сумрачной ночью.
Въ ту же пещеру придутъ и Троянскій вождь и Дидона.
Буду при этомъ и, будь въ твоей я увѣрена волѣ,
Бракомъ ихъ прочнымъ свяжу и ее передамъ во владѣнье;
Будетъ то ихъ Гименей». Не возражала просящей
И согласилась, смѣясь, что провидитъ обманъ, Цитерея.
Между тѣмъ Океанъ покидала вставая Аврора.
Избранная молодежь изъ вратъ на разсвѣтѣ выходитъ;
Крупныя сѣти, тенета и дроты съ широкимъ желѣзомъ,
Массилійскіе всадники мчатся, и въ стаяхъ собаки.
Въ спальнѣ замедлившую царицу ждетъ у порога
Вся Пунійская знать, и въ златѣ и въ пурпурѣ яркомъ.
Звуконогій ждетъ конь, удила и кусая, и пѣня.
Вотъ выходитъ она, толпой окруженная тѣсной,
Въ окаймленной пестро своей Сидонской хламидѣ.
Золотой у нея колчанъ, въ косы золото ввито;
Пурпуръ одежды ея золотая скрѣпляетъ застежка.
Идутъ Фригійскіе тожъ вожди съ веселымъ Іуломъ.
Самъ красивѣе всѣхъ другихъ Эней провожатымъ
Входитъ въ толпу и свою еще прибавляетъ дружину.
Какъ лишь зиму Ликійскую и теченіе Ксанѳа

119. *Титанъ*, солнце, сынъ титана Гиперіона. — 126. Стихъ этотъ заимствованъ изъ I, 73. — 128. Зная, что *судьбы Троянцевъ остаются неизмѣнны* (I, 257), Венера только съ улыбкой отнеслась къ хитрымъ замысламъ Юноны. — *Цитерея*, см. I, 257. — 132. *Массилійцы* жили въ восточной части Нумидіи; у поэтовъ часто вм. Африканцы. — 138. *Золото ввито*, т. е. золотая повязка или сѣтка. — 139. *Застежка*, на плечахъ или на груди. — 143—150. Эней сравнивается съ Аполлономъ, какъ Дидона съ Діаною (I, 498—504). Аполлонъ проводилъ зиму въ Патарѣ, городѣ Ликіи на рѣкѣ Ксанѳѣ, лѣто — на Делосѣ. Его прибытіе въ Делосъ сопровождалось торжественными празднествами, на которыя собирались отовсюду чужестранцы: Критяне, обитатели окрестностей Парнаса, Дріопы и сарматскій народъ *цвѣтные* (татуированные) Агатирсы.

Кинетъ уже Аполлонъ и спѣшитъ въ Делосъ материнскій,
И хороводы ведетъ, а вокругъ алтарей и Критяне,
И Дріопы шумятъ, и Агатирсы цвѣтные;
Шествуетъ самъ по верхамъ онъ Цинта и, мягкой листвою
Волосъ бѣгущій нажавъ, подобралъ и вплелъ въ него злато,
Стрѣлы гремятъ за плечомъ: не тише его выступаетъ
И Эней; красотой его ликъ такой же сіяетъ,
Какъ къ высокимъ горамъ пришли и заглохшимъ трущобамъ,
Вдругъ, съ каменистыхъ вершинъ срываяся, дикія козы
Побѣжали съ хребтовъ; съ другой стороны же олени
По открытымъ полямъ несутся, и пыльное стадо
Клубомъ сбираютъ они, уходя, чтобы горы покинуть.
Мальчикъ Асканій межъ тѣмъ, горячимъ конемъ восхищенный,
Вдоль по долинамъ то тѣхъ обѣжитъ, устремляясь, то этихъ,
И желаетъ съ мольбой, чтобъ между безвредныхъ животныхъ
Съ горъ или въ пѣнѣ кабанъ, иль левъ желтоватый спустился.
Между тѣмъ въ небесахъ великій шумъ подыматься
Началъ, а слѣдомъ и дождь полился, перемѣшанный съ градомъ;
И Тирійцевъ вожди, и Троянскіе юноши порознь,
Дарданійскій и внукъ Венеры въ страхѣ различныхъ
Ищутъ жилищъ по полямъ; а съ горъ стремятся потоки.
Въ ту же Дидона и вождь Троянскій приходятъ пещеру.
Первая и Земля, и владычица браковъ Юнона
Знакъ подаютъ; заблистали огни и эѳиръ, какъ свидѣтель
Брака, и съ высоты вершинъ вой подняли нимфы.
День этотъ смерти впервой и первою тоже причиной
Былъ несчастій; уже ни молвой не смущалась, ни видомъ,
Ни о тайной любви не думала больше Дидона;
Бракомъ зоветъ она то; названьемъ вину прикрываетъ.
Тотчасъ пустилась Молва по великимъ градамъ Либійскимъ,

145. *Хороводы ведетъ.* Аполлону поэтически приписываютъ то, что другіе дѣлали въ честь его. — 147. *Цинта*, горы на Делосѣ. — 163. *Дарданійскій*, см. I, 28—38. — 166. *Земля*, подобно Юнонѣ (ст. 45), считалась покровительницею браковъ. — 167—168. Молнія замѣняетъ брачный факелъ, а *вой нимфъ*— свадебную пѣснь. — 169. Громъ, молнія, вой, считались неблагопріятными свадебными предзнаменованіями. — 173. Молва здѣсь, какъ у Гомера (Одисс. XXIV, 413) и Овидія (Превр. XII, 39) существо олицетворенное.

Та Молва, что изъ золъ остальныхъ несравненно проворнѣй:
Все отъ движенья растетъ и силъ на ходу набираетъ,
Въ страхѣ сначала мала, но скоро возносится въ воздухъ
И, проходя по землѣ, скрываетъ голову въ тучахъ.
Въ гнѣвѣ ее мать Земля, противъ боговъ раздражившись,
Кею, какъ говорятъ, и Энцеладу послѣдней
Породила сестрой быстроногой и бойкой крылами,
Чудо громаду, на страхъ, у нея же сколько всѣхъ перьевъ,
Столькс жъ и бдительныхъ глазъ, и подъ ними, разсказывать дивно,
Сколько же и языковъ; сколько устъ, и ушей столько вышло.
Ночью межъ небомъ она и землею летаетъ по мраку
Съ шумомъ, и сладкимъ сномъ она очей не смежаетъ;
Днемъ возсѣдаетъ, какъ стражъ, иль на кровлѣ, на самой вершинѣ,
Или на башняхъ и съ нихъ города большіе пугаетъ,
Такъ же держась за обманъ и ложь, какъ и правду вѣщая.
Вотъ она-то народъ наполняла тутъ рѣчью разлучной
Въ радости и заодно небывальщину съ былью гласила:
Будто бы прибылъ Эней, изъ Троянской крови исшедшій,
Съ коимъ, какъ съ мужемъ, сойтись Дидона красавица рада;
Зиму теперь межъ собой всю въ нѣгѣ они провожаютъ,
Царства свои позабывъ и плѣненные страстью позорной.
Гнусная всюду въ уста мужей это вноситъ богиня.
Далѣе путь свой къ царю Іарбѣ она направляетъ,
Разжигаетъ въ немъ духъ рѣчами и гнѣвъ его множитъ.
Этотъ Гаммономъ рожденъ отъ Нимфы въ плѣну Гарамантской;
Въ царствѣ широкомъ своемъ сто храмовъ Зевесу огромныхъ,
Сто возвелъ алтарей, огонь посвятивъ непрерывный,
Вѣчную стражу боговъ; и отъ крови животныхъ обильной
Тучный помостъ и вѣнковъ цвѣтущихъ въ убранствѣ пороги.

179. *Кей и Энцеладъ*, гиганты, пытавшіеся взобраться на небо. Объ *Энцеладѣ* см. III, 578. — 194. *Царства позабывъ*, Дидона—Карѳагенъ, Эней—Италію. — 196. *Іарбъ*, ст. 36. — 198. *Гаммономъ*, богомъ африканскихъ оазовъ, отождествляемымъ Греками и Римлянами съ Юпитеромъ. — *Гараманты* жили въ нынѣшнемъ оазѣ Феццанъ. — 202. На обычай украшать въ праздничные дни храмы гирляндами, вѣнками и цвѣтами поэтъ указываетъ въ I кн. ст. 417.

Онъ то съ безумствомъ въ душѣ и отъ горькой молвы воспылавши
У алтарей, говоря, посрединѣ боговъ всемогущихъ
Страстно взывая, молилъ Юпитера, руки воздѣвши:
«О всемогущій Зевесъ, кого народъ Мавританскій
Нынѣ на пестрыхъ коврахъ пируя чтитъ жертвой Ленейской,
Видишь ли то? Иль тебя мы, отецъ, какъ ты молніей кинешь,
Только трепещемъ вотще, и въ тучахъ огни лишь слѣпые
Устрашаютъ нашъ духъ, и раскаты выводятъ напрасно?
Женщина та, что у насъ въ предѣлахъ блуждала, и городъ
Малый купя создала, которой мы берегъ подъ пашню
Дали и съ правомъ владѣть, супружество наше отвергла
И Энея къ себѣ приняла какъ владыку на царство.
Нынѣ жъ вотъ этотъ Парисъ съ своей полуженской толпою,
Шапкой Меонской прикрывъ подбородокъ и волосъ свой влажный,
Тѣмъ, что укралъ, завладѣлъ: конечно, напрасно подарки
Въ храмы несемъ мы твои и славу пустую лелѣемъ».
Съ рѣчью молитвы такой къ алтарю припадавшаго слыша,
Всемогущій глаза обратилъ на царицыны стѣны
И на любовниковъ, что о лучшей не думали славѣ.
Тутъ онъ Меркурію такъ говоритъ и съ тѣмъ посылаетъ:
«Сынъ мой, ступай, позови Зефировъ и мчися на крыльяхъ
Ты къ Дардановъ вождю, что въ Тирскомъ теперь Карѳагенѣ
Медлитъ, не помня уже городовъ, ему данныхъ судьбами,

207. *Жертвой Ленейской*, виномъ; *Ленейскій*, греч. прозваніе Вакха. — 209. *Слѣпые*, блуждающіе, которые не всегда поражаютъ преступныхъ. — 210. Громъ сравнивается съ пустымъ грохотомъ, который напрасно тревожитъ смертныхъ. — 211—212. Сравн. кн. I, 365 — 368. — 216. Меонія или Лидія соприкасалась съ Фригіею. *Меонская* или фригійская *шапка* былъ родъ шляпы съ лентами, которыя подвязывались подъ подбородкомъ.—*Влажный*, отъ мазей. Помадить волосы Римлянинъ считалъ неблагопристойнымъ. У Овидія (Превр. III, 555) Пентей укоряетъ Вакха, что у него «волосы умащены миррой». Слѣдуетъ замѣтить, что Римляне вообще презирали изнѣженные нравы фригійцевъ. Верг. приписываетъ эту мысль врагамъ Энея; см. IX, 615 — 620. — 222. *Меркурію*, I, 297. — 223. *Зефировъ*, олицетворенно, въ смыслѣ легкихъ, попутныхъ вѣтровъ. — *На крыльяхъ*. На древнихъ изображеніяхъ Меркурій представленъ съ крыльями, придѣланными къ пяткамъ; см. ст. 239.

Съ быстрымъ ты вѣтромъ предстань и ему передай мои рѣчи.
Не такимъ его намъ красавица мать обѣщала
И не за этимъ спасла отъ оружія Грековъ два раза;
А чтобы быть ему тѣмъ, кто бъ Италію, полную мощи,
И что трепещетъ войной, покорилъ и отъ крови высокой
Тевкровъ родъ водворилъ и всю землю подвелъ подъ законы.
Ежели славой такихъ не зажженъ онъ дѣяній нисколько,
И своею хвалой онъ самъ на трудъ не подвигнутъ,
Иль изъ-за Римскихъ твердынь то въ отцѣ къ Асканію зависть?
Что онъ творитъ? Иль чего средь враждебнаго медлитъ народа,
И про Авзонскій онъ родъ, про Лавинскія нивы не вспомнитъ?
Пусть отплыветъ! Вотъ и все; будь въ этомъ ты вѣстникомъ нашимъ!»
Вымолвилъ. Тотъ исполнять отца великаго волю
Принялся и сперва къ ногамъ золотыя подошвы
Вяжетъ тѣ, что его высоко на крыльяхъ надъ моремъ
Иль надъ землею равно въ дуновеніи быстромъ уносятъ.
Тутъ лозу онъ беретъ; ею блѣдныя души изъ Орка
Онъ вызываетъ, а тѣхъ посылаетъ въ Тартаръ печальный,
Сонъ даетъ и беретъ, и мертвымъ глаза разверзаетъ.

228. *Два раза;* а именно: 1) въ битвѣ Энея съ Діамедомъ, Иліад. V, 311 сл., 2) во время разрушенія Трои, Эн. II, 632 сл. — 229. *Полную мощи.* Вергилій разумѣетъ Италію, населенную многими сильными и воинственными народами, Латинцами, Этрусками, Самнитами, подпавшими впослѣдствіи подъ власть Римлянъ. — 230. *Трепещетъ войной.* Вся Италія огласилась войной, вслѣдствіе сопротивленія воинственныхъ племенъ. — 231. Связь съ предыдущимъ: По опредѣленію судьбы, Эней завладѣетъ Италіею; онъ продлитъ родъ Тевкра; въ будущемъ этотъ родъ покоритъ вселенную.—Вергилій вообще говоритъ здѣсь въ духѣ своего времени, перенося дѣянія потомковъ на дѣянія предковъ. *Тевкровъ*, ст. 48. — 232—234. Связь мыслей: два обстоятельства вынуждаютъ Энея оставить Карѳагенъ: путь, указанный судьбою, и забота о собственной славѣ. Но если эти обстоятельства онъ считаетъ маловажнымъ, то, какъ отецъ, онъ долженъ заботиться о будущности сына, которому предопредѣлено господство надъ Италіею. — 236. *Авзонскій родъ*, поэтически вм. италійскихъ, римскихъ потомковъ, (VI, 763—765). Авзоны древнее названіе народовъ средней и нижней Италіи.—*Лавинскія нивы*, отъ города Лаціума Лавинія, основаннаго Энеемъ въ честь жены Лавиніи; здѣсь вообще вм. Лаціума, т. е. Рима и его области. — 242—244. *Лозу*, собственно жезлъ. По своему характеру Меркурій, повидимому, при-

Ей довѣряя, онъ вѣтръ возбуждаетъ и мрачныя тучи
Проплываетъ; уже пролетя, вершину и скаты
Онъ Атланта узрѣлъ, что подперъ макушкою небо,
Мощь Атланта того, у котораго тучами скрыта
Въ соснахъ вѣкъ голова подъ ударами вѣтра и ливней;
Снѣгъ покрываетъ, напавъ, плеча; съ подбородка потоки
Льются у старика и во льду борода коченѣетъ.
Здѣсь на равныхъ крылахъ парящій Цилленій впервые
Сталъ: отсюда стремглавъ всѣмъ тѣломъ онъ бросился къ волнамъ,
Птицѣ подобно, что вкругъ береговъ и рыбообильныхъ
Скалъ летаетъ, спустясь пониже, близъ самаго моря.
Точно также летѣлъ межъ земли и небесъ на песчаный
Либіи берегъ и вѣтръ разсѣкалъ, прибывая отъ дѣда
Со стороны своей матери, онъ, уроженецъ Циллены.
Только крылатыми онъ коснулся подошвами хижинъ,
Какъ Энея узрѣлъ, кладущаго замки и домы
Обновлявшаго. Мечъ, усыпанный желтою яшмой,
Былъ на немъ, и покровъ горѣлъ, съ плеча ниспадая,
Тирскимъ пурпуромъ; былъ то подарокъ богатой Дидоной
Дѣланъ самою, и ткань перемѣшана съ золотомъ тонкимъ.
Сразу тотъ началъ ему: «кладешь Карѳагена основы
Мощнаго ты и, женѣ угождая, прекраснѣйшій городъ
Строишь? Увы, ты забылъ и царство свое и задачи!
Шлетъ съ Олимпа меня къ тебѣ самъ правитель безсмертныхъ,
Тотъ, что властью своей сотрясаетъ и небо и землю.

надлежалъ къ разряду боговъ хтоническихъ или подземныхъ. Онъ часто то сопровождаетъ души въ преисподнюю, то *вызываетъ* ихъ обратно *изъ Орка*. Кромѣ того онъ былъ богомъ сна и сновидѣній. — Окончаніе ст. 244, пропущенное въ текстѣ Ватиканскаго списка, нѣкоторыми считается вставочнымъ. — 247—248. *Атлантъ*, о которомъ упоминалось уже въ примѣч. къ I кн. ст. 741, по позднѣйшимъ сказаніямъ, держитъ на своихъ плечахъ небо и наконецъ, превращается въ гору (Овид. Превр. IV, 641 сл. XV, 109). Поэтому и здѣсь горы сѣв. Африки Атласъ сравниваются съ старымъ человѣкомъ. — 252—253. *Цилленій*, отъ горы Cyllene въ сѣв. Аркадіи, гдѣ родился Меркурій. — 256—258. Признаются многими за подложные, такъ какъ въ общемъ повторяютъ описаніе полета Меркурія, сдѣланное раньше (ст. 252 сл.). *Отъ дѣда со стороны матери.* Атлантъ былъ отцомъ Маи, матери Меркурія.

Самъ велитъ онъ приказъ этотъ снесть по быстрому вѣтру:
«Что ты творишь? Иль чего ты празденъ въ Либійскихъ предѣлахъ?
Ежели славой такихъ не зажжёнъ ты дѣяній нисколько
(И своею хвалой ты самъ на трудъ не подвигнутъ),
То о растущемъ вспомянь Асканіи и о надеждахъ
По наслѣдству того Іула, что призванъ на царство
Въ Италійской землѣ и Римской». Такъ молвя, Цилленій
Образъ смертнаго самъ всерединѣ рѣчи покинулъ
И исчезъ вдалекѣ изъ глазъ въ прозрачномъ эѳирѣ.
  Но Эней онѣмѣлъ, обезумѣвъ при этомъ явленьи,
Страхъ подъялъ волоса, и голосъ запнулся въ гортани.
Страстно стремится бѣжать и отрадную землю покинуть
Онъ, пораженный такимъ указаньемъ боговъ и велѣньемъ.
Горе, что дѣлать ему? Съ какой подступиться къ царицѣ
Рѣчью дерзнетъ онъ? Какой сначала выберетъ приступъ?
Быстрый свой умъ онъ теперь то туда, то сюда направляетъ,
Въ разныя стороны мчитъ и по всякимъ вращаетъ задачамъ.
Лучшимъ въ раздумьи ему показалось рѣшенье такое:
Онъ Мнестея зоветъ и Сергеста съ храбрымъ Клоантомъ,
Чтобы, флотъ оснастя молчкомъ и товарищей вызвавъ
Къ берегу, оправляли оружье, скрывая причины
Новыхъ затѣй; онъ же самъ, покуда не знаетъ Дидона
Добрая, да и не ждетъ любви подобной разрыва,
Будетъ подхода ловить и времени съ мягкостью бо́льшей
Заговорить и въ дѣлахъ сподручныхъ пріемовъ. Всѣ тотчасъ
Весело слышатъ приказъ и исполняютъ велѣнье.
  А царица обманъ—кто могъ провести бы влюбленныхъ?—
Первой почуяла и движенья начатыя знала,
Вѣрнаго даже страшась. Молва нечестивая та же
Яростной перенесла, что и флотъ и отплытье готовятъ.
Безпомо́щна въ душѣ, бѣснуясь по городу всюду,

273. Стихъ этотъ, заимствованный изъ ст. 233, пропущенъ въ лучшихъ рукописяхъ. — 274—275. *О Асканіи и о надеждахъ Іула*, см. I, 267. — 288. *Мнестея, Сергеста* V, 117—121. — 298. *Вѣрнаго даже страшась*, т. е. опасаясь даже того, что кругомъ ея все казалось тихимъ, безопаснымъ: ее устрашала тишина предъ бурею.

Мчится пылая она, какъ Тіада подъ выносъ святыни,
Какъ разжигаютъ ее трехгодичныя оргіи Вакха
И ночной Цитеронъ призываетъ своимъ завываньемъ.
Съ рѣчью такой наконецъ она обратилась къ Энею:
«Или надѣялся ты, измѣнникъ, что скрыть въ состояньи
Ты подобное зло и тайкомъ мою землю покинуть?
Или ни наша любовь, ни рука тебя, данная прежде,
Ни Дидона, что смерть жестокую приметъ, не сдержатъ?
Такъ и подъ зимними ты небесами свой флотъ оснащаешь
И черезъ море спѣшишь, жестокій, среди Аквилоновъ
Плыть? Ну что, если бъ нивъ чужихъ и домовъ неизвѣстныхъ
Ты не искалъ и еще стояла бы древняя Троя,
Сталъ ли бы Трою искать ты тогда по бурливому морю?
Отъ меня ли бѣжишь? Слезами, твоей вотъ рукою—
Какъ я несчастной себѣ ничего не оставила больше—
Нашимъ союзомъ тебя и начатымъ Гименеемъ,
Если добромъ въ чемъ тебѣ заслужила, иль было тебѣ что
Мило во мнѣ, пощади, умоляю, мой домъ разрушеньемъ
И, если мѣсто еще есть мольбамъ, оставь эти мысли.
Изъ за тебя же народъ Либійскій меня ненавидитъ,
И Номадовъ цари, и въ злобѣ Тирійцы, и ради
Все тебя же погибъ и стыдъ, и слава, что мчала
Къ небу меня. Кому жъ ты на смерть меня, гость, покидаешь?
Это вѣдь имя одно отъ супруга теперь остается.
Медлю къ чему? Не къ тому ль, чтобъ братъ мои стѣны разрушилъ
Пигмаліонъ, или въ плѣнъ увелъ меня Гетулъ Іарба?

301—303. Каждые три года совершалось въ Ѳивахъ, на сосѣдней съ городомъ горѣ *Цитеронъ* празднество въ честь Вакха. При началѣ празднества отворяли храмы, выносили оттуда священные сосуды (*выносъ святыни*) и вмѣстѣ съ ними, при крикахъ въ честь Вакха, покрытыя шкурами молодыхъ оленей Вакханки (*Тіады*) устремлялись ночью на Цитеронъ, потрясая тирсомъ (жезломъ, обвитымъ плющемъ и виноград. лозою) и ударяя въ бубны. — 310. *Аквилоновъ*, здѣсь вообще о бурныхъ вѣтрахъ. О названіи вѣтровъ, см. прим. къ I, 85. — 314. *Отъ меня ли бѣжишь?* Смыслъ: значитъ, ты отъ меня убѣгаешь? — 321. *Номадовъ*, вм. Нумидійцевъ. *Тирійцы*, переселившіеся съ Дидоною и тяготившіеся Энеемъ, какъ чужестранцемъ. — 325. *Медлю къ чему*, подраз. умереть. — 326. *Гетулъ*, здѣсь вм. *Африканецъ*, такъ какъ Іарба

Хоть бы до бѣгства то я отъ тебя какого потомка
Зачала, хоть какой у меня заигралъ бы въ чертогахъ
Крошка Эней, что тебя лицомъ своимъ могъ бы напомнить,
Я не считала бъ себя окончательно плѣнной и сирой».
Молвила. Тотъ, упрежденъ Юпитеромъ, сдерживалъ взоры
Неподвижно и грусть подавлялъ усиліемъ въ сердцѣ.
Все же онъ кратко сказалъ: «никогда я, царица, не стану
Отрицать тѣхъ заслугъ, что можешь ты перечислить;
Никогда вспоминать не будетъ мнѣ тяжко Элиссу,
Сколько мнѣ помнить себя, и духъ этимъ тѣломъ владѣетъ.
Мало о дѣлѣ скажу: не сочти, что надѣялся скрыть я
Этотъ побѣгъ, иль когда казалъ на супружескій факелъ,
Или же прибылъ сюда я этого ради союза.
Если бы дали судьбы мнѣ жизнь проводить по желанью
И устроить свои дѣла по собственной волѣ,
То озаботился бъ я, во-первыхъ, о городѣ Троѣ
И о дражайшихъ своихъ, дома бы Пріама стояли,
И вторично бы я основалъ Пергамъ побѣжденнымъ.
Нынѣ къ великой Италіи плыть Аполлонъ мнѣ Гринейскій
И къ Италіи тожъ изреченья Ликіи велѣли;
Вотъ мнѣ любовь, вотъ и родина. Если тебя, Финикійку,
Валъ Карѳагена и видъ Либійскаго города держитъ,
Зависть зачѣмъ же къ тому, что займутъ Авзонскія земли
Тевкры? Намъ тоже искать далекаго царства прилично.
И Анхиза отца меня, лишь влажною тѣнью
Землю ночь осѣнитъ, лишь горящія выступятъ звѣзды,
Ликъ увѣщаетъ во снѣ и устрашаетъ смущенный;
Также Асканій, мой сынъ дорогой, у котораго царство

не былъ царемъ Гетуловъ. — 335. *Элиссу.* Элисса, по Сервію, первоначальное имя Дидоны. — 337. *О дѣлѣ*, т. е. о моемъ послѣднемъ поступкѣ, чтобы оправдать себя. — 338. Мысль: я никогда не искалъ брачныхъ факеловъ; см. ст. 18, т. е. я никогда не думалъ быть твоимъ супругомъ. — 345. *Гринейскій.* Аполлону былъ посвященъ знаменитый храмъ въ рощѣ у города «Grynium», на берегу Эоліи, въ Малой Азіи. — 346. *Изреченья Ликіи.* Изреченья Оракула Аполлона въ Патарѣ (см. ст. 143) немногимъ уступали въ славѣ дельфійскому. — 349. *Авзонскія земли. Авзонія* — древнее названіе Италіи. — 353. *Смущенный*, озабоченный, вслѣдствіе того, что Эней уклоняется отъ своего предопредѣленія.

Краду Гесперіи я и его завѣтныя нивы.
Нынѣ даже боговъ провозвѣстникъ, Юпитеромъ посланъ
Мнѣ самимъ—головами двоихъ насъ клянусь—по эѳиру
Быстро велѣнья принесъ; самъ явно я бога во свѣтѣ
Видѣлъ, какъ въ стѣны онъ шелъ, и рѣчь вотъ слышалъ ушами.
Жалобами и себя и меня возбуждать перестань ты;
Не охотой своей отправляюсь въ Италію».
На говорящаго такъ, ужъ давно отвернувшись, взираетъ
Взоры вращая она и туда и сюда, и глазами
Мѣряетъ молча его и такъ говоритъ, распалившись:
«Не богиня тебя родила, не Дарданъ твой и предокъ,
О измѣнникъ; тебя Кавказъ, торчащій скалами,
Породилъ, и сосцы подносили Гирканскіе тигры.
Ибо къ чему притворюсь, къ чему приготовлюсь я хуже?
Развѣ на плачъ мой вздохнулъ, развѣ повелъ онъ хоть глазомъ,
Сдавшись, заплакалъ ли онъ, о любовницѣ хоть пожалѣлъ ли?
Ждать еще хуже чего жъ? Вотъ, вотъ ни царица Юнона,
Ни Сатурній отецъ равнодушно на это не взглянутъ.
Вѣрности болѣе нѣтъ. Какъ выброшенъ былъ онъ на берегъ,
Бѣднаго я приняла и, безумная, въ царство включила.
Флотъ я пропавшій спасла и товарищей также отъ смерти.
О, я отъ Фурій горю! Теперь Аполлонъ прорицатель,
Ликіи голосъ теперь и самимъ Юпитеромъ посланъ
Истолкователь боговъ мчитъ страшные съ неба приказы.
Это безсмертныхъ дѣла и эта забота блаженныхъ
Мучаетъ; я ни тебя не держу, ни словъ не оспорю.
Мчись въ Италію ты; ищи себѣ царства чрезъ волны.
Все жъ я надѣюсь, когда правосудные боги что могутъ,
Казнь ты воспримешь средь скалъ и часто ты имя Дидоны
Будешь взывать; погонюсь, отсутствуя, факеломъ чернымъ

355. *Гесперія* (вечерняя страна) поэтич. вм. Италія. — 365—367. *Дарданъ*, ст. 163. — *Гирканскіе*, отъ *Гирканіи*, прикаспійской страны, вблизи Кавказа. На Кавказѣ еще теперь изрѣдка попадаются тигры. — 368. Дидона не стѣсняется осыпать Энея жесткими укорами; ей нечего щадить себя для болѣе тяжелыхъ обидъ. — 373. *Вѣрности болѣе нѣтъ*. Связь съ послѣдующимъ. Нѣтъ болѣе довѣрія на землѣ: меня обманулъ даже тотъ, кого я осыпала благодѣяніями.

Я за тобой, и, какъ смерть разрѣшитъ твою душу отъ тѣла,
Всюду предстану какъ тѣнь. Воспримешь, преступный, ты кару.
Я услышу, и вѣсть до меня эта спустится къ манамъ».
Рѣчь посреди этихъ словъ прервала и, воздухъ больная
Кинувъ, сокрылась изъ глазъ, отвратясь, и оставила въ страхѣ
Долго замедлившаго и сказать желавшаго много.
Приподымаютъ ее служанки и вялые члены
Въ мраморный вносятъ чертогъ и на ковры возлагаютъ.
  Благочестивый Эней же, хотя и желалъ утѣшеньемъ
Горе ея облегчить, устраняя словами заботы,
Часто вздыхая и весь въ душѣ потрясенный любовью,
Все жъ повелѣнье боговъ исполняетъ и къ флоту уходитъ.
Тевкры однакоже тутъ принялись и съ берега всюду
Быстрые сводятъ суда. Заплавалъ корабль осмоленный;
Весла приносятъ въ листвѣ и, не обдѣлавъ, изъ лѣсу
Бревна, стремясь убѣжать.
Ты бъ уходящихъ узрѣлъ и изъ города всюду бѣгущихъ.
Словно какъ ворохъ большой зерна, о зимѣ вспоминая,
Тащатъ врознь муравьи и въ своемъ слагаютъ жилищѣ:
Черный строй ихъ идетъ по полямъ и добычу сквозь травы
Тѣсной стезей волокутъ, часть крупныя зерна толкаетъ,
Напирая плечомъ, а часть наблюдаетъ за строемъ,
Медлящихъ нудя впередъ,—кипитъ вся тропинка работой.
Что ощущала тогда ты при этомъ видѣ, Дидона?
Какъ вздыхала, когда ты берегъ широкій, кипящій
Наблюдала съ вершинъ стѣны и видѣла всюду
Толкотню на глазахъ при гамѣ подобномъ по взморью!
Злая любовь, ты къ чему только смертныхъ сердецъ ни принудишь!
Вновь со слезами идти и вновь умолять попытаться
Нудить ее и склонить горделивость души предъ любовью,
Чтобъ не оставить чего неиспытаннымъ раньше кончины.
  «Анна, видишь кругомъ по цѣлому берегу спѣшность;

384—386. Мысль: я буду преслѣдовать тебя при жизни и по смерти. *Факеломъ чернымъ*, поэтически, вм. факелами фурій. — 388. Обезсиленная, убитая горемъ, она избѣгаетъ дневного свѣта и уходитъ въ свои чертоги. — 390. Эней желалъ оправдываться, но колебался, опасаясь вызвать новый гнѣвъ и упреки царицы.

Отовсюду стеклись; паруса уже требуютъ вѣтра,
И въ весельи пловцы на кормы вѣнки возложили.
Если предчувствовать я могла подобное горе,
То и смогу я, сестра, перенесть. Но одно лишь для бѣдной,
Анна, исполни меня; вѣдь тебя лишь одну онъ, измѣнникъ,
И почиталъ и свои повѣрялъ даже тайныя чувства;
Вѣдала нѣжный подходъ ты одна и удобное время:
Съ гордымъ, сестра, и ступай врагомъ говорить, умоляя:
Вѣдь съ Данаями я не клялася въ Авлидѣ Троянскій
Родъ истребить, и въ Пергамъ не посылала я флота,
И Анхиза отца не тревожила манъ или праха
Что жъ моихъ словъ допустить онъ къ суровымъ ушамъ не согласенъ?
Что такъ спѣшитъ? Этотъ даръ послѣдній давъ бѣдной влюбленной,
Бѣгства удобнаго пусть и попутнаго вѣтра дождется.
Не о быломъ я молю супружествѣ томъ, что онъ предалъ,
Ни о томъ, чтобъ отсталъ отъ Лацiя чуднаго царства;
Малой отсрочки прошу, промежутка унять лишь безумство,
Грусти покуда меня, побѣжденную, жребій научитъ.
Милости этой прошу подъ конецъ—надъ сестрою ты сжалься;—
Если окажешь ее, не оставлю дарами до смерти».
Такъ умоляла она, и сестра несчастная носитъ
Просьбы такія не разъ. Но онъ никакими мольбами
Не затронутъ и внявъ никакимъ не сдается прошеньямъ;
Споритъ судьбина, и богъ заперъ слухъ благосклонный у мужа.
И подобно тому, какъ дубъ старинный, могучій
Вѣтры Альпійскіе вдругъ то туда, то сюда дуновеньемъ
Вырвать между собой состязаются; шумъ раздается
И съ сотрясеннаго листъ съ высоты на землю валится.

419—420. *Если я могла*, сказано двусмысленно; собственно Дид. не *предчувствовала* постигшаго ее горя, а потому она не *сможетъ перенесть* его. — 425. *Авлида*, городъ Беотіи, сборный пунктъ греч. флота, отправлявшагося противъ Трои. — 427. Оскорблять прахъ, а слѣд. и тѣни умершихъ считалось величайшимъ преступленіемъ. — 449. *Напрасныя*, такъ какъ *слезы* Энея не въ силахъ поколебать его рѣшимости, подобно тому какъ опадающая листва (ст 444) не въ состояніи опрокинуть дуба (ст. 441).

Онъ же вонзился въ скалу; и насколько вершиною въ воздухъ
Легкій, настолько жъ проникъ и въ Тартаръ своими корнями:
Такъ то туда и сюда герой непрестанно рѣчами
Потрясенъ и томимъ тоскою въ сердцѣ великомъ;
Разумъ незыблемъ его; и напрасныя слезы катятся.
Бѣдная тутъ наконецъ, судьбы устрашаясь, Дидона
Смерть призываетъ; глядѣть на сводъ ей небесный противно.
Чтобы вѣрнѣй совершить начатое и свѣтъ ей покинуть,
Видитъ, дары принося къ алтарямъ, она ладанъ курящимъ,
Что—ужасно сказать—чернѣетъ священная влага,
И возлитое вино въ зловѣщую кровь превратилось.
О видѣньи она никому и сестрѣ не сказала.
Кромѣ того, во дворцѣ изъ мрамора храмъ находился
Прежнему мужу, его она сохраняла въ почетѣ,
Въ бѣлыхъ повязкахъ держа и листвой увивая, какъ въ праздникъ.
Слышался голосъ оттоль и рѣчи зовущаго мужа,
Ей казалось, лишь ночь покрывала сумракомъ землю;
И на кровлѣ одинъ погребальною пѣснію филинъ
Часто стоналъ и, какъ плачъ, выводилъ протяжные звуки.
Многія, кромѣ того, предсказанія древнихъ пророковъ
Знаменьемъ будятъ въ ней страхъ. Во снѣ за безумной въ погонѣ
Самъ суровый Эней; все кажется ей, что осталась
Лишь одинокой она и, безъ провожатыхъ далекимъ
Идя путемъ, по странѣ опустѣвшей ищетъ Тирійцевъ.
Такъ безумный Пентей Эвменидъ столпившихся видитъ,
Солнце двойнымъ у него и двойными кажутся Ѳивы,

450. *Тутъ наконецъ*, т. е. убѣдившись, что и послѣдняя попытка задержать Энея осталась безъ успѣха. *Судьбы*, предопредѣленій рока, о которыхъ раньше говорилъ Эней, ст. 345 сл. 440. — 462. *Филинъ* считался у Римлянъ зловѣщею птицей; при появленіи его въ Римѣ, совершалась очистительная жертва. — 469—70. Вергил. приводитъ миѳъ о ѳивскомъ царѣ *Пентеѣ*, внукѣ и преемникѣ Кадма. Когда Вакхъ, возвратившись изъ Индіи, пришелъ въ Беотію, желая найти себѣ и здѣсь поклонниковъ, то Пентей воспротивился культу новаго бога и замышлялъ убить самого пришельца. Раздраженный его ожесточеніемъ, Вакхъ вдохнулъ въ Агаву, мать Пентея, такое неистовство, что она вмѣстѣ съ своими сестрами растерзала своего сына. Миѳъ этотъ излагаетъ Овид. Превр. III, 511—733.—Доведенному до безумія Вакхомъ Пентею кажется, что онъ видитъ предъ собою фурій (*Эвменидъ*), а также два *солнца и двойныя Ѳивы*.

Или на сценѣ Орестъ Агамемноновъ гонимый,
Какъ отъ факеловъ онъ и черныхъ змѣй материнскихъ
Мчится вдаль, и сидятъ на порогѣ мстящія Диры.
Вотъ какъ въ безумство вошла она, побѣжденная горемъ,
И, рѣшась умереть, про себя и время и способъ
Выбрала и подошла къ печальной сестрѣ со словами,
Скрывъ рѣшенье лицомъ и съ челомъ, блестящимъ надеждой:
«Путь я, родная, нашла—сестру ты можешь поздравить,
Что возвратитъ его мнѣ, иль съ любовникомъ этимъ развяжетъ.
На Океанѣ въ концѣ, близъ заката самаго солнца,
Есть Эѳіоповъ страна, въ которой Атлантъ высочайшій
Полюсъ вертитъ на плечахъ, осыпанный ярко звѣздами:
Мнѣ указали оттоль изъ народа Массильскаго жрицу;
Храмъ Гесперидъ сторожа, она яствъ давала дракону
И на деревѣ ихъ охраняла священныя вѣтви,
Медомъ текущимъ кропя, и макомъ также снотворнымъ.
Обѣщаетъ она разрѣшить пѣснопѣньями думы
Тѣ, что захочетъ сама; а другимъ переполнитъ заботой;
Сдерживать воду въ рѣкахъ и вспять поворачивать звѣзды;
И ночныхъ она манъ вызываетъ; увидишь, застонетъ
Подъ ногами земля, и ясени съ горъ устремятся.
Я, дорогая сестра, богами клянусь и тобою,
Милой твоей головой, къ колдовству неохотно прибѣгну.
Тайно воздвигни костеръ въ серединѣ жилища подъ небомъ

471. *Агамемноновъ*, т. е. сынъ Агамемнона.—Миѳъ объ Орестѣ, котораго преслѣдуютъ фуріи, часто служилъ сюжетомъ трагедій у Грековъ и Римлянъ. Изъ римск. поэтовъ предметъ этотъ обработалъ Пакувій (220 — 130 г. до Р. Хр.) подъ заглавіемъ Dulorestes. — 473. *Сидятъ на порогѣ мстящія Диры.* Спасаясь отъ преслѣдованія фурій, Орестъ уходитъ въ храмъ Аполлона; пытаясь оттуда выйти, онъ подвергается новому нападенію богинь мщенія, стерегущихъ его у порога. — *На порогѣ*, подраз. храма Аполлона. — *Диры* вм. фуріи, Эриніи. — 474. Безумная страсть и отчаяніе вызываютъ рѣшимость Дидоны. — 480. *Океанъ*, Атлантическомъ. — 481. *Эѳіоповъ страна*, Мавританія.—*Атлантъ*, см. ст. 247. — 482. *Полюсъ вертитъ.* Онъ поддерживаетъ небо въ то время, какъ оно совершаетъ круговое движеніе. — 483. *Массильскаго;* см. ст. 132. — 484—485. *Геспериды*, дочери Атланта, имѣвшія на одномъ изъ острововъ Океана садъ, въ которомъ рдѣли золотыя яблоки, охраняемыя дракономъ. — 493. *Неохотно*, сообразно съ обычаями Римлянъ (см I, 6), которымъ строго было запрещено прибѣгать къ волшебству. — 494. *Въ*

Прямо, и все ты затѣмъ оружіе мужа, что въ спальнѣ
Нечестивецъ забылъ, и одежды, и брачное ложе,
Гдѣ я погибла, сложи на него. Истребить мнѣ пріятно
Мужа злодѣя весь слѣдъ, и тоже велѣла и жрица».
Смолкла, промолвивши такъ, лицо ея блѣдность покрыла.
Не поняла между тѣмъ все жъ Анна, что новымъ обрядомъ
Смерть прикрываетъ сестра и, не чая такого безумства,
Не убоялась чего поважнѣй, чѣмъ при смерти Сихея.
Вотъ и готовитъ она, что велѣно.
А царица, когда средь жилища подъ небомъ воздвигнутъ
Былъ костеръ изъ сосны смолистой съ наколоннымъ дубомъ
Мѣсто вѣнками кругомъ обводитъ и похоронной
Все убираетъ листвой; сверхъ одеждъ и меча, что оставленъ,
Слѣпокъ на ложе кладетъ, одна лишь о будущемъ зная.
Встали кругомъ алтари, и жрица, власы распустивши,
Трижды устами зоветъ сто боговъ, и Эреба, и Хаосъ,
Вмѣстѣ съ Гекатой тройной, и три лика дѣвы Діаны,
Влагою плещетъ она, представляющей воду Аверна.
Въ дѣло идутъ, при лунѣ серпами мѣдными жаты,
Сочныя травы съ своимъ молокомъ, чернѣющимъ ядомъ,
Также со лба жеребенка, едва рожденнаго, схваченъ
Ранѣе матери кусъ дорогой.

серединѣ жилища относится къ окруженному постройками мѣсту позади атріума гдѣ въ четыреугольный бассейнъ собиралась дождевая вода. — 506. *Мѣсто*, т. е. костеръ. — 507. *Листвой*, изъ темнаго кипариса (III, 64), употребляемаго въ погребальныхъ церемоніяхъ. — 508. *Слѣпокъ*, указываетъ безъ сомнѣнія на восковую маску (Энея), употребляемую въ магическихъ обрядахъ. *Одна лишь о будущемъ зная.* Только Дидона, рѣшившая покончить съ собою, знаетъ настоящую цѣль приготовленій; Анна же и жрица все относятъ къ вѣроломству Энея. — 510. При магическихъ обрядахъ число три имѣло кабалистическое значеніе. *Эребъ*, олицетвореніе мрака преисподней.—*Хаосъ*, соб. пропасть, затѣмъ первобытная матерія у поэтовъ, иногда преисподняя, которую представляли неизмѣримою пустотою во внутренности земли. — 511. *Геката*, дочь Юпитера и Латоны, называлась у древнихъ по различнымъ свойствамъ *тремя именами:* Luna, считалась богинею, облегчающею роды женщинъ; Діана— богинею здравія; Proserpina — богинею смерти. Ей же приписываютъ три головы (лика): лошадиную, собачью и кабанью. Наконецъ Гек. принадлежала къ покровительницамъ волшебства, а потому призываема была на помощь волшебницами.

Близъ алтаря и сама, въ рукѣ со священной мукою,
Ногу разувши одну и распустивши одежду,
Передъ смертью она призываетъ боговъ и созвѣздья,
Коимъ извѣстны судьбы, и молитъ, коль есть справедливый
Богъ, что исполненъ заботъ о неравной страсти влюбленныхъ.
Ночь была, и покой отрадный тѣла, утомившись,
По землѣ и лѣсамъ вкушали, и грозное море
Почивало, когда посрединѣ лишь катятся звѣзды,
Всѣ безмолвны поля, и скоты, и пестрыя птицы,
Все, что въ просторѣ озеръ, и все, что въ торчащихъ кустами
Скрыто поляхъ,—все въ ночи безмолвной въ сонъ погружалось.
(Всѣ, забывая труды, сердца отъ заботъ облегчали)
Кромѣ несчастной одной Финикіянки, что совершенно
Не разрѣшается сномъ, ни очами, ни сердцемъ не зная
Ночи: возникнувъ опять, удвояетъ только заботы,
Разъяряясь любовь и бушуетъ волненіемъ гнѣва.
Стала на этомъ она и въ сердцѣ все то же вращаетъ;
«Ахъ, что-же дѣлаю я? Иль, осмѣянной, прежнихъ искать мнѣ
Жениховъ и просить смиренно о бракѣ Номадовъ
Тѣхъ, что я, какъ мужей, уже столько разъ отвергала?

512. *Воду Аверна.* Озеро Аверское (отъ α безъ и ὄρνις птица) такъ наз. потому, что воды его были столь вонючи и заразительны, что птицы, пролетавшія надъ ними, задыхались и падали. Это подало поводъ къ баснѣ, что близъ Авернск. оз. находится входъ въ преисподнюю (III, 441). Поэтому Авернскій у поэтовъ часто значитъ адскій, такъ и здѣсь.—*Представляющей*, такъ какъ при волшебствахъ, за неимѣніемъ Авернской воды, употребляли обыкновенную. — 513. *Мѣдными.* При собираніи волшебныхъ травъ, мѣди приписывали особую силу. — 514. *Молокомъ, чернѣющимъ ядомъ*, т. е. сокомъ ядовитыхъ растеній. — 515—516. Здѣсь описывается такъ называемое *hippomanes* (клейкое вещество на лбу новорожденнаго жеребенка), которое, по народному повѣрію, пожирала кобылица вскорѣ послѣ рожденія жеребенка. Hippomanes употребляли въ питье для возбужденія любви и для другихъ суевѣрныхъ вещей. — 517. *Сама*, Дидона.—*Со священной мукою.* Жертвеннаго животнаго не было; она сама готовилась принести себя въ жертву. — 518. Указанныя здѣсь условія необходимы были при жертвоприношеніяхъ. — 520. *Коимъ извѣстны судьбы.* Звѣзды, какъ глаза неба, видятъ все, что происходитъ на землѣ; см. ст. 167. — 528. Стиха этого нѣтъ въ Палатинскомъ и Медичейскомъ спискахъ; его не объясняетъ и Сервій. Стихъ, повидимому, вставленъ изъ кн. IX, 225. — 531. *Ночи*, ночного покоя. — 535. *Номадовъ*, ст. 321.

Такъ за флотомъ уже и за крайнимъ Тевкровъ приказомъ
Слѣдовать мнѣ? Не съ того ль, что помощи прежней поддержка
Радуетъ ихъ, и они съ благодарностью старое помнятъ?
Кто же однако меня, захоти я, допуститъ иль приметъ
Въ гордыхъ судахъ, ненавистную? Иль ты, бѣдняжка, не знаешь
Клятвопреступности всей Лаомедонтскаго рода?
Что же потомъ? Провожать ли одной мнѣ пловцовъ, что ликуютъ?
Или, дружиною всѣхъ своихъ окружася Тирійцевъ,
Брошусь, и тѣхъ, что взяла изъ Сидонскаго города только,
Въ море я вновь погоню и велю паруса имъ раскинуть?
Лучше умри, какъ и слѣдъ, и мечемъ устрани ты страданье.
Ты, покорившись моимъ слезамъ, ты всѣмъ этимъ горемъ
Обременяешь меня, сестра, и врагу выдаешь ты.
Не дозволено мнѣ безбрачной жизнь безъ упрековъ
Продолжать, словно звѣрь, и не вѣдать подобныхъ мученій.
Вѣрности не соблюла я обѣщанной пеплу Сихея».
Жалобы эти она изъ груди своей испускала.
На высокой кормѣ Эней, ужъ увѣренъ въ отъѣздѣ,
Сонъ вкушалъ, и уже все было, какъ должно, готово.
Образъ бога ему, съ лицомъ возвращаяся тѣмъ же,
Въ сновидѣньи предсталъ и опять увѣщалъ его также,
Всѣмъ съ Меркуріемъ схожъ, и цвѣтомъ лица, и рѣчами
И желтизною волосъ, и юною членовъ красою.
«Сынъ богини, ужель ты спать при такомъ положеньи
Можешь, и что вкругъ тебя за опасности встанутъ, не видишь?
О, безумецъ! ужель ты привѣтныхъ зефировъ не слышишь?
Та въ груди и обманъ, и жестокое зло затѣваетъ,
Порѣшивъ умереть, и кипитъ волненіемъ гнѣвнымъ.
Ты не стремишься отсель, пока еще можешь стремиться?
Скоро ты море узришь смущеннымъ судами, и въ блескѣ
Факеловъ страшныхъ сейчасъ берега загорятся огнями,

542. *Клятвопреступности Лаомед. рода*, см. II, 625. — 545. *Изъ Сидонскаго города*, изъ Тира, основаннаго жителями Сидона. — 549. *Обременяешь меня*, т. е. ты была причиною моихъ несчастій, см. ст. 31 сл. — 550—51. Мысль: Я не могла, въ уединеніи, подобно дикому звѣрю, жить, не испытывая радостей любви и мукъ преступленія. — 552. *Сихея*, I, 343. — 560. *При такомъ положеньи*: при столькихъ опасностяхъ (ст. 561), въ такую минуту.

Если, какъ медлишь, тебя захватитъ въ землѣ тутъ Аврора.
Медленность сбрось поскорѣй. Блажна и измѣнчива вѣчно
Женщина». Такъ провѣщавъ, онъ съ черною ночью смѣшался.
    Тутъ Эней наконецъ, внезапныхъ тѣней испугавшись,
Быстро вскочилъ ото сна и гнать сотоварищей началъ
Наскоро: «встаньте, друзья, и на скамейки садитесь;
Поскорѣй паруса распустите. Богъ, посланный съ неба,
Насъ торопитъ свой побѣгъ и рубить витые канаты
Подстрекаетъ опять. Повинуемся, боже священный,
Кто ты ни будь, и опять повелѣнья исполнимъ, ликуя.
О, заступись, помоги, милосердый, и добрыхъ созвѣздій
Въ небѣ пошли». Такъ сказалъ и мечъ сверкающій вырвалъ
Изъ ноженъ и срубилъ обнаженною сталью причала.
Та же горячность у всѣхъ, они и хватаютъ и мчатся;
Отъ береговъ отошли; таится подъ флотомъ пучина;
Пѣну вздымаютъ склонясь и синеву разгребаютъ.
    И уже новымъ едва озаряла землю сіяньемъ,
Покидая Тиѳсна шафранное ложе, Аврора.
Съ вышки царица своей увидала, какъ свѣтъ забѣлѣлся
Первый, и двигался флотъ, свои подравнявши вѣтрила;
Берегъ признавши пустымъ и портъ безъ гребцовъ, она трижды
И четырежды въ грудь прекрасную дланью ударивъ
И терзая власы золотистые: «знать, о Юпитеръ!
Онъ, пришелецъ, уйдетъ, надъ моимъ насмѣхаяся царствомъ».
Молвила: «или жъ вослѣдъ не помчатся съ оружьемъ другіе
Изъ города, и судовъ не схватятъ съ причалъ? Поспѣшайте,
Пламя несите скорѣй, за оружіе, мчитесь на веслахъ!—
Что говорю я? Гдѣ я? Какое, бѣдняжка Дидона!
Умъ твой безумство мутитъ? Иль тронута нынѣ проступкомъ?
Слѣдъ бы, какъ скипетръ давать.—Вотъ онъ по рукѣ и по чести

578. По понятію древнихъ, отъ положенія созвѣздій зависѣло состояніе погоды; см. III, 514—18 и прим. — 581. *Хватаютъ*, все необходимое къ немедленному отъѣзду. — 583. Стихъ этотъ повторенъ въ кн. III, 208. — 585. Эосъ, у Римлянъ *Aurora*, жена Тиѳона, сына Лаомедонта; см. прим. къ ст. 542. — 587. *Подравнявши вѣтрила*, равномѣрно вздувши паруса попутнымъ вѣтромъ. — 588—589. *Трижды*, *четырежды* нерѣдко употребляется поэтами для выраженія частаго повторенія дѣйствія. — 597. *Слѣдъ бы*, т. е. была пора, когда

Тотъ, о комъ говорятъ, что родимыхъ везетъ онъ пенатовъ,
Что на плеча возложилъ онъ отца, удрученнаго вѣкомъ!—
Иль не могла разорвать я его, исхитивши тѣло,
И разбросать по волнамъ? Ни спутниковъ, ни самого же
Въ пищу поставить отцу Асканія, раньше зарѣзавъ?
Счастіе битвы могло быть сомнительнымъ.—Пусть бы и было;
Идя на смерть, мнѣ кого жъ бояться? Внесла бы я въ лагерь
Факелы, въ палубы огнь, отца истребила бы съ сыномъ,
Съ цѣлымъ родомъ его, и сама бы накинулась сверху.—
Солнце, о ты, что огнемъ озаряешь дѣла всѣ земныя
И посредница всѣхъ тебѣ вѣдомыхъ бѣдствій Юнона
И Геката, предъ кѣмъ завываютъ въ ночи на распутьяхъ,
Мстящія Диры и вы, и боги погибшей Элиссы,
Это пріявши, на злыхъ заслуженную месть обратите
И услышьте мои мольбы. Если подлинно должно
Этой ужасной главѣ доплыть до земли и до порта,
И Зевеса судьбы такъ велятъ, предѣлъ тутъ положенъ:
Все же измученъ войной, сражаясь съ отважнымъ народомъ,
Изъ предѣловъ изгнанъ, отъ объятій отторгнутъ Іула,
Молитъ о помощи пусть и видитъ ужасные трупы
Онъ своихъ, а когда и миръ непріязненный приметъ,
Пусть не насытится онъ ни царствомъ, ни жизнью желанной,
А заранѣ падетъ средь песковъ, лишась погребенья.
Эту молитву и рѣчь изливаю послѣднюю съ кровью.
Вы, о Тирійцы, затѣмъ и корень и родъ весь грядущій
Возненавидьте, и даръ моему принесите вы пеплу
Этотъ. Не будь ни любви, ни союза межъ этихъ народовъ.

не слѣдовало довѣрять потомку Лаомедонта; (ст. 542).—*Скипетръ давать* подраз. ему; см. ст. 214. — 598—599. Сравн. II. 717 сл. — 608. *Юнона*, ст. 45. — 609. *Геката*, ст. 510—511. — 610. *Диры*, ст. 473.—*Боги погибшей Элиссы*; ст. 520—521. — 615—620. Проклятія, съ которыми Дидона обращается къ Энею, дѣйствительно сбылись. Послѣ прибытія въ Италію, Эней, побѣжденный *отважнымъ народомъ* (ст. 615). Рутуловъ, вынужденъ былъ *молить о помощи* (ст. 617) у Эвандра. На четвертомъ году по заключеніи мира, онъ погибъ преждевременно (ст. 620) въ волнахъ рѣки Нумиція (въ Лаціумѣ) и трупъ его не былъ отысканъ; Эней слѣдовательно былъ *лишенъ погребенья* (ст. 620), что считалось у древнихъ величайшимъ несчастьемъ. — 621. *Съ кровью*, т. е. умирая. — 622. *Корень*, т. е. потомковъ Энея. — 624. *Народовъ*

Нѣкій изъ нашихъ костей возникнетъ мститель, который
Поселенцевъ Дарданъ и огнемъ, и желѣзомъ погонитъ,
Нынѣ ли, впредь ли, когда по времени явятся силы.
Берегъ противъ бреговъ, волна противъ волнъ, заклинаю
Противъ доспѣха доспѣхъ: пусть сами воюютъ и внуки».
Молвила такъ и во всѣ вращалась стороны духомъ,
Ненавистную жизнь прервать поскорѣе желая.
Кратко сказала она тутъ Баркѣ, нянѣ Сихея,
Ибо свою покрывалъ прахъ черный въ старинной отчизнѣ:
«Анну сестру ты сюда позови, дорогая мнѣ няня;
Ты ей скажи, чтобъ рѣчной она тѣло водой окропила
И забрала бы съ собой и овецъ, и что нужно для жертвы;
Такъ бы пришла; ты сама покройся честною повязкой.
Жертву, что я собрала Стигійскому Зевсу какъ должно,
Хочется мнѣ совершить и конецъ положить сокрушеньямъ
И Дарданской главы костеръ огнямъ предоставить».
Такъ сказала. Та шагъ ускоряетъ старушечій въ рвеньи.
Но трепеща и отъ думъ одичавъ ужасныхъ, Дидона,
Взоромъ кровавымъ кружа и на дрожащихъ ланитахъ
Въ пятнахъ вся, и блѣдна уже предстоящею смертью,
Въ сокровенный покой ворвалась и въ ярости страшной
На костеръ поднялась и мечъ обнажила Дарданскій,
Даръ, что выпрошенъ былъ не на такія послуги.
Тутъ, какъ взглянула она на Иліонское платье
И на ложе свое, въ слезахъ и въ раздумьи промедля,
Бросилась прямо въ постель и послѣднія молвила рѣчи:
«Милыя платья, пока и богъ и судьбы дозволяли,
Душу примите мою и меня отъ кручины спасите.
Я прожила, и тотъ путь, что судьба даровала, свершила.
Нынѣ подъ землю сойду своею великою тѣнью.

между Карѳагенянами и Римлянами. — 625. *Нѣкій мститель*, Ганнибалъ.— 633. *Въ старинной отчизнѣ*, въ Тирѣ. — 635. *Рѣчной водой*, см. II, 719.— 638. *Стигійскому Зевсу*. Стигійскій, одно изъ названій Плутона. — 640. *Дарданской главы*, ст. 508. — 645. *Въ сокровенный покой*, см. ст. 494—504. — 646—647. Весьма вѣроятно, что *мечъ* этотъ Дидона получила отъ Энея, въ воздаяніе за свои подарки (см. ст. 261—264). — 649. *Въ слезахъ и въ раздумьи* вспоминая минувшую любовь.

Городъ прекраснѣйшій я основала и видѣла стѣны,
Мщенье за мужа воздавъ, наказала враждебнаго брата;
Счастье, ахъ счастье бы знать, когда бъ къ берегамъ нашимъ только
Дардановъ корабли не прикасались во вѣки!»
Молвила и, лицомъ припадая къ постели, сказала:
«Безъ отмщенья умрешь, но умри, вѣдь и это отрадно.
Съ моря пусть этотъ огонь глазами увидитъ жестокій
Дарданъ и смерти моей съ собою онъ признакъ увозитъ».
Молвила; и посреди этихъ словъ отъ желѣза разслабшей
Видятъ служанки ее, и мечъ, пѣнящійся кровью,
Въ обагренныхъ рукахъ. Поднялся вопль по высокимъ
Заламъ; несется молва по сотрясенному граду.
Плачемъ и стономъ дрожатъ и завываніемъ женскимъ
Всѣ дома; и гудетъ великимъ стенаніемъ воздухъ,
Словно бы весь Карѳагенъ при врагахъ вступившихъ валился,
Или старинный бы Тиръ, а разъяренное пламя
Черезъ кровли людей и чрезъ кровли боговъ покатилось.
Услыхала сестра, безъ души со страху и въ бѣгѣ
Щеки ногтями себѣ и грудь кулаками пятная,
Ринулась черезъ толпу, умиравшую именемъ клича.
«Вотъ въ чемъ все дѣло, сестра? Ты меня подводила обманомъ?
Вотъ что—мнѣ этотъ костеръ, алтари и огни устрояли?
Плакаться сирой на что мнѣ сперва? Умирая, презрѣла ль
Ты участье сестры? Звала бъ ты къ судьбѣ меня той же:
Та же бы боль отъ меча насъ умчала и часъ бы все тотъ же.
Этими строила я руками и громко взывала
Къ отчимъ богамъ, чтобъ уйти мнѣ жестокой, какъ такъ улеглась ты.
Ты погубила, сестра, и себя, и меня, и народъ весь,
И Сидонскихъ отцевъ, и свой городъ. О, дайте водою
Раны омою и, коль послѣднее бродитъ дыханье,
То устами приму». Съ этимъ словомъ, взойдя на ступени,

656. *За мужа*, Сихея I, 343.—*Враждебнаго брата*, Пигмаліона I, 347—364. — 662. *Дарданъ*, см. ст. 163. — 681. *Какъ такъ улеглась ты*, т. е. когда ты наложила на себя руки. — 685. *Устами приму*. По обыкновенію Римлянъ, Анна желаетъ вдохнуть въ себя послѣдніе вздохи сестры.

Полуживую сестру обняла, на груди согрѣвая,
И почернѣвшую кровь отирала, при вздохахъ, одеждой.
Та, задумавъ поднять отягченные взоры, ослабла
Снова; шипитъ у нея въ груди нанесенная рана.
Трижды, на локоть она опираясь, старалась подняться,
Трижды, катясь на постель, глазами, бродящими въ небѣ,
Свѣта искала она и стонала, его отыскавши.
Тутъ Юнона всесильная, сжалясь надъ долгою мукой
Трудной кончины такой, послала Ириду съ Олимпа,
Чтобы та душу въ борьбѣ и связь разрѣшила съ ней членовъ.
Какъ ни по волѣ судебъ, ни своей та виной погибала,
А до срока жалка, вспылавши внезапнымъ безумствомъ,
Свѣтлаго волоса все не снимала у ней Прозерпина
Съ темени и головы не сдавала Стигійскому Орку.
Вотъ Ирида затѣмъ въ росѣ и на крыльяхъ шафранныхъ,
Тысячу разныхъ цвѣтовъ пронося противъ солнца, слетѣла,
И надъ ея головой она стала. «Эту я жертву,
Должную Дису, несу и тебя разрѣшаю отъ тѣла».
Такъ сказавши, она отрѣзаетъ волосъ; и сразу
Все исчезло тепло, и жизнь разлетѣлась на вѣтеръ.

---

689. Вслѣдствіе сильнаго истеченія крови, рана издаетъ острый звукъ. — 693—700. Древніе смотрѣли на умирающихъ, какъ на жертву богамъ преисподней, которымъ поэтому и посвящали локонъ отрѣзанныхъ волосъ (ст. 704), подобно тому какъ и на лбу жертвеннаго животнаго срѣзывали клокъ шерсти (VI, 245). Но Дидона не умираетъ *ни по волѣ судебъ, ни по своей винѣ, а до срока*. Слѣдовательно *Прозерпина*, которая обыкновенно отзывала умершихъ, не имѣетъ еще на нее права. Поэтому Юнона, покровительствовавшая Дидонѣ при жизни, поручаетъ Иридѣ принести въ жертву ея душу.—*Ирида*, вѣстница Юноны и Юпитера; олицетвореніе радуги.—*Прозерпина*, царица преисподней, жена Плутона. — 702. *Эту жертву*, локонъ отрѣзанныхъ волосъ. — 703. *Дису*. Дисъ, названіе Плутона, царя преисподней.

Полуживую сестру обняла, на груди согрѣвая,
И почернѣвшую кровь стирала, при вздохахъ, одеждой.
Та, задумавъ поднять отяжелѣнные взоры, ослабла
Снова; шипитъ у нея въ груди нанесенная рана.
Трижды, на локоть она опираясь, старалась подняться,
Трижды валясь на постель, глазами бродящими въ небѣ
Свѣта искала она и стонала, его отыскавши.
Тутъ Юнона всесильная, сжалясь надъ долгою мукой
Трудной кончины такой, послала Ириду съ Олимпа,
Чтобъ та душу въ борьбѣ и связь разрѣшила съ ней членовъ.
Такъ ни по волѣ судьбы, ни своей та виной погибала,
А до срока, жалка, вспылавши внезапнымъ безумствомъ,
Свѣтлаго волоса все не снимала у ней Прозерпина
Съ темени и головы не сдавала Стигійскому Орку.
Вотъ Ирида влетѣла въ росѣ и на крыльяхъ шафранныхъ,
Тысячу разныхъ цвѣтовъ пронося противъ солнца, свѣтла,
И надъ ея головой она стала. «Эту я жертву
Должную Диту несу и тебя разрѣшаю отъ тѣла».
Такъ сказавши, она отрѣзаетъ волосъ; и сразу
Все исчезло тепло, и жизнь разлетѣлась на вѣтеръ.

688. Вслѣдствіе сильнаго истеченія крови, рана издаетъ острый звукъ. — 694—700. Древніе смотрѣли на умирающихъ, какъ на жертву богамъ преисподней, которымъ поэтому и посвящали локонъ отрѣзанныхъ волосъ (ст. 704) подобно тому какъ и на лбу жертвеннаго животнаго срѣзывали клокъ шерсти (VI, 245). Но Дидона не умираетъ *ни по волѣ судьбы, ни по своей винѣ*, а *до срока*. Слѣдовательно *Прозерпина*, которая обыкновенно отсѣкала умершихъ, не имѣетъ еще на нее права. Поэтому Юнона, покровительствовавшая Дидонѣ при жизни, поручаетъ Иридѣ принести въ жертву ея душу. — *Ирида*, вѣстница Юноны и Юпитера; олицетвореніе радуги. — *Прозерпина*, царица преисподней, жена Плутона. — 703. *Эту жертву*, локонъ отрѣзанныхъ волосъ. — 703. *Диту*. Дитъ, названіе Плутона, царя преисподней.

ЭНЕИДА

КНИГА ПЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

Эней въ Сициліи. Погребальныя и военныя игры. Пожаръ флота. Смерть Палинура на пути въ Италію.

Ст. 1—34. Буря заноситъ флотъ Энея въ Сицилію. 35—71. Дружелюбно принятый Ацестомъ, Эней, по случаю годовщины смерти Анхиза, устраиваетъ погребальныя игры. 72—103. Жертвоприношеніе Энея. 104—285. Гонка судовъ. 286—361. Состязанье въ бѣганьи. 362—484. Кулачный бой. 485—544. Стрѣльба изъ лука. 545—603. Дѣтскія военныя игры. 604—699. Пожаръ флота. 700—718. Навтъ увѣщеваетъ Энея основать въ Сициліи колонію, оставивъ слабыхъ и усталыхъ. 719—745. Явленіе Анхиза подкрѣпляетъ совѣтъ Навта. 746—778. Основавъ Сегесту, Эней оставляетъ Сицилію. 779—826. Подъ покровительствомъ Нептуна, котораго упросила Венера, Эней плыветъ благополучно въ Италію. 827—871. Смерть Палинура.

ЭНЕИДА

П. ВЕРГИЛІЯ МАРОНА.

КНИГА ПЯТАЯ.

Между тѣмъ ужъ Эней увѣренно съ флотомъ срединой
Шелъ пути и взрѣзалъ при вѣтрѣ черныя волны,
Глядя на стѣны назадъ, которыя бѣдной Элиссы
Пламенемъ свѣтлы уже. Какая причина столь яркій
Огнь зажгла, не узнать; но сильной любви оскорбленной
Мука и опытъ, къ чему способна въ женщинѣ ярость,
Тевкровъ наводитъ сердца на предвѣщанье печали.
Какъ взошли корабли на просторъ, и земля не встрѣчалась
Больше нигдѣ; а вокругъ только море, вокругъ только небо:
Надъ головой у него засинѣла дождливая туча,
Ночь и ненастье неся, и волна содрогнулась во мракѣ.
Кормчій самъ Палинуръ съ кормы воскликнулъ высокой:
«Горе! къ чему же такой охватило бурею воздухъ?
Иль что, отецъ ты Нептунъ, готовишь?» Такъ онъ сказавши,
Снасти велитъ подтянуть и налечь на крѣпкія весла
И, подъ вѣтеръ затѣмъ паруса искосивши, промолвилъ:
«Великодушный Эней, хотя бъ мнѣ ручался Юпитеръ,

1—2. *Срединой пути*, т. е. среди открытаго моря (ст. 8). — 3. *Элиссы*, IV, 335. — 4. *Пламенемъ*, отъ костра, на которомъ сожгли Дидону, см. IV, 642 сл. — 5. *Любви оскорбленной*, т. е. Элиссы. — 8—11. Повторены почти дословно въ кн. III, 192—94. — 12. *Палинуръ* упоминался еще въ III кн. ст. 201. — 15. *Подтянуть снасти*, чтобы обезопасить корабль отъ напора вѣтра въ распущенные паруса.

Я бы не чаялъ доплыть до Италіи съ небомъ подобнымъ.
Наискось перемѣнясь гудитъ и сильнѣе поднялся
Съ чернаго запада вѣтръ, и воздухъ сбирается въ тучи.
Намъ ни напротивъ налечь, ни только впередъ подаваться
Стало не въ мочь. Коль судьба одолѣла, пойдемъ мы за нею,
Какъ зоветъ, повернемъ мы свой путь. Недалеко, считаю,
Эрика братскіе тутъ берега и съ портомъ Сиканскимъ,
Если, какъ слѣдуетъ, я припомнилъ знакомыя звѣзды».
Благочестивый Эней на это: «давно замѣчаю,
Что такъ вѣтры хотятъ, и напрасно ты правишь напротивъ.
Вспять поверни паруса. Отраднѣе есть ли какая
Мнѣ земля, гдѣ бъ желалъ съ кораблями усталыми стать я,
Чѣмъ которая мнѣ сохраняетъ Дарданца Ацеста
И Анхиза отца въ своемъ лонѣ объемлетъ останки?»
Такъ сказавши, они направляются въ портъ, и вѣтрила
Пучитъ попутный Зефиръ; флотъ быстро бѣжитъ по пучинѣ,
И наконецъ на пески знакомые весело вышли.
Но съ вершины горы еще вдали, изумленный
Дружественныхъ кораблей приходомъ, Ацестъ прибѣгаетъ,
Дротами весь торча и Либійской медвѣдицы шкурой.
Мать Троянка его, съ рѣкою Кримизомъ зачавши,
Родила. Онъ, своихъ не забывши предковъ старинныхъ,
Снова прибывшихъ, привѣтствовалъ и съ угощеніемъ сельскимъ
Весело принялъ, друзей усталыхъ достатками тѣша.
Только съ востока едва день слѣдующій возсіявши
Звѣзды угналъ, со всего сотоварищей берега къ сходу
Созвалъ Эней и съ холма высокаго къ нимъ обратился:
«Дарданиды великіе, божеской крови высокой!
Полонъ годичный сталъ кругъ завершеніемъ мѣсяцевъ прошлыхъ,
Что божественнаго отца мы останки и кости

24. *Эрика*, см. ст. 412 и I, 570.—*Сиканскимъ* отъ *Сиканіи*, древняго названія Сициліи. — 25. *Знакомыя*, такъ какъ Палинуръ могъ производить наблюденія въ то время, какъ Эней первый разъ оставилъ Сицилію, см. I, 34 сл.—30. *Дарданца*, IV, 164.—*Ацеста*, I, 195—550. — 31. *Анхиза останки*, см. III, 706—707. — 37. Ацестъ является вооруженный двумя торчащими стрѣлами и одѣтый въ косматую шкуру медвѣдицы. — 38. *Мать Троянка*, ст. 30.—*Кримизъ* (н. Belici) рѣка Сициліи.

Въ землю сокрывши, ему алтари скорбя посвятили.
Коль не ошибся я, день ужъ настал, который вѣкъ горькимъ,
Вѣкъ почитаемымъ — такъ восхотѣли вы, боги, — мнѣ будетъ.
Если бъ его проводилъ я въ Гетульскихъ Сыртахъ, какъ изгнанникъ,
Иль въ Арголійскомъ плѣненъ я морѣ и въ градѣ Микенахъ,
Все же годичный обѣдъ и обрядъ съ торжественнымъ ходомъ
Я бы справлялъ, алтари отягчая своими дарами.
Нынѣ даже къ когтямъ самого родителя, къ пеплу,
Не безъ воли боговъ, не безъ ихъ, полагаю, внушенья
Прибыли мы, и въ сей портъ дружелюбный снесенные входимъ.
Вотъ потому поскорѣй отпразднуемъ весело почесть;
Будемъ молить о вѣтрахъ, и чтобъ эту годичную жертву
Онъ, какъ городъ создамъ, допустилъ приносить ему въ храмахъ.
Вамъ по парѣ быковъ Ацестъ, уроженецъ Троянскій,
По числу кораблей выдаетъ; пріобщите къ трапезѣ
И пенатовъ родныхъ, и Ацестомъ хозяиномъ чтимыхъ.
Кромѣ того, какъ лишь день девятый, для смерти отрадный,
Явитъ Аврора и всю освѣтитъ землю лучами,
Быстраго флота тогда для Тевкровъ устрою я гонку;
Кто ногами могучъ на бѣгу, и кто силой отваженъ,
Или дротомъ изъ всѣхъ выдается и легкой стрѣлою,
Или наручнемъ бой сырымъ поддержать не боится,
Всѣ пусть идутъ и наградъ ожидаютъ заслуженной пальмы.
Вы же молитеся всѣ и чело увѣнчайте вѣтвями».

51—54. Мысль: и изгнанникомъ въ пустыняхъ, и плѣнникомъ у враговъ, я торжественно справлялъ бы годовщину смерти отца. — *Гетульск. Сырты*, IV, 40—41.—*Арголійскомъ*, Эгейскомъ.—*Плѣненъ*, Греками.—*Микены*, столица Агамемнона, злѣйшаго врага Троянцевъ. — 58. *Почесть*, т. е. празднество въ честь Анхиза. — 62—63. *Пріобщите пенатовъ*, т. е. совершите возліяніе не только нашимъ пенатамъ; но и пенатамъ нашего хозяина. — 64. *День девятый*. Умершаго у Римлянъ сожигали на 8-й день. Въ девятый—происходила заупокойная трапеза и погребальныя игры; см. примѣч. I, 6. — 66. Въ первомъ состязаньи — гонкѣ судовъ (ст. 114—285) участвуютъ только Троянцы; въ слѣдующихъ состязаньяхъ, бѣгѣ (ст. 291—462), кулачномъ бою (ст. 362—484), метаніи копья и стрѣльбѣ изъ лука (ст. 485—544) участвуютъ и Сицилійцы.— 69. *Наручнемъ*, крѣпкимъ, изъ сырой кожи ремнемъ, на которомъ во многихъ мѣстахъ были придѣланы куски желѣза и свинца; имъ бились кулачные бойцы часто на смерть. См. ст. 403 - 405. — 71. *Вы же молитеся*. При торжествен-

Это сказавши, чело материнскимъ онъ миртомъ вѣнчаетъ.
Такъ поступилъ и Гелимъ, и Ацестъ, созрѣвшій лѣтами,
Мальчикъ Асканій потомъ, а вслѣдъ молодежь остальная.
Онъ изъ собранья къ холму при тысячахъ шествовалъ многихъ,
Окруженный большой его провожавшей толпою.
Здѣсь по обряду съ мольбой двѣ чаши онъ чистаго Вакха
На земь излилъ, двѣ съ парнымъ молокомъ, двѣ съ кровью священной,
И пурпурныхъ цвѣтовъ разбросалъ и такъ провѣщалъ онъ:
«Здравствуй, священный отецъ, и здравствуйте снова безплодно
Прахъ обрѣтенный отца съ его и душою и тѣнью.
Не суждено мнѣ съ тобой, Италійскій край, намъ завѣтный,
Ни съ Авзоніей Тибръ отыскать, каковъ бы онъ ни былъ».
Это сказалъ онъ, а змѣй, со дна святыни скользящій,
Семь огромныхъ круговъ въ семи протянулъ оборотахъ,
Мирно онъ холмъ охватилъ, по алтарямъ проползая,
Синія пятна ему пестрили спину, сверкало
Золотомъ отъ чешуи, подобно какъ радуга въ тучахъ
Тысячи разныхъ цвѣтовъ противу солнца кидаетъ.
Изумился Эней, это видя. Тотъ, длинной чредою
Проползая межъ чашъ и между гладкихъ фіаловъ,
Поотвѣдалъ лишь яствъ и опять безвредно спустился
Внутрь холма и, едва вкусивъ съ алтарей, ихъ покинулъ.

ныхъ церемоніяхъ предписывалось благоговѣйное молчаніе присутствующимъ; одно зловѣщее выраженіе могло нарушить весь обрядъ.— *Чело увѣнчайте вѣтвями.* При торжеств. случаяхъ и жертвоприношеніяхъ голову украшали вѣнками изъ цвѣтовъ и зелени. — 72. Миртъ былъ посвященъ Венерѣ, *матери* Энея. Въ древности, какъ и теперь, растеніе это употребляли при погребальныхъ обрядахъ. — 73. *Гелимъ,* приближенный Ацеста, ст. 301. — 77—79. См. описаніе подобнаго жертвоприношенія въ III кн., ст. 66—67.— *Чистаго Вакха,* т. е. чистаго вина (vinum merum), въ противоположность смѣшанному съ водою (vinum mixtum). — 80. *Снова;* по отношенію къ празднеству при первомъ посѣщеніи Сициліи. — 83. *Съ Авзоніей,* IV, 349. — 84. *Со дна святыни,* т. е. изъ внутренности могилы Анхиза, которую Эней почиталъ, какъ святилище. *Змѣй* у древнихъ считался воплощеніемъ тѣней умершихъ. — 85. *Семь* изгибовъ образовали семь *круговъ* или колецъ. Число 7 у древнихъ почиталось священнымъ. Здѣсь 7, повидимому, указываетъ на время окончанія странствованій Энея (см. ст. 626). — 87—88. Мысль: хребетъ пестрѣлъ зеленовато-голубыми узорами, а чешуя ярко сіяла, какъ чистое золото.

Тотъ тѣмъ больше отцу обновляетъ начатую почесть,
Не рѣшая, считать ли того ему геніемъ мѣста
Или слугою отца; онъ, какъ должно, овецъ убиваетъ
Пару, и столько жъ свиней, и столько жъ быковъ черноспинныхъ;
Лилъ и вина онъ изъ чашъ, и Анхиза великаго душу
Призывалъ, да и манъ, что отпущены изъ Ахеронта.
И товарищи тожъ, смотря по достатку, въ весельи
Идутъ съ дарами, грузятъ алтари и быковъ закалаютъ;
Рядомъ иные, котлы размѣстя и возлегши на траву,
Къ вертеламъ угли кладутъ и мясо утробное жарятъ.
День желанный насталъ, и девятую въ ясномъ сіяньи
Фаэтоновы ужъ вывозили кони Аврору,
Какъ и сосѣдей молва и славное имя Ацеста
Привлекли; берега наполнились радостнымъ сборомъ,
Чтобъ посмотрѣть Энеадъ, а часть и сразиться готова.
Передъ глазами и вкругъ сначала дары размѣщаютъ
Посреди, для святынь треножники, зелень вѣнками,
Для наградъ побѣдителямъ пальмы, оружье и пурпуръ
Яркихъ одеждъ, и талантъ серебра и золота вмѣстѣ;
И съ возвышенья труба о начатіи игръ возглашаетъ.
Первые входятъ въ борьбу, тяжелыми веслами равны,
Четверо кораблей, изъ всего избранные флота.
Быстраго движетъ Кита Мнестей силачами гребцами,
Тотъ Италійскій Мнестей, отъ котораго Мемміи родомъ,

95—96. *Геніемъ.* У древнихъ каждое мѣсто имѣло своего генія-покровителя.—*Слугою*, какъ посломъ съ извѣщеніемъ, что жертва пріятна. — 97. Эней приноситъ жертву подобно римской suovetaurilia, торжественному во время люстрацій жертвоприношенію изъ свиньи, овцы и быка.—*Черноспинныхъ*, IV, 384. — 98. *Лилъ*, подраз. на алтари. — 99. *Ахеронта*, VI, 295. — *Отпущены* вслѣдствіе призыва (ст. 98). Древніе полагали, что тѣни, которымъ посвящалась жертва, оставляли преисподнюю, чтобы присутствовать при жертвоприношеніи. — 101—103. Сравн. I, 210—213. — 104—105. По окончаніи погребальнаго торжества, соотвѣтствующаго поминкамъ Патрокла (Иліад. XXIII, I—256), начинаются игры, описаніе которыхъ заимствовано у Гомера (Ил. XXIV, 257 — 897). — *Фаэтоновы. Фаэтонъ*, собств. сынъ солнца, у Верг. и позднѣйшихъ поэтовъ вм. самаго солнца. — 113. *Труба.* Въ героическій вѣкъ инструментъ этотъ не былъ извѣстенъ. — 116. *Кита.* Судно имѣло особый знакъ въ видѣ рыбы, отъ которой и получило свое названіе; см. ст. 118 — 123. — 117. *Италійскій Мнестей*, т. е. Мнестей, который скоро станетъ Италійцемъ

И громаду Гіасъ, огромную тяжесть Химеру,
Городъ на видъ, что, засѣвъ въ три ряда, молодежь изъ Дарданцевъ
Гонитъ, и весла на немъ въ тройномъ возникаютъ порядкѣ;
И Сергестъ, отъ кого домъ Сергіевъ имя воспринялъ,
На Центаврѣ плыветъ большомъ, а на Сциллѣ лазурной
Тотъ Клоантъ, отъ кого твое имя, о римскій Клуенцій.
Въ морѣ далеко стоитъ скала противу опѣненныхъ
Береговъ, и въ нее, заливая, бьютъ волны напучась,
Въ пору, какъ сѣверный вѣтръ зимою сокроетъ созвѣздья;
Въ тихое время она молчитъ, и надъ влагой недвижной
Поле встаетъ, гдѣ пріютъ ныркамъ на припекѣ любимый.
Тутъ поставилъ отецъ Эней метою зеленой
Дубъ съ листвою, какъ знакъ пловцамъ, откуда бы знали
Ворочаться и гдѣ побѣгъ закруживать долгій.
Тутъ избираютъ мѣста по жребію, сами вожди же
Издалека на кормахъ сіяютъ въ багрянцахъ и въ златѣ;
Тополевой листвой молодежь остальная вѣнчалась
И, обнажая плеча, залитая елеемъ блистаетъ.
Сѣли они на скамьи, протянувши руки на весла;
Въ нетерпѣніи ждутъ всѣ знака, и сердца порывы
Бьетъ ударяющій страхъ и похвалъ тревожная алчность.
Тутъ только ясный свой звукъ труба издала, всѣ вскочили
Въ то же мгновеніе съ мѣстъ; промчался крикъ корабельный
Въ воздухѣ, и отъ рукъ подтянутыхъ вспѣнилось море.
Борозды рѣжутъ равно, и, веслами вся перерыта
И тройными судовъ носами, разверзлась пучина.

и поэтому свое греч. имя (отъ μεμνῆσθαι) перемѣнитъ на италійское (отъ meminisse). У римск. аристократовъ было въ модѣ доискиваться своихъ предковъ между спутниками Энея, Геркулеса или Улисса; сравн. ст. 121—122. — 119—120. Описаніе триремы, судна, съ тремя рядами гребцовъ и веселъ. Впрочемъ триремы явились не ранѣе третьяго вѣка до Р. Хр. *Дарданцевъ*, Троянцевъ, I, 28—38. — 121. *Сергестъ*, IV, 288. — 124—127. Упомянутая здѣсь *скала* соотвѣтствуетъ такъ наз. «Isola d'Asinello» у сѣв.-зап. оконечности Сициліи. — 128. *Поле*, т. е. верхъ, хребетъ скалы. — 135. *Залитая елеемъ*, чтобы сдѣлать члены болѣе гибкими (III, 281). — 138. *Страхъ*, душевное волненіе между страхомъ и надеждой.—140. *Съ мѣстъ*, назначенныхъ *по жребію*, ст. 132. — 143. *Тройными носами:* У древнихъ каждое судно имѣло 3 носа (rostra):

Не столь быстро летятъ въ состязаніи парномъ промчаться
По полю и безъ оградъ вырываясь бѣгутъ колесницы,
Такъ возницы вожжей не потрясаютъ волнистыхъ,
Какъ ужъ запустятъ коней, не склоняются такъ для ударовъ.
Тутъ отъ плесковъ мужей и кликовъ и рвенья усердныхъ
Грянулъ весь лѣсъ, и помчалъ голоса весь берегъ стѣсненный,
И отозвались кругомъ холмы, пораженные воплемъ.
Выбѣгаетъ изъ всѣхъ и изъ волнъ выскользаетъ переднихъ
Средь шумящей толпы Гіасъ; а за нимъ поспѣваетъ
И Клоантъ, что по весламъ сильнѣй, но корабль его медленъ
Грузомъ своимъ. Послѣ нихъ на разстояніи равномъ
Китъ съ Центавромъ занять стараются первое мѣсто,
И то Китъ впереди, то громадный Центавръ обгоняетъ
Побѣжденнаго, то они оба носы содвигаютъ
И протяженнымъ килемъ бороздятъ соленую влагу.
Ужъ приближались они къ утесу, меты достигая,
Какъ переднiй Гіасъ, на влагѣ морской побѣдитель,
Кормчему корабля кричитъ громогласно Менету:
«Вправо куда у меня такъ забралъ? Держись ка сюда вотъ.
Къ берегу правь, и весло пусть лѣвое трогаетъ камни;
Въ море пусть правитъ другой». Сказалъ, но Менетъ, убоявшись
Скрытыхъ скалъ, передомъ въ открытое море воротитъ.
«Что воротишь то прочь? Ты, Менетъ, къ каменьямъ держися»,
Крикнулъ снова Гіасъ; и вдругъ увидалъ онъ Клоанта,
Что за спиной на него насѣлъ и сталъ приближаться.
Тотъ между кораблемъ Гіаса и влѣво скалами
Среднимъ несется путемъ и передняго вдругъ обгоняетъ
И, покидая мету, въ безопасное море управилъ.
Тутъ у юноши скорбь ужасно въ костяхъ возгорѣлась,
Не безъ слезъ на щекахъ, непроворнаго тутъ онъ Менета,

1 главный, съ двумя меньшими боковыми. — 145. *Изъ оградъ*, изъ-за рѣшетки, барьера съ отверстіями, откуда выпускали коней и колесницы во время ристалищъ въ циркѣ. — 149—150. Криками оглашается вся роща, окаймляющая берегъ въ видѣ амфитеатра; волною распространяются отголоски по холмамъ, замыкающимъ взморье; эхо холмовъ, потрясенныхъ звуками, повторяетъ ихъ. — 151. *Изъ волнъ выскользаетъ переднихъ*, т. е. летитъ по волнамъ впереди всѣхъ.

Все приличье забывъ и товарищей съ нимъ безопасность,
Въ море сбросилъ стремглавъ съ высокой кормы корабельной.
Самъ подошелъ онъ къ рулю, самъ кормчій и самъ же начальникъ.
И увѣщаетъ мужей, и къ берегу гнетъ онъ кормило.
А тяжелый Менетъ, какъ едва со дна появился,
Уже въ лѣтахъ, и струи испуская изъ мокрой одежды,
Камня вершины достигъ и сѣлъ на сухомъ на утесѣ.
Тевкры смѣялись надъ нимъ, какъ онъ валился и плавалъ,
И смѣялись, какъ онъ изрыгаетъ соленую воду.
Тутъ у двухъ отсталыхъ отрадно блеснула надежда,
У Сергеста и у Мнестея взять верхъ надъ Гіасомъ.
Ранѣе мѣсто занялъ Сергестъ и приблизился къ камню.
Но, не всѣмъ кораблемъ подававшимся вышелъ онъ первымъ,
Частію лишь: часть, носомъ равняяся, Китъ припираетъ,
Но, посреди корабля проходя межъ товарищей самыхъ,
Увѣщеваетъ Мнестей: «вотъ, вотъ налягте на весла,
Гектора спутники, вы, которыхъ въ послѣдній часъ Трои
Я въ сотоварищи взялъ; теперь покажите тѣ силы,
Мужество то, что въ Сыртахъ Гетульскихъ вы проявляли,
Въ Іонійскихъ зыбяхъ и въ тѣсныхъ бурунахъ Малеи.
Ужъ не награды прошу я, Мнестей, и не бьюсь изъ побѣды;
Хоть и, о!—побѣждай, кому ты, Нептунъ, то дозволишь;
Стыдно отстать ото всѣхъ; вотъ въ томъ побѣдите, граждане,
И отстраните бѣду». Они въ состязаніи крайнемъ
Налегаютъ. Дрожитъ въ мѣди корма отъ ударовъ,
Влага подъ ними бѣжитъ, тутъ тяжкой одышкой колотитъ

188. *Межъ товарищей самыхъ*. Онъ пробѣгаетъ рядами гребцовъ, сидѣвшихъ справа и слѣва на скамейкахъ. Обыкновенно же капитанъ корабля помѣщался въ задней его части. — 192. Въ *Сыртахъ Гетульскихъ*, см. IV, 41; V, 21. Мнестей намекаетъ на изображенную въ I кн., ст. 102 сл. бурю, отбросившую Троянцевъ къ берегамъ Африки. — 193. Здѣсь указывается на бурю, постигшую Троянцевъ при входѣ въ Іонич. море (см. III, 192 сл.), у юго-восточ. оконечности Лаконіи, мыса Малеи (теп. Maliа), весьма опаснаго для мореплавателей. — 195. *Хоть и о!* эллиптическое выраженіе (aposiopesis), которое можно бы дополнить: «если бы я побѣдилъ». *Нептунъ*, богъ моря, Посейдонъ Грековъ. — 196. *Вотъ въ томъ побѣдите*. Мысль: это по крайней мѣрѣ вамъ слѣдуетъ отстоять, т. е. чтобы мы не вышли послѣдними изъ дѣла.

Члены и высохшій ротъ; потъ всюду катится ручьями.
Вожделѣнную честь мужамъ самъ случай доставилъ.
Ибо когда, воспылавъ въ душѣ, къ скаламъ протѣснялся,
Носъ направляя, Сергестъ и взошелъ на неловкое мѣсто,
То несчастный завязъ на выдающихся камняхъ.
Содрогнулись скалы, и весла на остромъ утесѣ
Треснули, какъ уперлись, и передъ взлѣзая повиснулъ.
Повскочили пловцы и замедлились съ крикомъ великимъ,
Тащатъ съ желѣзомъ шесты и багры съ наконечникомъ острымъ
И переломленныя собираютъ весла въ пучинѣ.
А довольный Мнестей, самимъ распаленный успѣхомъ,
Быстрыми взмахами веселъ и при помощи вѣтра
Въ море направилъ корабль и бѣжитъ по открытой пучинѣ.
Какъ потревожена вдругъ изъ пещеры голубка, у коей
Домъ и милое ей гнѣздо въ издырявленной пемзѣ,
Мчится летя на поля и напугана сильно заплещетъ
Крыльями близко жилья, но скоро по воздуху тихо
Мчится текучимъ путемъ и проворныхъ не двигаетъ крыльевъ;
Такъ Мнестей, такъ самъ Китъ разсѣкаетъ дальнѣйшія волны,
Въ бѣгѣ летящаго такъ его разбѣгомъ уноситъ.
И сперва обошелъ онъ Сергеста, который все бился
На высокой скалѣ и на отмели, помощь напрасно
Лишь призывалъ онъ и плыть собирался на сломленныхъ веслахъ.
Послѣ Гіаса уже и громаду большую Химеры
Онъ догналъ; та сдалась, потому что похищенъ былъ кормчій.
Только одинъ подъ конецъ уже Клоантъ остается:
Онъ за нимъ и, собравъ всю мощь, на него напираетъ.
Тутъ удвояется кликъ, нагонявшаго всѣ подстрекаютъ
Сильнымъ участьемъ къ нему, и гудетъ восклицаньями воздухъ.
Тѣ отличьемъ своимъ и добытою брезгаютъ честью,

202. *Протѣснялся*, между утесомъ и Мнестеемъ. — 207. Наскочивъ на рифъ (ст. 204), моряки подымаютъ крикъ и вслѣдствіе этого задерживаются. — 212. Мнестей, освободившись отъ соперника, стремится къ берегу; онъ словно по наклонной плоскости быстро покатился по зыбкимъ волнамъ и вышелъ въ открытое море — 229. *Тѣ*, т. е. спутники Клоанта, которые побѣду считаютъ

Если не выдержатъ ихъ; рады жизнью пожертвовать славѣ;
Этихъ питаетъ успѣхъ: имъ можно, коль видимо могутъ.
И быть можетъ они, поравнявшись, пріяли бъ награду,
Если бы къ морю Клоантъ, обѣ руки свои простирая,
Не излился въ мольбахъ и боговъ не позвалъ бы на помощь:
«Боги, владыки морей, по влагѣ которыхъ бѣгу я,
Вамъ съ отрадой быка я бѣлаго на берегу тутъ
Выставлю предъ алтаремъ и, связанъ обѣтомъ, утробу
Кину въ соленую глубь, и вина текучаго выльюı».
Молвилъ и весь его тутъ, подъ волнами на днѣ погруженный,
Хоръ Нереидъ услыхалъ и Форкъ съ Панопеею дѣвой,
И отецъ самъ Портунъ плывущаго мощной рукою
Подогналъ: тотъ стрѣлы оперенной и вѣтра быстрѣе
До земли добѣжалъ и въ портѣ глубокомъ сокрылся.
Сынъ Анхиза тогда, по обычаю, всѣхъ подозвавши,
Побѣдителемъ чрезъ глашатая громко Клоанта
Объявилъ и чело ему лавромъ зеленымъ украсилъ;
И въ дары кораблямъ онъ по три быка обряжаетъ,
И вина, и большой талантъ серебра шлетъ при этомъ.
Почести онъ воздаетъ предводителямъ самымъ особо:
Побѣдителю всю золотую хламиду, вкругъ коей
Мелибейскій бѣжалъ двойными извивами пурпуръ,
Царственный мальчикъ затѣмъ былъ вытканъ на Идѣ тѣнистой,
Какъ на бѣгу и копьемъ утомляетъ онъ быстрыхъ оленей,
Будто запыхавшись самъ: его же кривыми когтями,
Бросившись съ Иды, схватилъ оруженосецъ Зевеса;
Старые стражи вотще къ звѣздамъ свои руки подъемлютъ,

какъ бы собственнымъ достояніемъ, *честью*. — 236. *Быка бѣлаго*, какъ почетнѣйшую жертву. — 240. *Нереиды*—50 дочерей морскаго бога Нерея и Дориды, морскія нимѳы.—*Форкъ*, братъ Нерея.—*Панопея*, одна изъ Нереидъ. — 241. *Портунъ*, богъ гаваней Римлянъ; впослѣдствіи его отождествляли съ Палемономъ; см. примѣч. къ ст. 823. — 247. Каждый изъ 4 вождей избиралъ по три быка въ томъ порядкѣ, въ которомъ доходилъ до предѣла гонки. — 249. *Почести*, т. е. почетные подарки. — 250. *Хламида*, широкій, изъ шерст. матеріи плащъ, какой носили знатные Греки, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. *Мелибейскій*, поэтич. прилагательное отъ города Мелибеи, въ Ѳессаліи. — 252. *Царственный мальчикъ*, Ганимедъ, I, 28. — *Ида*, II, 696. — 255. *Оруженосецъ Зевеса*, орелъ.

И по воздуху лай жестокій собакъ раздается.
Но тому, кто стяжалъ по доблести мѣсто второе,
Этому онъ изъ гладкихъ колецъ въ три съ золотомъ нити
Панцырь даетъ, что самъ снялъ съ Демолеонта, сразивши
Надъ Симоисомъ его быстроводнымъ, подъ Троей высокой,
Мужу, чтобъ былъ онъ красой да и защитою въ битвахъ.
Слуги насилу его сплетенье, Фегей съ Сагарисомъ,
Только несли, напружа плеча; а въ немъ же когда-то
Демолеонтъ на бѣгу гонялъ вразсыпную Троянцевъ.
Въ третій назначилъ онъ даръ изъ мѣди пару лоханей
Съ чарами изъ серебра съ превосходнымъ высокимъ чеканомъ.
Ужъ одаренные всѣ и своимъ гордяся богатствомъ,
Шли, увивши свое чело пурпурной повязкой,
Какъ съ искусствомъ большимъ, едва отцѣпившись съ утеса,
Уже безъ веселъ совсѣмъ и съ одной стороной поврежденной,
Велъ осмѣянный свой корабль Сергестъ безъ почета.
Какъ нерѣдко змѣя, что захвачена сверху дороги,
Гдѣ по ней перешло колесо, иль ударомъ прохожій
Сильнымъ на камнѣ ее полумертвой, разбитой оставилъ,
Тщетно тѣло она, убѣгая, въ длину извиваетъ,
Частію только сердясь и глазами горя, она круто
Шею подъемлетъ шипя; часть, раной увѣчна, мѣшаетъ
Ей, на извивы свои опираяся, въ членахъ свиваться
Съ греблей подобной корабль лишь медленно такъ подвигался;
(Но паруса онъ подъялъ и въ устье вошелъ съ парусами).
Даръ обѣщанный свой Эней вручаетъ Сергесту:
Радъ тому, что спасенъ корабль и товарищи цѣлы.
Далъ онъ рабыню ему, знакомую съ дѣломъ Минервы,
Фолою; съ Крита она и мальчиковъ двойня у груди.
  Благочестивый Эней направился, бой сей покинувъ,
Въ поле травяное, что съ холмовъ волнистыхъ отвсюду

259—260. *Кольца* панцыря состояли изъ сученой въ три нитки золотой проволоки (III, 467). — 261. *Симоисомъ*, I, 100. — 266—267. *Лохани съ чарами* жертвенные сосуды, III, 66—466.—*Съ высокимъ чеканомъ*, съ рельефными изображеніями. — 281. Ст. этотъ кажется взятъ изъ I, 400. — 284. *Съ дѣломъ Минервы*. Богиня мудрости Минерва считалась изобрѣтательницею и учительницею рукодѣлій.

Окружали лѣса, въ долинѣ же какъ театральный
Циркъ былъ, въ который герой, провожаемый множествомъ тысячъ,
Прямо въ средину вошелъ и, сидѣнье подстроивъ, усѣлся.
Здѣсь кто бы могъ восхотѣть состязаться въ бѣгѣ проворномъ,
Онъ дарами бодритъ и полагаетъ награды.
Отовсюду стеклись, межъ Тевкровъ вмѣшавшись, Сиканцы.
Низъ и съ нимъ Эвріалъ были первыми.
Блещетъ своею красой Эвріалъ и юнымъ расцвѣтомъ,
Къ мальчику чистой своей любовью Низъ, а за ними
Царственный слѣдомъ Діоръ изъ знатнаго рода Пріама;
Салій затѣмъ и Патронъ, изъ коихъ одинъ Акарнанецъ,
А по крови другой Аркадецъ Тегейскаго рода;
Тринакрійскихъ юношей двое Гелимъ съ Панопеемъ,
Оба привычны къ лѣсамъ, провожатые старца Ацеста;
Многіе, кромѣ того, коихъ темная слава сокрыла.
Посерединѣ ихъ всѣхъ Эней наконецъ такъ промолвилъ:
«Вотъ что примите душой и съ веселіемъ это замѣтьте.
Изо всего тутъ числа никто не пойдетъ безъ подарка.
По два Гносскихъ копья съ блестящимъ и гладкимъ желѣзомъ
Дамъ я унесть и сребромъ по насѣчкѣ двойную сѣкиру;
Честь будетъ всѣмъ та одна. Три первыхъ получатъ награды,
И обовьется у нихъ чело желтоватой оливой.
Въ славномъ уборѣ коня пусть первый возьметъ побѣдитель;
Для втораго колчанъ Амазонскій, исполненъ Ѳракійскихъ
Стрѣлъ, который кругомъ охватилъ золотой и широкій
Поясъ, и пряжка его съ округлымъ камнемъ сцѣпляетъ
Третій уходитъ пускай Арголійскимъ вотъ шлемомъ довольный».

288—289. Долина представляла форму *цирка*; сосѣдніе холмы окружали ее въ видѣ амфитеатра. — 293. *Сиканцы*, см. ст. 24. — 296. *Къ мальчику*, къ молодому Эвріалу. — 297. *Діоръ*, былъ убитъ Турномъ, XII, 509. — 299. *Тегейскаго рода*, отъ *Тегеи*, древняго города Аркадіи. — 300. *Тринакрійскихъ*, I, 195. — 306. *Гносскихъ*, III, 115. — 310. *Въ славномъ уборѣ*. Здѣсь разумѣются *phalerae*, уборъ для лба и груди коня, состоящій изъ бляхъ въ формѣ полумѣсяца. — 311. *Амазонскій*. См. I, 490—92 и прим.—*Ѳракійскихъ*. Ѳракійцы, подобно Амазонкамъ, считались отличными стрѣлками изъ лука. — 313. *Пряжка*, IV, 139. — 314. *Арголійскимъ шлемомъ*, взятымъ у Грековъ, II, 389 сл. 412; V, 260.

Только онъ это сказалъ, занимаютъ мѣста и проворно,
Знакъ заслыша, чтобъ стать въ ряды, покидаютъ предѣлы,
Хлынувъ подобно дождю; и на цѣль они вмѣстѣ взираютъ.
Первымъ спѣшитъ и, изъ всѣхъ далеко выдаваясь, мелькаетъ
Тѣломъ Низъ, и быстрѣй онъ и вѣтровъ и молніи крыльевъ;
Слѣдомъ за нимъ, но слѣдомъ же все съ большимъ промежуткомъ,
Салій спѣшитъ; а затѣмъ за послѣднимъ уже отдаленьемъ
Третьимъ и Эвріалъ;
За Эвріаломъ Гелимъ, за которымъ сейчасъ же за самымъ
Вотъ пролетаетъ Діоръ и пяткою топчетъ ужъ пятку,
Навалившись плечомъ; и, останься лишь больше пространства,
Онъ перегналъ бы его или дѣло оставилъ въ сомнѣньи.
Ужъ до предѣла почти и до конца достигали
Утомившись они, какъ Низъ по крови скользящей,
Бѣдный, упалъ, гдѣ она, изъ убитыхъ быковъ изливаясь,
Землю и траву, на ней растущую, сверху смочила.
Тутъ побѣдитель уже и ликующій юноша шаткихъ
Стопъ своихъ удержать не могъ на землѣ, а въ растяжку
Палъ въ нечистый навозъ и въ кровь священную прямо.
Но Эвріала межъ тѣмъ и взаимной любви не забылъ онъ,
Ибо, со скользкаго вставъ, онъ Салію вышелъ навстрѣчу;
Тотъ же споткнулся и легъ, на глубокомъ пескѣ протянувшись.
Промелькнулъ Эвріалъ и съ помощью друга въ побѣдѣ
Первымъ изъ всѣхъ и летитъ при сочувственномъ плескѣ и шумѣ.
Вслѣдъ подбываетъ Гелимъ и Діоръ побѣдителемъ третьимъ.
Тутъ огромный весь кругъ засѣданья и первыя старшихъ
Всѣ наполняетъ мѣста великими воплями Салій,
Честь прося возвратить, что похищена только обманомъ.
Защищенъ Эвріалъ умильныхъ слезъ красотою,
Также и доблестью, что проявляется въ тѣлѣ прекрасномъ.
Помогаетъ межъ тѣмъ и Діоръ, восклицающій громко,
Что съ побѣдой поспѣлъ и напрасно къ послѣдней наградѣ

316. *Предѣлы*, т. е. пунктъ отправленія. — 319. *Молніи крыльевъ*. Изображеніе молніи съ крыльями встрѣчается на древнихъ монетахъ. — 326. Смыслъ: Діоръ опередилъ бы Гелима или поравнялся съ нимъ въ бѣгу. — 340—341. *Первыя мѣста*. Подобно сенаторамъ въ Римѣ, *старшіе* занимаютъ почетнѣйшія мѣста на состязаніи.

Прибылъ, когда бъ воздана была Салію первая почесть.
Тутъ воскликнулъ отецъ Эней: «дары ваши вѣрны
Будутъ, о юноши, ихъ никто не нарушитъ порядка;
Дайте мнѣ пожалѣть о паденьи невиннаго друга».
Такъ говоря, подаетъ онъ огромную львиную шкуру
Салію, въ вѣской шерсти и съ золотыми когтями.
Низъ тутъ воскликнулъ: «когда такова побѣжденнымъ награда,
И объ упавшихъ ты такъ сожалѣешь, какой же достойный
Даръ ты Низу вручишь, которому первый вѣнецъ бы
Взять, когда бы меня, какъ и Салія, рокъ не низвергнулъ».
И при этихъ словахъ онъ лицо показалъ да и члены
Въ жидкой навозной грязи. Улыбнувшись, отецъ тутъ добрѣйшій
Щитъ велѣлъ принести Дидимаонта работы,
Что со священныхъ дверей Нептуна сорвали Данаи.
Юношѣ дивному онъ этотъ даръ превосходный вручаетъ.
  Послѣ того какъ и бѣгъ былъ оконченъ и роздалъ дары онъ:
«Вотъ теперь, у кого въ груди и отвага и сила,
Пусть подходитъ подъять съ кулаками обвитыми руки».
Такъ онъ сказалъ и къ борьбѣ устрояетъ двойную награду:
Побѣдителю дать быка въ повязкахъ и въ златѣ,
Побѣжденному мечъ и блистательный шлемъ въ утѣшенье.
Нѣтъ задержки; сейчасъ Даретъ могучій по силѣ
Кажетъ лицо и встаетъ при великомъ мужей одобреньи;
Онъ, который одинъ привыкъ состязаться съ Парисомъ
И у того же холма, гдѣ великій покоится Гекторъ,
Побѣдителя Бута, огромнаго тѣломъ, который
Отъ Амика своей Бебриційскою хвасталъ породой,
Сшибъ и на желтомъ пескѣ умирающимъ бросилъ въ растяжку.
Къ битвѣ впервые Даретъ таковъ то голову поднялъ
И, показавъ ширину своихъ плечъ, въ перемежку онъ обѣ

360. *Со священныхъ дверей сорвали*; см. III, 287; IV, 18. — 364. *Съ кулаками обвитыми*. Руки бойцовъ совершенно обвязаны ремнями; см. ст. 69. — 366. *Въ златѣ*, т. е. съ позлащенными рогами. — 370. У Гомера и позднѣйшихъ эпиковъ *Парисъ* является храбрецомъ. Сравн. однако Эн. IV, 215. — 373. *Бебриційскою*. Ѳракійскій народъ Бебрики жили въ Виѳиніи у Чернаго моря. Ихъ царь *Амикъ* славился какъ кулачный боецъ. — 375. Смыслъ: Даретъ первый смѣло выступаетъ на бой.

Выставя руки, швырять ими сталъ, ударяя на воздухъ.
Нуженъ къ нему и другой; но никто изъ толпы столь великой
Къ мужу не смѣетъ идти и обвязывать поручнемъ руки.
Бодръ потому, и сочтя, что всѣ отъ побѣды отстали,
Подступилъ онъ къ ногамъ Энея и, болѣ не медля,
Лѣвой рукою за рогъ схватилъ онъ быка и промолвилъ:
«Сынъ богини, когда никто не ввѣряется битвѣ,
Что же за цѣль тутъ стоять? И доколѣ меня тутъ продержатъ?
Даръ мнѣ позволь увести». Всѣ крикнули разомъ Дарданцы
И присуждали отдать, что было обѣщано мужу.
Тутъ достойный Ацестъ укорилъ словами Энтелла,
Что съ нимъ рядомъ сидѣлъ на подстилкѣ зеленой изъ дерна:
«О Энтеллъ, понапрасну герой сильнѣйшій когда-то,
Или покойно ты взять безъ всякаго боя дозволишь
Даръ подобный? И гдѣ жъ нашъ богъ, гдѣ нашъ нынѣ наставникъ?
Эрикъ помянутъ вотще? Гдѣ въ цѣлой Тринакріи слава
И доспѣхи, въ твоемъ висящіе нынѣ жилищѣ?»
Тотъ въ отвѣтъ: «не любовь къ похвалѣ, не слава исчезла,
Страхомъ гонимая прочь; но холодная въ старости вялой
Кровь скудѣетъ, и мощь въ отупѣвшемъ тѣлѣ застыла.
Если бы та, что была у меня когда-то, и коей
Тотъ нечестивый такъ гордъ, еще сохранилася юность,
Все же наградой бы я и дивнымъ быкомъ привлеченный
Не пришелъ, и не льщусь на дары». Промолвивши это,
Пару поручней онъ громаднаго выбросилъ вѣса
На середину, съ которыми Эрикъ могучій, бывало,
Въ битвы ходилъ, обтянувъ свои руки жесткою кожей.
Всѣ изумились въ душѣ; семь шкуръ вѣдь огромныхъ торчали,
Да съ подобныхъ быковъ свинцомъ и желѣзомъ подшиты.
Самъ Даретъ пуще всѣхъ изумленъ и вполнѣ отвергаетъ.
Великодушный затѣмъ Анхизовъ сынъ эту тяжесть
Смотритъ и страшный объемъ завязокъ туда и обратно.
Тутъ старикъ испустилъ слова такія изъ груди:

392. *Эрикъ* (см. ст. 24) былъ извѣстенъ какъ кулачн. боецъ; онъ былъ убитъ Геркулесомъ въ единоборствѣ. — *Тринакріи*, I, 196. — 393. *Доспѣхи висящіе;* см. ст. 360.

«Что если бъ поручни кто, самого Геркулеса оружье,
Видѣлъ и горестный бой на этомъ вотъ берегѣ самомъ?
Эрикъ, братъ твой, носилъ когда-то оружіе это.—
Видишь, доселѣ оно забрызгано кровью и мозгомъ;—
Противъ Алкида стоялъ онъ съ нимъ; къ нему былъ привыченъ
Я, какъ лучшихъ мнѣ силъ подавала кровь, и ревниво
Старость обоихъ висковъ, разбросавшись по нимъ, не бѣлила.
Но коль Троянецъ Даретъ отвергаетъ это оружье,
Съ тѣмъ же согласенъ Эней, да и Ацестъ приглашавшій,
То уровняемъ мы бой. Я Эрика кожи откину;
Страхъ свой оставь; да и ты Троянскіе поручни скинешь».
Это промолвивши, съ плечъ двойную онъ сбросилъ одежду,
Члены огромные и огромныя кости и мышцы
Онъ раздѣлъ и среди песка остался громадный.
Тутъ Анхизомъ отецъ порожденный два поручня равныхъ
Вынесъ и равнымъ скрѣпилъ оружіемъ руки обоихъ.
Оба на пальцахъ сейчасъ они поднялися, и руки
Каждый безстрашно свои на воздухъ кверху приподнялъ.
Отъ удара назадъ отвели свои головы круто,
Руку хватаютъ рукой и вызываютъ на битву,
Тотъ движеніемъ ногъ сильнѣй и въ надеждѣ на юность,
Этотъ станомъ могучъ и вѣсомъ, но шатки колѣни
Подъ дрожащимъ, и бьетъ одышка болѣзненно члены.
Много ударовъ вотще другъ другу мужи наносятъ,
Много по полымъ бокамъ удвояютъ, и груди ихъ сильный
Гулъ издаютъ, и вокругъ ушей и висковъ ихъ блуждаетъ
Часто рука, и трещатъ подъ ударами сильными скулы.
Неколебимый стоитъ Энтеллъ все съ тѣмъ же упоромъ,
Тѣломъ да бдительнымъ лишь избѣгаетъ онъ взоромъ ударовъ.
Тотъ, какъ бы осаждающій городъ высокій тараномъ,
Или сидящій вокругъ на горной твердынѣ съ оружьемъ,

410. *Поручни и оружье* означаютъ здѣсь одинъ предметъ—«цэстъ», которымъ былъ вооруженъ Геркулесъ. — 412. *Эрикъ;* см. ст. 24. — 414. *Алкидъ*, греческое имя Геркулеса, отъ его дѣда Алкея. — 419. *Эрика кожи*, см. ст. 364 и 392. — 421. *Двойную одежду*, изъ грубой, двойной ткани, носимую стариками и путешественниками. — 439. *Тотъ*, Даретъ.

То однихъ, то другихъ ища подходовъ, все мѣсто
Ловко проходитъ и все напираетъ въ напрасныхъ наскокахъ.
Правую вдругъ показалъ подымая Энтеллъ и высоко
Взнесъ: тотъ сверху ударъ идущій, проворенъ, предвидѣлъ
И сейчасъ ускользнулъ, подвижнымъ откинувшись тѣломъ.
Силы Энтеллъ расточилъ на вѣтеръ свои, да и самъ онъ
Грузный грузно упалъ на землю вѣсомъ громаднымъ.
Какъ порою съ дупломъ на Эримантѣ иль въ высяхъ
Иды, съ корнями совсѣмъ повалясь, сосна упадаетъ.
Тевкры съ участьемъ встаютъ и Тринакрійская юность.
Вопль до неба возникъ, и первый Ацестъ прибѣгаетъ
И, сострадая, съ земли ровесника друга подъемлетъ.
Но паденьемъ герой не замедленъ и не испуганъ,
Злѣй возвращается въ бой, и гнѣвъ возбуждаетъ въ немъ силы;
Стыдъ тутъ силы возжегъ и сознаніе доблести, вспыхнувъ,
Онъ Дарета по всей бѣгущаго гонитъ равнинѣ
И удары рукой учащаетъ то правой, то лѣвой,
Срока и отдыха нѣтъ; какъ дождикъ съ градомъ обильнымъ
Сверху по крышѣ трещитъ, такъ точно герой, учащая
Каждой рукою толчки, вертитъ и колотитъ Дарета.
Тутъ родитель Эней продолжаться болѣе гнѣву
И въ огорченной душѣ свирѣпѣть не дозволилъ Энтеллу;
Но конецъ положилъ борьбѣ и, вырвавъ Дарета
Изнеможеннаго, сталъ унимать его рѣчью, промолвя:
«Бѣдный, какое твоимъ овладѣло духомъ безумство?
Или силъ ты иныхъ и боговъ измѣненныхъ не чуешь?
Богу ты уступи». Сказалъ и расторгнулъ онъ битву,
А того однолѣтки его, какъ влачилъ онъ колѣни
Слабыя, и головой качаясь и ртомъ извергая
Кровь густую, гдѣ тожъ примѣшаны были и зубы,
Повели на корабль и, позваны, приняли также
Мечъ со шлемомъ, быка и побѣду оставя Энтеллу.
Этотъ побѣдой въ душѣ возносясь и быкомъ возгордившись:
«Сынъ богини, и вы, воскликнулъ, Тевкры, признайте,

448. *Эримантъ* (теп. Ксирія), горы въ Аркадіи, въ которыхъ Геркул. убилъ вепря. — 449. *Ида*; см. ст. 252. На Критѣ тоже была гора Ида. — 467. *Богу*, т. е. Эрику, который покровительствуетъ Энтеллу (ст. 392).

Что за сила была у меня при юности въ тѣлѣ,
И отъ какой отвели вы смерти спасая Дарета».
Молвилъ и сталъ противъ лба онъ быка, стоящаго противъ,
Какъ награда за бой, и, приподнявши десницу,
Крѣпкій наручень онъ опустилъ межъ роговъ въ середину,
Выпрямясь самъ, и, мозги вышибая, онъ кости расплющилъ.
Палъ безъ дыханія быкъ и дрожа повалился на землю.
Тотъ изъ груди еще слова изливаетъ такія:
«Эрикъ, вотъ лучшей душой я смерть искупаю Дарета,
Здѣсь побѣдитель, кладу и наручень я и искусство»
Тотчасъ проситъ Эней помѣряться быстрой стрѣлою
Тѣхъ, что, быть-можетъ, хотятъ, и полагаетъ награды,
И могучей рукой съ корабля Сергеста онъ мачту
Выставилъ и порхать на веревкѣ свободной голубку,
Цѣлить желѣзомъ въ нее, привѣсилъ на мачтѣ высокой.
Мужи кругомъ собрались, и ввержены жребіи были
Въ мѣдный шлемъ, и сперва при сочувственномъ возгласѣ вышелъ
Жребій ранѣе всѣхъ Гиртацида Гиппокоонта,
За которымъ Мнестей, побѣдитель недавній на морѣ,
Слѣдовалъ, былъ Мнестей зеленой увѣнчанъ оливой.
Третьимъ Эвритіонъ, твой братъ, о прославленный Пандаръ,
Ты, что, разстроить союзъ приказъ получивши когда-то,
Первый свою стрѣлу запустилъ въ середину Ахейцевъ.
Въ шлемѣ послѣднимъ на днѣ еще Ацестъ оставался,
Тоже дерзнувшій рукой испробовать трудъ молодежи.
Тутъ кривые луки выгибаютъ съ могучею силой
Мужи всякъ про себя и стрѣлы влекутъ изъ колчановъ.
Первая подъ небеса стрѣла съ тетивы задрожавшей,

483. *Лучшей душой*, такъ какъ лучше убить быка, чѣмъ принести въ жертву человѣка. — 484. Кто отказывался отъ искусства, тотъ посвящалъ свои инструменты тому богу, который былъ покровителемъ искусства.— 491. *Шлемъ*, служитъ урной, куда *ввержены жребіи* (ст. 490). — 493. *Мнестей*; см. ст. 232 сл. — 495—497. *Пандаръ*, изъ Ликіи, сынъ Ликаона, славился какъ стрѣлокъ изъ лука. По повелѣнію Аѳины, онъ пустилъ свою стрѣлу въ Менелая, чѣмъ и нарушилъ договоръ между Греками (Ахейцами) и Троянцами. Подвиги его описаны въ IV и V кн. Иліады.

У Гиртацида взлетѣвъ, у юноши, воздухъ разсѣкла,
И дошла и съ лица на мачтѣ въ древо воткнулась.
Мачта дрогнула вся, и въ испугѣ забила крылами
Птица, и все кругомъ огласилось плескомъ великимъ.
Вслѣдъ отважный Мнестей подступилъ съ натянутымъ лукомъ,
Цѣляся вверхъ, и равно стрѣлой и глазами намѣтилъ.
Только птицы самой бѣднякъ коснуться желѣзомъ
Не угодилъ; онъ узлы перервалъ и привязь льняную,
На которой ногой та съ мачты высокой висѣла;
Та, улетая на вѣтръ, подъ черную тучу помчалась.
Тутъ проворный, давно держа напряженной на лукѣ
Стрѣлу, брата призвалъ Эвритіонъ, возмоляся,
И, средь открытыхъ небесъ веселую видя голубку,
Въ черной тучѣ пронзилъ ее, что плескала крылами.
Мертвой упала она, и жизнь покинула въ звѣздномъ
Небѣ, и принесла упадая воткнутую стрѣлу.
Послѣ утраты наградъ одинъ Ацестъ оставался,
Но въ воздушную высь стрѣлу запустилъ онъ однако,
Силясь, отецъ, показать и искусство и лукъ зазвенѣвшій.
Тутъ внезапно глазамъ и съ большимъ предсказаньемъ въ грядущемъ
Чудо предстало; исходъ громадный явилъ это послѣ,
И, опоздавъ, чудеса объяснили въ испугѣ авгуры.
Ибо, въ прозрачныхъ летя облакахъ, стрѣла загорѣлась
И обозначила путь огнемъ и растаявъ исчезла
Въ воздухѣ тонкомъ совсѣмъ: такъ часто недвижныя въ небѣ

514. *Эвритіонъ* призываетъ брата, какъ великаго стрѣлка, подобно тому, какъ Энтеллъ призывалъ Эрика (ст. 483). — 521. *Искусство*, состояло въ томъ, чтобы при сильномъ звукѣ тетивы лука высоко пустить стрѣлу. Сильный звукъ лука указывалъ на его хорошія качества. — 522—524. Эней и Ацестъ считаютъ чудо хорошимъ предзнаменованіемъ (ст. 531); но они ошибаются: предсказанія испуганныхъ прорицателей о несчастіяхъ въ будущемъ (ст. 524), указываютъ на противное. На какое происшествіе, театромъ котораго должна быть Сицилія, указывается здѣсь, трудно опредѣлить. Вообще полагаютъ, что поэтъ намекаетъ на пуническія войны, возникшія изъ-за обладанія Сициліею. Неудачи, постигшія Римлянъ вначалѣ этихъ войнъ, и благопріятный ихъ исходъ соотвѣтствуютъ, повидимому, опасеніямъ прорицателей (ст. 524) и хорошимъ надеждамъ Энея (ст. 531).

Звѣзды несутся по немъ, волоса налету увлекая.
Съ потрясенной душой стояли, молясь ко всевышнимъ,
Мужи Тринакріи, какъ и Тевкры; не презрѣлъ примѣты
И великій Эней, но обнимая Ацеста
Радостнаго и покрывъ дарами великими, молвилъ:
«Вотъ бери ты, отецъ; ибо царь великій Олимпа
Знакомъ такимъ восхотѣлъ, чтобъ почетъ изо всѣхъ получилъ ты.
Даръ долголѣтняго ты самого получишь Анхиза,
Чашу съ чеканомъ, что далъ отцу Анхизу когда-то
Въ даръ великій Циссей Ѳракійскій съ тѣмъ назначеньемъ,
Чтобы память хранить о немъ и любви быть залогомъ».
Это сказавши, его вѣнчаетъ онъ лавромъ зеленымъ
И объявляетъ изъ всѣхъ побѣдителемъ первымъ Ацеста.
Добрый Эвритіонъ не завидуетъ чести предвзятой,
Хоть одинъ онъ съ небесъ высокихъ птицу низвергнулъ.
Даръ ближайшій понесъ за тѣмъ, кто привязь расторгнулъ,
А послѣдній, что трость вогналъ летучую въ мачту.
Но родитель Эней, еще состязанья не конча,
Стража и спутника же къ себѣ молодаго Іула,—
Эпитида позвалъ и въ вѣрное вымолвилъ ухо:
«Ты ступай и скажи Асканію, если сготовилъ
Мальчиковъ строй при себѣ и бѣгъ коней онъ устроилъ,
Взводы въ честь дѣда пускай онъ ведетъ и себя подъ оружьемъ
Явитъ, скажи». А самъ толпѣ изъ пространнаго цирка
Тѣсной всей онъ велитъ уйти и поле очистить.
Передъ глазами отцовъ въ одинаковомъ блескѣ вступаютъ
Мальчики на коняхъ заузданныхъ, коимъ дивится
Рукоплеща молодежь вся Тринакріи, какъ и изъ Трои.

537. *Циссей*, ѳракійскій царь, отецъ Гекубы. — 546. *Стража и спутника.* У знатныхъ Римл. было въ обычаѣ приставлять къ подростающему особыхъ гувернеровъ и гофмейстеровъ. — 547. *Эпитидъ*, сынъ Эпита, спутника Энея, II, 340. — 548. *Асканію*, Іулу, сыну Энея. — 550. Описываемый здѣсь турниръ наз. Троянскими играми. Онъ былъ впервые введенъ Суллою, затѣмъ, послѣ долгаго промежутка, возобновленъ Юл. Цезаремъ, потомкомъ Іула. При императорахъ, особенно изъ Юліева дома, Троянскія игры устраивались весьма часто.

Волосъ какъ должно у всѣхъ остриженъ и скрытъ подъ вѣнками;
По два дрота у нихъ изъ дерена сверху въ желѣзѣ;
Часть за плечами везетъ колчаны; надъ самою грудью
Золотое кольцо на шеѣ гибкое видно
Взводовъ всадниковъ трое числомъ и трое вожатыхъ
Около нихъ; въ строю одинаковомъ слѣдомъ за каждымъ
Дважды шесть мальчиковъ тутъ, при вождяхъ одинаковыхъ тоже.
Юношей строй здѣсь одинъ ликующій, коимъ предводитъ
Мальчикъ въ честь дѣда Пріамъ, Политъ преславный, твой
отпрыскъ,
Что Италовъ плодить назначенъ; въ отмѣтинахъ бѣлыхъ
Конь двушерстный подъ нимъ Ѳракійскій, переднія бабки
Бѣлыя, также и лобъ приподнятый видимо бѣлый.
Атій другой, отъ кого родъ Атіевъ шелъ у Латинцевъ,
Юный Атій, и милъ Іулу,—мальчику мальчикъ.
Ѣхалъ послѣднимъ Іулъ, изъ всѣхъ собою красивѣй,
На Сидонскомъ конѣ, что былъ блестящей Дидоной
Въ память ея подаренъ и любви служившій залогомъ.
Прочая вся молодежь на коняхъ старца Ацеста
Ѣхала.
Робкихъ, рукоплеща, встрѣчаютъ Дарданцы и рады
Видѣть и узнаютъ старинныхъ родителей лица.
Послѣ того какъ они оглядѣли въ весельи собранье
Все, и взоры своихъ, Эпитидъ приготовленнымъ подалъ
Издали голосомъ знакъ и бичемъ въ заключеніе хлопнулъ.

556. *Вѣнокъ*, помѣщался на нижней части шлема такимъ образомъ, что касался прически. — 560. Каждый *взводъ* имѣетъ своего *вожатаго* и состоитъ изъ 12 *всадниковъ*. — 562. *При вождяхъ одинаковыхъ.* Каждый полуэскадронъ имѣетъ *вождя* (шталмейстера). Обязанности вожатыхъ исполняютъ мальчики: Асканій, Пріамъ, Атій; шталмейстеры—Эпитидъ и двое другихъ, обучившихъ мальчиковъ. — 564. *Политъ*, сынъ царя Пріама, II, 526 сл. — 565. *Что Италовъ плодить назначенъ.* По одному древнему указанію (у Сервія), Политъ, отдѣлившись отъ Энея, прибылъ въ Италію, гдѣ основалъ городъ Politorium.— 568—569. *Атій другой*, подраз. *вожатый*. *Родъ Атіевъ*. Какъ при описаніи гонки судовъ, такъ и здѣсь имена римскихъ родовъ соединены съ героическимъ вѣкомъ. Атиса, родоначальника gens Atia, и Іула, родоначальника gens Julia, В. выводитъ, какъ друзей дѣтства, указывая тѣмъ на происхожденіе матери Августа изъ gens Atia. *Латинцевъ* вм. Римлямъ.

Тѣ разъѣхались врознь одинаковымъ строемъ и по три,
Отдѣленьями всѣ разойдясь, но вновь по приказу
Завернули кругомъ, обращая враждебно и копья.
Тутъ начинаютъ впередъ они бѣгать и бѣгать обратно,
Обращаются внутрь, и въ круги круги все другіе
Путаютъ и создаютъ подобіе битвы оружьемъ;
То, убѣгая, они открываютъ спины, то дроты
Обращаютъ съ враждой, то мирясь проѣзжаютъ рядами.
Какъ, говорятъ, Лабиринтъ на высокомъ Критѣ когда-то
Въ темныхъ стѣнахъ проводилъ дороги и тысячью лживыхъ
Велъ къ смущенью путей, чтобъ знаки того, кто проходитъ,
Въ незамѣтный обманъ и невозвратный вводили;
Въ бѣгѣ подобномъ тому слѣды свои дѣти и Тевкровъ
Путаютъ и въ игрѣ соплетаютъ сраженье и бѣгство,
Какъ дельфины, что вплавь по влагѣ морской разсѣкаютъ
Море Карпатское иль Либійское (въ зыби играя).
Родъ этотъ самый бѣговъ и состязанія первый,
Какъ стѣной окружилъ онъ Альбу Лонгу, Асканій
Возобновилъ, торжеству обучивши древнихъ Латиновъ,
Что онъ мальчикомъ самъ совершалъ съ молодежью Троянской;
И Албанцы своихъ научили; отсюда восприняль
Дальше великій и Римъ, отцевъ празднество сохраняя;
Троей то нынѣ слыветъ и мальчики строемъ Троянскимъ.
Игры священному въ честь родителю длились дотуда.
Тутъ Фортуна впервой измѣнила обычную вѣрность.
Какъ справляютъ холму они въ честь различныя игры,
Шлетъ Ириду съ небесъ Юнона Сатурнія къ флоту
Иліонскому, той уходящей вѣтровъ поддувая,

580—582. *Тѣ*, т. е. мальчики, выступившіе тремя взводами, раздѣлились на два равные ряда *по три* въ каждомъ и стройно разъѣхались въ противоположныя стороны. Затѣмъ, *вновь по приказу*, всѣ завернули кругомъ и, *обращая враждебно копья*, понеслись другъ противъ друга. — 595. *Карпатское*, между Родосомъ и Критомъ, отъ о-ва Carpathos. Слова: *въ зыби играя*, вѣроятно позднѣйшая приписка; ихъ нѣтъ въ Палатинскомъ кодексѣ, въ Медичейскомъ они дописаны красными чернилами. — 603. *Въ честь родителю*, т. е. въ честь Юліева дома. — 604. *Впервой*, относится только къ изложенному въ V книгѣ. — 606. *Ириду*, IV, 694. — *Юнона Сатурнія*, I, 23.

Въ сильномъ раздумьи еще не насытивъ старинной кручины.
Та ускоряя свой путь ни кѣмъ незримая быстро
Тысячецвѣтной стезей по дугѣ спускается дѣва,
Видитъ огромнѣйшій сборъ и берега озираетъ
Опустѣвшіе, портъ замѣчаетъ и флотъ, что покинутъ.
Но вдалекѣ, отдѣлясь на пустынномъ взморьѣ, Троянки
О потерѣ Анхиза рыдали и со слезами
На глубокое море смотрѣли. Ахъ! сколько усталымъ
Отмелей, сколько морей предстоитъ, вотъ голосъ всеобщій.
Города просятъ онѣ; всѣ въ морѣ труды имъ постылы.
Вотъ въ середину то ихъ, искусна вредить, опустилась
Та, и сложила съ себя богини лицо и одежду;
Стала Бероей, женой Дорикла Тмарійскаго старой,
У которой былъ родъ когда-то и имя и дѣти;
Такъ вступаетъ она въ среду матерей Дарданидовъ.
«О несчастныя мы, воскликнула, коихъ Ахейскій
Строй на войнѣ не увлекъ подъ стѣнами родимыми къ смерти
Бѣдственный родъ, для какой тебя гибели рокъ сохраняетъ?
Лѣто седьмое уже съ разрушенія Трои проходитъ,
Что по водамъ, по землямъ мы столькимъ, по дикимъ утесамъ
И небесамъ побывавъ все плаваемъ, какъ устремились
За бѣгущей Италіей моремъ, носимы волнами.
Эрика братскій вотъ здѣсь предѣлъ и пріютъ у Ацеста.
Стѣнъ чего жъ не сложить, не дать столицы гражданамъ?

608. *Не насытивъ кручины*; см. I, 23—28, гдѣ указаны причины вражды Юноны къ Троянцамъ. — 606—610. *Та дѣва*, Ирида, см. IV, 700—701. — 613. Женщины, которыя по древнему обычаю не присутствовали на играхъ сидѣли вдали, на *пустынномъ взморьѣ*. — 620. *Тмарійскаго*. Tmarus, гора въ Эпирѣ, вблизи Додоны. — 626. Въ концѣ 6 года странствованій умеръ Анхизъ (III, 708—14). Въ началѣ 7 года Эней пытался въ первый разъ достигнуть Италіи изъ Сициліи. Но буря (I, 82—158) занесла его въ Карѳагенъ. Тамъ Эней провелъ лѣто и часть зимы. Еще предъ наступленіемъ благопріятнаго времени года (IV, 309—310 и 430), онъ пустился въ обратный путь и, спустя почти годъ по смерти отца, онъ вторично прибылъ въ Сицилію (V, 46). Окончаніе игръ въ честь Анхиза послѣдовало такимъ образомъ въ самомъ концѣ 7 года странствованій. — 628. *И небесамъ побывавъ*. Подобно морякамъ, и женщины тоскливо взираютъ на звѣзды, которыя должны указывать путь къ конечной цѣли. — 629. *За бѣгущей Италіей*; см. III, 496.

О отчизна, и вы, спасенные тщетно Пенаты,
Неужели же стѣнъ не помянутъ Троянскихъ? Иль мнѣ ужъ
Гекторскихъ рѣкъ никогда Симоиса и Ксанѳа не видѣть?
Лучше пойдемте, сожжемъ кормы злополучныя вмѣстѣ.
Ибо вѣщій мнѣ ликъ Кассандры, во снѣ показалось,
Факеловъ пылкихъ давалъ: «здѣсь Трою ищите, сказала,
Здѣсь вамъ дастся и домъ». Ужъ время для дѣйствій,—задержки
Нѣтъ предвѣщаньямъ такимъ. И вотъ четыре Нептуну
Алтаря; и самъ богъ и факелъ даетъ и отвагу».
Первая, такъ говоря, зловредный огонь ухватила
И, поднявши его рукой, съ усильемъ далеко
Бросила, размахнувъ. Возбудились душой Иліонки,
Въ нихъ изумились сердца; одна изо всѣхъ ихъ постарше,—
Пирга, столькихъ сыновъ Пріама бывшая няня:
«Не Берoя то вамъ: не Ретейская, матери, это
Здѣсь Дорикла жена; небесной красы вы примѣты
И пламенѣющій взоръ замѣтьте; какая въ ней сила,
Ликъ какой у нея, и голоса звукъ, и походка.
Я сама уходя оставила прежде Берою
Въ недугѣ гнѣвной на то, что она, одна на поминкахъ
Не побывавъ, не воздастъ Анхизу почести должной».
Такъ сказала.
Матери же сперва въ раздуміи злыми глазами
Смотрятъ на корабли, колеблясь межъ жалкой любовью
Къ этой землѣ и страной, гдѣ судьбы призываютъ на царство:
Тутъ богиня уже поднялась на крылахъ равномѣрныхъ
Къ небу, подъ тучами бѣгъ по громадной дугѣ устремляя.
Чудомъ тутъ сражены и съ возбужденнымъ безумствомъ
Восклицаютъ онѣ и огня съ очаговъ похищаютъ.
Часть, обобравъ алтари, листвы, хворосту и подтопокъ

633. *Троянскихъ.* Новыя поселенія назывались именами покинутаго отечества; см. III, 302—349. — 636. *Кассандры,* II, 246—403 сл. — 639—640. Мысль: при столь замѣчательномъ предзнаменованіи, какъ явленіе Кассандры, медлить нельзя.—*Алтари* были воздвигнуты предъ гонкою судовъ.—*Богъ,* Нептунъ.— 646. *Ретейская* (Троянская) отъ Rhoeteum, мыса въ Троадѣ. — 660. *Съ очаговъ,* пылавшихъ на жертвенникахъ сицилійскихъ домовъ. — 661. *Алтари,* ст. 639.

Въ кучу бросаютъ. Волканъ свирѣпствуетъ, вожжи ослабя,
Средь скамеекъ и веслъ, по кормамъ живописнымъ еловымъ.
Вѣсть къ Анхиза холму и на мѣста по театру
О зажженныхъ судахъ приноситъ Эвменъ, да и сами
Видятъ пепелъ они, встающій облакомъ чернымъ.
Первый Асканій, какъ велъ въ веселіи бѣгъ онъ верховый,
Бросился ревностно такъ на конѣ въ растревоженный лагерь,
И не въ силахъ его, задыхаясь, удерживать дядьки.
«Что за безумство тутъ вновь? Куда, куда вы стремитесь,
Бѣдныя, онъ возопилъ, гражданки? Вы не Аргивскій
Лагерь палите враговъ, а свои надежды. Вотъ здѣсь я,
Вашъ Асканій»! И шлемъ пустой онъ подъ ноги бросилъ,
Коимъ, покрытъ при игрѣ, подобье войны представлялъ онъ:
Вмѣстѣ спѣшитъ и Эней, и вмѣстѣ дружины и Тевкровъ.
Тѣ же въ страхѣ бѣгутъ по берегу прочь вразсыпную,
И лѣсовъ и пещеръ по утесамъ какихъ либо ищутъ
Тайно; имъ стыдно и дѣлъ начатыхъ и свѣта, опомнясь,
Узнаютъ и своихъ, и исчезла изъ сердца Юнона.
Но оттого своихъ силъ неподатливыхъ пламя пожара
Не потеряло еще; подъ мокрымъ дубомъ таится
Пакля, медленный дымъ испуская, и жаръ понемногу
Ѣстъ корабли, и по всѣмъ составамъ гибель нисходитъ,
Ни усилье мужей, ни влитая вода не спасаютъ.
Благочестивый Эней тогда срываетъ одежду
Съ плечъ и въ помощь боговъ призываетъ и длани возноситъ:
«О всемогущій Зевесъ, если ты не сталъ ненавидѣть
Всѣхъ Троянъ заодно, коль благость, какъ древле, взираетъ
На людскіе труды, дай флоту избѣгнуть пожара
Нынѣ, отецъ, и исхить изъ гибели Тевкровъ пожитки.

662. *Волканъ*, т. е. пожаръ. — 663. *Живописнымъ*. Уже въ древнѣйшее время было въ обыкновеніи окрашивать корабли. — 664. *Мѣста по театру*. Рѣчь идетъ о мѣстности въ родѣ амфитеатра, на которой размѣстились зрители троянскихъ игръ (ст. 287—290; 551). — 669. *Дядьки;* см. ст. 562. — 673. *Пустой*, т. е. снятый съ головы. — 676. *Тѣ же*, Троянки. — 679. *Исчезла изъ сердца Юнона*. Онѣ стряхнули съ себя Юнону, т. е. освободились отъ ея навѣтовъ, отъ внушеннаго имъ безумія. — 685. *Срываетъ одежду*, какъ знакъ ужаса и отчаянія, что извѣстно изъ древняго Завѣта. — 688. *Благость*, заключающаяся въ справедливости и состраданіи; см. II, 536; IV, 382.

Иль ты уже до конца враждебною молніей смерти,
Коль заслужилъ я, предай и твоей сокруши тутъ десницей».
Только сказалъ, и уже съ дождемъ проливнымъ безъ пощады
Черная буря реветъ, и подъ громами трепещутъ
Горы земель и поля; низвергается съ цѣлаго неба
Бурнымъ потокомъ вода, отъ вѣтровъ упорныхъ чернѣя.
Кормы до верха полны; и обгорѣлыя мокнутъ
Бревна, доколь не угасъ весь жаръ, и отъ гибели, кромѣ
Лишь четырехъ кораблей, не избавились всѣ остальные.
Но родитель Эней, бѣдою злой потрясенный,
То туда, то сюда въ груди тяжелыя думы
Перебирая мѣнялъ, остаться ль въ поляхъ Сикулійскихъ,
Позабывая судьбы, иль въ край Италійскій стремиться.
Навтъ, за этимъ старикъ, кого Тритонида Паллада,
Одного научивъ, прославила знаньемъ великимъ—
Тутъ отвѣты давалъ иль о томъ, на что простирался
Гнѣвъ великій боговъ, или что судьбы устрояли—
Онъ же сталъ утѣшать Энея такими словами:
«Сынъ богини, пойдемъ, какъ судьбы ведутъ и уводятъ;
Что тамъ ни будь, а должны одолѣть мы жребій терпѣньемъ.
Есть у тебя отъ боговъ исшедшій Ацестъ Дарданіецъ:
Вотъ по согласью его ты съ нимъ сообщись для совѣтовъ;
Ты ему передай вотъ тѣхъ, что остались съ погибшихъ
Кораблей и кому твоихъ дѣлъ начинаніе въ тягость.
Древнихъ ему отбери стариковъ и измученнымъ моремъ
Ты матерей и все то у тебя, что безсильно и робко,
И на этой землѣ пусть явятся стѣны усталымъ;
Городъ они назовутъ, испросивъ названье, Ацестой».

699. Сожженіе троянскими женщинами флота не выдумка Вергилія, но историческій фактъ, на который указываетъ греч. историкъ конца I вѣка до Р. Хр. Діонизій Галикарнасскій (въ своемъ сочиненіи Римскія древности, кн. I, гл. 52) и другіе историки. — 704. *Тритонида*, эпитетъ Минервы, родившейся, по одному сказанію, возлѣ либійскаго оз. Тритона, по другому—у бэотійскаго ручья Тритонъ. Какъ богиня мудрости, Паллада могла надѣлять людей даромъ предвидѣнія. — 718. Эней долженъ предоставить Ацесту честь дать названіе городу. — *Ацеста*, позднѣе Segesta, находилась на Monte — Barbaro, возлѣ теперешняго Castellamare di Golfo, служившаго, вѣроятно, гаванью для Сегесты.

Стараго друга такой воспламеняемый рѣчью,
Онъ однако въ душѣ предается всякимъ заботамъ.
Черная ночь, на коняхъ вскативъ, всю твердь обнимала;
Видимъ, что сходитъ тогда родителя образъ Анхиза
Съ неба нежданно и вотъ такія слова изливаетъ:
«Сынъ мой, что нѣкогда былъ, доколѣ жизнь оставалась,
Жизни милѣй мнѣ, о сынъ, Иліонской судьбой искушенный,
Волей Зевеса я тутъ, который пламя на флотѣ
Унялъ и наконецъ пожалѣлъ съ высокаго неба.
Слушай совѣтовъ, тебѣ что даетъ прекрасно такъ старецъ
Навтъ; въ Италію ты веди храбрѣйшія души
Избранныхъ юношей. Родъ жестокій и нравами грубый,
Въ Лаціи вамъ воевать; но сперва къ подземнымъ жилищамъ
Дисовымъ ты низойди и, Авернъ перешедши глубокій,
Сынъ, ко мнѣ поспѣшай. Вѣдь не въ Тартарѣ я нечестивомъ
Иль средь печальныхъ тѣней, а я обитаю Элизій,
Добрыхъ отрадный соборъ. Туда-то дѣва Сивилла
Кровью обильной тебя животныхъ черныхъ направитъ.
Тутъ весь родъ свой и гдѣ дадутъ тебѣ стѣны,—узнаешь.
Но прости уже; бѣгъ съ половины ночь влажная клонитъ,

721. Поэты изображаютъ богиню ночи на колесницѣ, везомой парой или четверкою коней. Вечеромъ она поднимается изъ океана навстрѣчу заходящему солнцу (Овид. Превр., IV, 92) и пускается въ путь; достигнувъ въ полночь высшей точки пути, она къ утру спускается внизъ и передъ разсвѣтомъ, на востокѣ, погружается въ океанъ (Эн., II, 8). — 732. *Дисовы*, IV, 702.—*Авернъ*, въ Кампаніи (н. Lago d'Averno), названное такъ отъ α, безъ и ὄρνις, птица, потому что воды его были столь вонючи и заразительны, что птицы, пролетавшія надъ ними, задыхались и падали; кругомъ озера, окруженнаго темными лѣсами, подымались сѣрныя испаренія. Это подало поводъ къ баснѣ, что близъ Ав. озера находится входъ въ преисподнюю (III, 386—442). Такъ въ VI кн. (ст. 237, сл. 262) Эней чрезъ этотъ входъ проникаетъ съ Сивиллою въ царство Плутона. Августъ разсѣялъ эти ужасы основаніемъ Юліевой гавани и соединеніемъ Ав. озера съ Лукринскимъ. Теперь берега озера покрыты роскошными фруктовыми садами. Одна изъ южныхъ пещеръ озера и теперь называется пещерою Сивиллы или grotta d'Averno, которую и разумѣетъ Вергилій въ нашемъ мѣстѣ. — 733. *Тартара*, IV, 143; VI, 135.—734. *Элизій*; см. VI, 637 сл. — 735. *Сивилла*, III, 443 сл.; VI, 11. — 736. *Черныхъ*, IV, 385; V, 97. — *Направитъ*. Это совершается въ VI кн. ст. 243 сл. — *Кровь* является средствомъ, отверзающимъ преисподнюю.

И востокъ на меня коней своихъ пышетъ дыханьемъ».
Рекъ и прозрачный бѣжитъ и какъ дымъ на воздухѣ таетъ.
«Ты, восклицаетъ Эней, куда же? Куда устремился?
Отъ кого ты бѣжишь? Кѣмъ исторгнутъ изъ нашихъ объятій?»
Пепелъ, такъ говоря, и уснувшее будитъ онъ пламя,
И Пергамскихъ онъ ларъ и древней Весты святыню
Чистую чтитъ при мольбѣ мукой и обильнымъ куреньемъ.
Тотчасъ товарищей и во-первыхъ позвалъ онъ Ацеста
И Зевеса приказъ и отца дорогаго завѣты
Передаетъ и въ душѣ какое рѣшеніе стало.
Тотчасъ идутъ на совѣтъ, и Ацестъ не отвергъ повелѣній.
Къ городу всѣхъ приписавъ матерей, оставляютъ охочій
Людъ, у кого на душѣ нѣтъ къ славѣ великой стремленья.
Сами чинятъ скамьи и бревна, что глоданы жаромъ,
Перемѣняютъ въ судахъ и ладятъ канаты и весла.
Мало ихъ стало числомъ, но войною кипѣла въ нихъ доблесть.
Плугомъ городъ межъ тѣмъ Эней обходя означаетъ,
Жребій кидая домовъ. Тамъ Трои, а тутъ Иліона
Мѣсту рѣшаетъ онъ быть; Троянецъ Ацестъ веселится
Царствомъ и Форумъ отцамъ, и право даетъ онъ избраннымъ.
Тутъ на близкой звѣздамъ Эрицинской вершинѣ Венерѣ
Идалійской престолъ слагаютъ и тутъ учреждаютъ
Надъ Анхиза холмомъ и жреца и священную рощу.
Девять ужъ дней пировалъ весь народъ, алтарямъ воздавали

739. *Востокъ*, т. е. разсвѣтъ, при появленіи котораго исчезаютъ тѣни усопшихъ. — 744. *Пергамскихъ ларъ*, взятыхъ во время бѣгства изъ Трои, II, 717.—*Веста* была *древнею* богинею Римлянъ; она считалась богинею домашняго очага и вмѣстѣ съ пенатами покровительницею дома (II, 292). Изображеніе Весты хранилось во внутренней части дома. — 745. Священною *мукой* (IV, 517) и куреніемъ ѳиміама почитали ларовъ и пенатовъ. — 755. Бороздой обозначали предѣлъ города, предназначеннаго къ постройкѣ; I, 425; VII, 157.— 756. *Иліонъ* городъ, *Троя* окрестность. — 758. Ацестъ назначаетъ и время и мѣсто для производства дѣлъ и приглашеннымъ старѣйшинамъ, *отцамъ*, указываетъ ихъ права и обязанности. — 759. *Эрицинской*, отъ *Эрика*, сына Венеры, отъ имени котораго получила названіе гора на С.-З. оконечности Сициліи (I, 570). Воздвигнутый тамъ храмъ Венеры былъ весьма почитаемъ Римлянами, Венера же получила названіе Erycina. — 760. *Идалійской*, Кипрійской; см. I, 68.

Почесть; и вѣтры, легко повѣвая, сравняли пучину,
И засвѣжѣвши опять призываетъ на море Австеръ.
Тутъ на кривыхъ берегахъ великій плачь возникаетъ;
И другъ друга обнявъ они день и ночь пребываютъ.
Жены сами и тѣ, для кого когда-то былъ страшенъ
Моря ликъ и одно невыносимо ужъ имя,
Плыть хотятъ и сносить переѣзда всякую тягость.
Ихъ благодушный Эней утѣшаетъ дружеской рѣчью
И родному въ слезахъ препоручаетъ Ацесту.
Эрику трехъ онъ тельцовъ велитъ, а Бурямъ ягницу
Тутъ заколоть и затѣмъ отрѣшить по порядку канаты.
Самъ, увѣнчавши главу обрѣзанной вѣтвью оливы,
Съ кубкомъ сталъ на носу вдали и въ соленыя волны
Мечетъ утробу, затѣмъ выливаетъ текучія вина.
Вѣтеръ, возникши съ кормы, препровождаетъ плывущихъ;
Спутники взапуски бьютъ по волнамъ и влагу взметаютъ.
А Венера межъ тѣмъ, томима заботой, къ Нептуну
Рѣчь обращая, въ такихъ изливаетъ жалобахъ душу:
«Тяжкій Юнонинъ гнѣвъ и ненасытное сердце
Нудятъ меня, о Нептунъ, нисходить до крайнихъ моленій;
Ни теченіе дней, ни смиренье ее не смягчаютъ,
Волѣ Зевеса она и судьбамъ покорясь не сдается.
Мало ей городъ сгубить изъ среды Фригійскаго рода
Злобой преступной, его проводя черезъ всякія казни;
Трои погибшей она останки и пепелъ и кости
Гонитъ. Неистовствъ такихъ одной ей ужъ вѣдать причину.
Самъ ты свидѣтелемъ былъ недавно въ водахъ мнѣ Либійскихъ,
Что за бурю она подняла: съ небесами пучину
Всю смѣшавъ, но вотще положилась на вѣтры Эола,

772. *Бурямъ ягницу*, III, 120. — 774. *Обрѣзанной вѣтвью оливы*, т. е. вѣнкомъ, листья котораго подстрижены, подрѣзаны подъ одну линію. — 777—78. Стихи эти повторены изъ III, 130, 290. — 782. Зная нерасположеніе Нептуна къ Троянцамъ (II, 610 сл.), Венерѣ стоитъ много труда упрашивать его. — 783. *Ее*, Юнону. — 789—90. Венера намекаетъ на бурю, настигшую Энея на пути въ Италію; см. I, 50 сл. — 791. *Вотще*, такъ какъ буря, поднятая богомъ вѣтровъ Эоломъ (I, 56) была усмирена своевременно Нептуномъ (I, 132 sq.) и не причинила особаго вреда Энею.

Въ царствѣ твоемъ на такое дерзнувъ.
Вотъ на злодѣйство еще Троянскихъ женъ побудивши,
Гнусно сожгла корабли и принудила флота утратой
Изъ дружины мужей на землѣ невѣдомой бросить.
Просьбой послѣдней молю, даруй переѣздъ безопасный
Черезъ волны, даруй Лаврентинскаго Тибра достигнуть,
Коль о возможномъ прошу, коль Парки тѣ стѣны даруютъ».
Тутъ укротитель морей глубокихъ промолвилъ, Сатурній:
«Слѣдъ, Цитерея, вполнѣ моему тебѣ царству ввѣряться,
Родомъ отколь ты сама. Да и я заслужилъ; ибо часто
Гнѣвъ такой усмирялъ и неистовство неба и моря.
И на землѣ я пекусь, мнѣ Ксанѳъ съ Симоисомъ свидѣтель,
Объ Энеѣ твоемъ не меньше. Когда, за Троянской
Ратью гонясь, Ахиллесъ прижималъ изнуренную къ стѣнамъ,
Многія тысячи въ смерть повергалъ и стонали, наполнясь,
Рѣки, и отыскать пути и въ море излиться
Ксанѳъ не могъ, я тогда съ Пелидомъ, въ схваткѣ могучимъ,
Видя Энея, его по богамъ и по силамъ не ровню
Въ облакѣ поломъ умчалъ, хотя бы желалъ ниспровергнуть
Стѣны, моею рукою созданныя Трои лукавой
Да и понынѣ все тѣ жъ мои мысли; страхъ изгони ты:
Цѣлъ, какъ ты просишь о томъ, достигнетъ онъ порта Аверна.
Будетъ только одинъ, чью гибель въ пучинѣ оплачешь;
Только одна голова за многихъ отвѣтитъ».
Какъ богини онъ грудь успокоилъ такими словами,

797. *Лаврентинскій*, такъ какъ *Тибръ* омываетъ поля города Laurentum, столицы Латина. — 798. *Парки*, I, 22. — 799. *Сатурній*, Нептунъ, какъ сынъ Сатурна. — 800. *Цитерея*, I, 257. — 801. *Часто.* Буря три раза постигала Энея (I, 125; III, 192; V, 10); спастись онъ могъ только при помощи Нептуна. — 803. *Ксанѳъ съ Симоисомъ*, I, 100; V, 634. — 807—808. *Въ море излиться Ксанѳъ не могъ.* У Гомера (Иліад. XXI, 218) Ксанѳъ жалуется Ахиллу, что трупы препятствуютъ его теченію. — 809. Эней напалъ на Ахилла по напущенію Аполлона. Но боги и силы Энея не благопріятствовали его борьбѣ (Иліад. XX, 318—339). — 811. *Трои лукавой*, см. II, 625; IV, 542. — 813. *Порта Аверна*, т. е. берега Кумъ, возлѣ которыхъ находится Авернское озеро; V, 732; VI, 2. — 814. *Одинъ*, именно Палинуръ, ст. 854 сл. — 815. *Отвѣтитъ*, такъ какъ враждебныя божества требуютъ человѣч. жертвы.

Въ золото впрягъ тутъ коней отецъ и, добавя животнымъ
Въ пѣнѣ еще удила, изъ рукъ всѣ бразды опустилъ онъ.
Мчится легко по поверхности водъ въ голубой колесницѣ;
Опадаетъ волна, и подъ осью гремящей пучина
Стелется влагой своей, разбѣгаются по небу тучи.
Спутниковъ лики тутъ всѣ, киты огромные, древній
Главка соборъ и при немъ рожденный отъ Ино Палемонъ,
Быстрыхъ Тритоновъ семья и Форка все воинство тутъ же;
Слѣва Ѳетида, за ней Панопея дѣва съ Мелитой
И Низея, и Спіо, и съ Кимодоцеей Талія.
  Тутъ къ Энею отцу опять въ тревожную душу
Радость ласкаясь вошла; велитъ поскорѣе поднять онъ
Мачты всѣ, паруса растянуть широко по реямъ.
Тянутъ всѣ разомъ канатъ и попускаютъ то справа,
То и слѣва холсту вздуваться; ворочаютъ сразу
Райны туда и сюда; флотъ мчатъ подходящіе вѣтры.
Всѣхъ впереди Палинуръ управляетъ тѣсною ратью;
Велѣно всѣмъ остальнымъ по немъ въ пути направляться.
Влажная ночь ужъ почти половину небесной дороги
Достигала; пловцы у веселъ на твердыхъ сидѣньяхъ
Въ мирномъ покоѣ свои распускали ослабшіе члены;

817. *Въ золото*, въ золотое ярмо.—*Отецъ*, Нептунъ. — 820. Одно появленіе Нептуна на поверхности моря успокаиваетъ волны; см. I, 147. — 821. Гладкой поверхности моря соотвѣтствуетъ весь необъятный просторъ прояснившагося неба. — 823. *Главкъ*, бэотійскій рыбакъ, который, вытащивъ мрежею на берегъ рыбу, замѣтилъ, что она отъ прикосновенія къ какой-то травѣ устремилась въ воду, и желая удостовѣриться въ свойствѣ травы, рѣшился отвѣдать ея, послѣ чего самъ бросился въ море и съ тѣхъ поръ былъ почитаемъ за морскаго бога; Овид. Превр. VII, 233; XIII, 903—965.—*Древній соборъ*, т. е. сонмъ морскихъ боговъ, которыхъ представляли въ образѣ стариковъ.—*Палемонъ*, сынъ Ино, дочери ѳивск. царя Кадма. Спасаясь отъ преслѣдованій своего мужа Атамаса, Ино вмѣстѣ съ сыномъ бросилась въ море, послѣ чего ихъ признали за морскихъ боговъ; Овид. Превр. IV, 416 сл. — 824. *Тритоновъ семья* (см. I, 144; V, 240).—*Форка воинство*, ст. 241. — 825—826. *Ѳетида, Панопея* и др. морскія божества, Нереиды—*Ѳетида*, мать Ахилла.—*Панопея дѣва*, упоминалась выше, ст. 240. — 830—832. Здѣсь разумѣются веревки, съ помощью которыхъ съ той, либо другой стороны распускаютъ паруса. Эней лавируетъ вправо и влѣво, придерживаясь, по обыкновенію древнихъ, близко берега. — 833. *Палинуръ*, III, 202; V, 12. — 834. *По немъ*, т. е. слѣдуя ему.

Какъ отъ небесныхъ свѣтилъ нисшедшій Сонъ легкокрылый
Темный воздухъ разсѣкъ, и къ тебѣ, Палинуръ, поспѣшая,
Тѣни разсѣялъ, тебѣ принося печальныя грезы,
Неповинному; и на кормѣ усѣвшись высокой,
Богъ, на Форбанта похожъ, изъ устъ эту рѣчь испускаетъ:
«О Іазидъ Палинуръ, корабли само море уноситъ;
Вѣтръ уравнявшись задулъ: для отдыха часъ тебѣ вышелъ.
Голову ты преклони и очей не труди утомленныхъ.
Самъ я вмѣсто тебя, пожалуй, вступлю въ твою должность».
Еле глаза приподнявъ, Палинуръ на это отвѣтилъ:
«Мнѣ ли велишь ты не знать лица безмятежной пучины
И успокоенныхъ волнъ? Чудовищу стану ли вѣрить?
Какъ же Энея-то я обманчивымъ вѣтрамъ довѣрю,
Столько обманутый разъ коварствомъ яснаго неба?»
Такъ давалъ онъ отвѣтъ и руля, какъ прильнулъ и приникнулъ,
Не отпускалъ ни на мигъ, вперяясь очами въ свѣтила.
Богъ же Летейской росой отягченную вѣтвь и Стигійской
Силой снабженную сна къ обоимъ вискамъ приближаетъ
И противъ воли ему смежаетъ поплывшія очи.
Только что члены его разрѣшились нежданнымъ покоемъ:
Сверху тогда навалясь и часть кормы оторвавши,
Вмѣстѣ съ рулемъ онъ его бросаетъ въ текущія волны
Внизъ головой, хоть къ друзьямъ напрасно и часто взывалъ онъ.
Самъ же, летя на крылахъ, поднялся на воздухъ прозрачный.
Вѣрнымъ все также путемъ несется флотъ по пучинѣ,
При обѣщаньи отца Нептуна не вѣдая страха.
Вотъ ужъ къ утесамъ Сиренъ подплывая они приближались,

838. *Сонъ*, сынъ Ночи и братъ Смерти. — 842. *Форбантъ*, одинъ изъ Троянцевъ. — 849. *Чудовищу*, т. е. обманчивому спокойствію моря. — 854. *Летейской*, отъ Леты, рѣки въ преисподнемъ царствѣ, изъ которой умершіе пьютъ забвеніе (λήθη) всего прошедшаго (VI, 749). Такъ какъ сонъ производитъ подобное дѣйствіе, то предъ жилищемъ бога Сна (ст. 838) протекалъ источникъ летской воды, которою смочена *вѣтвь*. — 855—856. *Стигійской силой*, т. е. смертью. — 860. Дальнѣйшую судьбу свою Палинуръ разсказываетъ въ VI кн. ст. 337—383. — 864. *Утесы Сиренъ*, три небольшіе скалистые острова у юго-зап. берега Кампаніи въ Салернскомъ заливѣ, между Сорренто и Капреями. *Сирены*, по сказанію, рыбы съ женскими головами, на южномъ берегу Италіи.

Страшнымъ когда-то, и все костями обильными бѣлымъ.
Скалы глухія вдали непрестаннымъ прибоемъ звучали,
Какъ замѣтилъ отецъ, что, съ утратою кормчаго, судно
Стало шатаясь блуждать, и самъ по ночнымъ его волнамъ
Правитъ, много стеня и друга судьбой потрясенный:
«О, черезчуръ небесамъ и ясному небу довѣрясь,
Будешь нагимъ ты лежать, Палинуръ, на пескѣ неизвѣстномъ».

Пѣніемъ своимъ онѣ привлекали плывшихъ мимо и убивали. См. извѣстный разсказъ у Гомера, Одисс. XII, 39—46. — 865. *Когда-то*, въ прежнее время (въ противоположность временамъ Вергилія). — 868. *Шатаясь блуждать*, вслѣдствіе прибоя волнъ къ подводнымъ скаламъ. — 871. *Нагимъ*, здѣсь въ смыслѣ непогребеннымъ (insepultus), что у древнихъ считалось верхомъ несчастья, обрекая душу умершаго на безконечное скитанье: см. VI, 365 сл. — *На пескѣ неизвѣстномъ*, т. е. на чужомъ, песчаномъ берегу, выброшенный волнами. Одна изъ западн. оконечностей Луканіи еще теперь называется мысомъ Палинура.

ЭНЕИДА

КНИГА ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ ШЕСТОЙ.

Эней пристаетъ къ берегамъ Италіи. — Жрица Сивилла. — Эней въ преисподней.

Ст. 1—41. Эней, приставъ къ берегамъ Кумъ, отправляется въ храмъ Аполлона, построенный Дедаломъ.—Встрѣча съ Сивиллою. 42—76. Молитва Энея. 77—97. Оракулъ Сивиллы. 98—155. Эней проситъ у Сивиллы позволенія повидаться съ тѣнью Анхиза. Жрица, представивъ ему трудность этого свиданія, приготовляетъ его къ сошествію въ адъ. 156—211. Погребеніе Мизена. Эней обрѣтаетъ золотую вѣтку. 212 — 235. Погребеніе Мизена. 236—263. Эней и Сивилла, предъ сошествіемъ въ адъ, приносятъ жертву Прозерпинѣ. 264 — 294. Обращеніе къ богамъ преисподней.—Входъ въ адъ. 295—336. Души умершихъ у Ахеронта.—Харонъ. 337—383. Палинуръ разсказываетъ свою судьбу и молитъ о погребеніи. 384 — 416. Харонъ перевозитъ Энея. 417 — 425. Церберъ. 426 — 547. Царство Миноса, составленное изъ 5 отдѣловъ. 426—429. 1-й отдѣлъ. Тѣни малолѣтнихъ дѣтей. 430 — 433. 2-й отдѣлъ. Несправедливо приговоренные къ смерти. 434 — 439. 3-й отдѣлъ. Самоубійцы. 440 — 476. 4-й отдѣлъ. Жертвы любви. — Встрѣча съ Дидоною. 477 — 547. 5-й отдѣлъ. Тѣни героевъ. 548 — 627. Тартаръ. 628 — 636. Эней подноситъ вѣтку Прозерпинѣ. 637 — 678. Элизій. 679—755. Эней находитъ Анхиза, который объясняетъ ему различные переходы и жилища душъ послѣ смерти. 756 — 776. Анхизъ приводитъ передъ глазами Энея рядъ его потомковъ. 777—787. Ромулъ, какъ основатель Рима. 788 — 807. Цезарь Августъ, второй основатель государства. 808—817. Группа римскихъ царей. 818 — 825. Группа древнихъ республиканцевъ. 826—835. Цезарь и Помпей. 836—846. Новая группа знаменитыхъ Римлянъ. 847—853. Опредѣленіе Рима. 854 — 885. Марцеллъ 886—901. Возвращеніе Энея изъ преисподней.

ЭНЕИДА

П. ВЕРГИЛІЯ МАРОНА.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Такъ говоритъ онъ въ слезахъ и флоту бразды отпускаетъ
И наконецъ къ берегамъ Эвбейскихъ Кумъ привалилъ онъ.
Передомъ къ морю кружа, на цѣпкихъ якоря зубьяхъ
Стали тогда корабли и берегъ кормами кривыми
Окаймляютъ. Мужей строй пылкій на Гесперійскій
Прыгаетъ берегъ; одни добываютъ пламени сѣмя,
Скрытое въ жилахъ кремня, другіе кусты расхищаютъ,
Частые кровы звѣрей, и найденные кажутъ потоки.
Благочестивый Эней же къ вершинамъ, гдѣ властвуетъ вышній
Аполлонъ и вдаль къ тайнику ужасной Сивиллы,

1. *Такъ говоритъ онъ въ слезахъ.* Слова эти указываютъ на послѣдніе стихи V книги.—*Бразды* вм. паруса; флотъ быстро несется къ берегу. — 2. *Наконецъ*, т. е. послѣ столькихъ превратностей судьбы. — *Эвбейскихъ Кумъ.* Кумы были основаны выходцами изъ Халкиды на Эвбеѣ. — 3. Корабли обращены *передомъ* къ морю, чтобы въ случаѣ необходимости отплыть поскорѣе. — 5. *Гесперійскій*, италійскій. — 9. *Къ вершинамъ*, т. е. къ возвышенностямъ, на которыхъ лежали Кумы.—*Вышній*, могущественный. — 10. *Аполлонъ* вм. храмъ Аполлона, который, вмѣстѣ съ *тайникомъ* (пещерой) *Сивиллы* и рощей Гекаты (Тривіи, ст. 13; см. IV, 511), издали виднѣлся съ берега, къ которому присталъ Эней.—*Ужасной*, т. е. внушающей священный трепетъ.—*Сивилла*, т. е. пророчица, иначе *Деифоба*, дочь прорицателя, морскаго бога Главка (ст. 36), жрица Аполлона и Гекаты. Изреченія свои она писала на пальмовыхъ листьяхъ (III, 445 сл.), къ ней относятъ преданіе о Сивиллинскихъ книгахъ, предложен-

Къ страшному гроту идетъ,—ей Делій вѣщунъ вдохновляетъ
Умъ великій и духъ, грядущее все открывая.
Къ Тривіи въ рощу они къ золотому чертогу приходятъ.
Есть молва, что Дедалъ, уходя изъ Миносова царства,
На проворныхъ крылахъ дерзнувъ довѣриться небу,
Необычайнымъ путемъ ко льдистой Медвѣдицѣ выплылъ,
И, паря, наконецъ надъ Халкидскою сталъ онъ вершиной.
Здѣсь, впервые землѣ возвращенный, тебѣ посвятилъ онъ
Весла крылатыя, Фебъ, и воздвигъ огромные храмы.
Андрогея тутъ смерть на вратахъ; терпѣть наказанье
Кекропидамъ—увы! приговоръ—семь жертвъ ежегодно
Ихъ сыновъ; и стоитъ при вынутыхъ жребіяхъ урна.
Вставши изъ моря земля насупротивъ Гносская прямо:
Тутъ ужасная страсть къ быку и скрытное ложе
Пазифаи и смѣшанный родъ и двувидное чадо—

ныхъ Тарքв. Гордому (см. ст. 71). — 11. *Делій вѣщунъ*, т. е. Аполлонъ, который изъ устъ Зевса сообщаетъ людямъ предсказанія судьбы (III. 251). — 13. *Къ золотому чертогу*, къ храму Аполлона, построенному Дедаломъ (ст. 14 сл.).—14. *Дедалъ*, Аѳинянинъ, современникъ Тезея, славился въ древности какъ знаменитый художникъ и механикъ. Изъ художнической ревности онъ убилъ своего племянника Пердикса и, боясь преслѣдованія суда, бѣжалъ въ Критъ, къ царю Миносу, для котораго построилъ огромный дворецъ, лабиринтъ. Такъ какъ Дедалъ далъ Аріаднѣ нить, съ которою Тезей оріентировался въ ходахъ лабиринта (см. пр. къ ст. 20), то онъ былъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ *Икаромъ* (ст. 31) заключенъ въ лабиринтъ. Рѣшившись бѣжать, Дедалъ сдѣлалъ крылья и вмѣстѣ съ сыномъ полетѣлъ чрезъ море. Во время этого полета Икаръ поднялся такъ высоко, что теплота солнца растопила воскъ, которымъ были склеены перья; онъ упалъ въ море и утонулъ (Овид. Превр. VIII, 183 сл.). Дедалъ же, по сказанію, сохраненному Вергиліемъ, прибылъ въ Кумы, гдѣ построилъ храмъ Аполлону. — 16. *Льдистой*. Большая и малая *Медвѣдицы* находятся въ сѣверн. части неба; см. I, 744. — 17. *Халкидскою* ст. 2. — 19. *Весла крылатыя*, согласно обычаю, указанному V, 484. — 20—22. На обѣихъ дверныхъ половинкахъ изображено 4 сцены, двѣ изъ нихъ (смерть Андрогея и жеребьевка дѣтей, ст. 20—22) происходятъ въ Аѳинахъ, и двѣ (Минотавръ и Лабиринтъ, ст. 23—30)—на Критѣ.—*Андрогей* сынъ Миноса. Оставшись въ Аѳинахъ побѣдителемъ на всѣхъ играхъ, онъ былъ убитъ изъ зависти Эгеемъ, царемъ аѳинскимъ. За это аѳиняне (Кекропиды, ст. 21) должны были доставлять ежегодно по жребію (ст. 22) 7 юношей и 7 дѣвушекъ (ст. 21) на съѣденіе Минотавру. — 23. *Насупротивъ*, т. е. Аѳинъ — *Гносская земля*, т. е. Критъ (см. III, 115). — 24—26. *Пазифая*, дочь Геліоса, жена

Минотавръ предстоитъ, любви обличенье преступной.
Тутъ строенія трудъ съ неразрѣшимымъ блужданьемъ;
Но растроганъ потомъ великой любовью царевны,
Самъ Дедалъ разрѣшилъ обманы и козни постройки,
Нитью слѣпые слѣды проведя. И ты бы большую
Часть въ трудѣ возымѣлъ, Икаръ, если бъ скорбь дозволяла.
Дважды силился онъ паденье представить изъ злата;
Дважды руки отца опускались. Все бъ дальше очами
Перебирали они, когда бы посланный прежде
Не появился Ахатъ, съ нимъ Феба и Тривіи жрица,
Главкова дочь Деифоба, она же царю такъ сказала:
«Къ зрѣлищамъ время теперь не такимъ призываетъ; изъ стада
Нужно бы вамъ семерыхъ юнцовъ, въ ярмѣ небывалыхъ,
Заколоть и овецъ по чину выбранныхъ столько жъ».
Такъ Энею сказавъ,—и немедля послушались мужи
Воли святой—во храмъ призываетъ жрица всѣхъ Тевкровъ.
Бокъ Эвбейской скалы огромною врѣзанъ пещерой;
Сто широкихъ туда подходовъ ведутъ и воротъ сто:
Столько жъ оттоль голосовъ несутся,—отвѣты Сивиллы.
Вотъ къ порогу пришли, а дѣва: «судьбу вопросить намъ
Время, молвила, богъ, се богъ!» На ней, говорящей
Передъ дверію, вдругъ ни лица, ни самаго цвѣта,
Ни прически волосъ не осталось, но груди одышка

Миноса, мать Андрогея и Минотавра. Послѣдній произошелъ отъ любовной связи Пазифаи съ *быкомъ*, подареннымъ Миносу Нептуномъ. Минотавра изображали въ видѣ человѣка съ бычачьею головою и хвостомъ, поэтому *двувидное чадо*. — 27. *Тутъ*, подраз. изображенъ. — *Строенія трудъ*, лабиринтъ, стоившій громаднаго труда.—*Съ неразрѣшимымъ блужданьемъ*, см. V, 588—591. — 28. *Любовью*, къ Тезею.—*Царевны*, Аріадны, дочери Миноса. — 30. *Слѣпые*, сбивчивые. — 31. *Икаръ* ст. 14. — 32. *Онъ*, Дедалъ. — 35. *Ахатъ*, вѣрнѣйшій спутникъ Энея.—*Тривіи жрица*, см. IV, 511. — 36. *Главкова дочь Деифоба* см. ст. 10. — 38. *Въ ярмѣ небывалыхъ*. Для жертвоприношеній употреблялись исключительно животныя, не носившія ярма. — 41. *Призываетъ*, чтобы вопросить оракула и принести жертву.—*Тевкровъ*, I, 38. — 42. *Бокъ скалы*, къ которому примыкаетъ задняя стѣна храма. — 43. *Сто*, круглое число вм. много. Пещера Сивиллы примыкаетъ непосредственно къ храму Аполлона, отъ котораго она получаетъ даръ предвидѣнія. — 45. *Къ порогу*, пещеры Сивиллы. — 46. Сивилла въ своемъ восторгѣ видитъ *бога* на самомъ порогѣ и чувствуетъ его вліяніе. — 47—48. Черты и *цвѣтъ лица* измѣняются безпрерывно. *Волосы*,

И неистовство дикое сердца вздымало, и большій
Ростъ и несмертный звукъ являла, обвѣяна силой
Близкаго бога уже. «Обѣтами ты и мольбами
Медлишь, Троянецъ Эней?—сказала,—все медлишь? Не раньше
Домъ вдохновенный свой зѣвъ великій разверзнетъ», такъ молвя
Смолкла. Холодная дрожь по крѣпкимъ костямъ пробѣжала
Тевкровъ, и царь тутъ излилъ изъ груди глубокой моленья:
«Фебъ, къ тяжелымъ скорбямъ всегда милосердый Троянскимъ,
Ты, что оружье Дарданъ рукою Париса направилъ
Въ Эакида; съ тобой я въ столько морей, обходящихъ
Земли большія, вступалъ и въ глубь далекихъ Массильскихъ
Странъ, и въ край, что свои поля окаймляетъ Сыртами,
Ужъ наконецъ на пути Италійскихъ бреговъ мы достигли;
Пусть бы досюдова насъ проводило Троянское счастье.
Да и вамъ уже родъ Пергамскій щадить подобаетъ,
Боги съ богинями всѣ, какимъ Иліонъ былъ помѣхой
Съ громкою славой Дарданъ. И ты, о вѣщунья святая,
Зная грядущее впредь,—не о недолжномъ молю я
Царствѣ судьбинѣ моей,—дай убѣжище въ Лаціи Тевкрамъ
И богамъ кочевымъ и блуждавшей Троянской святынѣ.
Тривіи съ Фебомъ тогда изъ прочнаго мрамора храмъ я
Постановлю, и дни торжества по имени Феба.
Ждутъ великія тожъ и тебя въ нашемъ царствѣ святыни,
Ибо я вѣрныя тамъ твои и тайныя рѣчи,

поддерживаемые повязкою, разсыпались въ безпорядкѣ по плечамъ. — 53. *Вдохновенный* собственно говорится о прорицателѣ, воодушевленномъ присутствіемъ божества. Здѣсь причина вм. дѣйствія; эпитетъ перенесенъ на самую пещеру.— 57. *Дарданъ*, I, 28—38.—При помощи *Феба* (Аполлона) Парисъ поразилъ стрѣлою Ахилла. — 58. Ахиллъ, какъ внукъ Эака, называется *Эакидъ*. — 59—60. *Массильскихъ*, IV, 132. — *Сыртами*, IV, 41. — 62. Мысль: О если бы только до этой минуты гнался за нами жребій Трои, т. е. о если бы наконецъ онъ пересталъ преслѣдовать насъ. — 64. *Былъ помѣхой*, т. е. сдѣлался предметомъ ненависти. — 69. Августъ воздвигъ *храмъ* Аполлона на Палатинскомъ холмѣ. Статуя бога находилась между изображеніями Латоны и Діаны — 70. *Дни торжества*. Намекъ на игры въ честь Аполлона, происходившія уже во время 2 пун. войны. При Августѣ онѣ были возобновлены и праздновались въ періодъ имперіи. — 71. Сивиллинскія книги хранились на Капитоліи и сгорѣли вмѣстѣ съ послѣднимъ въ 184 г. до Р. Хр. Затѣмъ предсказанія были собраны снова и хранились въ храмѣ, подъ статуею Аполлона (ст. 69). — 72. *Тамъ*,

Что изрекла ты моимъ, сложу, и мужей по избранью,
Чтимая, я посвящу; лишь на листахъ не пророчь ты,
Чтобъ не взлетали они игралищемъ вѣтровъ проворныхъ;
Пой сама ты, молю». Тутъ рѣчи свои онъ закончилъ.
Но въ пещерѣ дика, еще непокорная Фебу,
Жрица бушуетъ, нельзя ль великаго бога изъ груди
Ей истрясти; а онъ тѣмъ болѣе ей нагнетаетъ
Дикое сердце и ротъ и насильно ее покоряетъ.
Сто у жилища дверей уже огромныхъ раскрылись
Сами собою, неся отвѣты вѣщуньи на воздухъ:
«О наконецъ отъ морскихъ избавленный грозныхъ напастей —
Но на землѣ еще ждутъ тягчайшія—въ царство Лавина
Дарданиды войдутъ; о томъ оставь ты заботы;
Но и потужатъ о томъ, что пришли. Ужасныя войны,
Войны вижу и Тибръ, пѣнящійся кровью обильной.
Будутъ тебѣ Симоисъ, и Ксанѳъ, и лагерь Дорійскій,
И другой Ахиллесъ въ Лаціумѣ уже народился,
Тоже богиней зачатъ; и никакъ отъ Тевкровъ Юнона
Не отстанетъ, когда ко всѣмъ племенамъ Италійскимъ
И ко всѣмъ городамъ взывать ты, безпомощный, будешь.
Злу такому опять виной благосклонная къ Тевкрамъ
Будетъ жена и вновь чужеземная спальня.
Ты жъ не сдавайся бѣдамъ, но смѣлѣе иди имъ напротивъ,

въ храмѣ Аполлона. — 73. *Мужей по избранью.* Особая коллегія жрецовъ надзирала за Сивилл. книгами и обращалась къ нимъ въ сомнительныхъ случаяхъ. Со временемъ Суллы обязанность эту исполняли 15 жрецовъ (quindecimviri). — 74—75. Сивилла имѣла обыкновеніе излагать предсказанія *на листахъ,* которые, будучи перемѣшаны вѣтромъ, затемняли смыслъ изреченій. Объ этомъ Еленъ предупреждалъ уже Энея, III, 443—457. — 77. *Непокорная Фебу,* т. е. еще не вполнѣ осиленная, подчиненная волѣ, могуществу бога (см. ст. 46 сл.). — 79—80. Сивилла сравнивается съ дикимъ конемъ, котораго укрощаетъ всадникъ. Чѣмъ болѣе жрица старается удалить отъ себя бога, тѣмъ сильнѣе томитъ онъ ея уста, наполняя пророческимъ духомъ. — 84. *Въ царство Лавина,* т. е. въ область, въ которой Эней построитъ г. Лавиній (въ Лаціумѣ). — 88. *Симоисъ и Ксанѳъ,* I, 100—473. — *Дорійскій,* греческій. — 89—91. *Другой Ахиллесъ,* Турнъ, сынъ *богини* Венилiи, X, 76, соперникъ Энея. — 92. Эней *безпомощный* просилъ помощи у аркадянина Эвандра, VIII, 126 сл. — 94. *Жена,* Лавинія, дочь Латина, невѣста Турна. — *Вновь.* Намекъ на Елену, чужестранную для Энея.

Чѣмъ позволяетъ твой рокъ. И первый путь ко спасенью,
То, чего ты не ждешь, изъ Грайскаго города выйдетъ».
Изъ святилища такъ провѣщавъ, Кумея Сивилла
Страшныя притчи поетъ и вновь завываетъ въ пещерѣ,
Темное съ правдой смѣшавъ; ее поражаетъ браздами,
Ярую, Аполлонъ и подъ грудью вертитъ ей стрекаломъ.
Только что ярость прошла, и бѣшенство устъ прекратилось,
Началъ герой Эней: «никакихъ трудовъ мнѣ, о дѣва,
Образъ новый или неожиданный больше не встанетъ.
Все предварилъ я и все съ собою въ душѣ передумалъ,
Лишь объ одномъ я прошу; коль дверь въ подземное царство
Здѣсь, говорятъ, и мрачная топь разлилась Ахеронта,
Милаго мнѣ отца будь дано услыхать и увидѣть;
Ты наставь и на путь и священныя двери отверзи;
Я черезъ пламя его и чрезъ тысячи стрѣлъ намъ въ догоню
Спасъ на этихъ плечахъ и изъ вражьяго сонма исторгнулъ;
Онъ, пути моего соучастникъ, моря всѣ со мною,
Всѣ невзгоды пучинъ и неба немощный вовсе
Черезъ силы свои и сверхъ жребія старости вынесъ.
Онъ же, чтобы съ мольбой къ твоему приступилъ я порогу,
Заповѣдалъ, прося. Объ отцѣ, умоляю, и сынѣ,
Добрая, ты пожалѣй; вѣдь во всемъ ты властна, и не тщетно
Препоручила тебѣ Геката Авернскія рощи;
Если вызвать возмогъ Орфей супружнія маны,
Цитрой Ѳракійской силенъ и сладкозвучіемъ струннымъ,

96. *Чѣмъ позволяетъ твой рокъ:* чѣмъ дозволитъ тебѣ твое положеніе; храбростью, рѣшимостью, ты долженъ превзойти всѣ преграды. — 97. *Изъ Грайскаго*, изъ греческаго. Разумѣется легендарный городъ Эвандра Паллантей (см. ст. 91 и VIII, 54). — 100—101. Слова *ее поражаютъ* и слѣдующія дополняютъ сравненіе въ ст. 79 — 80, указывая на средства, съ помощью которыхъ Аполлонъ заставляетъ жрицу говорить въ его духѣ, облекая истину въ загадки. — 107. *Мрачная топь Ахеронта.* Разумѣется находившаяся вблизи Кумъ *топь*, Acherusia (н. lago di Fusaro), образованная, по сказанію, подземною рѣкою Ахеронтомъ (ст. 295), выступавшимъ изъ береговъ на поверхность земли. — 110—111. *Его — исторгнулъ.* Во время взятія Трои, II, 631. — 113. *Немощный*, такъ какъ онъ былъ разбитъ молніею, II, 647 сл.— 116. *Заповѣдалъ прося*, во время пребыванія Энея въ Сициліи, V, 731 сл. — 118. *Геката*, см. ст. 10—35. — 119—120. Орфей, родомъ ѳракіецъ, славился

Если брата Поллукъ искупилъ перемѣнною смертью,
Взадъ и впередъ проходя сто разъ. Поминать ли Тезея
Или Алкида? И мой вѣдь родъ отъ великаго Зевса».
Рѣчью такою молилъ и самъ къ алтарю прикасался,
Какъ вѣщунья рекла: «рожденный отъ божеской крови,
Анхизіадъ Троянецъ, легко спуститься къ Аверну.
Ночь и день ворота̀ разверсты чернаго Диса,
Но шаги обратить и къ верхнему воздуху выйти,—
Вотъ задача, вотъ трудъ. Немногимъ, что Зевсомъ правдивымъ
Были любимы, иль тѣмъ, что въ небо доблесть умчала,
Дѣтямъ боговъ то далось. Повсюду лѣса въ серединѣ,
И Коцитъ рукавомъ окружаетъ чернымъ текущій.
Если жъ такая любовь въ душѣ и такое стремленье
Дважды Стиксъ переплыть и дважды черный увидѣть
Тартаръ, и веселитъ безумному дѣлу предаться,—
Слушай, что дѣлать сперва. Скрывается въ чащѣ древесной
Сукъ золотой со своею листвой и вѣтвію гибкой,
Нареченный святымъ для подземной Юноны; его же
Кроетъ весь лѣсъ и въ тѣни заключаютъ мрачной долины.
Но не прежде дано въ тайники земные проникнуть,
Чѣмъ златокудрую ты отторгнешь отъ дерева отрасль,
Ей какъ даръ приносить прекрасная то Прозерпина

въ древности игрою на лирѣ. Лишившись своей супруги Эвридики, онъ сошелъ въ адъ и настолько успѣлъ тронуть Прозерпину своей игрой, что ему было дозволено взять съ собою Эвридику. Подробнѣе объ этомъ см. Овид. Превр. X, 1 сл., XI, 1 сл. — 121—123. *Касторъ и Поллукъ*, сыновья Леды. Первый изъ нихъ былъ смертнымъ, второй — безсмертнымъ. Такъ какъ оба брата сердечно любили другъ друга, то, при смерти Кастора, Юпитеръ дозволилъ, чтобы оба они проводили одинъ день на Олимпѣ, другой въ преисподней.—*Тезей*, ст. 393.—*Алкидъ*, ст. 392.—*Родъ отъ великаго Зевса*, такъ какъ Эней былъ сыномъ Венеры. — 126. *Къ Аверну*, въ преисподнюю. — 127. *Чернаго Диса*, IV, 384; V, 731. — 131. *Повсюду въ серединѣ*, т. е. все пространство между землею и вратами дворца Плутона. — 132. *Коцитъ*, рѣка слезъ. Три рѣки составляютъ границу преисподней: Ахеронтъ, Коцитъ, Стиксъ. Онѣ несутъ воду мутную и грязную (ст. 296 сл.). Флегетонъ омываетъ только одну часть преисподней (ст. 550 сл.). — 134. *Дважды:* теперь и послѣ смерти.— 135. *Тартаръ*, IV, 243; V, 734. — 138. *Для подземной Юноны*, т. е. Прозерпины; соотвѣтственно этому и мужъ ея Плутонъ наз. Стигійскимъ Зевсомъ, IV, 638.

Установила. Сорвешь ли одинъ, и появится новый
Сукъ золотой, и лоза заростетъ все тѣмъ же металломъ.
Вотъ и слѣди по верхамъ глазами, найдя же, какъ должно,
Ты рукою сорви, ибо самъ онъ сдастся охотно,
Если ты призванъ судьбой; а то никакой его силой
Ни побѣдить, ни срубить не сможешь твердымъ желѣзомъ.
Кромѣ того, у тебя трупъ друга лежитъ бездыханный—
Горе! не вѣдаешь ты—и весь флотъ мертвецомъ оскверняетъ,
Въ часъ, какъ совѣтовъ ты ждешь и на нашемъ медлишь порогѣ.
Къ мѣсту его сперва ты снеси и покрой погребеньемъ;
Черныхъ овецъ приведи; то очищеньемъ будь первымъ;
Такъ, наконецъ, ты лѣса Стигійскіе, край недоступный
Для живущихъ, узришь». Рекла и уста вдругъ сомкнула.
Тутъ Эней, опустивъ глаза и съ лицомъ огорченнымъ,
Вышелъ, покинувши гротъ, и въ душѣ о темномъ грядущемъ
Про себя размышлялъ. А съ нимъ Ахатъ, неизмѣнный
Спутникъ, идетъ и слѣды такой же заботы являетъ.
Многое между собой въ рѣчахъ они разбирали,
Кто изъ дружины погибъ, о чьемъ погребеньи вѣщала
Жрица, и вотъ они Мизена, приблизясь къ сухому
Берегу, жалкой такой погибшаго смертію видятъ,
Эолида Мизена, что всѣхъ былъ другихъ превосходнѣй
Мѣдью мужей собирать и Марса будить въ нихъ позывомъ.
Мощнаго Гектора былъ онъ спутникомъ, къ Гектору близко
Битвы онъ обходилъ, трубой и копьемъ знаменитый.
А затѣмъ, какъ того умертвилъ Ахиллесъ побѣдитель,
Храбрый витязь уже къ Дарданцу Энею въ дружину
Самъ присталъ, для себя не низшую службу избравши.
Но какъ изъ раковины пустой онъ однажды надъ моремъ

145—146. *Какъ должно*, т. е. *рукою*, а не ножомъ (ст. 148). — 150. *Мертвецомъ*. Видъ трупа, по понятію древнихъ, дѣйствовалъ на присутствующихъ осквернительно (II, 539). — 152. *Къ мѣсту*, т. е. на сушу, такъ какъ Мизенъ погибъ у самаго моря (ст. 173). — 153. *Черныхъ овецъ*, V, 736. — *Приведи* къ алтарю. Только тотъ, кто подобающею жертвой умилостивилъ тѣни умершихъ, можетъ проникнуть въ преисподнюю.—162. *Мизенъ*, трубачъ Энея, III, 239.— 165. *Мѣдью*, трубнымъ звукомъ. — *Марса*, военный пылъ. — 171. *Раковина*, инструментъ морск. бога Тритона, ст. 173.

Дулъ и раскатами звалъ, безумецъ, боговъ къ состязанью,
Мужа схвативши, Тритонъ соперникъ, коль вѣры достойно.
Между скалъ погрузилъ его въ опѣненныя волны.
Вотъ и шумѣли кругомъ всѣ съ плачемъ великимъ, а пуще
Благочестивый Эней. Тогда по приказу Сивиллы
Не замедляясь спѣшатъ, рыдая, костеръ погребальный
Изъ деревъ навалить и до неба стараются вывесть.
Въ лѣсъ старинный идутъ къ высокимъ звѣринымъ притонамъ.
Падаютъ пихты, звенитъ подъ сѣкирами частыми пàдубъ,
Бревна изъ ильма они и изъ колкаго дуба клинами
Разбиваютъ и съ горъ огромные ясени валятъ.
И Эней, на такой работѣ первый, дружину
Увѣщеваетъ, и самъ за то же оружье берется.
Въ сердцѣ печальномъ своемъ всѣ эти мысли вращая,
На громадный онъ лѣсъ взглянулъ и такъ возмолился:
«Хоть бы нынѣ намъ сукъ золотой на деревѣ ономъ
Показался въ такомъ лѣсу! Какъ слишкомъ ужъ вѣрно
Все, увы, о тебѣ, Мизенъ, вѣщунья сказала».
Только онъ это изрекъ, какъ двѣ внезапно голубки
Передъ самымъ его лицомъ съ небесъ прилетѣли
И на зеленой землѣ усѣлись. Тутъ витязь великій
Птицъ материнскихъ узналъ и возмолился съ весельемъ:
«Будьте вожатыми мнѣ, о, коль есть какая дорога,
Мчите по вѣтру въ тотъ лѣсъ, гдѣ пышный сукъ осѣняетъ
Тучную почву. А ты не оставь въ обстоятельствахъ трудныхъ,
Матерь богиня, меня». Сказалъ и шаги позамедлилъ
Знакъ какой подадутъ и куда полетятъ, наблюдая.
Тѣ, кормяся, впередъ подаются летомъ настолько,
Сколько взоромъ слѣдить за ними идущіе могутъ.
А какъ достигли затѣмъ зловонныхъ пастей Аверна,
Быстро онѣ поднялись и, по воздуху кинувшись книзу,
На вожделѣнныхъ мѣстахъ на двоякомъ деревѣ сѣли,
Гдѣ вѣтвямъ не подъ цвѣтъ мерцаетъ золота отблескъ,
Какъ холодной зимой въ лѣсахъ омела вѣтвями

193. *Материнскихъ*, голубь былъ посвященъ Венерѣ. — 203. Дерево *двоякаго* рода: на немъ, кромѣ обыкновенныхъ вѣтвей, еще растетъ золотая вѣтка.

Въ зелени свѣжей одна, не своимъ посѣяна древомъ,
И желтоватымъ плодомъ округлый стволъ обвиваетъ:
Видъ былъ таковъ золотыхъ вѣтвей на падубѣ темномъ,
Такъ-то на легкомъ вѣтру дрожали тонкіе блестки.
Сразу хватаетъ Эней и, жадный, съ усильемъ срываетъ
Сукъ, и его онъ несетъ подъ кровъ вѣщуньи Сивиллы.
  Плакали временемъ тѣмъ надъ Мизеномъ у берега Тевкры,
Неблагодарному честь воздавая послѣднюю праху.
Изъ смолистыхъ дубовъ и наколотыхъ бревенъ дубовыхъ
Строютъ огромный сперва костеръ и его облагаютъ
Зеленью темной, предъ нимъ кипарисы плачевные ставятъ
И убираютъ поверхъ всего оружьемъ блестящимъ.
Часть ихъ горячей воды въ котлахъ клокочущихъ мѣдныхъ
Приготовляютъ и трупъ холодный, омывъ, умащаютъ.
Вой поднялся. Тутъ на одръ возлагаютъ, оплакавши, тѣло
И одѣяньемъ кладутъ знакомымъ, пурпурное платье
Сверху. Другіе жъ поднять огромныя идутъ носилки,
Грустная должность, и, по обычью отцовъ, отвернувшись,
Факелъ держатъ внизу. Горятъ, навалены вмѣстѣ,
Яства, ладана даръ и кружки съ вылитымъ масломъ.
Какъ ужъ распалась зола и успокоилось пламя,
То останки виномъ и впивающій пепелъ омыли,
Кости жъ, собравъ, Кориней скрываетъ въ мѣдномъ сосудѣ.
Онъ же три раза обнесъ дружину чистой водою,
Легкой росою кропя и вѣтвью счастливой оливы,
И очистилъ мужей и сказалъ послѣднее слово.

206. *Не своимъ посѣяна древомъ*, такъ какъ омела, растеніе паразитное. — 216. *Кипарисы плачевные*. Здѣсь, какъ и при описаніи погребенія Полидора (III, 62—69), темный кипарисъ довершаетъ картину траура. — 217. *Оружье*, одежда и другія драгоцѣнности умершаго сожигались вмѣстѣ съ тѣломъ. — 221. *Знакомымъ*, друзьямъ Мизена и часто имъ носимымъ. — 225. *Яства*, собств. погребальное жертвоприношеніе, состоявшее обыкновенно изъ меда, вина и молока (III, 301; V, 9).—*Кружки*, послѣ траурной церемоніи не годились для употребленія, поэтому ихъ бросали въ пылавшій костеръ. — 229. Сложивъ останки въ урну, присутствующихъ окропляли очистительною водой.— 230. *Счастливой*, плодоносной. — 231. Послѣ очищенія, совершавшій его отпускалъ присутствующихъ словомъ «ilicet», т. е. ступай, кончено.—Троекратное «vale» (прости) произносилось послѣ погребенія всѣми присутствующими.

Благочестивый Эней могилу огромнымъ курганомъ
Навалилъ, и трубу, и весло, и оружіе мужа
Склалъ подъ высокой горой, что по немъ зовется Мизеномъ
Нынѣ, и это въ вѣкахъ за ней сохраняется имя.
Съ этимъ покончивъ, спѣшитъ онъ завѣтъ исполнить Сивиллы.
Тамъ пещера была глубокая съ зѣвомъ огромнымъ,
Каменистая, мракомъ лѣсовъ и озеромъ чернымъ
Скрыта, надъ ней не могли никакія летящія птицы
Путь свой держатъ: такимъ изъ чернаго зѣва дыханьемъ,
Отдавая, несло къ самому надземному своду:
(Мѣсту Граи зато даютъ прозванье Аорна).
Здѣсь сперва четырехъ выставляетъ тельцовъ черноспинныхъ
Жрица и имъ на лбы вино выливаетъ, и верхней
Шерсти между роговъ срѣзаетъ, затѣмъ возлагаетъ
На священный огонь, приношеніемъ первымъ, взывая
Громко къ Гекатѣ, она жъ сильна въ небесахъ и въ Эребѣ.
Подставляютъ ножи другіе и кровь собираютъ
Теплую въ чаши. А самъ Эней черноруннную ярку
Матери Эвменидъ и сестрѣ великой желѣзомъ
Колетъ и яловую тебѣ, Прозерпина, корову.
Тутъ ночной онъ царю Стигійскому жертвенникъ ставитъ
И быковъ цѣликомъ возлагаетъ мясо на пламя,
Сверху елеемъ густымъ поливая горящіе туки.
Вотъ между тѣмъ, при лучахъ едва восходящаго солнца,
Подъ ногами земля застонала, и лѣса вершины

234. *Подъ высокой горой:* внизу высокаго мыса, который еще теперь назыв. «capo Miseno». Онъ находится въ шестичасовомъ разстояніи отъ Неаполя и знаменитъ еще смертью извѣстнаго римск. ученаго, Плинія Старшаго, погибшаго тамъ во время изверженія Везувія въ 79 г. по Р. Хр. — 236. *Завѣтъ Сивиллы*, ст. 153. — 237. *Пещера*, не у храма (ст. 42), а у Авернскаго озера; см. V, 732.— 242. Стихъ этотъ пропущенъ въ лучшихъ рукописяхъ. — 243. *Выставляетъ*, у алтаря. — 247. *Къ Гекатѣ*, см. ст. 10; IV, 511—680.—*Въ Эребѣ*, IV, 26—510. — 248. При жертвоприношеніи богамъ преисподней, подъ шею животнаго *подставляли ножъ*, наклонивъ голову жертвы къ землѣ. — 250. Сестрою Ночи, матери Фурій (*Эвменидъ*, IV, 469), была Земля. — 251. Безплодной богинѣ приносятъ безплодную жертву. — 252. *Ночной жертвенникъ.* Богамъ преисподней приносили жертвы ночью.—*Стигійскому царю*, ст. 138. — 254. *Туки*, внутренности, на которыя при жертвоприношеніи обращали особенное вниманіе.

Двигаться стали, и псовъ передъ приходомъ богини
Вой во мглѣ раздался. «Прочь, прочь, недостойные входа!»
Жрица громко вопитъ: «изо всей удалитесь вы рощи;
Ты же въ путь выступай и мечъ изъ ноженъ свой исторгни;
Вотъ гдѣ храбрость нужна, Эней, гдѣ твердое сердце».
Такъ сказавъ, разъярясь, въ пещеру открытую входитъ,
Онъ за ведущей вослѣдъ идетъ неробкой стопою.
Боги, властители вы и душъ, и тѣней молчаливыхъ,
И съ Флегетономъ Хаосъ, мѣста ночнаго безмолвья,
Будь дано мнѣ сказать, что слышалъ; при вашемъ наитьи
Вскрыть дѣла, что въ земной глубинѣ и во练ракѣ таятся.
Шли въ одинокой ночи они черезъ мрачныя тѣни,
Черезъ Дисовъ чертогъ пустой и пустынное царство:
Такъ при невѣрной лунѣ и подъ обманчивымъ свѣтомъ
Путь бываетъ въ лѣсахъ, коль тѣнью Зевесъ покрываетъ
Небо, и черная ночь у всего цвѣта отнимаетъ.
Передъ входомъ самимъ и вначалѣ Оркова зѣва
Плачъ и ложа свои утвердили мстящія Думы,
Блѣдные Недуги тутъ, и тутъ же печальная Старость,
Страхъ, и наставникъ дурной тутъ Голодъ, и гнусная Бѣдность,
Страшные лики на видъ, и съ ними Смерть и Работа;
Смерти тутъ сродственный Сонъ, и злыя Радости сердца,
И смертоносная тожъ Война, на порогѣ напротивъ

257. *Псовъ*, стигійскихъ, сопровождавшихъ Гекату и Фурій.—*Передъ приходомъ богини*, Гекаты, которая идетъ, чтобъ открыть входъ въ преисподнюю.— 258. *Прочь, прочь*, восклицаетъ Сив. къ спутникамъ Энея (ст. 248), не имѣвшимъ права войти въ адъ. Энею же туда открывала доступъ золотая вѣтка (ст. 406). — 260. *Мечъ исторгни*, чтобъ отразить чудовища ада. — 265. *Съ Флегетономъ*, какъ представителемъ стигійскихъ водъ; ст. 137, 550—551. — *Хаосъ*, IV, 510. — 268. *Въ одинокой ночи*, т. е. кругомъ ихъ была только ночь. — 270. *При невѣрной лунѣ* при перемѣнномъ свѣтѣ, мерцаніи луны, которая то скрывается въ облакахъ, то выходитъ изъ нихъ. — 272. По пословицѣ: безъ свѣта нѣтъ цвѣта («ohne Licht, keine Farbe»). — 273. *Передъ входомъ*. Устройство римск. дома перенесено на *входъ* въ адъ. Съ улицы входятъ на просторную площадку предъ дверьми дома, гдѣ ожидали доступа въ пріемную (atrium). Узкій *входъ*, тропинка ведетъ къ вратамъ преисподней.— 274 сл. Какъ низшія божества, заботящіяся о доставленіи новыхъ душъ въ царство тѣней, расположились у входа въ Оркъ всѣ бѣдствія, удручающія человѣка.—274. *Мстящія Думы*, олицетворенныя угрызенія совѣсти.—279. *На*

Изъ желѣза чертогъ Эвменидъ и безумная Распря,
Что свой волосъ изъ змѣй повязкой кровавой сплетаетъ.
Посрединѣ, суки вѣковые развѣся какъ руки,
Темный ильмъ пребольшой, обитель, гдѣ лживыя Грёзы
Держатся, какъ говорятъ, и подъ всѣми листами витаютъ.
Множество, кромѣ того, различныхъ чудищъ звѣриныхъ,
Стойла Центавровъ въ дверяхъ и тутъ же двувидныя Сциллы,
Съ сотнею рукъ Бріарей и подлѣ чудовище Лерны;
Съ шипомъ ужаснымъ своимъ и огнемъ воюетъ Химера.
Гарпіи близъ Горгонъ и образъ тѣни трехтѣлой.
Въ страхѣ дрожащій Эней тутъ разомъ хватаетъ желѣзо
И обнаженный клинокъ навстрѣчу идущимъ наставилъ,
И когда бъ вразумленъ онъ не былъ спутницей вѣщей,
Что тутъ души безъ тѣлъ подъ пустымъ обличьемъ летаютъ,
Онъ бы напалъ и вотще поражалъ бы тѣни желѣзомъ.
Тутъ дорога пошла къ волнамъ Ахеронта подземнымъ.
Здѣсь огромный провалъ съ завоемъ, мутнымъ отъ грязи,
Плещетъ вскипая и весь песокъ въ Коцитъ изрыгаетъ.
Эти воды блюдетъ и рѣки паромщикъ ужасный
Въ страшной грязи Харонъ; у него жъ подбородокъ густою
Сѣдиною покрытъ, нечесанъ, и очи сверкаютъ.
Грязное платье узломъ съ плеча у него ниспадаетъ,
Самъ ладью онъ багромъ проводитъ и парусами
Правитъ и въ темномъ своемъ челнѣ тѣла перевозитъ;

порогъ напротивъ: у самаго входа въ адъ. — 280. *Эвменидъ*, IV, 469. Фуріи здѣсь исполняютъ обязанность привратника въ римск. домѣ. — 286. *Центавры*, привидѣнія, чудовища изъ человѣка и лошади. Центавры баснословный народъ Ѳессаліи.—*Сциллы* здѣсь собирательно: чудовище на подобіе Сциллы, рыбы съ дѣвичьимъ лицомъ (см. III, 424—28). — 287. *Бріарей*, одинъ изъ Титановъ, брошенный Юпитеромъ въ адъ.—*Чудовище Лерны*, т. е. Лернейская Гидра.— Лерна, озеро и мѣстность въ Арголидѣ. — 288. *Химера,* изрыгавшее пламя чудовище, съ головою льва, туловищемъ козла и хвостомъ дракона. Ее убилъ Беллерофонтъ. — 289. *Горгоны*, крылатыя, страшныя существа съ окаменяющимъ взоромъ съ змѣями вм. волосъ. Ихъ три: Стено, Эвріала, Медуза.—*Гарпіи*, олицетвореніе бурныхъ вѣтровъ, извѣстны изъ III кн. Энеиды (ст. 212—258), гдѣ описано столкновеніе съ ними Энея. — Подъ *образомъ тѣни трехтѣлой* разумѣется Геріонъ, чудовище изъ трехъ сросшихся тѣлъ, начиная съ желудка. Онъ владѣлъ большими стадами, отнятыми у него Геркулесомъ.— 290. *Желѣзо*, мечъ. — 295—297. *Ахеронтъ*, *Коцитъ*, см. ст. 132. — 303. *Темномъ*.

Онъ ужъ старикъ, но крѣпка и цвѣтуща старость у бога.
Вся разливаясь толпа сюда къ берегамъ устремлялась,
Жены и мужи, тѣла великихъ героевъ, скончавшихъ
Жизнь, и отроки тутъ и незамужнія дѣвы,
И предъ глазами отцевъ на костры возложѐнныя чада:
Какъ въ лѣсахъ подъ морозъ осенній первый слетаетъ
Множество павшихъ листовъ, иль къ землѣ съ пучины высокой
Множество скучится птицъ, когда зима ледяная
Гонитъ ихъ чрезъ моря и къ теплымъ землямъ посылаетъ.
Первые тутъ стоятъ, моля о своей переправѣ,
И простираютъ, стремясь къ противному берегу, руки.
Но перевозчикъ то тѣхъ, то другихъ принимаетъ, угрюмый,
А иныхъ далеко отъ берега прочь отгоняетъ:
Тутъ, удивляясь, Эней, и тронутъ смятеніемъ, молвилъ:
«Дѣва, скажи, для чего у потока такое собранье?
Души тутъ просятъ чего? По какому различію берегъ
Тѣ оставляютъ, а тѣ гребутъ черезъ сизыя волны?»
Тутъ ему кратко на то многолѣтняя молвила жрица:
«Сынъ Анхиза, о ты, боговъ несомнѣнная отрасль,
Топь Коцита ты здѣсь и Стикса видишь болота,
Чьимъ клянясь божествомъ обманывать боги страшатся.
Это, что видишь ты, вся толпа незарытыхъ, несчастныхъ.
Это паромщикъ Харонъ, а плывутъ по волнамъ, что въ могилахъ.
И не дано по волнамъ глухимъ и ужаснымъ на берегъ
Раньше ихъ перевесть, чѣмъ почіютъ на мѣстѣ ихъ кости.
Бродятъ они сто лѣтъ и на берегѣ этомъ кружатся;
Ихъ тогда наконецъ допустятъ къ желаннымъ болотамъ».
Остановился тутъ сынъ Анхиза и шагъ свой замедлилъ,
Въ сильномъ раздумьи скорбя въ душѣ о долѣ неправой.
Видитъ тоскующихъ здѣсь и чести посмертной лишенныхъ

Цвѣтъ подходитъ къ лицу и мѣсту. — 304. *У бога*, т. е. у Харона, какъ у безсмертнаго. — 324. Когда боги, поклявшись Стиксомъ, нарушали клятву, то ихъ изгоняли изъ небесной обители на 9 лѣтъ, и они подвергались всѣмъ людскимъ бѣдствіямъ.—*Божествомъ*. При клятвѣ рѣка олицетворяется какъ божество. — 325. *Незарытыхъ*. Непогребенные не могли переправляться чрезъ Стиксъ. — 332. *Неправой*, такъ какъ они не были тому виною.

Онъ Левкаспа съ вождемъ Ликійскаго флота Оронтомъ,
Тѣхъ, что по бурнымъ зыбямъ отъ Трои вмѣстѣ плывущихъ
Австеръ схватя погрузилъ и мужей и судно въ пучину.
Кормчій вотъ Палинуръ навстрѣчу несется, тотъ самый,
Что на Либійскомъ пути, когда наблюдалъ онъ созвѣздья,
Нѣкогда павши съ кормы, въ середину волнъ погрузился.
Грустнаго только призналъ его въ тѣни онъ глубокой,
Первый вымолвилъ такъ: «о, кто же тебя изъ безсмертныхъ
Вырвалъ у насъ, Палинуръ, въ глубину погрузивши пучины?
Ты разскажи. Ибо мнѣ, дотоль не являвшійся ложнымъ,
Въ этомъ отвѣтѣ одномъ Аполлонъ ввелъ духъ въ заблужденье,
Возвѣстивши, что ты, уцѣлѣвъ на морѣ, прибудешь
Въ Авзонійскій предѣлъ? Такова ль обѣщанія вѣрность?»
Онъ же въ отвѣтъ: «ни тебя не обманывалъ Фебовъ треножникъ,
Вождь мой Анхизіадъ, ни я не потопленъ былъ богомъ.
Ибо оторванный руль внезапно съ великою силой,
За который, какъ стражъ, я держался, побѣгъ направляя,
Падая, снесъ я съ собой. Клянусь суровой пучиной,
Что за себя самого не столько набрался я страха,
Сколько за то, чтобы твой, безоруженъ и кормчимъ покинутъ,
Не погибъ бы корабль при такомъ встающемъ волненьи.
Нотъ средь безбрежной меня пучины три бурныя ночи,
Злобный, металъ по водамъ, и лишь на четвертомъ разсвѣтѣ
Я съ высочайшей волны Италію, взброшенъ, увидѣлъ.
Понемногу я плылъ; и ужъ твердой земли достигалъ я,
Но жестокій народъ отягченнаго мокрой одеждой
И хватающаго руками цѣпкими скалы,
Поражая мечемъ, по незнанью счелъ за добычу.
Вотъ я въ морѣ теперь и носимъ по прибрежью вѣтрами.
Такъ отраднымъ молю я свѣтомъ неба, и жизнью,

336. *Австеръ погрузилъ*, во время бури на Тирренскомъ морѣ (I, 133 сл.).— 339. *Павши съ кормы*, см. V, 835 сл. — 343. *Ибо мнѣ*. Эней указываетъ на оракула, о которомъ раньше не пришлось упоминать Вергилію. — 346. *Авзонійскій*, см. IV, 236. — 347. *Треножникъ*, т. е. оракулъ. — 348. Палинуръ самъ себѣ приписываетъ вину; но см. V, 857 сл. — 353. *Безоруженъ*, лишенный руля.

И родителемъ, и Іула надеждой встающей,
Непобѣдимый, изъ бѣдъ исторгни меня: иль земли мнѣ
Вскинь, вѣдь можешь же ты, и ищи Велинскаго порта;
Или жъ, коль способъ тутъ есть, коль тебѣ онъ указанъ богиней
Матерью—ибо я мню, что ты не безъ божіей воли
Рѣки такія готовъ и Стигійскую топь переѣхать—
Руку несчастному дай и съ собой переправь черезъ волны,
Чтобы хоть въ смерти я могъ опочить въ безмятежномъ пріютѣ».
Такъ сказалъ онъ, когда въ отвѣтъ промолвила жрица:
«Что за безумное то у тебя, Палинуръ, вожделѣнье?
Непогребенный ты мнишь увидѣть Стигійскія воды,
Грозный потокъ Эвменидъ, и выйти на берегъ запретный?
Рокъ боговъ преклонить мольбами оставь ты надежду,
Но запомни слова, утѣшеніе въ тяжкой судьбинѣ.
Ибо окольный народъ, въ городахъ вездѣ побуждаемъ
Чудесами съ небесъ, твои кости жертвой очиститъ
И устроитъ курганъ и празднество на курганѣ,
И то мѣсто навѣкъ сохранитъ Палинура названье»,
Изгнаны рѣчью такой, заботы и скорбь отступаютъ
Отъ печальной души; земли онъ прозваньемъ утѣшенъ.
Такъ продолжаютъ они свой путь и къ рѣкѣ подступаютъ.
Только что ихъ увидалъ съ волны Стигійской паромщикъ,
Шедшихъ по рощѣ нѣмой и къ брегу стопы обратившихъ,
Первый онъ сталъ говорить и такъ укорять издалека:
«Кто бъ ты ни былъ, что къ рѣкамъ идешь съ оружіемъ къ нашимъ,
Молви съ мѣста, зачѣмъ ты идешь, и шагъ удержи свой.

365—366. *Земли мнѣ вскинь.* Если обстоятельства не дозволяли совершить погребенія, то достаточно было бросить горсть земли на умершаго.—*Велинскій портъ*, поэтическій анахронизмъ. Прибрежный городъ Луканіи Velia (Elea), у мыса Палинура, былъ основанъ только впослѣдствіи. — 375. *Эвменидъ* (IV, 469), обитавшихъ во мракѣ ада. — 378. *Окольный народъ*, Луканцы. Страдая отъ моровой язвы (*чудесъ*, ст. 379), они обратились къ оракулу и получили въ отвѣтъ умилостивить тѣни Палинура. Еще теперь мысъ между заливами Salerno и Policastro наз. punta di Palinuro.—Эпизодъ о Палинурѣ, заключающій нѣсколько противорѣчій съ разсказомъ о смерти этого моряка въ концѣ V книги, очевидно, не отдѣланъ Вергиліемъ окончательно. — 384. *Такъ*, т. е. успокоивъ Палинура. — 385. *Съ волны*, такъ какъ Харонъ находится среди рѣки.

Здѣсь обитель тѣней и грезъ и ночи снотворной;
Тѣлъ живыхъ на ладьѣ Стигійской возить я не долженъ.
Мало радости мнѣ и Алкида идущаго было
Здѣсь принять на водѣ и Тезея и Пиритоя,
Хоть отъ боговъ родились и силами непобѣдимы.
Тартара сторожа тотъ рукой своей ввергнулъ въ оковы
У престола царя самого, и дрожащаго влекъ онъ.
Эти жъ рѣшились увесть изъ спальни Диса супругу».
Кратко въ отвѣтъ говоритъ ему Амфризійская жрица:
«Козней подобныхъ тутъ нѣтъ, и ты перестань волноваться,
Нѣтъ въ оружьи угрозъ; пускай огромный привратникъ
Вѣчнымъ лаемъ своимъ устрашаетъ безкровныя тѣни,
Чистая пусть хранитъ у дяди порогъ Прозерпина.
Тутъ Троянецъ Эней, благочестьемъ великъ и оружьемъ,
Къ нижнимъ Эреба тѣнямъ, къ своему родителю сходитъ.
Ежели образъ тебя такой благочестья не тронетъ,
То эту вѣтвь — и вѣтвь, что подъ платьемъ скрывалась, открыла—
Ты признай». Тутъ со зла кипящее сердце утихло.
И ни слова затѣмъ. Онъ, даромъ почтеннымъ любуясь
Вѣтви той роковой, невиданной долгое время,
Голубую корму обращаетъ и къ берегу гонитъ.
Души другія оттоль, на лавкахъ сидящія длинныхъ,
Разогналъ и корму очистилъ и въ лодку Энея
Принялъ огромнаго. Челнъ застоналъ подъ грузомъ обшитый
И потресканный весь зачерпнулъ болота обильно.

392. Когда Геркулесъ, внукъ Алкея (*Алкидъ*), сошелъ въ адъ, чтобы увести Цербера, то испуганный Харонъ перевезъ его безъ сопротивленія чрезъ Стиксъ, за что цѣлый годъ просидѣлъ въ темницѣ. — 393. *Тезей*, вмѣстѣ съ Пиритоемъ, хотѣли похитить изъ ада Прозерпину. Въ наказаніе они были прикованы неподвижно къ скалѣ. Тезея освободилъ Геркулесъ. — 394. *Отъ боговъ родились*. Тезей былъ сыномъ Нептуна, Пиритой — Юпитера. — 396. *У престола царя*. Церберъ, завидя Геркулеса, визжа, убѣжалъ къ трону Плутона. — 397. *Супругу*, Прозерпину, III, 438. — 398. *Амфризійская*, Аполлонова. Амфризъ, ѳессалійская рѣка, на берегу которой Аполлонъ однажды пасъ стада Адмета.— 402. *У дяди*. Прозерпина, дочь Юпитера и Цереры, приходилась племянницею Плутону. — *Порогъ*, вм. спальню, ст. 397. — 408. *И ни слова затѣмъ*, подразумѣвается: добавила Сивилла.—409. *Вѣтви роковой*, см. ст. 146 сл.

Черезъ потокъ наконецъ невредимыми мужа и жрицу
Высадилъ въ гнусную грязь среди тростниковъ сѣроватыхъ.
Царство это Церберъ чудовищный лаемъ трехзѣвнымъ
Оглашаетъ, простертъ, свирѣпый, въ пещерѣ напротивъ.
Какъ ужъ дыбящихся змѣй увидала жрица на шеѣ,
Комъ снотворный ему изъ меду и зелій волшебныхъ
Кинула. Съ голоду онъ ярясь и три пасти разинувъ,
Эту подачку схватилъ и спиной огромной разслабнулъ,
На земь свалясь, и по всей растянулся пещерѣ, огроменъ.
Входомъ Эней овладѣлъ, привратника такъ схоронивши,
И проворно прошелъ черезъ берегъ волны невозвратной.
Слышны стали тотчасъ голоса и плачъ превеликій,
Дѣтскихъ рыданія душъ на первомъ порогѣ, которыхъ,
Сладостной жизни лишивъ и отъ груди родимой похитивъ,
День унесъ роковой и горькой отдалъ могилѣ.
Подлѣ тѣ, что на смерть казнены, обвиненные ложно.
Но не безъ жребія иль безъ судьи тутъ мѣста раздаются;
Урну Миносъ судія сотрясаетъ; и онъ же безмолвныхъ
Сонмы сзываетъ и ихъ преступленья и жизнь испытуетъ.
Рядомъ для грустныхъ затѣмъ мѣста, что своею рукою
Смерть себѣ нанесли безъ вины и, свѣтъ ненавидя,
Кинули души свои. О, какъ бы въ надземномъ эѳирѣ
Нынѣ желали они и бѣдность терпѣть и работы!
Рокъ не велитъ, и волной печальной враждебныя топи

417—419. *Церберъ* имѣлъ три собачьи головы, три шеи, хвостъ дракона и вм. волосъ змѣиныя головы. Ему приписываютъ тоже сто головъ. Лежа въ пещерѣ у входа въ царство тѣней, онъ исполнялъ двоякую обязанность: отгонялъ непризванныхъ и не дозволялъ удаляться изъ преисподней призваннымъ. — 425. *Невозвратной.* Тѣни разъ переплывшія Стиксъ не могли вернуться обратно.— 427. *На первомъ порогѣ*, т. е. сейчасъ при входѣ въ жилище этихъ душъ.— 429. *Горькой*, преждевременной. — 430. Рядомъ съ невинными дѣтьми пребываютъ и невинно осужденные на смерть. — 431—433. По сказанію Грековъ, извѣстный своею справедливостью царь Крита, сынъ Юпитера и Европы, *Миносъ*, былъ сдѣланъ *судьею* въ преисподней. У Вергилія онъ является по римск. обычаю предсѣдателемъ суда, который избравъ себѣ помощниковъ, членовъ суда, производитъ дознаніе (*испытуетъ жизнь*) тѣнямъ умершихъ. Поэтому выраженія: *не безъ жребія иль безъ судьи* употреблены вм. не безъ судей, избранныхъ по жребію.

Вяжутъ, и девять разъ обѣгающій Стиксъ возбраняетъ.
Недалеко оттоль виднѣются, всюду раздавшись,
Скорби поля; такимъ же и именемъ ихъ прозываютъ,
Тѣхъ тутъ, которыхъ любовь жестокимъ ядомъ изъѣла,
Тайно тропинки хранятъ, и закрываетъ отвсюду
Миртовый лѣсъ; ихъ печаль не покидаетъ и въ смерти.
Федру съ Прокрою тутъ и грустную тожъ Эрифилу,
Кажущую свои отъ сына злобнаго раны,
И Эвадну онъ зритъ съ Пазифаей, и Лаодамія,
Слѣдомъ идетъ и Ценей, когда-то юноша, нынѣ жъ
Женщина, волей судебъ вернувшись къ прежнему виду.
Финикійка межъ нихъ съ недавнею раной Дидона
Въ рощѣ блуждаетъ большой; какъ только витязь Троянскій
Сталъ передъ ней и призналъ ее, омраченную тѣнью,—
Такъ въ новый мѣсяцъ иной завидитъ иль полагаетъ,
Что луну увидалъ, за дымкой встающую тучи,
Слезы пролилъ и такъ съ любовью сладкою молвилъ:
«О злополучная ты, Дидона, знать вѣрный мнѣ вѣстникъ
Передалъ, что умерла и конца ты достигла желѣзомъ?
Смерти, увы, тебѣ я ль причиной? Клянуся звѣздами,
Неба богами и всей, коль есть подъ землей она, правдой,

444. *Миртовый лѣсъ.* Миртъ былъ посвященъ Венерѣ. — 445. *Федра,* жена Тезея, умертвила себя отъ несчастной любви къ пасынку своему Ипполиту. — *Прокра,* жена фокейскаго царя Цефала, лишила себя жизни изъ ревности. *Эрифила,* была убита своимъ *сыномъ* Алкмэономъ за то, что открыла врагамъ убѣжище своего мужа Амфіарая, который былъ вынужденъ вслѣдствіе этого принять участіе въ походѣ семи противъ Ѳивъ, зная, какъ предсказатель, что ему придется погибнуть. — 447. *Эвадна,* жена Капанея, одного изъ 7 вождей ѳивск. похода, погибла на погребальн. кострѣ своего мужа.—*Пазифая,* см. ст. 25.—*Лаодамія,* не могла пережить смерти Протезилая, убитаго Гекторомъ. — 448. *Ценей,* получила отъ Нептуна способность превращаться въ мужчину, недоступнаго для ранъ. Подъ именемъ *Ценея* она вступила въ борьбу съ Центаврами, которые задушили ее подъ грудою деревьевъ. — 449. Послѣ смерти она приняла свой *прежній видъ.* — 450. *Съ недавнею раной.* Тѣни почившихъ соотвѣтствуетъ то состояніе тѣла, въ которомъ человѣкъ умеръ; см. IV, 603 сл.—456. *Вѣстникъ.* Пламя, которое замѣтилъ Эней при отъѣздѣ изъ Карѳагена, возвѣщало ему трагическую кончину Дидоны; см. V, 4—7. — 458—459. Эней, чтобы убѣдить Дидону, *клянется* не только земными *богами,* но и богами подземнаго царства, въ которомъ пребы-

Противъ воли я твой, царица, берегъ покинулъ.
Но повелѣнья боговъ, что нынѣ идти межъ тѣнями
По тернистымъ путямъ въ глубокой ночи принуждаютъ,
Властью изгнали своей; не могъ и помыслить я даже,
Что уходомъ тебѣ причиню столь великое горе.
Шагъ замедли ты свой, не скрывайся отъ нашего взора.
Отъ кого ты бѣжишь? Въ послѣдній съ тобой говорю я».
Рѣчью такою Эней у кипящей и косо глядящей
Духъ старался смягчить и слезы у ней же исторгнуть.
Та, отвернувшись, глаза опущенными въ землю держала,
И не болѣе ликъ начатою тронулся рѣчью,
Какъ чѣмъ была бы она кремнемъ иль Марпезской скалою.
Бросилась прочь наконецъ и, враждебная, въ рощѣ тѣнистой
Скрылась, гдѣ прежній ея супругъ Сихей отвѣчаетъ
Ей заботой своей, встрѣчая любовью взаимной.
Все же Эней, потрясенъ ея судьбиной жестокой,
Издали плача слѣдитъ и объ идущей жалѣетъ.
Дальше въ дозволенный путь онъ идетъ и полей ужъ достигли
Крайнихъ, гдѣ отдѣлясь знаменитые въ браняхъ витаютъ.
Тутъ навстрѣчу ему Тидей, тутъ оружіемъ славный
Партенопей, а затѣмъ и образъ блѣдный Адраста;
Тутъ оплаканные вверху и павшіе въ войнахъ
Дарданиды, ихъ всѣхъ, онъ, въ длинномъ ряду увидавши,
Застоналъ, и Главка, Медонта, затѣмъ Терзилоха,
Антеноридовъ всѣхъ трехъ и Цереры жреца Полифета,
И Идея, еще съ колесницей, еще при оружьи.
Души толпою его обступаютъ и справа, и слѣва,

ваетъ Дидона. — 463. *Властью.* Въ IV кн. Меркурій дважды увѣщеваетъ Энея оставить Карѳагенъ. — 466. *Въ послѣдній.* При жизни Эней болѣе не сойдетъ въ адъ, а по смерти онъ не получитъ мѣста въ *поляхъ скорби* (ст. 441).— 471.—*Марпезской*, отъ *Марпеза*, горы на о. Паросѣ, знаменитой ломками мрамора. — 473. *Сихей*, I, 134; IV, 17. — 475. *Судьбиной*, т. е. кончиною Дидоны. — 477. *Дозволенный*, т. е. путь, который открывался предъ ними.— 479—480. *Тидей*, *Партенопей*, *Адрастъ*, три героя изъ «Семи противъ Ѳивъ». Остальные были: Полиникъ, Капаней, Гиппомедонъ, Амфіарай. Всѣ погибли у Ѳивъ, кромѣ Адраста, спасшагося на своемъ конѣ. — 483 — 485. Упомянутые въ этихъ ст. имена взяты изъ Одиссеи. *Идей* былъ возницею Пріама. — 486. *Его*, Энея.

И не довольно имъ разъ поглядѣть; имъ любо промедлить
Съ нимъ, и вмѣстѣ идти, и узнать причину прихода.
И Данаевъ вожди съ Агамемнона фалангой,
Мужа едва увидавъ и оружія блескъ межъ тѣнями,
Дрогнули въ страхѣ большомъ, и часть ихъ тылъ обратила,
Какъ, бывало, къ судамъ бѣжали; а часть подымала
Голосъ слабый: но звукъ въ раскрытыхъ устахъ замираетъ.
Тутъ Пріамида онъ Деифоба съ изрѣзаннымъ тѣломъ
Видитъ, какъ у него лицо истерзано страшно,
Да и обѣ руки, и виски, гдѣ отрѣзаны уши,
Какъ оголились, и носъ, искалѣченный раной позорной.
Лишь дрожащаго онъ и скрывавшаго страшныя язвы
Опозналъ, то его знакомымъ голосомъ кликнулъ:
«Мощный въ войнѣ Деифобъ, отъ крови Тевкра рожденный,
Кто жестокій тебѣ такія казни назначилъ?
Кто это смогъ надъ тобой? Молва мнѣ ночью послѣдней
Донесла про тебя, что въ сѣчѣ великой Пелазговъ
Ты истомленный полегъ на груду нестройную павшихъ.
Тутъ на Ретейскомъ я самъ берегу пустую могилу
Навалилъ, и воззвалъ троекратно къ манамъ я громко.
Имя то мѣсто хранитъ и оружье; о другъ, тебя видѣть
Я не могъ и въ родной землѣ схоронить, отъѣзжая».
Сынъ Пріама на то: «ничего, о другъ, не забылъ ты;
Все Деифобу воздалъ и его ты тѣни могильной.
Но мой рокъ лишь меня да Лаконки преступныя козни
Въ это повернули зло; отъ нея эта память осталась.
Ибо, какъ ночь провели мы послѣднюю въ радостяхъ ложныхъ,
Знаешь ты; и вспоминать поневолѣ приходится слишкомъ.
Какъ уже конь роковой прыжкомъ черезъ стѣны крутыя

493. *Звукъ замираетъ.* Попытка крикнуть измѣняетъ имъ, оставляя ихъ съ разинутымъ ртомъ. — 494. *Пріамидъ Деифобъ,* храбрѣйшій изъ Троянцевъ послѣ Гектора, женился послѣ смерти Париса на Еленѣ. Недовольная этимъ она выдала Деифоба Менелаю. — 499. Деифобъ столь сильно былъ изуродованъ, что Эн. едва *опозналъ* его. Боясь испугать Энея своимъ ужаснымъ видомъ, онъ старается прикрыть свои раны (ст. 498). — 500. *Тевкра,* см. I, 38. — 505. *На Ретейскомъ берегу,* III, 108. — 506. *Троекратно,* т. е. троекратнымъ «vale», II, 644. — 511. *Лаконки,* Елены. — 513. *Въ радостяхъ ложныхъ,* вслѣдствіе мнимаго освобожденія отъ осады; см. II, 234 сл.

Прибылъ въ Пергамъ и принесъ отягченный во чревѣ пѣхоту,
То съ притворствомъ вокругъ Фригіекъ ликующихъ хоры
Предводила она, и въ срединѣ факелъ огромный
Подняла и звала съ вершины замка Данаевъ.
Тутъ заботами весь измученъ и сномъ отягченный,
Въ спальнѣ злосчастной я былъ, и лежащаго сладостный обнялъ
И глубокій покой, безмятежной смерти подобный.
Славная временемъ тѣмъ жена все оружье изъ дома
Удаляетъ и, мечъ подъ главою вѣрный похитивъ,
Въ домъ Менелая зоветъ и двери ему раскрываетъ,
Мысля, что это большой заслугой предъ любящимъ будетъ
И въ состояньи покрыть злодѣяній давнишнюю славу,
Что говорить? Ворвалися въ покой: сопутникомъ тутъ же
Золъ всѣхъ вожакъ Эолидъ. О боги, вы Грекамъ воздайте
Тѣмъ же, коль набожными устами прошу я отмщенья.
Но живаго какой сюда привелъ тебя случай,
Разскажи мнѣ взамѣнъ; блужданьемъ ли по морю пригнанъ,
Или внушеньемъ боговъ? Иль что за судьба тебя гонитъ,
Что ты къ смутнымъ мѣстамъ, въ жилища безъ солнца вступаешь»?
Между этихъ рѣчей на пурпурной четверкѣ Аврора
Ужъ половины пути воздушнаго въ небѣ достигла;
И могли бъ они такъ провести все данное время;
Но сопутница тутъ коротко вмѣшалась Сивилла:
«Ночь наступаетъ, Эней; мы, плача, часы провожаемъ.
Вотъ то мѣсто, гдѣ путь раздѣляется на двѣ дороги;

517—519. Ликующій хоръ Вакханокъ, съ криками «euoe» проходилъ по улицамъ. Посреди шла Елена съ факеломъ, пламя котораго предупреждало приближавшійся къ Троѣ флотъ Агамемнона (см. II, 250 сл.), что въ городѣ все спокойно.—Объ этомъ поступкѣ Елены въ описаніи паденія Трои (кн. II), ничего не говорится. — 520. *Заботами измученъ*, подобно остальнымъ Троянцамъ, измученнымъ продолжительностью осады (см. II; 253). — 529. *Эолидъ*. По позднѣйшему сказанію, отцомъ Одиссея былъ Сизифъ, сынъ бога вѣтровъ *Эола*.— 532. *Блужданьемъ ли по морю*. Деифобъ полагаетъ, что Эней, во время своихъ странствованій, былъ занесенъ въ Океанъ, гдѣ, по Гомеру (Одисс., X, 508), былъ входъ въ преисподнюю. — 534. *Жилища безъ солнца*, см. ст. 296. 462. — 535. *Аврора* предвѣстница дня, здѣсь вм. солнца. — 539. *Ночь наступаетъ*. Эней раннимъ утромъ пустился въ путь (ст. 255).

Правая та, что ведетъ къ стѣнамъ великаго Диса,—
Ею въ Элизій намъ путь; а лѣвая, гдѣ происходятъ
Казни злодѣевъ, она въ нечестивый Тартаръ низводитъ»:
Ей на то Деифобъ: «не сердись, великая жрица;
Я уйду, восполню число и во мракъ возвращуся.
Ты же, наша краса, иди; будь жребій твой лучше».
Такъ сказалъ онъ и вспять на словѣ такомъ обратился.
Оглянулся Эней, и вдругъ подъ скалой, что налѣво,
Замокъ обширный онъ зритъ, тройной окруженный стѣною,
Что стремительный токъ, огнемъ пылая, обходитъ
Тартаровъ Флегетонъ и мчитъ гремящіе камни.
Противъ большія врата и столбы изъ булата литые,
Что ни сила мужей, ни самихъ небожителей въ битвѣ
Не могла бъ истребить; желѣзная высится башня,
И Тизифона, сидя въ подобранномъ платьѣ кровавомъ,
Сна не зная, и день и ночь охраняетъ преддверье.
Слышны стенанья оттоль и звуки жестокихъ ударовъ;
Тутъ и бряцанье желѣзъ, и волочимыя цѣпи.
Остановился Эней и въ испугѣ прислушался къ шуму:
«Что за образы золъ? Скажи, о дѣва, какими
Казнями мучаютъ здѣсь? Что за шумъ доходитъ до слуха?»
Жрица тогда начала: «о вождь прославленный Тевкровъ,
Чистому стать никому не дано на порогѣ злодѣйскомъ;
Но поручала когда мнѣ Геката Авернскія рощи,
Казнямъ божьимъ сама научила, повсюду проведши.
Гносскій тутъ Радамантъ владѣетъ царствомъ жестокимъ,
Слушаетъ онъ и казнитъ и ковы признать вынуждаетъ,
Съ коими, кто, наверху веселившись тщетнымъ обманомъ,
Искупленье грѣховъ отложилъ до поздней кончины.

541. *Къ стѣнамъ*, вм. къ дворцу.—*Диса*, IV, 702. — 543. Мысль: налѣво ведетъ дорога въ Тартаръ, гдѣ наказываются нечестивые. Свойство Тартара перенесено на путь, ведущій къ нему. — 545. *Восполню число:* я восполню собою сонмъ тѣней, уменьшившійся вслѣдствіе моего отсутствія. Эней и Деифобъ разговаривая незамѣтно дошли вмѣстѣ до пересѣченія двухъ дорогъ (ст. 540).—*Во мракъ.*—Вблизи *Элизія* свѣтлѣе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ преисподней. — 555. *Тизифона* (мстительница убійства), одна изъ фурій. — 566. *Гносскій*, V, 306.—*Радамантъ*, братъ Миноса. Своими разспросами онъ доводитъ виновныхъ до сознанія и опредѣляетъ имъ наказаніе.

Вооружившись бичемъ, съ наскоку тотчасъ Тизифона
Мстящая грѣшныхъ разитъ и змѣй, крутящихся въ лѣвой,
Выставляя, зоветъ сестеръ жестокіе сонмы.
Тутъ наконецъ на петляхъ, ужасно звучащихъ, раскрылись
Гнусныя съ визгомъ врата. Ты видишь ли, стража какая
У преддверья сидитъ? Что за ликъ порогъ охраняетъ?
Гидра съ пятидесятью чернѣющихъ зѣвовъ огромна
Злѣйшая тамъ же внутри. А тамъ уже самый и Тартаръ
Вдвое срывается въ глубь, къ тѣнямъ спускаясь настолько,
Видимъ насколько Олимпъ воздушный, стремящійся въ небо.
Древній здѣсь родъ Земли, Титановъ племя, которыхъ
Молнія свергла, на днѣ преисподней вращается самой.
Видѣла тутъ я тѣла огромныя двухъ Алоидовъ,
Что хотѣли пробить великое небо руками
И столкнуть самого Юпитера съ вышняго царства.
Видѣла, какъ Салмоней жестокую казнь отбываетъ,
Тотъ, что Зевеса огнямъ подражалъ и грому Олимпа.
Онъ, на четверкѣ коней сидя и лампадой махая,
Черезъ Граевъ народъ и чрезъ городъ срединной Элиды
Шелъ въ торжествѣ и себѣ поклоненій требовалъ божьихъ;
Онъ, безумецъ! грозу и неподражаемый пламень
Мѣдью и топомъ коней рогоногихъ представить пытался.
Но всемогущій отецъ черезъ тучи густыя стрѣлою
Ринулъ, не свѣточемъ ужъ, не факела дымнаго блескомъ,
И стремглавъ онъ его въ ужасномъ вихрѣ низвергнулъ.

570. *Тотчасъ*, послѣ приговора. По римск. обычаю, осужденные на смерть подвергались предварительно бичеванію. — 577. *Злѣйшая*, чѣмъ Тизифона.— *Внутри*, за воротами. — 578—579. *Тартаръ* простирается *въ глубь*, равную двойному разстоянію *воздушнаго Олимпа* отъ земли. — 580—581. Миѳъ различаетъ господство Урана Кроноса и Зевса. Сыновья Кроноса и Геи *(Земли)*, Титаны, ниспровергли господство Урана, но преемникомъ послѣдняго, Зевсомъ, они были побѣждены и молніею повергнуты въ Тартаръ. Титаны наз. также Гигантами. — *Древній*, такъ какъ родъ Титановъ существовалъ уже до Зевса. — 582—584. *Алоиды*, Отъ и Эфіальтъ, сыновья Нептуна и Ифимедіи, жены великана Алоэя, желавшіе ниспровергнуть боговъ. Они были убиты Аполлономъ и брошены въ Тартаръ. — 585—594. *Салмоней*, братъ Сизифа, царь Элиды. Желая быть соперникомъ Юпитера, онъ подражалъ грому, приказывая возить свою колесницу по мѣдному мосту (*мѣдью*, ст. 591) и бро-

Также и Титія тутъ, Земли всеродящей питомца,
Видѣла, какъ его растянулося тѣло на девять
Всѣхъ десятинъ, и кровавымъ клювомъ коршунъ огромный
Печень безсмертную рветъ и для мукъ плодущую утробу,
Роясь за пищею въ ней, и подъ грудью высокой витаетъ;
И возникающей нѣтъ никакого отдыха плоти.
О Лапитахъ скажу ль, Иксіонѣ и Пиритоѣ,
Черный надъ ними утесъ вотъ вотъ упадетъ и, какъ будто
Обрываясь, грозитъ? Золотыя высоко сіяютъ
Ножки у праздничныхъ ложъ и у рта готовыя яства
Съ роскошью царской; но тутъ изъ Фурій главная рядомъ
Возлежитъ и столовъ возбраняетъ касаться руками,
Факелъ подъявши, встаетъ и голосомъ громкимъ взываетъ.
  Тутъ, кто братьевъ своихъ, какъ длилася жизнь, ненавидѣлъ,
Кто отца оскорблялъ, кто обманомъ опуталъ кліента,
Тѣ ли, что, клады найдя, одни надъ ними лежали,
Доли не давши своимъ,—толпа подобныхъ всѣхъ больше,—
Въ прелюбодѣйствѣ затѣмъ убитые и къ нечестивымъ
Войнамъ приставшіе и господамъ измѣнившіе въ клятвѣ,
Казни ждутъ взаперти. И ты узнать не старайся,
Что за казнь и пріемъ, иль судьба какая ихъ ввергла.
Камень огромный одни вращаютъ, на спицахъ колесныхъ
Эти распяты висятъ; сидитъ, и сидѣть ему вѣчно,
Злополучный Тезей, и всѣхъ несчастнѣйшій Флегій
Увѣщеваетъ, вопя межъ тѣнями, голосомъ громкимъ:
«Правдѣ учитесь на мнѣ и боговъ презирать вы страшитесь».

салъ въ своихъ подданныхъ зажженные факелы. *Элиды*, т. е. въ той части Греціи, въ которой особенно почитали Зевса во время Олимп. игръ. *Низвергнулъ*, въ Тартаръ. — 595—600. *Титій*, сынъ (*питомецъ*) земли, оскорбивъ Латону, былъ убитъ стрѣлами Аполлона и Діаны и вверженъ въ Тартаръ.— *Безсмертную*, такъ какъ она постоянно отростала. — 601—607. *Иксіонъ*, отецъ Пиритоя (см. ст. 393), царь Лапитовъ, дикаго народа въ Ѳессаліи. Онъ хотѣлъ обезчестить Юнону, и за это былъ привязанъ въ аду къ колесу, которое безпрерывно вертѣлось. Верг. переноситъ на Иксіона и Пиритоя то наказаніе, которое претерпѣвали Сизифъ и Танталъ.—*Главная*, Аллекто или Мегера. — 612. *Убитые*, оскорбленнымъ супругомъ. — 616—617. Объясненіе этихъ стиховъ, см. въ примѣч. къ ст. 601. — 617—620. *Сидитъ*, по возвращеніи въ адъ см. ст. 393. — *Флегій*, отецъ Иксіона, зажегъ Дельфійскій храмъ. Его му-

Продалъ родину тотъ и могучаго въ ней властелина
Онъ водворилъ; и давалъ, и смѣнялъ за деньги законы;
Ложе вотъ тотъ осквернилъ дочернее бракомъ запретнымъ;
Всѣ, на огромное зло дерзнувъ, въ дерзновеньи успѣли.
Будь хотя сто у меня языковъ и сотня же глотокъ,
Голосъ желѣзный, я все жъ объять всѣ виды злодѣйства
И имена перечесть наказаній всѣхъ не смогла бы».
Эту окончивши рѣчь, долголѣтняя Фебова жрица,
«Но ужъ, сказала, ступай въ свой путь и начатое дѣло
Довершай; поспѣшимъ. Въ горнахъ Циклоповъ литыя
Стѣны завидѣла я и въ ближайшемъ сводѣ ворота
Тѣ, у которыхъ велитъ намъ заповѣдь даръ свой оставить».
Молвила и проходя по пути тѣнистому рядомъ
Посерединѣ идутъ и близко къ воротамъ подходятъ.
Входа достигнулъ Эней, и тѣло онъ свѣжей водою
Окропляетъ, и вѣтвь къ косяку предъ собой прикрѣпляетъ.
Это свершивъ наконецъ и честь богинѣ воздавши,
Достигаютъ они до отрадныхъ мѣстъ и лужаекъ,
Средь счастливыхъ лѣсовъ, и до жилища блаженныхъ.
Здѣсь просторнѣй эѳиръ, и свѣтомъ поля облекаетъ
Пурпурнымъ онъ, и свое у нихъ солнце и звѣзды свои же.
Часть на обильныхъ травой упражняетъ члены палестрахъ,
Спорятъ въ игрѣ и въ борьбу вступаютъ на желтой аренѣ;
Часть съ отбоями ногъ хороводы ведетъ распѣвая.
Въ длинной одеждѣ тутъ жрецъ Ѳракійскій тожъ сочетаетъ
Звуки лиры своей семиструнной, въ нее ударяя
То перстами, а то смычкомъ изъ кости слоновой.

ченіе и вопли постоянно напоминаютъ людямъ о правосудіи боговъ. — 630. *Литыя стѣны.* Разумѣются воздвигнутыя изъ желѣза стѣны дворца, находящагося между Тартаромъ и Элизіемъ (ст. 541). — 636. Кто желалъ войти въ храмъ, тотъ долженъ былъ предварительно окропить себя священною (*свѣжей*) водой. Сосуды съ этою водой помѣщались для указанной цѣли при входѣ въ храмъ. Здѣсь Эн. долженъ подвергнуться подобному очищенію, такъ какъ въ Элизій могли входить только люди непорочные. — 640—641. Вергилій полагаетъ, что Элиз. поля имѣютъ свои собствен. свѣтила. — 644. *Съ отбоями ногъ*, т. е. прихлопывая ногами. — 645. *Жрецъ Ѳракійскій*, Орфей, родомъ ѳракіецъ, знаменитый въ древности пѣвецъ на лирѣ. Онъ наз. *жрецомъ*, такъ какъ ввелъ оргіи и мистеріи.

Древній Тевкра здѣсь родъ, его прекрасное племя,
Мощные духомъ вожди, въ годахъ рожденные лучшихъ,
Илъ и съ нимъ Ассаракъ и Трои Дарданъ основатель.
Тотъ дивится вдали колесницамъ мужей и доспѣхамъ
Празднымъ. Копья стоятъ, воткнутыя въ землю, и кони
Вольно пасутся въ поляхъ. Насколько тѣхъ колесницы
И оружье живыхъ утѣшало, насколько любили
Гладкихъ пасти лошадей, страсть та же у мертвыхъ осталась.
Справа и слѣва другихъ, на травѣ пирующихъ, видитъ
Онъ и веселую пѣснь Пеана хоромъ поющихъ
Между лавровыхъ рощъ благовонныхъ, а сверху оттуда
Эридана потокъ многоводный по̀ лѣсу мчится.
Здѣсь за отчизну въ бою принявшихъ раны дружина,
Также и тѣ, что въ жрецахъ всю жизнь чистоту сохраняли,
И прорицатели тутъ, что вѣщали достойное Феба,
Тѣ, что украсили жизнь изобрѣтеньемъ художествъ,
Тѣ, что другимъ о себѣ оставили память заслугой;
Бѣлоснѣжная всѣмъ имъ чело увиваетъ повязка.
Къ нимъ, что стеклися кругомъ, Сивилла такъ провѣщала,
Но къ Музею сперва; ибо онъ возвышался плечами
Средь многолюдной толпы, на него лишь снизу взиравшей:
«Души блаженныхъ, и ты, прорицатель достойный, скажите,
Гдѣ Анхиза тутъ край, въ какомъ онъ мѣстѣ? Пришли мы
Изъ-за него, переплывъ великія рѣки Эреба».
Ей въ короткихъ словахъ герой на это отвѣтилъ:
«Мѣстъ тутъ назначенныхъ нѣтъ; въ лѣсахъ обитаемъ тѣнистыхъ,
На высотахъ береговъ, на лугахъ, орошенныхъ рѣками,
Мы живемъ. Но вы, коль вамъ это по сердцу будетъ,

648. *Тевкра*, I, 38. — 650. *Илъ*, *Ассаракъ* сыновья Троса, сына Дардана (I, 28). — 652. *Празднымъ*. Подобно тѣнямъ героевъ и колесницы являются какъ видѣнія. Видъ доспѣховъ въ Элизіи возбуждаетъ удивленіе Энея. — 657. *Пеанъ*, побѣдная пѣснь. — 659. *Эриданъ*, баснословная рѣка, отождествляемая впослѣдствіи съ По и Роною. — 662. *Что вѣщали достойное Феба*, т. е. великіе поэты. — 665. *Бѣлоснѣжная повязка*, отличительное украшеніе нравственно чистыхъ жрецовъ (ст. 661), украшаетъ здѣсь чело всѣхъ благодѣтелей человѣчества. — 667. *Музей*, ученикъ Орфея, древне-аттическій пѣвецъ.

Вотъ перейдите хребетъ; укажу вамъ и легкую стежку».
Молвилъ и самъ напередъ пошелъ и свѣтлыя сверху
Кажетъ поля; и оттоль высоты они оставляютъ.
А родитель. Анхизъ въ глубинѣ зеленой долины
Души въ затворѣ, чтобъ имъ идти къ надземному свѣту,
Обозрѣвалъ, съ любовью глядя, и какъ разъ тутъ своихъ же
Перебиралъ по числу онъ всѣхъ и возлюбленныхъ внуковъ,
Долю мужей, и судьбы, и нравы, и рукъ ихъ дѣянья.
Какъ направлявшагося по травѣ на встрѣчу завидѣлъ
Онъ Энея, къ нему простеръ обѣ длани проворно;
Слезы текутъ по щекамъ и рѣчи изъ устъ вылетаютъ:
«Наконецъ ты пришелъ и тѣмъ, что я ждалъ, благочестьемъ
Трудный путь одолѣлъ. Твой ликъ дано мнѣ увидѣть,
Сынъ, и тебѣ отвѣчать, заслыша голосъ знакомый
Такъ я въ душѣ полагалъ и размышлялъ о грядущемъ,
Времени счетъ выводя, и своей не обманутъ заботой.
Сколько земель и морей тебя исходившаго вижу
Я, о чадо! въ какихъ тебя не кидало напастяхъ!
Какъ я боялся тебѣ вреда отъ Либійскаго царства!»
Онъ же: «твой, о отецъ, твой часто образъ печальный,
Посѣщая меня, прибыть къ симъ предѣламъ заставилъ.
Въ морѣ Тирренскомъ мой флотъ. О, дай сочетать намъ десницы,
Дай, отецъ, отъ моихъ не уклоняйся объятій».
Такъ говоря, орошалъ лицо онъ обильно слезами.
Трижды силился тутъ охватить онъ шею руками,
Трижды образъ, вотще объятый, отъ рукъ ускользаетъ,
Легкій словно бы вѣтръ и снамъ окрыленнымъ подобный.

679—680. Вергилій выражаетъ здѣсь мнѣніе, что души человѣч. существуютъ до рожденія людей на свѣтѣ. Души эти принадлежали уже нѣкогда людямъ и послѣ смерти послѣднихъ, очищенныя въ преисподней, послѣ извѣстнаго срока, снова воплощаются въ новорожденныхъ, «на этомъ свѣтѣ».— 681. Анхизъ, въ ту минуту, когда Эн. подходилъ къ нему, занятъ былъ мыслями о томъ, что изъ нѣкоторыхъ душъ, подлежащихъ возрожденію, выйдетъ современемъ. — 687. Анхизъ дѣйствительно *ждалъ* прихода Энея, см. V, 731 сл. — 694. Анхизъ боялся, чтобы пребываніе у Дидоны (кн. IV) не помѣшало Энею поселиться въ Италіи. — 696. *Посѣщая меня*, IV, 371 сл.; V, 721. — 700—702. Повтореніе изъ II, 792—794. У Гомера (Одисс. XI, 204—224) Одис-

Видитъ Эней между тѣмъ въ уединенной долинѣ
Отдѣленный лѣсокъ и въ немъ шумящій кустарникъ,
И Летейскій потокъ, что течетъ у жилищъ безмятежныхъ.
Тутъ кругомъ безъ числа летало племенъ и народовъ;
И, какъ бы на лугахъ, гдѣ пчелы въ ясное лѣто
На различныхъ цвѣтахъ сидятъ и къ лиліямъ бѣлымъ
Льнутъ, летая кругомъ; гудетъ отъ шуму все поле.
Видитъ вдругъ, устрашенъ, и о причинахъ, въ незнаньи,
Вопрошаетъ Эней, вдали то рѣки какія,
Что за мужи такой берега наполняютъ толпою.
Тутъ родитель Анхизъ: «то души, которымъ судьбою
Новыя будутъ тѣла, у волнъ Летейскаго тока
Влагу безпечную пьютъ, и въ ней надолго забвенье.
Ихъ вотъ тебѣ помянуть и предъ тобой обнаружить,
Это потомство свое давно ужъ хочу я исчислить,
Чтобы тѣмъ больше со мной ты найденной Италіи радъ былъ».
«О родитель, ужель допустить, что къ небу отсюда
Нѣкія души взлетѣвъ идутъ, чтобы снова вернуться
Въ косное тѣло? И что у бѣдныхъ за рвеніе къ свѣту?»
«Я и скажу и тебя въ сомнѣніи, сынъ, не оставлю»,
Началъ Анхизъ, и тутъ все по порядку подробно раскрылъ онъ.
«Небо вначалѣ съ землей и съ водяною равниной
И сіяющій шаръ луны и свѣтило Титана
Духъ питаетъ внутри и всею, разлившись по членамъ,

сей тоже трижды старается обнять тѣнь матери. — 705. *У жилищъ безмятежныхъ*, т. е. по Элизейскимъ полямъ. — 713. *Души*, которымъ суждено еще разъ жить на землѣ, испиваютъ забвеніе того, чѣмъ онѣ были до рожденія; см. ст. 675. 715. — 714. *Летейскаго тока.* Рѣка забвенія Лета, течетъ на краю Элизейск. полей. — 715. *Безпечную*, доставляющую спокойствіе, беззаботность. — 719. *Къ небу*, т. е. на землю. — 721. *Къ свѣту*, къ жизни (ст. 761).—724—751. Здѣсь описывается система переселенія душъ (метемпсихоза) греч. философа Пиѳагора. По этой системѣ, міръ разсматривается, какъ одно громадное тѣло, котораго всѣ части приводятся въ движеніе однимъ духомъ. Этотъ духъ разлитъ въ тѣлахъ небесныхъ, въ людяхъ и животныхъ; онъ находится во всѣхъ существахъ той же природы, и разница, которую мы замѣчаемъ въ этихъ различныхъ душахъ или умахъ, вытекаетъ только изъ различія органовъ, съ которыми они связываются. — 725. *Свѣтило Титана*, солнце, IV, 119.

Движетъ громадою умъ, смѣсившись съ тѣломъ великимъ.
Родъ оттуда людей, и скотовъ, и животныхъ пернатыхъ,
И чудовищъ, что понтъ подъ мраморной носитъ пучиной.
Сила въ тѣхъ сѣменахъ огневая съ небеснымъ зачаткомъ,
Ежели ихъ не гнетутъ тѣла вредоносныя только,
И не тупитъ составъ земляной и смертные члены.
Вотъ страшатся съ чего, вожделѣютъ, горюютъ и рады,
И въ небеса не глядятъ, въ темницѣ слѣпой запертые.
Вотъ почему и, когда ихъ жизнь и свѣтъ покидаетъ,
Зло отъ несчастныхъ не все и не всѣ тѣлесныя скверны
Вдругъ отпадаютъ, но то, что долго внутри сочеталось,
Дивнымъ родомъ еще должно оставаться сращеннымъ.
Ради того и несутъ они муку и казнь отбываютъ
Старыхъ злодѣйствъ: одни раскинуты въ вѣтрѣ безплодномъ
Носятся, а у другихъ въ обширномъ омутѣ скверный
Омывается грѣхъ, иль огнемъ его выжигаютъ.
Терпимъ, какъ маны, мы всѣ. Затѣмъ чрезъ Элизій обширный
Шлютъ насъ, и въ свѣтлыхъ поляхъ немногіе мы обитаемъ,
Долгій покуда и день и времени кругъ завершенный
Вросшее сниметъ пятно и въ чистомъ видѣ оставитъ
Смыслъ эѳирный и съ нимъ огонь простаго состава.
Всѣхъ ихъ, какъ времени кругъ черезъ тысячу лѣтъ оборотятъ,

728. *Оттуда*, т. е. оттого, что духъ проникаетъ вездѣ. — 730—732. Жизнь, жизненная сила, исходитъ изъ эѳира.—*Съ небеснымъ зачаткомъ:* ихъ начало отъ неба, изъ котораго является эѳиръ; силу эту сковала бренная плоть (*вредоносныя тѣла*) и духъ, притупленный земнымъ тѣломъ, теряетъ свой свободный полетъ. — 734. *Въ темницѣ слѣпой:* въ темнотѣ земного тѣла.— 740—742. *Вѣтры* безтѣлесны.—Воздухъ, вода, и *огонь*, служатъ средствомъ очищенія. — 743. *Маны*, собственно души тѣхъ, которые низошли въ преисподнюю. Эти души пребываютъ въ томъ состояніи, какое получили при жизни. *Терпимъ, какъ маны, мы всѣ* значитъ: каждый изъ насъ претерпѣваетъ въ своей тѣни тѣ наказанія, которыя онъ заслужилъ. *Затѣмъ*, т. е. послѣ очищенія. — 744. *Шлютъ насъ.* Согласно этому описанію, въ *Элизіи* находятся особыя *свѣтлыя поля*, предназначенныя только немногимъ. Остальные, послѣ очищенія (ст. 739—42), вступаютъ въ Элизій, здѣсь пріобщаются чистому эѳирному духу и затѣмъ только переходятъ *въ свѣтлыя поля.* Путь туда ведетъ черезъ Элизій. — 745—746. Пребываніе въ Элизіи продолжается до тѣхъ поръ, пока духъ не получитъ первоначальной чистоты. Только тогда онъ возвращается на землю къ новой жизни. — 747. *Смыслъ эѳирный*, т. е. душу.

Богъ къ Летейской рѣкѣ вызываетъ толпою великой
Съ тѣмъ, чтобъ не помня они небосклонъ увидѣли снова
И начали бы хотѣть въ земныя тѣла возвратиться».
Такъ промолвилъ Анхизъ, и сына, и вмѣстѣ Сивиллу
Прямо въ толпу онъ влечетъ, въ середину шумящаго сонма,
И восходитъ на холмъ, откуда всѣхъ перебрать онъ
Могъ бы въ длинной чредѣ, узнавая въ лицо подходящихъ.
«Слушай, какую затѣмъ Дарданское племя получитъ
Славу, какихъ тебѣ ждать Италійскаго рода потомковъ,
Свѣтлыхъ душъ, что отъ насъ воспримутъ имя въ наслѣдство,
Словомъ я возвѣщу и тебѣ твою долю открою.
Юноша, что оперся на копье безъ насадки, какъ видишь,
Жребіемъ первый займетъ на свѣтѣ мѣсто, и первый
Выйдетъ въ воздушный эѳиръ, Италійскою смѣшанный кровью,
Сильвій, имя его Албанское, сынъ твой позднѣйшій,
Что супруга тебѣ Лавинія къ старости долгой
Воспитаетъ въ лѣсахъ царя и царскаго предка,
Отъ него же нашъ родъ завладѣетъ и Альбоюлонгой.
Ближній вотъ тотъ Прока, Троянскаго племени слава,
Капій, затѣмъ Нумиторъ, и тотъ, что вернетъ твое имя,
Сильвій Эней, равно знаменитъ въ благочестьи и въ браняхъ,
Если когда-либо онъ получитъ въ Альбѣ правленье.
Вотъ молодежь! Посмотри, какія въ нихъ видимы силы,
И осѣняютъ чело имъ вѣнцы гражданскаго дуба!
Эти тебѣ Номентъ, и Габій, и городъ Фидену,

757. *Италійскаго рода.* Вторая жена Энея была дочерью царя Латина, правившаго въ Лаціумѣ. — 759. *Твою долю*, см. ст. 890 сл. — 760. *Копье безъ насадки* служило знакомъ почетнаго отличія для героевъ въ торжеств. случаяхъ. — 763. *Сильвій* сынъ Энея и Лавиніи. Имя это впослѣдствіи перешло къ царямъ Альбы (*имя Албанское*). Анхизъ въ перечисленіи этихъ царей не сохраняетъ порядка, въ которомъ они царствовали. — 767. *Прока* былъ шестымъ албанскимъ царемъ. — 770. *Если когда либо.* Престолъ долго оспаривалъ у него его опекунъ. — 772. *Вѣнцы гражд. дуба.* Гражданскій вѣнокъ (corona civica) изъ дубовыхъ листьевъ съ надписью «за спасеніе гражданина», служилъ наградою тому, кто въ битвѣ спасъ жизнь гражданина. — Выходцами Альбы было основано 30 колоній. — 773. *Номентъ*, городъ въ Сабинской области, у истоковъ Алліи (н. Menlana).—*Габій*, въ Лаціумѣ, между Римомъ и Прэнесте.—*Фидена*, къ сѣв. отъ Рима.

Эти на высяхъ горъ Коллатинскую крѣпость заложатъ,
Инуя Кастръ, и Помеціи тожъ, и Болу, и Кору.
Будутъ то имена, а нынѣ безъ прозвища земли.
Даже дѣду вослѣдъ появится Марсомъ рожденный
Ромулъ, что Илія мать отъ Ассараковой крови
Выведетъ. Видишь ли, какъ на макушкѣ стали два гребня,
И отецъ уже самъ его мѣтитъ грядущею честью?
Вотъ подъ чьими, мой сынъ, примѣтами оный преславный
Римъ владѣнье землей и духъ ограничитъ Олимпомъ,
И одинъ изо всѣхъ семь вершинъ обведетъ онъ стѣною,
Счастливъ потомствомъ мужей: такова Берецинтія матерь,
Башней вѣнчанная, чрезъ Фригійскіе шествуетъ грады
На колесницѣ, боговъ рожденью и сотнѣ потомковъ
Рада, что небожители всѣ, всѣ вверху обитаютъ.
Взоры очей ты сюда обрати; на это взгляни ты
Племя, на Римлянъ своихъ. Вотъ Цезарь и весь отъ Іула
Родъ, что выдти готовъ подъ ось великую неба,
Здѣсь тотъ мужъ; онъ здѣсь, тебѣ возвѣщенный такъ часто.
Августъ Цезарь, тотъ сынъ Божества, что вновь золотые
Въ Лацій вѣка возвратитъ, въ поля, гдѣ царствовалъ древле
Самъ Сатурнъ; пронесетъ онъ власть къ Гарамантамъ и къ Индамъ,

774. *Коллатинскую крѣпость*, вм. Collatia, къ сѣв. отъ Габій, городъ извѣстенъ изъ исторіи Лукреціи. — 775. *Инуя Кастръ*, прибрежный городъ Лаціума. *Инуй* (греч. Панъ), богъ стадъ. — *Помеціи* (вм. Suessa Pometia), значительный городъ Вольсковъ въ Лаціумѣ.— *Бола* къ сѣв. отъ Прэнесте.— *Кора* (н. Cori) въ Лаціумѣ. — 777. *Дѣду*, Нумитору. — 778. *Илія мать*, поэтическое имя Реи Сильвіи, дочери Нумитора. — *Ассараковой крови*, см. ст. 650. — 779. *Два гребня*, шлемъ съ двойнымъ султаномъ, постоянное украшеніе Ромула. — 780. *Отецъ* Юпитеръ. Уже въ преисподней онъ придаетъ ему отличительную черту героя-правителя. — 781. *Примѣтами*. Ромулъ, принятый въ сонмъ боговъ подъ именемъ Квирина, постоянно покровительствовалъ основанному имъ городу. — 782. *Духъ ограничитъ Олимпомъ*, т. е. доблестью онъ сравняется съ богами. — 783. *Одинъ*. Седмихолміе сдѣлается однимъ городомъ. — 784. *Берецинтія матерь*. Цибела мать боговъ, наз. Берецинтія, отъ горы Berecyntus во Фригіи, гдѣ процвѣтаетъ культъ этой богини. — 785. *Башней вѣнчанная*, т. е. съ вѣнкомъ на головѣ, имѣющимъ видъ башенныхъ зубцовъ. — 786. *Сотнѣ*, какъ число священное. — 792. *Сынъ Божества*, какъ усыновленный обоготвореннымъ Юл. Цезаремъ. — 794. Изгнан-

Та земля далеко за предѣлами нашихъ созвѣздій,
Далѣе солнца путей годовыхъ, гдѣ Атлантъ небоносецъ
Ось въ блестящихъ звѣздахъ на плечѣ своемъ обращаетъ.
Передъ приходомъ того уже нынѣ Каспійскія царства
По прицанью боговъ трепещутъ, и край Меотійскій,
И въ смятеньи дрожатъ семиричнаго устія Нила.
Вѣрно ни самый Алкидъ земли не выходилъ столько,
Какъ мѣдноногую лань поразилъ, или Эриманта
Лѣсу далъ миръ, и самой былъ Лернѣ лукомъ ужасенъ;
Ни на лозовыхъ браздахъ ярмо направляющій Либеръ
Побѣдоносный, съ вершинъ Низейскихъ тигровъ гонящій.
И усомнимся ль еще дѣлами доблесть расширить,
Или препятствуетъ страхъ въ Авзонской землѣ основаться?
Кто жъ тотъ однако вдали, вѣтвями украшенъ оливы,
Со святыней въ рукахъ? Волоса и сѣдой подбородокъ
Римскаго я признаю царя, что законами городъ
Прежде всѣхъ утвердитъ, изъ малыхъ Куръ и изъ бѣдной
Посланъ земли на власть великую. Явится слѣдомъ
Туллъ, что отчизны покой нарушитъ и двинетъ къ оружью
Праздныхъ мужей и давно отъ тріумфа отвыкшія рати.
Слѣдомъ тотчасъ за нимъ надменнѣйшій Анкъ, что и нынѣ

ный изъ неба Юпитеромъ, *Сатурнъ царствовалъ* въ Лаціумѣ; тамъ при немъ наступили *золотые вѣка.*—*Гарамантамъ*, IV, 198. — 795—797. Поэтическое описаніе завоеваній Августа, который покоритъ власти Рима невѣдомыя страны востока и юга. *Небоносецъ*, IV, 247. — *Ось обращаетъ*, IV, 482. — 799. *Край Меотійскій*, у Азовскаго моря. — 801. *Алкидъ*, внукъ Алкея, Геркулесъ. — Подобно тому какъ Геркулесъ въ своихъ странствованіяхъ вездѣ вносилъ культуру и порядокъ, такъ и Августъ, пройдя побѣдоносно почти весь тогдашній міръ, даровалъ ему спокойствіе и благоустройство. То же относится и къ сравненію Августа съ Вакхомъ (ст. 804—805). — 802—803. Геркулесъ преслѣдовалъ лань до страны Гипербореевъ.—*Эриманта лѣсу*, V, 448.—*Лернѣ*, см. ст. 287. — Лучшіе комментаторы Вергилія признаютъ эти стихи подложными. — 804—805. *Бразды* обвиты виноградн. (лозовыми) вѣтвями. — *Низейскій*, отъ Низы горы и города въ Индіи, гдѣ былъ воспитанъ Вакхъ. Оттуда онъ отправился на *тиграхъ* распространять культъ винодѣлія. — 808. *Вѣтвями оливы.* Нума, какъ учредитель религ. церемоній, украшенъ жреческимъ вѣнкомъ (V, 774). — 811. *Куръ*, сабинскій городъ (теп. Correse). — 813. *Туллъ*, Гостилій, который, по Ливію (I, 22), былъ воинственнѣе Ромула. — 815. *Анкъ* Марцій. Древній комментаторъ Верг., Помпоній Сабинъ, свидѣтельствуетъ, что

Радуется черезчуръ уже народнымъ привѣтамъ.
Хочешь ли ты царей Тарквиніевъ видѣть, и душу
Гордую мстителя Брута и воспріятыя связки?
Консула первый онъ власть и грозныя съ нею сѣкиры
Приметъ, и сыновьямъ, отецъ, возбуждающимъ войны
Новыя, казнь изречетъ въ защиту прекрасной свободы;
Бѣдный! и какъ бы о тѣхъ дѣлахъ ни судили потомки,
Къ родинѣ страсть побѣдитъ и похвалъ безмѣрная жажда.
Вотъ на Деціевъ вдаль, на Друзовъ смотри, на Торквата
Съ грозной сѣкирой и на отбившаго стяги Камилла.
Тѣ же, которыхъ ты зришь въ одинаковомъ блескѣ оружья,
Души согласныя здѣсь, пока ихъ ночь еще держитъ,
Горе, какую войну межъ собою, лишь только бъ достигли
Свѣта жизни, какой поднимутъ бой и убійство!
Тесть съ Альпійскихъ высотъ и отъ твердыни Монека
Нисходящій, а зять навстрѣчу съ Восточной подмогой.
Дѣти, духъ свой къ такимъ не пріучайте вы войнамъ,
Не направляйте вы силъ великихъ въ утробу отчизны;
Первый ты, ты оставь, что родъ ведешь отъ Олимпа;
Брось оружье изъ рукъ, о кровь моя!—

Анкъ, возгордившись своимъ происхожденіемъ и опираясь на расположеніе народа, пытался ниспровергнуть Тулла. — 817. *Тарквиніевъ*, Стараго и Гордаго. — 822—823. Мысль: *какъ бы ни судили* объ этомъ *потомки*, патріотизмъ и благородное честолюбіе восторжествуютъ (въ немъ) надъ голосомъ природы. — 824. Одинъ пожертвовалъ собою за отечество въ латинск. войнѣ, другой—въ самнитской. *Друзы.* Знаменитѣйшимъ членомъ этого рода былъ M. Livius Drusus Salinator, побѣдитель Аздрубала во 2 пун. войнѣ. Жена Августа, Livia Drusilla, была изъ рода Друзовъ. — *Торкватъ*, прозвище Тита Манлія, который, убивъ въ единоборствѣ Галла, снялъ съ него цѣпь. Впослѣдствіи онъ казнилъ сына за то, что, ослушавшись приказанія отца, сразился съ непріятелемъ. — 825. *Камилла.* Будучи диктаторомъ, онъ дважды разбилъ Галловъ и отбилъ *стяги*, взятыя у Римлянъ въ битвѣ при Алліи. — 826—828. *Тѣ же души*, *Цезарь* и *Помпей* тесть и зять (ст. 830—831). *Ночь*, т. е. преисподняя. — 830—831. *Тесть-зять.* Дочь Цезаря, Юлія, вышла замужъ за Помпея.— *Альп. высотъ.* Италія окружена Альпами, какъ валомъ. Ближайшимъ опредѣленіемъ къ тому служитъ *твердыня Монека*, мысъ Лигуріи, (теп. Monaco), съ храмомъ Геркулеса «Monoecus».—*Съ Восточной.* Помпей набралъ войска въ Азіи и Греціи. — 832. *Дѣти*, Цезарь и Помпей. — 834. *Ты*, Цезарь. — *Отъ Олимпа.* Цезарь происходилъ отъ Іула, внука Венеры.

Тотъ побѣдитель ведетъ колесницу въ Коринѳскомъ тріумфѣ
На Капитолія холмъ, знаменитъ разгромомъ Ахеянъ.
Тотъ низвергнетъ Аргосъ и Агамемнона Микены
Съ Эакидомъ самимъ, Ахилла могучаго родомъ,
Мститель за дѣдовъ Троянъ и за храмъ оскверненный Минервы.
Кто о тебѣ промолчитъ, великій Катонъ, иль о Коссѣ?
Кто про Гракховъ родъ и про двухъ—двѣ молніи брани—
Сципіоновъ, бичей на Либію, и о могучемъ
Въ маломъ Фабриціи, иль о Серранѣ, что въ борозду сѣетъ?
Фабіи, вы куда утомленнаго мчите? Единый
Тотъ ты Мàксимъ, что намъ медленіемъ дѣло исправишь.
Одушевленную мѣдь пусть куютъ другіе нѣжнѣе,
Также изъ мрамора пусть живые лики выводятъ,
Тяжбы лучше ведутъ, и также неба движенья
Тростію лучше чертятъ, и восходъ свѣтилъ возвѣщаютъ.
Ты же народы вести, о Римлянинъ, властію помни—

836. *Тотъ*, Муммій. — 838. *Тотъ*, т. е. Л. Эмилій Павелъ, который послѣ побѣды надъ царемъ Персеемъ при Пиднѣ (168 г. до Р. Хр.) сильно угрожалъ Греціи.—*Аргосъ и Агам. Микены*, т. е. всю Грецію. — 839. *Съ Эакидомъ*, съ Персеемъ. Макед. цари вели свой родъ отъ *Ахилла*, внука Эака. — 840. *Храмъ оскверненный.* Аяксъ, сынъ Оилея, оскорбилъ Кассандру въ храмѣ Минервы; Діомедъ и Улиссъ похитили статую этой богини (Palladium); см. I, 41; II, 403 сл. — 841. *Катонъ.* M. Porcius Cato Maior Censorius извѣстенъ древне-римскою строгостью и своимъ «ceterum censeo Carthaginem esse delendam». А. Корн. *Коссъ* убилъ въ 428 г. до Р. Хр. вождя Вейентовъ Толумнія и снялъ съ него доспѣхи. — 842—844. *Двухъ Сципіоновъ*, Африканскихъ, Старшаго и Младшаго, побѣдителя при Замѣ и покорителя Карѳагена. *О могучемъ въ маломъ*, т. е. бѣдномъ, но вліятельномъ въ государствѣ.— *Что въ борозду сѣетъ.* По свидѣтельству Плинія Старшаго (I вѣка по Р. Хр., К. Атилій *Серранъ*, выдающійся полководецъ I пун. войны, былъ занятъ сѣяніемъ въ то время, когда послы сообщили ему извѣстіе объ избраніи его въ консулы. — 845. Въ 477 г. до Р. Хр. родъ *Фабіевъ* выставилъ 306 ратниковъ противъ Вольсковъ.— *Утомленнаго*, отъ разсказа. — 846. *Максимъ*, разумѣется Кв. Фабій Максимъ, прозванный Cunctator. Онъ *медленіемъ дѣло исправилъ*, воспрепятствовавъ успѣхамъ Ганнибала послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ. — 847. *Другіе*, т. е. Греки, въ параллель съ Римлянами; ст. 851. Греки превзойдутъ Римлянъ въ искусствахъ и наукахъ, уступая имъ въ господствѣ и побѣдахъ. — 847. *Одушевленную*, т. е. дышащія жизнью мѣдныя статуи. — 849. *Тяжбы ведутъ.* Анхизъ охотно уступаетъ Грекамъ первенство даже въ краснорѣчіи, несмотря на славу своего земляка Цицерона. — 850. *Тростью*, палочкой для измѣренія, рейсфедеромъ, которымъ математики чертили фигуры на посыпанной

Вотъ искусства твои—налагать обычаи міра,
Подчиненныхъ щадить и завоевывать гордыхъ».
Такъ родитель Анхизъ и изумленнымъ добавилъ:
«Погляди, какъ Марцеллъ, добычею царскою славенъ,
Побѣдитель идетъ и всѣхъ мужей превышаетъ!
Онъ-то Римскую власть, потрясенную смутой великой,
Утвердитъ, на конѣ разобьетъ онъ Пунновъ и Галловъ,
Третье оружье забравъ, отцу повѣситъ Квирину».
Тутъ Эней, ибо онъ идущаго рядомъ увидѣлъ
Юношу дивной красы и при блестящемъ оружьи,
Но съ невеселымъ челомъ и лицо съ опущеннымъ взоромъ:
«Кто же сей, о отецъ, что тому сопутствуетъ мужу?
Сынъ ли, или какой изъ потомковъ великаго рода?
Вкругъ въ толпѣ что за шумъ, и въ самомъ какое величье?
Но облетаетъ ужъ ночь главу печальною тѣнью».
Тутъ родитель Анхизъ со слезами такъ начинаетъ:
«О, не спрашивай, сынъ, о великой печали твоихъ же.
Міру такимъ вотъ судьба его покажетъ и дольше
Быть запретитъ. Черезчуръ бы вамъ, боги, римское племя
Мощнымъ явилось, когда бъ сей даръ за нимъ бы остался.
Что за стоны мужей понесетъ къ великому граду
Марсово поле! или какую, Тибръ, ты увидишь
Тризну, когда потечешь ты мимо свѣжей могилы!

мелкимъ пескомъ таблицѣ. — 852. *Обычаи*, т. е. условія.—854. *Изумленнымъ*: Энею и Сивиллѣ. — 855. М. Клавдій *Марцеллъ* убилъ возставшаго противъ Римл. галльскаго вождя Виридомара (219 г. до Р. Хр.) и его *добычу* посвятилъ Квирину; позже, подъ его начальствомъ, Римляне въ первый разъ побѣдили Ганнибала у Нолы (ст. 857—859). — 858. *На конѣ*. Марцеллъ отличался особенно въ кавалерійскихъ сраженіяхъ. — 859. Первые доспѣхи *(оружье)* Ромулъ посвятилъ Юпитеру, вторые—Коссъ (ст. 841) Марсу, третьи—Марцеллъ Квирину. — 861. *Юношу*. Рѣчь идетъ о молодомъ Марцеллѣ, племянникѣ и зятѣ Августа (онъ былъ сынъ сестры Августа Октавіи, и мужъ его дочери, Юліи), подававшемъ большія надежды. Августъ прочилъ себѣ Марцелла въ преемники, но послѣдній умеръ 20 лѣтъ отъ роду, оплакиваемый всѣми Римлянами. — 866. *Ночь*, т. е. тѣнь преждевременной смерти. — 869—871. Смыслъ: *судьба покажетъ его* только Римлянамъ и не дастъ ему жить долѣе. Слишкомъ могущественны сдѣлались бы Римляне предъ лицомъ боговъ, если бы пришлось Марц. управлять ими. *Сей даръ* Марцеллъ. — 873. При сожженіи тѣла Марц. на Марсовомъ полѣ присутствовалъ весь Римъ. Прахъ Марц. былъ по-

Отрокъ другой ни одинъ въ Иліонскомъ родѣ Латинскимъ
Дѣдамъ подобныхъ надеждъ не подастъ; и Ромула краю
Больше питомцемъ такимъ уже во вѣкъ не гордиться.
О благочестіе, о старинная вѣрность и въ войнахъ
Непобѣдимая длань! Никто не дерзнулъ бы сразиться
Съ нимъ при оружьи, хотя пошелъ на врага бы онъ пѣшій,
Или въ лопатки вонзилъ коню опѣненному шпоры.
Горестный отрокъ, увы, сокруши лишь злую судьбину,
Быть Марцелломъ тебѣ. О, дайте полныя руки
Лилій вы мнѣ, я цвѣтовъ разбросаю алыхъ, и внука
Я душѣ принесу хоть этихъ даровъ и даяньемъ
Слабымъ почту». По странѣ воздушной такъ они бродятъ
Всюду по всей, въ широкихъ поляхъ, и все озираютъ.
Послѣ, какъ сына Анхизъ провелъ по каждому мѣсту
И возжегъ его духъ къ грядущей славѣ любовью,
Мужу затѣмъ помянулъ о наступающихъ войнахъ
И Лаврентійскій народъ указалъ, и городъ Латина,
И тотъ способъ, какимъ онъ трудовъ избѣжитъ и снесетъ ихъ.
　Двое воротъ у сна; одни, говорятъ, роговыя,
Ими легкій исходъ дается тѣнямъ правдивымъ;
А другія блестятъ работой изъ кости слоновой,
Лживыя, къ небу изъ нихъ посылаются манами грезы.
Сына когда ужъ Анхизъ съ Сивиллою вмѣстѣ рѣчами
Такъ проводилъ и ихъ изъ вратъ костяныхъ отпустилъ онъ,
Тотъ пошелъ къ кораблямъ и свою дружину увидѣлъ.
　Тутъ прибрежнымъ путемъ проѣзжаетъ онъ въ пристань Кайеты.
Якорь бросаютъ съ носовъ: кормами къ берегу стали.

хороненъ въ великолѣпной гробницѣ Августа, Мавзолеѣ, у лѣваго берега Тибра. — 883. Смыслъ: ты будешь утѣхою государя и римск. народа. Сохранилось извѣстіе, что при чтеніи Вергиліемъ Августу и Октавіи (ст. 861) этого мѣста, послѣдняя, тронутая воспоминаніями о преждевременно умершемъ сынѣ. упала въ обморокъ. Поэтъ былъ щедро награжденъ за похвалу Марцеллу. — 886. *Воздушной*, туманной, см. ст. 827.—Поэтъ противополагаетъ здѣсь вообще свѣтъ преисподней, свѣту земли. — 890. *О войнахъ*, по прибытіи въ Лаціумъ.— 891. *Лавр. народъ*, обитатели латинскаго города *Лаврента*, столицы царя Латина. — 894. *Тѣнямъ правдивымъ:* тѣнямъ умершихъ, которыя являются во снѣ. — 900. *Кайета* (теп. Gaëte) городъ въ Лаціумѣ съ отличною гаванью.

Начало см. на предыдущ. стр. обложки.

ЭНЕИДА ВЕРГИЛІЯ

ПЕРЕВОДЪ

А. Фета

СО ВВЕДЕНІЕМЪ, ОБЪЯСНЕНІЯМИ И ПРОВѢРКОЮ ТЕКСТА

Д. И. Нагуевскаго,

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VII—XII

2-е ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.